Серия: История охраны природы
Киевский эколого-культурный центр
Центр охраны дикой природы СоЭС

Очерки о пионерах охраны природы

Том первый

В.Е. Борейко

Рассказывается об отечественных деятелях природоохраны. Книга предназначена для широких слоев читателей, интересующихся охраной природы.

Размещение книги в режиме чтения на сайте Киевского эколого-культурного центра:
http://www.ecoethics.ru/old/b34/

Благодарности

За помощь в работе над книгой автор особенно признателен В.Н. Грищенко, Дугласу Уинеру (США), О.К. Гусеву, Р.Д. Скалий, В.И. Акуленко, Е.В. Поминовой, П.А. Трибуну, Е.П. Веденькову, В.Н. Грамме, Л.И. Спрыгиной, А.П. Гунали, В.В. Станчинскому-младшему, В.В. Станчинской, А.П. Генову, С.Г. Перовской, А.И. Шевчук, О.А. Егорову, С.А. Таглину, О. Таглиной, Е.А. Симонову, Е.А. Шварцу, О.Г. Листопаду, Д.Н. Кузнецову, А.Ф. Шиллингер, В.А. Зубакину, Ю.П. Самеляку, В. Цицюре, И.В. Скильскому, И.А. Протопоповой, О.И. Семенову-Тян-Шанскому, А.М. Семеновой-Тян-Шанской, Т.Л. Андриенко, Э.А. Фальц-Фейну (Лихтенштейн), И.И. Чорнею, В.И. Мельнику, Ф.Р. Штильмарку, К.В. Мартино, Е.В. Райковой, И.Б. Райкову, К.А. Малиновскому, С.М. Стойко, М. Загульскому, А. Бокотею, Ю.И. Кобиву, С.Н. Голубчикову, Д.Н. Борзаковскому, К.К. Мирошниковой, Габриэлю Бржеку (Польша), Зиву Волфсону (Б. Комарову) (Израиль), К.М. Эфрону, В.В. Налимову, Ю. Лепику (Эстония), Д.А. Александрову, Г.И. Редько, И.М. Горбаню, В.С. Савчуку, В.Э. Берлину, Л. Караванской, Н.Е. Дрогобыч, Е.Н. Курочкину, Л.С. Абрамову, А.И. Рыжикову, Ю.К. Ефремову, М.Д. Звереву, Н. Околитенко, родственникам И.И. Пузанова, В.Г. Аверина, М.П. Розанова, А.П. Корнеева, Б.С. Вальха, а также работникам краеведческих музеев, архивных служб, служб безопасности и внутренних дел Украины, Белоруссии, России и Казахстана.

Об одном сожалею: многих моих бескорыстных помощников уже нет, они не дождались этой книги.

От автора

В 1982 г. в газете “Комсомолец Донбасса” я опубликовал свой первый очерк о деятеле охраны природы Донбасса — зоологе, враче и краеведе Борисе Сергеевиче Вальхе. Занимаясь его биографией, я столкнулся с другими природоохранниками, его соратниками В.И. Талиевым, В.Г. Авериным. Круг стал расширяться... Более десяти лет напряженной работы — и мой труд увенчался в 1995 г. изданием двухтомника “Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР” (1860—1960). Туда вошло 120 персоналий. Вместе с тем о некоторых из пионеров охраны природы у меня собралось гораздо больше информации, нежели поместилось в скупые строчки словаря.

Поэтому я решил написать об этих людях более подробно, вольным стилем, вложив душу.

Тихий подвиг

...Это было время великих потрясений и перемен. Бывший член городской думы отправлялся на рынок, дабы выменять золотые часы на полпуда ржаной муки. Шестнадцатилетние мальчишки командовали полками. На афишных тумбах болтались на ветру реляции Временного правительства

Это было время великой пробы сил человеческих, время подвигов, о которых потом напишут книги. Пусть одна из страниц расскажет о человеке, чья жизнь без остатка отдана борьбе. В дни, когда красные и белые конники шли в атаку, он тоже защищал родную землю. Чтобы цвела по весне, чтобы всегда оставалась такой — с удивительными птицами в лесах, с чистыми водами в реках

Он знал: в первую очередь сейчас нужны стране мартены и шахты. Помощь придет нескоро, но помнил о долге, как воин: уберечь природу живой и красивой. Он был человеком долга, первый зоолог Донбасса, врач Борис Сергеевич Вальх

...Испанца Вальехо, известного мастера фортификационных дел, пригласил в Петербург, как гласит семейная легенда, ещё Пётр I. Со временем обрусевшие потомки Вальехо и фамилию переиначили на новый лад, проще — Вальх

... 27 ноября 1876 года в семье дворянина-домовладельца Сергея Вальха родился первенец — сын Борис. Детство и отрочество его прошли светло, беззаботно, среди игр, ярких книжек с картинками, вечерних чаепитий в садовой беседке в селе Введенское Бахмутского округа Харьковской губернии.

Мать Бориса, Мария Александровна, женщина образованная, непременно хотела, чтобы Борис получил медицинское образование, а не пошел по военной части, как многие дворянские недоросли. И когда настал срок, он поступил на медицинский факультет Харьковского университета. Позже он вспоминал: “Хотя имел специальную рекомендацию от гимнастического начальства о “призвании к природоведению”, но по необходимости выбирать профессию, дающую возможность заработать на жизнь, поступил на медицинский. Однако университетское начальство, в лице декана естественного факультета, профессора Брандта, разрешило мне бесплатно слушать, параллельно с медицинскими, лекции естественно-исторического отделения физико-математического факультета. Подготовка была у меня настолько велика, что фактически занятия по зоологии и ботанике зачастую шли под моим руководством”.

Серьёзного, смышленного юношу скоро заметили. Сам декан медицинского факультета, статский советник А.Х. Кузнецов пригласил Вальха в свою лабораторию. Казалось, блестящая карьера обеспечена. Но Борис вежливо отказался: его умом и сердцем уже всецело владела работа исследователей в зоологическом музее. Там, в академической тиши, трудился профессор А.М. Никольский с помощниками-лаборантами Г. Гаддом и препаратором А. Манжосом.

Харьковский университет конца XIX — начала XX века был известен не только в России, но и за её пределами как центр прогрессивной биологической мысли. Масса научных трудов, многочисленные экспедиции, стажировки в зарубежных академиях — все подчинялось единой благородной цели. Преподавали здесь в те годы профессор П.П. Сушкин, известный позже академик, родоначальник школы советских орнитологов, приват-доцент В.И. Талиев, крупный украинский ботаник и другие. Именно здесь одними из первых задумались о хрупкости и необратимости живой природы, одними из первых в дореволюционной Росии выступили в её защиту. По инициативе В.И. Талиева организовалось Харьковское общество любителей природы, которое сумело провести тематическую выставку. Именно здесь, на добровольные пожертвования граждан, издавались книги по охране природы.

Явно не по душе царскому правительству приходился дух науки и свободомыслия, царивший в университетских стенах. И в дни революции 1905 года охранка поспешила избавиться от многих неугодных профессоров и преподавателей, обвинив их в смутьянстве и растлении умов молодёжи.

Студент Вальх жадно впитывал всё лучшее, что давали ему годы учения. Ещё в гимназии он считался активным членом “Майского союза” — ученического общества по охране птиц. Но что это за союз — по большей части просто праздники прихода весны, развешивание кормушек и скворечников да благотворительные спектакли “о бедных птичках”. Юноше же хотелось действий серьёзных, активных, полезных. И сейчас он приблизился к ним вплотную. Участвовал в экспедициях и дебатах, издавал первые студенческие труды в “Орнитологическом вестнике”, словом, занимался любимым делом.

После окончания курса наук Вальх, как медик, постажировавшись в Харькове, был направлен в Бахмут, а затем переведен в Мариуполь. Там он имел большую практику, уважение сослуживцев. Чего бы ещё желать? Но юношеские надежды не оставили доктора. И он с радостью собирает нехитрый багаж и — вперёд, вперёд, в дальние, чудные, неизведанные просторы. Сначала Швеция, а затем Бухара — такова неполная география маршрутов. Везде с ним рядом верный друг, жена Олимпиада Алексеевна. “Странствующим рыцарем” называли Вальха. Рыцарем и исследователем родной природы величали коллеги. Биологом, работающим по специальности, считал себя сам Борис Сергеевич. Гражданская война настигла семью в Ленкорани. От голода и тифа умер младший сын. Тиф увёл в могилу жену. С двумя малолетними детьми — Наташей и Серёжей — возвращается Вальх к родственникам в Бахмут, постаревший, осунувшийся, молчаливый, с постоянным катаром лёгких. Здесь его забирают “под ружьё” в армию Деникина, затем мобилизуют в Красную.

Славился своими природными местами Донбасс. Табунная толока, где некогда пасли своих коней вольные донские казаки, а ещё раньше — скифские воины — Хомутовская степь, шумные птичьи базары на Белосарайской косе у тёплого Азовского моря, морщинистые гранитные горы в степи — Каменные могилы. Всего этого можно было лишиться одним махом, распахав, разработав, осушив. Но чтобы сделать эти уникумы природы заказниками, нужна серьёзная научная аргументация. Поэтому в августе 1924 года отправилась из Мариуполя специальная экспедиция. Возглавили её Борис Сергеевич Вальх и Михаил Васильевич Клоков, профессор-ботаник, лауреат Государственной премии СССР (любителям украинской поэзии Клоков известен как Михайло Доленго, поэт и переводчик). В состав экспедиции вошли также энтузиасты — краеведы из Мариупольского музея: директор музея И.П. Коваленко и его помощники В.В. Рудевич и В.Л. Голицинский.

...Сухая, как порох, степь, рыжая трава, рыжее солнце в зените. По степи медленно катит бричка. Возница коней не понукает, совсем отпустил поводья; пассажиры не спешат. Чудные мужики попались, ей-богу! Виду профессорского, в белых костюмах, шляпах, круглых очках на шнурочке — книги таким писать, а не по степи в самый жар раскатывать да спорить друг с другом: “Нет, уважаемый коллега, это совершенно уникальный вид! Вы взгляните, какое жилкование листа!” И была людям охота “за бесплатно” травки собирать да птиц приманивать...

Результатом экспедиции стал документ.

“Акт составлен нами, членами комиссии по выяснению желательных границ заповедников на Белосарайской косе и в урочище “Каменные могилы”.

При осмотре Белосарайской косы признано необходимым отвести под заповедник участок, чтобы в заповедное место попадали: колонии вымирающей на Украине птицы шилоклювки, ходулочника, огаря, пеганки. Этими же границами в заповедник включается и “Кефальное озеро”, являющееся редким примером населённости небольшого солеварного бассейна морскими рыбами: кефалью, бычками. В охотничьем отношении заповедник будет служить местом для размножения охотничьих видов птиц, в ботаническом — даст типичную картину солончаковой и литоральной растительности. Из отдельных видов следует отметить

нахождение там тамариска, единственного в Донецкой губернии, а также видов кермека, имеющего промышленное значение для кожевенного производства. Заповедник “Каменные могилы” представляет особый интерес, как выступ гранита на водораздельном плато. В зоологическом отношении он любопытен, как место гнездования южных редких форм птиц — лысого чекана, степного журавля, розового скворца. Последний, гнездясь здесь массово, имеет огромное значение в хозяйственном отношении как истребитель итальянской саранчи. В охотничьем отношении заповедник будет служить целям охраны стрепета, дрофы и серой куропатки. Из редких растений встречаются тысячелистник голый, и редкое, недавно открытое растение, нигде пока не известное кроме Каменных могил — василёк бесплодный.

Следует заметить, что оба заповедника имеют значение не только местное, но и всеукраинское.

21 июня 1925 года, Мариуполь”.

Однако местные крестьяне и рыбаки, узнав, что собираются изъять участки земли под “какой-то ненужный заповедник”, обратились в Первомайский райисполком с протестом, мол, будет это место только... рассадником комаров и виноградной улитки. Не разобравшись, райисполком поддержал ходатайство. Дело, казалось, уже завершенное, очутилось на грани срыва.

Вальх, Коваленко, харьковский инспектор по охране природы Е.М. Лавренко (затем известный академик) обратились в Совет Народных Комиссаров УССР, в окружной исполком. И вот, наконец, долгожданное решение: специальным постановлением Совета Народных Комиссаров УССР от 14 июня 1927 года Белосарайская коса вошла в состав “Государственных приморских заповедников”. 5 апреля 1927 года, согласно распоряжению Президиума Мариупольского окрисполкома, стали заповедником и Каменные могилы.

Со средины двадцатых годов до 1937 года Вальх работал на Артемовской станции защиты растений и в местной клинике. Сохранились несколько брошюр, изданных в то время Борисом Сергеевичем. Темы — различные. Борьба с саранчой и сусликом, выращивание садов на засушливых землях юга России. Но по-прежднему главным в его научном творчестве остается изучение и охрана родной природы. Очевидцы рассказываают: за это время Вальх собрал огромную зоологическую коллекцию. И чего в ней только не было — мастерски сделанные чучела птиц, змей, лягушек, мелких млекопитающих, планшеты, на которых разместились целые колонии бабочек и жуков. Вальх жил на частной квартире, скромно, так как не располагал большими средствами, для коллекции же снимал целый дом. Позже он передал коллекцию Азербайджанской Академии Наук. А чучела птиц принял Артемовский краеведческий музей, в организации которого он, кстати, принимал участие.

Вальха-энтомолога высоко ценили шведские учёные. Как непревзойдённого таксидермиста (специалиста по изготовлению чучел) его часто приглашал в Ленинград академик Сушкин. Им впервые был открыт новый вид курганчиковой мыши, серьёзно интересовался он и проблемой привлечения птиц в искусственные леса.

Что это — метания, поиски “своего” места в науке или разносторонние интересы одарённого человека, к которому открытия сами стучатся в дверь? Ответ подсказывала жизнь: Вальх не давал себе отдыха, чтобы успеть как можно больше. Он — член многих научных обществ — Медицинского, Любителей природы при Харьковском университете, Орнитологического.

Особенно тесные контакты сложились у него с Артемовским отделом ВУСОР (Всеукраинского союза охотников и рыболовов). Как учёный, он часто читал лекции перед охотниками, доказывая им необходимость бережного отношения к природе. Яростно

выступил против только начинающейся тогда кампании уничтожения хищных птиц. Не браконьеров, а сов и орлов обвиняли горячие головы во всех бедах охотничьих хозяйств. Ради премий охотники убивали сотни соколов, скоп, подорликов, занесённых сейчас в Красную книгу. От охотников не отставали и некоторые деятели науки, защищая диссертации на “природном материале”: уникальной птице, вернее, её тушке, редком растении, вырванном с корнем. Вальх утверждал иное правило: пусть уж лучше останется больше “белых пятен” в науке, чем в природе.

“То, что ты убил 5 штук этих редких птиц под Бахмутом, меня очень опечалило”, — писал он своему ученику и другу Олегу Скабичевскому. — “Настоящий натуралист избегает бесцельно калечить природу”.

Тревожила Вальха и судьба донецкой выхухоли, ценного пушного зверька, обитавшего в пойме реки Северский Донец. Раньше, до революции, это были места барской охоты, и, надо сказать, сиятельные хозяева зорко следили за тем, чтобы никто не посмел вторгнуться с ружьем во владения. После же крестьяне из окрестных сёл, решив, очевидно, расквитаться за всё с изгнанными помещиками, начали здесь охотиться, причём охотиться жестоко, по-браконьерски истребляя выхухоль. Одна шкурка “стоила” четырёх пудов рыбы, а получить её было значительно проще: зверь почти непуганный. Печальная участь постигла бобра, он исчез здесь, потом настал черёд выхухоли. Нужно было принимать срочные меры.

При поддержке Артемовского отдела ВУСОРа в ноябре 1927 года Вальх организует экспедицию в глухой Серебрянский лесной массив, где до зверька ещё не добрались. И снова дорога, ночёвки у костра, шум безлистых осенних деревьев, длинные дожди и сапоги, словно пудовые гири. Вот, наконец, удача: в старице Кривая и в Чернецком озере обнаружены места обитания выхухоли. Здесь летом 1928 года организуется первое на Украине специализированное звероводческое хозяйство.

В 1937 году, по-видимому, стараясь спастись от красного террора (дворянского происхождения не простят), Вальх уезжает в Среднюю Азию.

Спустя некоторое время Борис Сергеевич возглавлял сначала районную, а затем областную тропическую станцию в городе Мары.

“Хотя новая служба значительно повыше, заведую тремя тропическими и пятью малярийными станциями в области и увеличение зарплаты равно в полтора раза, но все равно это меня не соблазняет. Скорее покончить с очагом малярии и заняться исследовательской работой — вот моя мечта”, — пишет он родным. Ему уже под шестьдесят, беспрестанные поездки, походная, нелёгкая жизнь дают о себе знать болезнями, развивается туберкулёз лёгких... Но Вальх по-прежднему считает лучшим лекарством работу и общение с природой, выкроив свободный час, спешит в степь. Не просто прогуляться и подышать воздухом — он стремится подчинить каждый день полезным занятиям. Летит на аэроплане учитывать джейранов, чуть не разбивается, врезавшись в стаю розовых пеликанов. “У колодцев собирается вся живность пустыни: сотни орлиц, посметюхов, чеканы. Приходят джейраны и лисицы, потому что вокруг на десятки вёрст нет воды. Мои сборы идут слабо: занят по 15—18 часов в день, да и жара 40—45 градусов”, — рассказывает он в письме. И вот, наконец, малярийная вспышка потушена, можно возвратиться в Донбасс. Сколько там ещё планов!

25 августа 1941 года сделана последняя запись в трудовой книжке Вальха: “принят дежурным врачом во Вторую Артемовскую больницу”. Вальху предлагали эвакуироваться. Он отказался:

— “Я уже стар. К тому же, остаются больные, совсем беспомощные люди. Их надо лечить”.

Через несколько недель в город вошли фашисты...

... Знойные улицы безлюдны. Солнечные прямые лучи, как пропущенные сквозь линзу, выжигают траву, листья на деревьях. Самое время жатвы, а убирать некому. Передают друг другу шепотом: вчера партизаны подожгли поля, чтобы ни колоса врагу не досталось. Грядёт голодная зима. А в больнице и сейчас перешли на голодный паёк — с какой стати стопроцентные арийцы будут проявлять гуманизм к представителям низшей расы! И так ещё Вторая Артемовская находится на привилегированном положении благодаря Борису Сергеевичу, великолепно владеющему немецким языком. Вальха не беспокоят: старик, настроен лояльно, да и, кажется, у него туберкулёз. А больничные палаты, по сути, уже превратились в подпольный госпиталь. Сюда доставляют раненных бойцов из окружения, привозят своих товарищей партизаны, здесь добывают, рискуя жизнью, бинты, медикаменты.

Вальх ведёт себя сдержанно, суховато: не время сейчас объявлять во весь голос, что ты чувствуешь, переживаешь. Правило остается прежним: принести как можно больше пользы, исполнить долг. Медсёстры слушают его беспрекословно и побаиваются: может отчитать за несвежий халат: “Извольте являться на работу как подобает. Больница — это больница, а война ни причем!” Но когда сестра-хозяйка говорит виновато: “Ума не приложу, доктор, чем завтра людей кормить...”, он молча садится в бричку, едет за город, на бывшие колхозные огороды, и до поздней ночи сам собирает остатки кукурузных початков, картофелины, свеклу...

Авторитет Вальха-врача очень высок. На медкомиссии, освидетельствующей молодёжь перед отправкой в Германию, он один за другим ставит диагнозы: “туберкулёз”, “брюшной тиф”.

— “Гоните этих немедленно вон!” — цедит гитлеровец, присутствующий при осмотре и вытирает тщательно руки платком: ужасные места, по виду ни за что не определишь заразного больного...

12 апреля 1942 года доктор, как обычно, пришел домой, но, против обыкновения, не взял книги и конспекты, чтобы поработать, а прилёг на диван.

— “Папа, что случилось, ты заболел?” — встревожилась дочь.

— “Нет-нет, ничего, просто озноб. Верно простудился, это пройдёт!” — успокоил Борис Сергеевич. Ночью его не стало...

Похоронен Вальх в тихом садике, у больницы. Почему именно там, а не на кладбище — неизвестно. Возможно, такова была воля покойного. Последний год Вальха наименее известен нам по рассказам немногих сослуживцев. Есть версия, что его специально оставили для подпольной работы в городе и связи с партизанскими лагерями, гитлеровцы напали на след и только смерть опередила пытки и расстрел. Тогда оккупационные власти запретили хоронить Вальха, и близкие были вынуждены втайне от чужих недобрых глаз предать прах любимого человека земле просто в больничном дворе.

Проходит время. Оно заглушает порой бившие некогда барабаны славы и заставляет прислушаться к тихой струне. Оно честной мерой воздает дань памяти каждому, кто жил на земле и кто жил для земли.

Не приносите срезанных цветов на могилу Вальху. Пусть они лучше растут вокруг, весело и бестолково выбегая с холма на дорожки, сплетаясь стеблями. А в кронах высоких деревьев пусть звенят птичьи хоры. Остановитесь здесь на минуту. Вальх очень любил такую живую тишину.

Флаг над заповедником

Вставал мятеж в дыму багровом,
Звучал повсюду красный смех,
Брела Россия к целям новым,
Но наобум, во тьме, без всех. (...)
Потом все мысли и заботы
Ушли на призрачный порыв,
Чтоб в Заповедник из Охоты
Перевести лесной массив.
Со всем зверьём и прежней стражей
И тем спасти их от пропажи.
Забыв при этом страх и лень,
В обходах были ночь и день.
Ловили мрачных браконьеров
Из Корбека, Курцов, Саблов —
Врагов оленей и козлов.
И до значительных размеров
За лето довели музей,
Конечно, с помощью твоей.
(Владимир Мартино. Из воспоминаний).

В 1913 г. в горных лесничествах Крыма организовали Собственную Его Величества охоту. Построили “охотничий домик”, прорубили Романовское шоссе из Ялты в Алушту. Завезли туров из Дагестана, оленей с Северного Кавказа, зубров с Беловежья. Татары-объездчики в мохнатых шапках с серебрянными орлами бдительно охраняли угодья. Дичь успешно плодилась и умножалась.

Кто-то из великих заметил: если какая-нибудь неприятность может случиться, она случится. Грянула очередная — на этот раз февральская революция. Царь отрёкся от престола. Вместе с ним рухнула и царская охота в Крыму.

Число дураков неисчислимо. И все бросились в бывшие заказные угодья бить дичь.

“Симферополь. 6 апреля. В виду слухов о том, что во многих местах крестьяне истребляют животных на бывших царских землях, исполнительный Совет рабочих и солдатских депутатов обратился к населению сёл и деревень с призывом принять меры к охранению лесов, вод, дичи и животных, памятуя, что всё это теперь достояние национальное”.

(Газета “Новое время”, 1917, 7 апреля, Петербург).

Однако призывы эти мало кто слушал в деревнях. 15 мая 1917 г. Русское общество акклиматизации животных и растений в Москве направило телеграммы Таврическому губернскому комиссару и в Департамент Государственных земельных имуществ в Петрограде “с горячим призывом оберегать зоопарки и заповедники Асканию-Нова — Ф.Э. Фальц-Фейна, Крымские заповедники князя Юсупова в Коказе, и леса около Чатыр-Дага,

Козьмо-Демьянского монастыря, Ялты и Байдарской долины, заповедный участок на Бабучан Яйле, ибо ... при гибели заповедников и при уничтожении последних представителей исчезающих пород животных и растений, гибнут навеки, невозвратимо самые яркие, самые поучительные памятники нашей отчизны, и восстановить их никогда не будет возможным”.

1 мая в Симферополе собрался съезд Таврического Союза лесоводов и лесных техников. Решено: “... возбудить вопрос о создании в лесах горного Крыма, на месте бывшей царской охоты, Национального заповедника для охраны ботанико-зоологических памятников природы”.

Однако не все были согласны.

— “Перебейте всех зубров и муфлонов, — не будет заповедника”, — науськивали тамошних крестьян некоторые лесничие. В леса уходили банды дезертиров. Выстрелы в горах не умолкали.

Комиссар Временного правительства по Крыму Соломон Крым и Таврический губернский комиссар Николай Богданов искали человека, кто бы смог поднять флаг заповедника. Выбор пал на молодого зоолога Владимира Мартино.

Его легендарный прапрадед — известный итальянский корсар Пьетро Мартино (Мартино — в переводе “чёрный стриж”) оказал неоценимую услугу Российской империи в Черноморских баталиях с турками в борьбе за освобождение Греции. За что обласкан Екатериной II и дослужился до звания подпоручика флота. В 1831 принят в российское дворянство Таврической губернии, а через пару лет получил звание дворянина.

Перед самой революцией отец Владимира разорился и имение ушло с молотка.

Сам же Владимир Эммануилович, ученик профессора А. Браунера, закончил два вуза — Новороссийский университет и Московскую сельхозакадемию. Побывал в экспедициях — на Урале, в Семипалатинской и Семиречинской областях, служил в Департаменте земледелия. После февраля 1917 перебрался домой, в Крым. Человеком слыл исключительно общительным и добрым, принципиальным и неподкупным. Прекрасно знал литературу, недурно рисовал, слагал стихи. Не без юмора. Безумно любил природу. Жил вместе с женой и трехлетним сыном в Балаклаве на даче своего тестя генерал-майора флота В. Степанова. занимался зоологией, растил своего малыша, писал каталог птичьих гнёзд.

На нём-то и остановился выбор крымских политиков.

Сын Владимира Эммануиловича Мартино — Кирилл Владимирович, любезно переслал мне фотокопии дневника своего отца.

“Май 13—18 дня, 1917 г.

Первая поездка в Симферополь. Это первая наша поездка после революции; поэтому то мы внимательнее присматривались к вагонной публике и искали заметных перемен. (...). Все разговоры, конечно, вокруг политики. От солдат чаще всего слышится бессмысленное повторение малопонятных слов о социализме и буржуазии. Те же, кто не сможет в этом году нажить “руб на руб”, возмущаются с пеной у рта новыми порядками, но всё время оглядываются и говорят вполголоса.

Июнь, 1 дня, 1917. Алушта.

Сейчас я поеду на автомобиле губернского комиссара в Алушту, а оттуда в Бешуйское лесничество осмотреть бывшую царскую охоту, перед тем как принять её в своё ведение. История моего участия в этот деле такова: 23 мая я неожиданно получил телеграмму: "Возникла мысль назначить комиссара по охране животных бывшем районе царских охот. Приезжайте 24 или 25 переговорим. Губернский комиссар Богданов". 25 мая я был уже в Симферополе, где Богданов меня познакомил с Комиссаром Временного правительства С.С. Крымом, который поручил мне обследовать положение дел в бывшей царской охоте".

(...). Эдмунд Владиславович Вагнер — заведующий собственной его Величества Охотою в Крыму — по происхождению польский немец, а по виду, психике и манерам — чистейший пруссак (...). Против него все — лесничии, браконьеры, мирные жители и революционная сволочь. Все считают, что заповедный для всех лес стал теперь общедоступным и спешат на истребление деревьев и животных. Я глубоко убеждён, что спасти зверей можно, только подняв над бывшей Императорской охотой новый флаг — флаг научного учреждения. Ради этого необходимо пожертвовать сытным местом г. Вагнера.

Июнь, 2 дня, 1917. Алушта-Алма.

С.С. Крыма в Симферополе не было и я воспользовался этим, чтобы съездить на Алму к Михаилу Павловичу Розанову, который в нашу прошлую встречу проявил живой интерес к судьбе крымских оленей, которые безбожно истребляются браконьерами. Заночевал на Алме.

Июнь, 3 дня, 1917. Симферополь.

Все деревни в окрестностях Алмы — особенно Саблы и Мангуш, населены браконьерами. Страсти их доходят до убийства стражи и сейчас ещё в Саблах спрашивают: "А где Потап?" бесследно исчезнувший в связи с браконьерством. Мне рассказывали, что на оклик стражи: "Стой!" бегущий с козлом на спине браконьер бросил на ходу: "А ты в бегучего попади, а в стоячего и я попаду".

(...) Конечно, прав Вагнер, говоря, что единственный путь спасения оленей — это усиление стражи. Но, чтобы это провести в жизнь, необходимо моральное основание перед распоряжающимися ныне кредитами. Думаю, что флаг научного учреждения на них подействует, а с сабловцами можно будет справиться и силой, когда мы окрепнем, а пока пусть остается грустный путь, по которому сейчас идут лучшие люди — путь компромиссов, уступок, заигрывания во имя спасения природного сокровища. На этом пути Брусилов, князь Львов и др., а мне и Бог велел.

Необходимость создания в Крыму заповедника в районе бывшей императорской охоты сознается далеко не всеми "культурными" людьми. Поэтому я предполагаю выступить с докладом на общем собрании О-ва Крымских естествоиспытателей... Когда же это изучение будет закончено, то с открытием в Крыму Университета, здесь может быть создана школа зоогеографов. Эти соображения оправдывают организацию такого громоздкого учреждения как Национальный заповедник. В глубине души я довольно пессимистически смотрю на возможность удачного завершения подобной организации на мрачном политическом горизонте.

(...). В Симферополь поехал с Михаилом Павловичем (Розановым — В.Б.), которого собираюсь привлечь к Заповеднику. Повел представлять его Н.Н. Богданову. Ждать "аудиенции" у губернского комиссара пришлось долго. Публика возмущается: "старые бюрократические порядки". Очевидно, по новым надо вваливаться толпой.

Июнь, 5 дня, 1917. Балаклава — Золотая Балка.

День нашей свадьбы. С утра не могли поймать настроения, которое необходимо для такого дня: точно затмение на нас нашло... Только к вечеру нам стало радостно.

Июнь, 6 дня, 1917. Симферополь.

До Симферополя добрался вовремя, но С.С. Крыма нашел только в 9 вечера. С.С. Крым назначил меня “комиссаром по ликвидации Б. Императорской охоты” и организации в её районе Национального заповедника. Подробности выяснить с П.А. Будриным, назначенным заведующим всеми удельными имениями.

Июнь, 14 дня, 1917. Ялта.

Будрин показался очень умным человеком. Судьбу охоты, во избежание нареканий, он предложил решить общественным порядком, созвав 20-го совещание из представителей: Масандро-Ливадийского Управления, Горного клуба, Общ. естеств. и любит. природы, Союза лесотехников, Губернского комиссара, Представителя мусульманск. комитета, Представителя общества охотников, Вагнера и меня.

Июнь, 20 дня, 1917 г. Симферополь.

Вечером в Симферополе сделал доклад по продуманной ранее схеме. После доклада были нелепые долгие прения, из которых я вынес два убеждения: 1) Ф.В. Конради никуда не годится как председатель, и 2) всякая общественность только тормозит дело.

Июль, 2 дня, 1917 г. Алушта — Бешуйское лесничество.

Женя спала и я подождал, пока она встанет, чтобы вместе пить кофе. В это время мне сказали, что егерь Седун сообщает о девяти браконьерах, убивших козла и совершенно не пытающихся скрываться: браконьеры уже третий день стоят бивуаком около его сторожки и ходят на охоту... Пожалел я, что нет Михаила Павловича и решил действовать на свой страх и риск. Взял на плечо Маннлихер, в карман Браунинг. Женя меня снаряжала и своим отношением к делу придала мне решительности. Вскочил на Ворончика и поскакал (...).

Недалеко от дороги я увидел крытую фуру и направился к ней. Догорал костёр, стоял самовар и вокруг девять людей, большею частью вооружённые. Весь день после я с упоением вспоминал, что в этот момент я не чувствовал не только страха, но даже волнения — ничего крома энергии.

Поздоровавшись, я сказал им, приблизительно следующее: “Вы только что убили козла, т.е. совершили грабёж среди белого дня. Лес этот — Национальный заповедник и вы расхищаете народное добро. Принимая во внимание, что вы об учреждении Национального Заповедника могли не знать, я обещаю вам не составлять протокола, если вы отдадите мне козла и дадите подписку, что больше охотиться не будете. Если же вы откажетесь выполнить мои условия и не убьёте меня сейчас, то я буду стрелять по вас из винтовки и вы из лесу не выйдете. На моё счастье, тут оказались два брата Почаджи, которые сразу перешли на мою сторону. Поэтому конфликт затянулся: между браконьерами возник спор, во время которого прибежал Андрющенко (егерь — В.Б.), а следом за ним Назаров (егерь — В.Б.), оба вооружённые. Появление их заставило сдаться упорствовавших (...). Я убедился, что мягкость и уступчивость, которые являются моими недостатками при столкновении с людьми, порождаются не трусостью, а деликатностью. В критическую минуту я смог стать храбрым и решительным.

Июль, 8 дня, 1917. Бешуйское лесничество.

Решили: идти на Лобач искать браконьеров. Но давно уже известно, что “на ловца и зверь бежит”. Приехал Михаил Науменко — лесной объездчик и сказал, что наш лес удостоили своим посещением сабловцы... Мы пообедали, взяли винтовки и отправились. Собралось нас 9 человек: егерь Седун, Кичкайло, Мих. и Ив. Колесниченко, лесные объездчики Андрющенко, Науменко, Кособродов и нас двое. Когда мы пришли на Япалах, нас встретил Кичкайло и сказал: “Только что было два выстрела, тут недалеко один браконьер: брать сейчас?”. Решив, что браконьер над убитым козлом или оленем, я сказал: “Сейчас” и мы побежали... вдруг слышу крик: “Что ты меня хватаешь, что ты хватаешь!”. Бежим мы с Михаилом Павловичем и видим Кичкайло схватил какого-то солдата “за грудки” и трепет. Пойманный оказался всего-на всего браконьерским возницей. Он сперва заявил, что они приехали ловить рыбу, потом сказал, что он привёз дачников и наконец признался, что привёз сабловцев-браконьеров, и при этот добавил: “А у вас — только всего, нас 11 человек”. Ожидание этих одиннадцати человек было самым неприятным. Я старался держаться ближе к Михаилу Павловичу. Ждали мы часа 2, пока из лесу, по дороге к подводе не появился браконьер: он шёл осторожно, но спокойно. Бывший егерь Березий, взятый на войну и пришедший в отпуск, вышел справа от него из-за кустов и сказал: “попался, товарищ”. Браконьер обернулся к нему, а в это время Кичкайло схватил его сзади. Третьим подскочил я и вырвал у него ружьё (...). Браконьер оказался, как шутили егерь, “заведующим сабловской охотой”, “самым вредным” Михаилом Пономаренко. “Вреднее” его только какой-то “дезертир Панас”. Браконьеру будет предьявлено обвинение в убийстве оленя, т. к. кровь на руках и следы крови на куртке, а также оленья шерсть на плече доказывают по-моему основательность такого обвинения. Протокол подпишут 10 человек.

Июль, 10 дня, 1917 г. Бешуйское лесничество — Ялта.

От Маркевича (объездчик — В.Б.), через Яйлу, поехал дальше. Вид Яйлы внёс отрадное настроение в мои переживания. Не знаю, оттого ли, что я успел полюбить степь, или оттого, что здесь нет того напряжённого настроения, какое чувствуется сейчас в лесу. Яйла — свободна, ничья — Божья. Каким исчерпывающим был бы этот тезис социалистов-революционеров, если бы в России народонаселения было бы в десять раз меньше! Заезжал к лесничему Белопухову: спросил его: “Как вы глядите на крымские леса. Могут ли они оставаться не прежнем положении”.

— “Нет, ни в коем случае — они должны быть заповедником, но сейчас мы ничего не сможем сделать. Антрацита нет и придётся рубить, рубить и рубить!”.

Июль, 19 дня, 1917 г. Охотничий домик — Алушта — Охотничий домик.

Принято всё. Вагнер свободен. Но я, увы, весь затянут делами. На прощание сказал Вагнеру: “Оставьте ваш адрес: когда меня выставят, то устроим колонию бывших заведующих охотою в Крыму”.

Август, 6—14 дня, 1917. Охотничий домик.

Получил открытку: “Комиссару Господину Мартыно. Убедительно Вас просим покидать Ваш пост. Пуля Вас ожидает. За Вами зорко следят. В самом непродолжительном времени Вас что-то ожидает. За — сто пятьдесят единогласных татар — Студент-треугольник”.

Август, 21 дня, 1917 г.

Вообще муфлоны и кавказские олени наше больное место. Истребить их я не решаюсь, а между тем их присутствие в Крыму больно коробит наше “чувство стиля” в природе Крыма. Другое дело зубры. К ним относишься как к почётным гостям, которым необходимо оказывать наивозможную любезность. Конечно, правду говоря, и им не место в Крыму, но пока они здесь, мы должны гордиться тем, что даём им приют.

Август, 27 дня, 1917 г.

Проснулся без пяти минут три. Неспеша оделся и вышел на крыльцо каракашинского дома в лесу, где мы остановились ночлегом. Луна на ущербе и звёзды отчётливым узором расцвечивают блесками синеву ночного неба. Вышел на крыльцо и застыл в восторге. Мощные трубные звуки потрясли воздух. Я никогда до сих пор не слышал рёва оленей и потому поспешил разбудить егерей, чтобы проверить своё предположение... В этом году следует ожидать раннего окончания рёва, т.к. желуди побиты морозом. В тревожное время, которое мы переживаем, такому предсказанию можно только радоваться, т.к. браконьеры на рёв могут перебить всех оленей. Сегодня мы продолжали начатый вчера обход со специальной целью распугать охотников на рёв.

Август, 29 дня, 1917 г.

... Время шло... Показалась луна. В лесу ни звука. Наконец мы, сделав предположение, что выстрелы были не по дичи, а по собаке, подошедшей к костру, решили наступать. Пошли полукруглой цепью. Сначала тихо, потом смелее. Вот и костёр среди группы кустарников на полянке. Слышен храп нескольких человек. Лезу в просвет между кустами: передо мной какой-то мешок, а через костёр вижу лежащего человека. Лезу туда через мешок. Вдруг мешок начинает шевелиться и я падаю в костёр, по счастью только коленями; немного опалив штаны, но не обжёгся. На месте мешка барахтается какой-то косматый мужичонка, которого держит Назаров. Командую: “Бери ружьё!”. Отвечают весёлыми голосами: “Здесь, здесь, уже взяты”. Вытаскиваем браконьеров на свет. Сначала они хорохорятся, сквернословят, но потом начинают клянчить: “Простите, простите и т.д.”.

Октябрь, 1 дня, 1917 г.

Наметили дела на октябрь: должно быть закончено: 1. Отчёт по расходам. 2. Постройка двух егерских квартир. 3. Ликвидация дел Вагнера и Люгмайера; 4. Коллекция птиц музея в сто шкурок; 5. Коллекция млекопитающих музея в сто шкурок. 6. Инвентарный каталог музея. 7. Дубление шкур. 8. Увеличение собственной коллекции на 10 экземпл.; 9. Облава оленя для М.П. 10 Ликвидация корбеклинских браконьеров. 11. Монтировка 1-ой витрины с черепами; 12. Пробная охота на зайцев. 13. Починка телефона. 14. Статья о птицах. 15. Устав Национального Заповедника.

Октябрь, 2 дня, 1917.

Идёт дождь, который придаёт всему чарующий аромат осени. Много раз я ездил по этой дороге и всякий раз с наслаждением наблюдал смену растительности вниз по течению реки Альмы.

Октябрь, 18—31 дня, 1917 г.

20-го после обеда я снова спустился в Алушту, чтобы навестить Женю и встретил на улице Ставраки, поручика, который заведует рубкой леса для военного ведомства. Ставраки меня остановил и усиленно уговаривал не преследовать браконьеров, т.к. в стране анархия и

помощи мне ждать неоткуда. Я поблагодарил и заявил, что свои обязанности буду исполнять по прежнему.

(...) 23 произошли события, превратившие вторую половину дня в сплошной праздник. Проснулся я в начале четвёртого и услышал разговор... Оказывается, что пришёл другой егерь, Борисевич, и передал, что на Суат приехали охотиться генерал, офицеры и солдаты. Вооружённое столкновение с такой компанией опасно и безнадёжно, и поэтому я решил егерей не принуждать, а идти одному. Однако егеря добровольно решили идти со мной (...). План же мой был такой: конфисковать сперва убитую дичь, а затем уже иметь дело с охотниками. Поэтому мы направились прямо к казарме. Однако неожиданно натолкнулись на самих охотников, расположившихся бивуаком. Был чудесный осенний день и группа охотников представляла живописную картину. Не будь я комиссар, я с наслаждением присоединился бы к этой группе. Но как комиссар, я должен был действовать иначе: приказал егерям остановиться, а сам подошёл к охотникам... Я поздоровался и попросил охотников не ставить меня в неловкое положение и добровольно сдать мне убитую дичь. Охотники заявили, что охотятся они з разрешения лесничего Заславского. Я сказал, что лесничий разрешить охоты не имел права и я буду привлекать его к суду. Охотникам же я ещё раз предложил добровольно отдать дичь.

Получив вторичный отказ, я отошёл к егерям и отдал распоряжение трубить сбор, чтобы вызвать у охотников подозрение, что нас больше 8-ми. Беловежские егеря большие мастера играть сигналы и звук трубы в осеннем воздухе приятно щекотал и возбуждал настроение. Быстро мы подошли к казарме, где оказались привешенными 3 козла и 5 коз. Чистое варварство! Нарушение элементарных правил охоты! Козлов мы сняли и положили на поляне, а сами стали поджидать охотников. Я был убеждён, что они попытаются отбить добычу. Однако этой попытки они не сделали и ограничились лишь выражением неудовольства. Еле-еле доплелся я в этот день домой, переутомившийся нервами и ногами, но гордый сознанием исполненного долга.

Ноябрь, 2 дня, 1917 г.

В Симферополь добрался во втором часу ночи. Прояснило. Хотел заснуть на возу, но на постоялом дворе так невыносимо воняло, что предпочёл остаток ночи просидеть в душно накуренной кофейне. Приходил обход — потребовали документы. Решил, что это признак успокоения в стране. Тем более я был поражён, когда, добравшись в 7 утра до вокзала, прочёл газету и увидел, что большевистская диктатура не ликвидирована, а наоборот разрослась.

Ноябрь, 26 дня, 1917 г.

Сегодня у нас так хорошо и уютно: в комнате тепло, в кабинете весело горит камин, на дворе снег, мороз, пищат синички, кричат дятлы и чёрные дрозды. Хорошо было бы просидеть этот день над книжками, картами и черепами, обдумывая новую экспедицию или обрабатывая материал, собранный во время старой. Или можно было взять ружьё и походить по лесу, прислушиваясь к птичьим голосам: не раздастся ли где крик свиристеля и кедровки, этих редких зимних гостей крымских лесов.

А вместо этого сейчас соберутся егеря: они будут жаловаться на то, что дичь избивается браконьерами, что сабловцы и корбеклинцы обнаглели до крайности, будут просить прибавки на дороговизну...

Вот вкратце современное состояние России, из которого вытекает и наше положение: золотой запас государства в руках одичавшей оравы, которая прежде была русской армией,

переговоры о долгожданном мире ведет от имени России бывший сотрудник охранки и немецкий шпион поручик Штур.

Крым отделился от России, Севастополь объявил себя вольным городом, татары и украинцы грызутся с великороссами и со дня на день ждут резни. Надвигается голод. Денег нет. Это все те условия, в которых приходится оберегать Национальный Заповедник, бывшую царскую охоту.

Если начинаешь думать об общем нашем положении, то становится жутко. Но в нашей теперешней жизни, кроме доверчивого и нежного отношения друг к другу и славного здоровенького мальчугана, есть ещё некоторые вещи, которые приносят радость и успокоение. Это научные результаты, получающиеся от наших, к сожалению редких, соприкосновений с природой.

Декабрь, 1 дня, 1917 г.

В течение последних трёх лет, благодаря усилиям бывшего заведующего Собственной Его Величества охотою в Крыму Э.В. Вагнера в горных лесничествах Крыма организовалось довольно правильное охотничье хозяйство, пользование которым, кроме браконьеров и младшего помощника Л.Ф. Люгмайера, принадлежало исключительно членам Императорской фамилии.

Естественно, что после февральских событий, появились попытки со стороны браконьеров, как самых древних потребителей дичи, монополизировать право охоты, но тут целый ряд общественных и иных организаций выступил тоже в качестве претендентов и дело браконьеров чрезвычайно осложнилось.

Прежде всего районом царских охот пожелало воспользоваться местное охотничье общество, затем Союз Лесотехников.

Впрочем, последние высказали пожелание не на право охоты, а лишь на охрану дичи и на передачу им всех кредитов. Вопрос о царской охоте решался в то время, когда в обществе ещё держалась, если не уверенность, то хоть надежда на то, что революция поможет развернуться производительным силам России. Поэтому-то некоторыми лицами, группирующимися вокруг Естественно-Исторического Музея губернского земства и Крымского общества Естествоиспытателей было предложено организовать в районе царских охот научное учреждение. Благодаря ряду случайностей в организаторский кузов влезли мы с М.П. Розановым, я — под именем комиссара, М.П. — моего помощника.

Собственная Его Величества охота в Крыму, вместе с удельными землями, перешли в ведение особого отдела по управлению Национальными сельско-хозяйственными предприятиями бывшего удельного ведомства. Отсюда и новое учреждение мы окрестили Национальным Заповедником. Оставалось только обосновать для него право на существование. Проект наш был такой: устроить в пределах бывших царских охот абсолютный заповедник и вместе с ним курсы охотоведения. Таким образом, наша работа состояла из трёх частей: 1. Составить программу курсов охотоведения. 2. Составить музей. 3. Охранить возможно большее количество дичи.

Декабрь, 20 дня, 1917 г.

И вот вчера, после целого дня стояния, на тающем льде, мне удалось задержать 6 человек браконьеров, убивших семь косуль. Браконьеров мы прогнали в Алушту, где весьма

счастливо попали на заседание волостного земельного комитета, где по словам вернувшегося егеря Кичкайло, нашу сторону достаточно определённо приняли.

Январь, 9 дня, 1918 г.

Последний раз я писал дневник 20 декабря, после удачного дела с браконьерами. Я собирался тогда сесть за измерение козлиных шкур. Но из Алушты приехал С.С. Крым с женой и я не привёл в исполнение благого намерения. Теперь шкуры уже высохли.

Крым оказался чрезвычайно любезным и скромным гостем. За две недели, которые они с женой проводили у нас, мы ни разу не почувствовали неудобства от гостей. Почти весь день он сидел у себя в комнате и писал драму из времён присоединения Крыма к России, или же ходил или ездил гулять (...). В последние дни 1917 всеми нашими друзьями и недругами усиленно муссировался слух о том, что корбеклинское общество собирается выкинуть нас из охотничьего домика.

Поэтому, когда 31 декабря усиленно залаяли собаки, я сказал: "Наверное, пришли татары!". Женя взглянула из окна и говорит: "Да, действительно татары!".

Когда один из пришедших татар протянул мне пакет, я был убеждён, что это постановление о нашем удалении. Вместо этого в пакете было приглашение на общее собрание корбеклинского общества "за получением инструкции" по борьбе с браконьерами ввиду полного прекращения охоты. 1-го января мы были в Корбеке, и, кажется, достигли условного соглашения. Татары настаивали на том, чтобы часть егерей была заменена татарами. Я против этого протестовал, хотя в то же время обдумывал, нельзя ли последнее обстоятельство обратить в нашу пользу. Дело в том, что с возвращением с военной службы егерей И. Гарбуза, Т. Еремина, Е. Березия и, главное, Г. Стельмаха, в рядах егерей проявилось черносотенно-большевистское движение. Во главе этого движения стоит бывший младший помощник Вагнера — Люгмайер. Вот я и думал, сидя у татар на собрании, нельзя ли их шовинизм использовать для того, чтобы избавиться от большевиков.

Благодаря недоразумению в Симферополь мы и Крымы поехали разными путями. Мы — на автомобиле, они на лошадях прямо из леса. Автомобиль в Алуште поломался и мы выехали только в 8 часов вечера. В 10-30 под самым Симферополем, солдаты-разбойники обстреляли наш автомобиль без всякого повода и предупреждения. В автомобиль попали, по-видимому, четыре пули. Все они пронизали карету автомобиля на уровне наших голов и мы обязаны нашим спасением только чуду, или тому недоразумению, благодаря которому мы поехали только втроём. Если бы Крымы поехали с нами, то кто-либо обязательно сидел на передней скамейке и был бы убит, т.к. пули прошли именно в этом месте.

Когда выяснилось перед нашим отьездом из Алушты, что Крымы не приехали отчасти по моей вине, М.П. выказал некоторое злорадство. Может быть моя ошибка спасла ему жизнь...

Съезд прошел в атмосфере общего благожелательства. Когда в конце съезда мы собрались за ужином, то общее настроение напоминало то, какое бывало на студенческих вечеринках, когда люди ещё верили в святость служения человечеству. Торжествующий хам, поклоняющийся своему невежеству, сплотил нас в единый кружок, который имел право искренне презирать то, что теперь называется "демократическим". Теперь все так невежественно и так неустойчиво, что невольно хочется верить в науку и во всё, что с ней связано".

На этом обрываются странички из дневника Владимира Мартино.

Профессор И. Пузанов вспоминал, что Мартино не пускал в заповедник никого, даже такого уважаемого в Крыму человека, как врача Кострицкого, пломбировавшего зубы самому Николаю II. Офицер немецких оккупационных войск просил у Мартино официального разрешения на охоту в заповеднике, на что тот сказал: “Охотьтесь по праву оккупации”. “Нет, так я не могу,” — вздохнул дисциплинированный немец.

Лучше зажечь одну свечу, чем ругать тьму. Мартино не стал предаваться критике меняющихся как перчатки режимов, а использовал возможность спасения крымской природы.

10 марта 1919 г. свершилось давно ожидаемое: Совет Министров Крымского Краевого правительства учредил заповедник, положение о котором разрабатывал В. Мартино с коллегами.

“Совет Министров в заседании 10 марта 1919 года, заслушав доклад Министра Земельных и Краевых Имуществ, постановил:

I. Учредить в районе бывшей царской охоты в Крыму Крымский Национальный заповедник и научную биологическую при нём станцию.

II. Утвердить прилагаемое при сем Положение о Крымском Национальном заповеднике, с лесной биологической при нём станцией.

Председатель Совета Министров, Министр Земельных и Краевых Имуществ

С. Крым”

В апреле 1919 власть на полуострове перешла к большевикам. Об этом он узнал из письма:

“Ты, бывший сын погорелого помещика! Сволочь белогвардейская! Ты охранял княжеские угодья, надеясь на возвращение белых, не давал охотиться нашей деревне. Сам хотел! Не вышло! Вот теперь придут комиссары и сдерут с тебя шкуру, а мы им поможем”. Леса наполнились бандами “зелёных”. Жизнь в заповеднике стала невозможной. Пришлось на время его покинуть. И слава Богу, что вовремя. Ибо когда семья Мартино уезжала на телеге, им встретился автомобиль с красноармейцами, ехавшими по душу Владимира Мартино. Под эту машину попал любимый пёс Мартино — Рольф.

“Вот красный гнёт сменился серым
Все кинулись к своим местам
А мы вернулись к браконьерам,
Зверям, деревьям и кустам.
Надежда в нас была согрета
Поддержкой университета,
Которой мудрый Соломон
Нас защищал со всех сторон
Вновь принялись мы за постройку
Воздушных замков на песке...
(Владимир Мартино, Из воспоминаний).

“Воздушным замком на песке” оценивал потом свои “заповедненские” потуги Владимир Эммануилович. Напрасно. Высоко поднятый им флаг заповедника не решалось сбросить ни одно из шести крымских правительств.

— “Все животные, населяющие район Национального государственного заповедника, а именно, олени, зубры, козы, муфлоны являются народным достоянием”, — писал весной 1918 г. в Декрете “Об охране животных в лесах Крыма” комиссар земледелия большевистской республики Таврида Корсун. Летом 1918, при буржуазном Крымском краевом правительстве были определены границы заповедника. В феврале 1919 г. Мартино добивается его финасирования. 10 марта 1919 наконец-то Крымским краевым правительством утвержден Крымский заповедник и положение о нём. В мае 1920 г. начальник Гражданского управления правительства Врангеля подписывает новый устав заповедника. 30 июля 1923 года друзья Мартино — И. Пузанов и М. Розанов добиваются декрета СНК РСФСР о Крымском заповеднике.

Великие идеи разбиваются о малые, о множество малых идей. Хрущев очень любил охотиться и в 1957 г. превратил заповедник в “царскую охоту”. Лишь летом 1992 г. там удалось вновь поднять флаг Мартино и его друзей.

Благоухал букет фиалок
Лес был в весну свою влюблён.
И так в лесу казался жалок
Людской борьбы ненужный стон.
Лес оглашался птичьим свистом.
Над бурым прошлогодним листом,
Кустясь почти-то у земли
Повсюду примулы цвели.
Но мы не долго ароматом
Цветов среди глуши лесной
Дышали этою весной —
Я взял ружьё и стал солдатом...
Взвивались “соколы орлами”
И наступали на Орёл.
Встречали их колоколами
И на Москву Деникин вёл.
Но та причина или эта
Никто не даст теперь ответа.
Успех рассеялся, как дым
И отступили снова в Крым...
... Спасаясь в этой суете
И мы ушли на “Якуте”.
(Владимир Мартино, Из воспоминаний).

“Русская революция была концом русской интеллигенции”, — писал Н. Бердяев. Искушать судьбу Мартино не стали. Осенью 1920 г. на военном транспорте “Якут” эмигрировали в Константинополь. Оттуда перебрались в Королевство сербов.

Где только не пришлось работать русскому эмигранту — в различный вузах, музеях, охотничьих хозяйствах. На разных должностях — от чернорабочего до директора Биологического Института в Сараево.

В 1949 г., во время разрыва советско-югославских отношений, Владимир Эммануилович вместе с сыном Кириллом был арестован югославской “охранкой” — УДБа. Без суда попали в тюрьму. Отец — на 9 месяцев, сын — на 5. А затем с припиской “был под следствием по серьёзному подозрению, что является разведчиком иностранной державы и выпускается за недостатком улик” — Владимир Мартино, вместе с женой и сыном как персоны “нон грата” выдворены в Болгарию.

Вскоре умер Сталин. В Союзе потеплело. Семья Мартино решила возвращаться. В мае 1955 г. Владимир Эммануилович с супругой оказался в Ростовской области — в депортационном лагере Егорлынского зерносовхоза. Сына закинули в Поволжье. На родину, в Крым им возвращаться не разрешалось. Слава Богу, что хоть удалось перевезти и передать в Зоомузей АН СССР великолепную зооколлекцию в 1700 экспонатов.

С большим трудом хорошо известному во всей Европе зоологу, автору более 120 научных работ дали устроиться на биофаке Ростовского университета ... лаборантом.

"Учёным можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан" — Мартино стал готовить кандидатскую, в чём помогал ему старый друг по Крымскому заповеднику профессор И. Пузанов. Защита в 1960 г. в Москве, Институте географии АН СССР прошла более чем успешно. Работу оценили как докторскую. ВАК не возражал.

— "Вот теперь можно работать", — сказал Владимир Эммануилович. Однако, из-за перенапряжения, заболел и 15 сентября 1961 года умер.

Каждому судьба даёт шанс совести. Мартино использовал его без остатка.

Долг генерала

"Я увожу всех своих верблюдов и людей", — решение монгольского князька было окончательным. — "Русский начальник давал нам мало спирта и денег. Я не пойду с ним дальше".

Это означало конец. Конец всей экспедиции, с таким трудом предпринятой Русским Географическим обществом. Никакие уговоры и обещания не помогали. Монгол твёрдо стоял на своём.

— "Хорошо, я хочу наградить тебя". — Козлов жестом пригласил князя в палатку. Резким ударом он сбил его с ног, схватил за горло и приставил к виску револьвер.

— "Ты пойдёшь с нами дальше. И твои люди тоже. До того перевала, куда обещал довести. Или останешься здесь", — Козлов взвёл курок. — "Навсегда".

Спорить во владениях князька было опасно. Но в этом был сам Козлов. У него, решившего бороться, был риск проиграть. Но если б не боролся, проиграл уже. Решение оказалось верным.

Князёк довёл экспедицию до условленного места. И когда прощались, сунул в руку Козлову памятный цветастый платок — "хадак".

— "Ты первым из встреченных заставил меня повиноваться. За это я тебя уважаю", — бросил он на скаку.

...Мужественный, сильный, гордый Пржевальский умирал. Рядом беззаботно плескало волнами синее озеро Иссык-Куль, игриво прыгали и ржали низкорослые казахские лошадки. Великий Пржевальский, открывший России не пик, не речку, а целые страны, умирал от брюшного тифа на границе родины, в самом начале своей последней, пятой экспедиции.

С ним уходил со сцены уникальный тип русского путешественника-универсала: географа, этнографа, натуралиста. Тип, рождённый ещё Палласом, Степаном Крашенниковым. Это они покоряли пространства земли и приносили первыми сведения “понемногу и обо всём”. Открытия мстили им лишениями, болезнями, отнимали друзей.

То были страшные минуты для Роборовского и Козлова. Через четверть века Козлов вспоминал: “Мне казалось, что такое горе пережить нельзя, да оно и теперь ещё не пережито”.

Он нашёл его случайно. Приехал в имение отдохнуть с похода и наткнулся на влюблённого в него мальчишку. Биографы утверждают единогласно — их первый разговор шёл о звёздах над Тибетом. В свои экспедиции Пржевальский не брал штатских, и Козлову пришлось поступить на военную службу. Он отбирал спутников тщательней, чем выбирают невест: Козлов выдержал строгий экзамен.

К своим подчинённым Пржевальский относилися с равнодушием, порой жестоко и деспотично; нарочно держа их в “чёрном теле”. Он заставлял Козлова сутками не слезать с седла, выполнять самую сложную и грязную работу — делал из него путешественника. Он бросил парня с четырьмя казаками против лавины фанатичных голыков. Вольноопределяющийся Козлов поверг их в бегство. Он научил его археологии и зоологии, ботанике и этнографии. По приказу Пржевальского Козлов неделями занимался съёмкой местности: из него вышел прекрасный топограф. Пржевальский добился своего и сделал из Петра Козлова настоящего путешественника. А теперь умирал.

Здесь, у синего озера Иссык-Куль, Козлов поклялся осуществить мечту учителя. И он покорил Восточный Тибет, нашёл заоблачную страну Си-Ся. Но ещё и защитил уже открытое другими...

... Выбор сделан. Равносильно подписанному самому себе смертному приговору. Он знал, на что шёл.

В зените славы, всемирно известный и всеми уважаемый. В смутное время, когда зрела гражданская война, и таврические степи готовились стать ареной невиданных кровавых битв. Он отправился в Асканию. Расчёт был верен и в духе времени жесток. Ни военный гарнизон, ни пушки, а авторитет и талант известного и уважаемого человека могли спасти от разрушения уникальный заповедник. В случае неудачи они погибали вместе.

Долг — это когда любят то, что сами себе приказывают.

Никто не мог заставить отправляться туда, оставить свои новые экспедиции, забросить учёные труды. Друга Фальц-Фейна уже не было рядом. Аскания оставалась одна. Значит, должен был спешить он, член Постоянной природоохранительной комиссии Пётр Козлов.

“По инициативе Академии Наук и Географического общества в Асканию-Нова в 1917 году был командирован в качестве комиссара пишущий эти строки, и вот каким образом судьба на целые полтора года забросила нас — меня и жену — в таврические степи”, — вспоминал позже путешественник.

№11539 “8 декабря 1917 г.

Таврический губернский комиссариат

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие почётному члену Российской Академии Наук, Географического общества и Природоохранительной комиссии, учёному-путешественнику по Азии генерал-майору Петру Кузьмичу Козлову в том, что он командируется в имения Фальц-Фейнов — Асканию-Нова, Доренбург и Преображенку Днепровского уезда, в целях принятия мер к охране зоопарка и заповедного участка степи.

Считая чрезвычайно важным сохранение таких ценных памятников природы в интересах Российского государства, прошу все учреждения и лица оказывать генерал-майору Козлову полное содействие в исполнении возложенных на него задач.

Губернский комиссар Богданов".

Кроме этого удостоверения, на охрану Аскании П.К. Козлов имел мандаты от Русского Географического общества (29.11.1917), Российской Академии наук (30.11.1917), Постоянной Природоохранительной комиссии Русского Географического общества (30.11.1917), Таврического Губернского земельного комитета (8.12.1917), Киевского областного природоохранительного комитета (4.12.1917).

10 декабря 1917 г. Козловы добрались до заповедника.

Он ещё никогда не терпел поражения, а они не побеждали самостоятельно, его новые товарищи — Клим Сиянко, Генрих Рибергер, Пётр Кучеров, Юлия Игумнова. Они сплотились вокруг него, как осаждённые в крепости и приготовились к долгой осаде.

... Фальц-Фейн нашёл Козлова первым. Тот только что вернулся с Тибета, крутился в делах и заботах: счастливый, весёлый.

— "В наших таврических степях ещё недавно жили тарпаны. Мой отец видел такую лошадь и даже катался на ней в экипаже. У меня в Аскании-Нова уже имеется зоопарк. Я бы хотел украсить его лошадью Пржевальского. Не откажите!.."

"Живой, энергичный, любящий и понимающий природу, Фальц-Фейн произвёл на меня прекрасное впечатление и раз навсегда расположил к себе; конечно, я охотно пошёл навстречу его предпиятию".

Они были одногодки. Шестьдесят третьего года рождения. И рождены, наверное, под одной звездой — дерзкие мечтатели и фанаты диких степей. Владелец богатого поместья и сын бедного прасола. Патриоты русской науки и культуры.

Козлов помог Фальц-Фейну и через своего знакомого купца Ассанова добыл диковинных лошадок. Доставил их целыми-невредимыми в заповедник. Так, благодаря дружбе двух людей, лошадь Пржевальского осталась с нами на земле, а не канула в прошлое в жёлтых песках Монголии.

Я видел их вместе. На старинной фотографии. В военном кителе, при сабле, черноволосый и мужественный Козлов, и Фальц-Фейн, полнеющий, уже с сединой на висках. Они касались друг друга плечами. Кусок старого картона сохранил для потомков мужскую дружбу. Козлов не мог приехать к другу долгие семнадцать лет — Центральная Азия каждый раз отдаляла Асканию. И только ранним летом 1913 года он наконец-то вырвался в Таврию. И то, что увидел здесь путешественник, превзошло все его ожидания.

Город мёртвых Хара-Хото, ледники Табын-Богдо блекли в сравнении с весенними цветами южной русской степи и уникальным зоопарком, соединенных железной волей, умом и талантом одного человека в единое целое.

У каждого должна быть своя Аскания. Место, где нельзя ни увернуться, ни отступить. Где нужно стоять до конца. Вцепиться зубами. Не жалеть ни себя, ни близких. Не надеяться на похвалу. Худшее могло быть наградой.

Белые банды сменяли махновцы, атаман Григорьев, вольная пулемётная команда матроса Забиры. Каждый шёл в Асканию с одной-единственной целью — грабить.

В начале октября 1918 г. Пётр Козлов направил письмо в правительство Скоропадского — Министру народного просвещения Украины с просьбой о помощи Аскании-Нова: "...впредь до наступления в России порядка и правильной общественной и научной жизни я позволяю себе обратиться к Вам, г. Министр, с почтительной просьбой оказать законное содействие в нижеследующем: 1. Принять меня под нравственное покровительство нарождающейся Украинской Академии наук, снабдив соответствующим удостоверением или открытым письмом (Прилагаю для ознакомления три удостоверения Петрограда). 2. Даровать Аскании-Нова право иметь за счёт экономических средств варту в 15—20 человек во главе (с начальником) путём добровольного найма. 3. Отпустить для Аскании-Нова (хотя бы под мою ответственность) 20 винтовок, 20 револьверов нагана и 20 сабель..."

Министр народного просвещения и Украинская Академия Наук в лице её председателя академика В. Вернадского и председателя отделения физико-математических наук Академии академика Н. Кащенко начали было готовить помощь Аскании, однако власть в Киеве вскоре поменялась...

Пётр Козлов был вместе в заповедником. Уже давно вышел срок его пребывания, устарел мандат, — он продолжал оставаться в Аскании-Нова. Вместе с Климом Сиянко, Генрихом Рибергером и немногими другими патриотами тушил пожары, лечил животных, прятал сокровища музея и библиотеки.

В конце декабря 1918 г. белогвардейцы вновь заняли имение. Казаки и солдаты полковника Морозова запрудили все закоулки зоологического сада. Стрельба, крик, хохот. Шашками и прикладами выбиты в каналах и прудах золотые рыбки. Брошенной бомбой убиты гуси и журавли. Избиение экзотических животных шло прямо в загонах и достигло своего апогея. С шомполами, палками гонялись пьяные солдаты за бедными животными, в прудах стирали бельё, мыли винные бутылки, отравив всех обитателей. Атласского барана Клим Сиянко нашёл в канаве с перерезанным горлом. Ноги его были связаны телеграфной проволокой, а на спине зияли две раны шашкой.

Ворвашиеся махновцы устроили избиение птиц. За один день весь пруд покрылся яркими пятнами крови, кругом валялись мокрые тушки, отрубленные лапки и птичьи головы. Солдатам приглянулись быстрые лошади Пржевальского, но Козлов ночью выпустил редчайших животных из загонов "зелёной конюшни" в степь.

Владимир Фальц-Фейн в своей книге об Аскании-Нова, изданной в Германии в 1930 г., писал, что увидев первых красных всадников, которые ворвались во двор, Козлов упал в глубокий обморок. "Это спасло ему жизнь, красные насмехались над лежащим без сознания генералом. Плевали ему в лицо, но потом оставили его в поле и занялись грабежом и допросами".

Козлова дважды ставили к стенке. Первый раз белые. За то, что якобы сочувствовал большевикам. Второй раз — красные. За то, что был белым генералом. Как рассказывал мне профессор А.А. Салганский, от смерти его спас Фрунзе.

Чудом избежав смерти, Козлов продолжал руководить Асканией.

История донесла до нас имя рабочего-машиниста Петра Кучерова, председателя первого уездного совета, добившегося вместе с Козловым на волостном съезде в Алешках, в начале 1918 года, первого распоряжения народной власти об Аскании: “Заповедную землю не делить, а охранять, как культурное наследие”. Да, именно эти два слова “культурное наследие”, оставили Козлова и его соратников в хаосе войны и помогли защитить, спасти от гибели бесценный заповедник. Как человечество должно быть благодарно таким немногим, с молчаливым упорством во все времена спасающих от людей и для людей уникальные картины, скульптуры, книги, заповедники...

Входили в Асканию и красные полки. Штаб 46 дивизии помог изголодавшимся жителям имения провиантом, а сменивший их эскадрон кавалеристов открыл пальбу.

— “Глянь, братва, яки гуси! Барская причуда, от безделья — рукоделье, стреляй по ним!” — крикнул кто-то из солдат. Командиры не видели в том нарушения устава — на то и дичь, чтоб по ней стрелять...

Козлов шлёт срочную телеграмму в Москву, Ленину.

“Пятнадцать месяцев выполняя поручение Российской Академии наук сбережение знаменитого парка Аскания-Нова, хотя ехал сюда на меньший срок, прошу разрешения прибыть Москву лично доложить об Аскании...”

Ильич переслал телеграмму заведующему научно-техническим отделом ВСНХ РСФСР Н.П. Горбунову. Не думая отводить сему более внимания. Горбунов шлёт правительственные телеграммы Христиану Раковскому, председателю Совнаркома Украины.

“Прошу принять самые экстренные меры охране зоопарка Аскания-Нова, представляющего громадную научную ценность. Весной 1918 года охрана была поручена Лениным (по) моей просьбе путешественнику Козлову”.

“Прошу взять (под) покровительство Козлова как ценного учёного. Оказать нравственную (и) материальную поддержку. Привет. Горбунов”.

Подобные тревожные телеграммы Козлов шлёт и предсовнаркома Украины Х. Раковскому. Другую телеграмму того же содержания Раковскому направляет и известный позже, как бандит, атаман Григорьев, руководивший тогда красными частями в районе Аскании.

Именно под их нажимом, не без участия киевского зоолога Н. Шарлеманя, 1 апреля 1919 г. появился советский декрет об Аскании-Нова.

ДЕКРЕТ об обьявлении бывшего имения Фальц-Фейна “Аскания-Нова” народным заповедным парком

Акклиматизационный парк и участок целинной степи при бывшем имении Фальц-Фейна “Аскания-Нова”, Днепровского уезда, Таврической губернии, а также участок целинной степи имения того же владельца Елизаветино, в границах, установленных Фальц-Фейном,

обьявляются народным заповедным парком УССР и передаются в распоряжение Народного Комиссариата Просвещения”.

Трудной скаладывалась судьба первого из них на Украине. Прикрываясь громкими лозунгами и задачами дня сегодняшнего, бойкие временщики и люди недалёкие всё громче требовали распахать целинную степь. Особенно усердствовал профессор Тимирязевской сельхозакадемии М. Иванов, предлагая создать на месте “ненужного народному хозяйству” заповедника овцеводческое хозяйство. Его поддержал И.И. Презент, печально известный своим походом против генетики.

И снова Пётр Кузьмич, уже академик АН УССР, отправляется защищать Асканию. Так было в 1921 году, в 1927 году.

“Народный Комиссариат по просвещению РСФСР уполномачивает путешественника по Центральной Азии и Тибету, почётного члена Русского Географического общества Петра Кузьмича Козлова отправиться во главе экспедиции отдела охраны памятников природы для осмотра заповедников юга России и ознакомления с общим положением вопроса охраны памятников природы.

В специальную задачу экспедиции входит всесторонне выяснение современного состояния всемирно известного заповедника и зоопарка Аскания-Нова Днепровского уезда Таврической губернии и выяснение необходимых мер к восстановлению его первоначального значения и поднятия его научно-исследовательской работы”.

Главным принципом будущего благополучия заповедника Козлов считал разделение Аскании заповедной и Аскании сельскохозяйственной и подчинение заповедника Академии Наук СССР. Об этом он доложил на заседании Государственного комитета по охране памятников природы Наркомпроса РСФСР. Его горячо поддержали профессора В. Талиев, Д. Россинский, Г. Кожевников.

Их было так немного, что легко перечислить по именам — пионеров охраны природы отечества. Они развернули бурную деятельность, взвалив на свои плечи резко и сразу непосильный и по нашему времени груз. Их было так немного... В 1930 году умер академик И. Бородин, через два года скончался от рака профессор В. Талиев. В январскую стужу, в день бурного первого Всесоюзного съезда охраны природы не выдержало сердце Г. Кожевникова. 26 сентября 1935 года не стало Петра Козлова. Он так и не успел завершить задуманное.

Память о Фальц-Фейне и его деле

“Но в истории вопроса охраны природы не только России, но и вообще, особенная заслуга принадлежит крупному просвещённому земледельцу Ф.Э. Фальц-Фейну”.
Профессор В.И. Талиев

Фальц-Фейна в Аскании помнят. Помнят по-разному. Иные пользуются памятью о нём, как старым бабушкиным сундуком. Понадобится — откроют, вытащат, что надо. А использовав, опять надолго захлопывают сундук.

Памяти нужны пристанища. Но добрая человеческая память сконцентрирова не в асканийском музее, а разбросана по архивам. Лишь несколько материалов об организаторе всемирно известного заповедника, и то благодаря писателю Юлиану Семёнову появились в

печати в 80-х. Бесценные подлинники — асканийские архивы, фотографии, старые книги, письма — свидетели давно минувших дней — все было уничтожено неблагодарными потомками, не желавшими почти полвека упоминать его имя.

“Золотое руно”

Верба — что немец: куда ни ткни, тут и примется.
Русская пословица.

Герцог Ангальт-Кеттенский был доволен. Редко кому удавалось сорвать такой куш. 43 тысячи десятин таврической земли Николай I уступил за бесценок, по 8 копеек за десятину.

“Цель сего поселения состоит в том, чтобы оно служило образцом большого благоустроенного сельского хозяйства, соединённого с фабричной промышленностью” — так начинался царский указ от 1 марта 1828 года. А 11 августа люди герцога уже повели через степи три тысячи овец. Переход прошёл удачно и это окрылило Ангальт-Кеттенского. Он посылает следом ещё пять тысяч овец, вкладывает в Асканию-Нова (так он назвал новое имение в честь своего старого, родового) кругленькие суммы. Но в одном просчитался герцог — в людях. 130 немцев, осевших по желанию своего хозяина в Таврии, пересорились между собой, не поделив власть, доходы, овец. И пока выясняли отношения — посохло 10 тысяч виноградных лоз, фруктовый сад, разбежались злополучные овцы. А когда старик герцог приказал долго жить, его наследник быстрехонько отделался от обузы, продав в 1856 году русские земли первому встречному. Первым встречным оказался немец Фридрих Фейн. Он купил Асканию за 1,5 миллиона золотых марок и навёл в ней порядок.

А началось всё с пощёчины. Отец Фридриха, детина рыжий здоровый и вспыльчивый, служил в Вюртембергском полку. Как-то раз офицер, раздавая своим солдатам очередные оплеухи, не забыл и рыжего здоровяка. Тот вспылил, схватил ружьё и пырнул обидчика штыком. Из Пруссии он бежал в Россию, где благополучно осел в таврических степях. Сынок пошёл в папашу. Во время очередной семейной потасовки старый Фейн схватил любимое ружьё и пальнул в сына. И сынку пришлось бежать из дому до самого Кавказа. Вернулся он в имение уже после смерти отца, стал разводить овец, разбогател и потихоньку скупил соседние земли, Асканию в том числе.

Говорят, он даже не знал, сколько у него овец. Учитывал только собак, пасших отары.

Единственная дочь Фридриха вышла замуж за делового сотрудника своего отца — саксонца Иоганна Фальца. Александр I, помня услугу, оказанную хозяином Аскании во время Крымской войны (Фейн снабжал русские войска прекрасными лошадьми) заехал к нему в Преображенку, подарил золотое кольцо с чёрным алмазом и милостиво разрешил носить двойную фамилию Фальц-Фейн. Приёмный сын их, Эдуард Иванович и стал отцом создателя первого российского заповедника.

Предприимчивые Фальц-Фейны хозяйствовали со знанием дела. Выписали из Венгрии умелых овцеводов, обводнили сухие земли, пробурив 70-метровые скважины. И шерсть стала давать барыши. Правда, она была не совсем качественная, грязная, но зато её было много. Имение богатело и разрасталось. В летнее время в нём работало полторы тысячи сезонных рабочих из Киевской, Полтавской и Херсонской губерний.

Были выстроены из добротного красного кирпича почта, больница, школа, церковь, мастерская с паровым двигателем. Позже появился телеграф, телефон, водопровод и даже электрическое освещение.

Здесь бывало множество выдающихся людей, наведывался из Феодосии Айвазовский и создавал свои замечательные полотна. Волны ковыля напоминали ему море. Сам губернатор почитал за большое счастье быть приглашённым на обед к Фальц-Фейнам.

Без этого накопленного предками “золотого руна” Фридриху Эдуардовичу Фальц-Фейну никогда не удалось бы создать и содержать огромный заповедник и удивительный зоопарк, который современники окрестили “земным раем”.

Сын степи

Как хорошо, что проходит время, когда людей писали только чёрными или белыми красками. Фридриха Фальц-Фейна — чаще чёрными. Тогда, в тридцатых, приложили к этому руку животновод М. Иванов (для которого в своё время так много сделал Фридрих Эдуардович), директор Института “Аскания-Нова” А. Нуринов. Расчёт был прост. С поборниками “заповедного” развития Аскании Фортунатовым, Янатой, Станчинским, Завадовским, Гунали бороться легче, опорочив основателя заповедника. Пошёл на поводу у временщиков, не разобравшись в исторической достоверности и автор вышедшего в начале 50-х годов романа “Таврия” украинский писатель Олесь Гончар. Плохо, когда временщики командуют учёными. И страшно, когда сбивают с толку писателей. Облечённые мастерами слова в живую форму непроверенные факты и скороспелые суждения создают удобный кое-кому стандарт, непробиваемый порой и временем.

“Уважаемый тов. В. Борейко.

К сожалению, рассказ о Фальц-Фейне не рекомендован к печати. В наших краях знают Фальц-Фейна не только как основателя заповедника, а и как эксплуататора.

Именно из этих соображений мы не можем показывать однобоко деятельность этого человека, хотя безусловно он сделал доброе дело.

С уважением, старший корреспондент ...”

— ответили мне из областной херсонской газеты в середине 80-х годов.

Да, богатый, да, помещик. Свои деньги он вкладывал в биологию, охрану природы, преданным чему был с детства.

Простенький одноэтажный дом его был забит книгами, чертежами различных механизмов, чучелами и тушками животных. Одним из первых в защиту памяти выступил писатель Александр Кременской: — “А зачем нам искажать историю? О Фальц-Фейне написано мало, но из скупых строчек, оставленных современниками — знаменитым путешественником, другом и соратником Пржевальского — Петром Кузьмичом Козловым, профессорами-биологами, подолгу работавшими в Аскании — Фортунатовым, Завадовским — встаёт образ человека необыкновенного. Нет, не барская прихоть, не каприз богача создали Асканию. Она рождена пожизненной страстью, научными интересами естествоиспытателя, большого знатока жизни птиц и зверей”. Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн был одним из пионеров охраны природы нашей страны — эту правду пора заявить во всеуслышанье.

Точная дата рождения Фридриха Фальц-Фейна известна — 16 апреля 1863 г. И место — Аскания-Нова. Он был первым в семье из семи детей. Отца он лишился рано. Воспитанием занялась мать, Софья Богдановна, по словам современников, женщина умная и образованная, друг И.К. Айвазовского, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.Д. Набокова, основательница

международного порта Хорлы. Любовь к природе Фридриху привил родной дедушка — большой любитель природы, и учитель француз Конрадс.

Говорят, всему началом стал зяблик, подаренный Фридриху в день десятилетия. Но одна маленькая птаха — это ещё не зоопарк, не заповедник. Молодой Фальц-Фейн заканчивает естественное отделение Дерптского университета, в каникулярное время осматривает все известные зоопарки мира. В 1889 году он посетил Всемирную выставку в Париже, где познакомился с известным зоологом Жоффруа Сент-Илером.

— "В вас", — сказал ему знаменитый француз, — "счастливо сочетается любовь к природе, знания, энергия и наличие необходимых средств для выполнения ваших планов!"

В 1885 году Фридрих посадил первые деревья, давшие начало ботаническому парку. И соседи увидели в нём дальновидного хозяина. Через четыре года он запретил распахивать первый заповедный участок — чудак-человек, — судачили о нём. В 1898 году он заповедал ещё два громадных участка в 100 и 500 десятин, а затем ещё три участка в имениях братьев, стал тратить крупные суммы по 20—40 тыс. рублей на зоопарк, где работало по 100 человек.

В 1890 г. создал крупный краеведческий музей — Фридриха прозвали за глаза малохольным.

При разделе отцовского имения Фридрих получил Доренбург, брату Вольдемару досталась Аскания. Это немного вначале мешало Фридриху. Не поддерживала его природоохранные идеи и мать. Но особенно ставил палки в колёса управляющий Асканийским имением некто Подоба. Однако став полновластным хозяином, Фридрих моментально уволил Подобу. Тот было двинулся в суд — не помогло.

Хозяин Аскании был крут. Порой очень. Его слово — закон. Но ведь он и сделал то, что не удавалось ни одному европейцу. В его зоопарке обитало 58 видов млекопитающих, 154 вида птиц (добрая половина доставлена из других континентов), всего около двух тысяч животных. Рассказывают, толстые ручные дрофичи бегали за ним как индюки, дёргали за "платье", требуя лакомства.

"С удовольствием провожу я", — говорил хозяин Аскании, — "тихие ясные ночи среди нашей южной природы, среди питомцев моего парка... Проснёшься на заре, взглянешь на животных: одни бродят, другие предаются отдыху, а вот сегодня слышу какой-то хруст за вышкой — смотрю "Бенджамин", крупнейший оленебык, уперся своими могучими рогами, пробует их силу об устои вышки... Дивная, очаровательная ночь... Звёзды светят, как алмазы. Набежит ветер, освежит прохладой. Закутаешься плотнее в одеяло, вновь забудешься сладким, крепким сном до утра".

Дикая лошадь Пржевальского обязана ему жизнью.

Три раза в 1897—1899 годах снаряжал Фридрих Эдуардович экспедиции в Западную Монголию. Но увы — молодые гривастые пленники вскоре гибли. Однако через своего друга П.К. Козлова ему все же удаётся добыть лошадку. Жеребца же подарил сам царь. И лошадь Пржевальского дала впервые приплод в неволе. Благодаря Аскании эти дикие кобылки и сохранились на Земле.

Много сделал Фальц-Фейн и для спасения беловежского зубра, в чём ему помог царь Николай II. "Следовало бы," — пишет он московскому профессору зоологии Н.И. Кулатину в декабре 1902, — "не теряя времени создать в подходящих местах различных частей России отдельные рассадники на подобие Гатчины, и, с течением времени, перемешивать молодых самцов из одного рассадника в другой. Этими мерами можно было бы парализовать в

Беловежско-Пущинском стаде влияние постоянного кровосмешения и предохранить беловежских зубров от ... окончательного и неминуемого в конце концов вырождения и вымирания”.

Оставаясь верен своему слову, нескольких зубров Фальц-Фейн поселил у себя в Аскании, добился их разведения.

А вот тарпанов спасти не успел.

Последнего гнали долго и неумолимо хитрые крестьяне села Агайман. План был продуман до мелочей. Гнали по эстафете, от поста к посту, где ждал очередной свежий всадник. Но тарпан легко уходил от погони. И ушел бы, не попади ногой в трещину во льду.

Ещё отец рассказывал Фридриху, как часто видел в степи этих лошадок. С годами их становилось всё меньше. И вот теперь угасала последняя. Было слишком поздно, когда подоспел к тарпану Фальц-Фейн. Эх, родись он на несколько лет раньше...

Полёт его фантазии, энергия мысли и сила воли были восхитительны и недосягаемы. Он решает вернуть степи её исконных обитателей и добивается своего, чего бы ему это не стоило: в Аскании паслись сайгаки, гнездились степные орлы, дрофы и стрепеты, рыли норы байбаки. Его ботанический парк долгое время был молчаливым: лесные птицы пролетали мимо. Он тысячами ловил их на пролётах, приманивал гнездовьями. В сотнях дуплянок поселились совы и летучие мыши, в дощатых ящиках — пустельги и кобчики. Даже в жилых домах кирпичные кладки ложились по особому, с нишами для скворцов. И вскоре парк до краёв наполнился птичьим гамом. Фальц-Фейн одним из первых в России стал кольцевать птиц, ещё в начале девяностых годов прошлого столетия. До колец наука додумалась десятилетиями позже, а тогда на шею птицам вешались специальные цилиндрики с записками на четырёх языках.

Письмо из России прибыло в Судан на журавлиной шее и сразу попало к великому Калифу Махди. Он вызвал к себе европейца Рудольфа Златина, томившегося у него в неволе уже около десяти лет. Вот как дальше от имени Златина описывает этот случай в своей книге “Дикое животное и человек” Бернгард Гржимек.

“Калиф, как обычно не ответив на мое приветствие, приказал мне сесть. — “Возьми-ка в руки эту вещь и обьясни, что она означает”. Предмет оказался небольшим латунным колечком с надетой на него капсулой. В ней лежали две тщательно сложенные папиросные бумажки с надписью.

“Этот журавль выведен и выращен в моём поместье “Аскания-Нова”, Таврической губернии, на юге России. Просьба сообщить, где птица была поймана или убита. Сентябрь 1892. Фр. Фальц-Фейн”.

Я передал Калифу содержание записки.

— “Нечестивцы, у них ещё есть время заниматься такими пустяковыми и бесполезными занятиями”, — было окончательное заключение правителя Судана”.

С начала первой мировой войны в России была издана вереница “антинемецких” указов: вся германская собственность ликвидировалась, немцам запретили говорить на родном языке, собрание более чем 2-х немцев обьявлялось вне закона, лошадей — конфисковывали, свиней — регистрировали, почтовых голубей заставляли переписывать, а запускать их запрещалось. Хозяин Аскании почувствовал за собой слежку.

Такое вот письмо обнаружил я в архиве одесского профессора Браунера.

“В Общество естествоиспытателей при Новороссийском университете. В последних числах июля с/г одним из крестьян Днепровского уезда был на охоте в степи в районе близ имения Фальц-Фейна “Аскания-Нова” убит кобчик, на ноге которого обнаружено алюминиевое кольцо с надписью, доставленной затем мне.

Покорнейше прошу не отказать в распоряжении сообщить мне по возможности в непродолжительном времени имеющиеся у Вас по этому вопросу сведения с целью освещения этого обстоятельства, вызвавшего разговоры о каких-то подозрительных затеях враждебной нам Германии.

И.О. помощника начальника Херсонского губернского жандармского управления в Днепровском уезде Таврич. губ

Подполковник (подпись неразборчива)

25 октября 1914 г., №1770, г. Херсон

И хотя одесские учёные заверили жандармского подполковника, что здесь нет никаких происков Вильгельма, и сам Фальц-Фейн несколько раз ездил обьясняться, работы по кольцеванию к 1916 году пришлось практически прекратить. И логика порой бывает бессильна.

Несмотря на различные препоны и прежде всего закон “против немецкого засилия”, принятый после 1914 г, Фальц-Фейн превращает свое имение в настоящий научный институт: достаёт дорогие приборы, выписывает всю имеющуюся по естествознанию литературу, организовывает музей, обширную библиотеку, несколько лабораторий, приглашает работать видный учёных: Й. Пачоского, А. Браунера, И.Иванова, Н. Клепинина, М. Иванова, П. Козлова, С. Мокржецкого.

В 1913 году посетил заповедник всемирно известный немецкий пропагандист охраны природы Гуго Конвенц. Он познакомился с природоохранной периодикой, которую Фальц-Фейн собирал при помощи специальной подписки.

Четвероногие питомцы Фальц-Фейна участвуют в различных всероссийских и всемирных выставках, принося славу Аскании и медали её владельцу. В декабре 1913 года он участвовал в первой в России выставке по охране природы, организованной харьковским ботаником Талиевым.

В 1901 году Николай II, посетив Всероссийскую торговую ярмарку, решил побывать и в Аскании. Однако в свите царя были против. Немногим позже, прочитав в российских газетах восторженные отзывы о заповеднике-зоопарке путешественника П.К. Козлова он твёрдо решил погостить у Фальц-Фейна. Чем нарушил протокол, запрещавший императору останавливаться у частных особ.

21 апреля 1914 г. в Асканию приехал полковник Спиридович, начальник секретной службы. А через два дня на трёх автомашинах из Крыма прибыл Николай. Фридрих Эдуардович долго водил царя по своим владениям, обьясняя, что он заинтересовался разводить животных, которые нынче исчезают. Царь очень интересовался, задавал массу вопросов. В зоопарке на Николая напал петух. Рассерженный Фальц-Фейн обещал посадить птицу в клетку.

— “Не надо, — улыбнулся царь,— это мой единственный враг, который нападает в открытую”.

По отьезду самодержец сказал хозяину Аскании, что за всё, что вы сделали, я присвою вам звание “потомственного дворянина”. И обещание выполнил.

Единственный за всю историю Руси случай, когда звание дворянина дали за любовь к животным. Затем Фридрих нанёс ответный визит императору в Ливадию.

Был ли Фальц-Фейн счастлив в своей жизни? Да, если считать за счастье исполнение большей части задуманного. Нет, если вспомнить, что умер он на чужбине, а свои 58 лет прожил как бирюк, один-одинёшенек. Любил раз, но любовь его — полтавчанка Серафима погибла. Он приказал изваять её образ, но камень не грел душу. Так и прожил жизнь однолюбом.

Мирские увеселения не манили его. Не знал вкуса водки, не терпел курильщиков.

Оставалось верным только одно — его дело. Фридриха Эдуардовича избирают членом Постоянной природоохранительной комиссии при Русском Географическом обществе. Он не жалеет на её деятельность тысячи рублей. Помогает учёным-природоохранникам Браунеру и Пачоскому. Дружит с землевладельцем С. Крымом — одним из организаторов Крымского заповедника. В начале 1917 принимает участие в создании в Москве общества охраны природы. Мечтает открыть и лесной заповедник в своём белорусском имении “Налибоки”, где ещё сохранились практически тогда выбитые в России бобры.

В начале двадцатых годов в Москве была издана об Аскании книжка. Открывалась она фотографией Фальц-Фейна. Это поздняя его фотография. Широкое, простое лицо, виски, тронутые сединой, черные усы, опущенные вниз по старинной казацкой моде. Этот человек родился в степи, и как положено её сыну, вырос свободолюбивым, самостоятельным и сильным.

Рассказывают, еще в детстве он здорово поранил на охоте руку. Чтобы не тревожить мать, наскоро перевязал, переоделся и как ни в чем не бывало явился на праздничный ужин. Один из гостей, приветствуя, слишком по-дружески пожал его руку. И лишь тогда Фридрих не вынес боли и упал в обморок. Он обладал феноменальной памятью. Знал назубок клички всех 1800 питомцев зоопарка и не только их. А вот писать органически не любил. Ни письма, ни статьи. Опубликовано лишь пять его маленьких заметок. Он унёс с собой всё, что знал, над чем работал, чего достиг его выдающийся и самобытный ум.

Уникальный заповедник-зоопарк чуть было не погиб в пожарах 1905 года. Крестьянские толпы сожгли и разорили экономии семьи Фальц-Фейнов в Хорлах, Преображенке, Дофино, Максимовке, Даровке. 30 ноября 1905 г. Фридрих Эдуардович пишет Таврическому губернатору: “Ваше Превосходительство. Ввиду ужасов, происходящих в западной части нашего уезда, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, ради спасения от разгрома хотя бы нескольких усадеб нашего уезда, назначить на постой ко мне в Асканию-Нова и к брату Владимиру хотя бы двадцать человек казаков или крымцев за наш счёт и полное содержание...” Губернатор послал с десяток солдат, и они спасли “земной рай” от уничтожения.

Природоохранные достижения Аскании не интересовали революционные толпы и их вождей. В.И. Ленин заметил только, что: “В Таврической губ. Фальц-Фейн имеет 200 000 десятин... Про размеры хозяйства может дать представление тот факт, что, например, у Фальц-Фейна работало в 1893 году, на косовице 1100 машин”.

Сохранилось письмо Фридриха харьковскому профессору В.И. Талиеву, написанное в 1917 г., когда над заповедником-зоопарком нависла вновь угроза уничтожения: “При Московском Обществе Акклиматизации состоялись в моем присутствии два заседания по поводу охраны памятников природы, редких диких животных на свободе и в зверинцах, а также редких растений и растительных сообществ в парках и природе, а в том числе и моего зоопарка с защитной степью... Было постановлено немедленно ходатайствовать перед Временным правительством об учреждении постоянного центрального комитета, который, по примеру Комитета для охраны памятников искусства, взял бы все упомянутыя выше организации и защищал бы их интересы перед правительством (...) В отношении охраны степи необходимо высказаться по поводу нижеследующего:

1. Мой защитный участок целинной степи в 500 дес. представляет собой обьект большой научной ценности.

2. Остальная целинная степь, расположенная вокруг этого участка, как сенокосная и выпасная, является необходимым окаймлением и дополнением для участка защитного, ограждая этот последний от засорения и видоизменения флоры”.

Фальц-Фейн, будучи в Москве, делает все возможное для спасения Аскании.

Таврическому губернатору комиссару Н.Н. Богданову

ТЕЛЕГРАММА

— “Шестого мая якобы распоряжением Херсонского совета солдатских рабочих депутатов приезжало Асканию 8 человек: два офицера солдат студент рабочий: поизведен обыск всей экономии моего дома опечатан винный погреб заявили вино принадлежит Красному Кресту забрали все оружие моей коллекции Полагаю обыск совершен чужой губернии незаконно пожалуй самозванцы очень прошу сделать соответствующее рассмотрение

25.5.1917

Фальц-Фейн гостиница Элит Москва.

Вскоре, благодаря поддержке научных организаций и Временного правительства, для охраны уникального памятника природы в Асканию был направлен комиссаром ботаник И.К. Пачоский, а в декабре 1917 — путешественник П.К. Козлов.

А вот другой свой заповедник — Налибоки в Белоруссии, Фальц-Фейну сохранить не удалось. Революционные толпы выбили там всех бобров, исковеркали древний лес. Чувствуя неладное, Фридрих просил покинуть имение свою мать. Но она ответила: “Ничего со мной не случится, я старая женщина, я никому не сделала зла. Оставь меня здесь с Богом”. Красные расстреляли её в родовом замке в порте Хорлы в 1919 г. Слуги вынесли тело из горящего здания и предали земле. “Революцинные” массы уничтожили и красивейший белый замок.

Некоторые из Фальц-Фейнов переехали Черное море на лодке, но в Болгарии их убили бандиты. Оставшихся приютил принц Франц I из Лихтенштейна, в свое время посол Австро-Венгрии в России. Он слыл большим другом семьи Фальц-Фейнов. Последние члены почти вырубленной семьи вскоре стали гражданами маленькой страны.

Самого Фридриха по подозрению в шпионаже арестовали в декабре 1917 г. в Москве чекисты, посадили в Бутырки. В тюрьме он пробыл несколько месяцев, где не падал духом, и

заключенные избрали его своим старостой. Однако очень подпортил здоровье (в декабре 1917 г. с ним уже случился первый удар — была парализована вся левая сторона). Под воздействием протестов ученых-биологов, Ф.Э. Фальц-Фейна в августе 1918 г. освободили. И в том же месяце он уехал в Германию.

Жил некоторое время в Берлине, участвовал в работе природоохранной комиссии профессора Конвенца. Однако болезнь сердца не отпускала и он был помещен в санаторий профессора Даппера в Бад-Киссингене, где умер 2 августа 1920 г. от сердечного припадка.

Если вам посчастливится побывать в Берлине, не поленитесь зайти на старое кладбище “Двенадцати Апостолов”. На одном из могильных камней, что с изображением двух орлов, высечена надпись “Здесь покоится знаменитый создатель Аскании-Нова”. Принесите ему цветы.

Русские и украинские ученые пробовали в 1922 г. просить “Совнарком соответственным образом отметить научные заслуги покойного Фальц-Фейна как организатора научных основ заповедника, которые имеют громадную научную ценность и завоевали себе мировую славу”. Что не получило “добро” Совнаркома. Более того, в 1925 г., советский комиссар латыш Зитте, управлявший Асканией, при помощи некоего Привалова, вскрыл все гробы предков семьи Фальц-Фейнов, распорядился высыпать их содержимое в большую яму, а гробы частично передать на всевозможные нужды, а частично использовать для захоронения руководящих коммунистов. Все украшения и мраморные памятники в церкви были уничтожены. А саму церковь и склеп превратили в хранилище для картофеля.

Памятью проявленные фото

Итак, Аскания-Нова создана только одним человеком? Генрих Рибергер слыл самым лучшим препаратором асканийского музея и непревзойденным фотографом. Благодаря оставленным им фотографиям мы представляем людей и Асканию того времени. Ими иллюстрированы все старые книги о заповеднике. Вот бесчисленные стада бизонов, сайгаков, антилоп на водопое. Степной орел на гнезде. Приземистый, под красной черепичной крышей дом Фальц-Фейна.

Еще несколько фотографий. На первой сам фотограф. Умное, открытое лицо сельского интеллигента, опрятная седая борода, высокий лоб. Что мы знаем о нем? Немного, к сожалению. Сын обрусевшего немца. Родился в Аскании в июне 1873 года. Асканийский Кулибин. Многие его технические новинки были поддержаны Фальц-Фейном и нашли свое применение здесь, в Аскании. Искусный препаратор: чучела, созданные им, принесли славу музею. Он стал его хранителем, обогатив фонды всевозможными муляжами, спиртовыми препаратами, золотом скифских погребений. Репрессирован в Аскании в 1933 г.

Рыбак рыбака видит издалека. Они не могли не встретиться. Шестнадцатилетний Клим и двадцатиоднолетний Фридрих. Два человека, фанатично влюбленных в природу. Сын бедного крестьянина Киевской губернии и наследник богатого землевладельца. Скромный практик зоологии и ее меценат.

Заметив в Климе натуралистическую жилку, Фридрих научил его грамоте, снабдил книгами по естествознанию, назначил главным управителем зоопарка.

Смотрю на фотографию. Клим Сиянко на корточках перед самодельным инкубатором. Это был звездный миг. Ему удалось впервые в мире получить потомство от страусов. Вот он, счастливец: в поношенной рубашке, небритый, с густой мужицкой бородой. Он был скромен, стеснителен и до фанатизма любил животных. Рассказывают, он никак не мог

забыть своих днепровских аистов, и привлек таки их на трубу асканийской управы. Гнездо это существовало, как памятник ему, более сорока лет.

По его настоянию в Аскании особым образом косили луга. Впереди косарей шли девушки и обозначали гнезда птиц прутиками. И коса обходила их за два метра. Чтобы оживить местные пруды, он упросил Фальц-Фейна привезти из Москвы лягушек и головастиков. Он придумал удивительные и легко изготовляемые птичьи домики из обычных тыкв. Любая асканийская тварь питала к нему особое теплое чувство. Только его пускал “Искрич”, самый мощный из жеребцов лошади Пржевальского в свою “зеленую конюшню”. Шутили, что жеребца оседлать опасней, чем тигра. Сиянко также репрессирован в 1933 г.

Вообще слуги и помощники у Фридриха Эдуардовича собирались толковые, преданные хозяину и его делу. И немного оригинальные. Легендарная птичница и художник Юлия Игумнова. Она же, в свое время — пресс-секретарь Льва Толстого. Кучер Никифор, более 50 лет служивший у Фридриха, за свою преданность получивший медаль из рук царя. Наливайко, помощник главного пастуха: душой младенец, но так похож на Стеньку Разина. Опытный пастух Иван Саучак, в свои 104 года пасший отары. Без них всех Фальц-Фейну не сделать Аскании. Кстати, почти все его люди в конце 20-х — начале тридцатых были репрессированы или выгнаны из заповедника.

Аэроплан, покружив над поселком, ткнулся носом в степь. Встречать бросились все асканийцы, от мала до велика. Многие знали, что младший брат Фридриха Александр (или как его звали Шура), прилетит домой на чудесной железной птице. Но всерьез не верил никто.

Аэроплан перестал стрекотать и заглох. Из кабины выпрыгнули два человека в шлемах и черных комбинезонах. Люди окружили самолет плотным кольцом, что-то кричали, жали руки пилотам.

Генрих Рибергер, несмотря на жару, притащил свой фотографический ящик. И хотя Шура не любитель оваций, каждый раз отворачивался, Рибергеру удалось его снять. Вместе с зеброй, которая подбежала к своему хозяину.

Быть первыми — характерная черта всех Фальц-Фейнов. Один из братьев возглавил Херсонский отдел Российского общества правильной охоты, другой стал депутатом Государственной Думы. Шура был одним из первых в России, кто поднялся в воздух на таких еще ненадежных аэропланах. Говорят, он и первым испытывал летательные аппараты тогда никому не известного студента Туполева, с которым он вместе учился в одной школе.

Погиб Александр Фальц-Фейн в 1916 году в Карпатах, в воздушном бою сражаясь с авиаторами кайзеровской Германии.

Товарищ барон

Бароны бывают разные. У бывшего чемпиона Франции по велосипедному спорту и известного спортивного журналиста богатая биография и интересная родословная. Эдуард Александрович Фальц-Фейн — племянник основателя зоопарка, родственник писателя Достоевского и адмиралов Епанчиных, героев Наваринской битвы. Живет он в небольшом городишке Вадуц, что в графстве Лихтештейн. Владеет крупным офисом по продаже спортивных товаров и виллой “Аскания-Нова”. В 1945 году он был первым председателем национального Олимпийского комитета. На Московской олимпиаде — ее почетным гостем. Вместе с писателями Жоржем Сименоном, Юлианом Семеновым, Джеймсом Олриджем,

художником Марком Шагалом он организовал и стал президентом Комитета за честное отношение к произведениям русской и мировой культуры, похищенной нацистами.

“Публикация повести Ю. Семенова о поиске Янтарной комнаты, русских картин, икон, книг, архивов, скульптур поднимает важный вопрос сбережения нашего великого культурного наследия. Хочу через вашу газету сообщить, что я безвозмездно отправил в дар Академии Наук Украины коллекцию русских книг из всемирно известной библиотеки Дягилева, которую мне удалось спасти, купив её за 100.000 долларов на аукционе в Монте-Карло.

Я и впредь намерен продолжать поиск русских культурных сокровищ, полагая, что часть из них будет представлена в музее заповедника Аскания-Нова, когда я сделаю новый дар Советскому государству.

С уважением, Эдуард Фальц-Фейн, Лихтенштейн”.

Он помог возвратить родине прах Шаляпина, картины Айвазовского, Коровина, рисунки Репина, Ларионова, Бенуа, часть которых снова потеряли в той же Аскании. Эдуард Фальц-Фейн финансировал поиски Янтарной комнаты и архивов Достоевского. Он первый на Западе издал марку с изображением Суворова. Глубокий патриотизм — еще одна характерная черта Фальц-Фейнов. Советское общество дружбы с зарубежными странами наградило лихтенштейнского барона знаком “За вклад в дело дружбы”.

На международном конгрессе по лошади Пржевальского было решено вернуть пару десятков лошадей на их прежнюю родину. Почетное право выпустить их на волю было предоставлено племяннику основателя Аскании-Нова.

Он открыл барельеф основателю заповедника в Аскании, другим свои родственникам, реставрирует там старые здания и церкви. В 1992 г. учредил международный фонд “Аскания-Нова — Фальц-Фейн”, перечислив на расходы заповедника 100 тыс. долларов.

...Революцию он с семьей встретил в Петрограде. Однажды в гостиницу, где они жили, ворвались пьяные матросы. Их остановила мать Эдика — дети больны заразной болезнью! Матросы, испугавшись, ретировались. Жизни дочки и сына, действительно тогда хворавших, были сохранены. Вскоре Фальц-Фейны выехали в Финляндию.

Долгим было возвращение Эдуарда Александровича на Родину. Несмотря на то, что он столько сделал для СССР, визы ему не давали. Помог случай. В 1980 г. Москва оспаривала у Лос-Анжелеса право называться олимпийской столицей. Барон, как председатель олимпийского комитета Лихтенштейна, попросил своих приятелей, лидеров других национальных олимпийских комитетов, голосовать за СССР. Перевес голосов оказался в сторону Москвы.

Приехав в Союз, Фальц-Фейн попросил союзного министра спорта Павлова помочь ему попасть в Асканию. Тот обещал помочь. Но легально ничего не выходило. Тогда Павлов направил Фальц-Фейна в Херсонскую область по линии Спорткомитета СССР, якобы знакомиться с местными футбольными командами. В тот раз лишь на час удалось барону побывать на родине. В следующий раз достичь Аскании-Нова ему помог академик Б. Патон, президент Украинской Академии Наук.

В начале 1994 Кабинет министров Украины присвоил имя Ф.Э. Фальц-Фейна заповеднику Аскания-Нова.

Жизнь и смерть эколога Станчинского

Он стоял на грани великого синтеза генетики, эволюции и экологии. Но не был понят современниками. Многие его гениальные рукописи уничтожены, учеников отправили в Гулаг. По своей интеллектуальной мощи Станчинский сравнялся с Вавиловым. И кончил жизнь также, как он.

Проба гения

Учёным и поэтам всё дозволено
Афоризм

Владимир Станчинский родился в семье с революционным стажем. Отец, Владимир Николаевич, химик-технолог по профессии, и мать, Татьяна Алексеевна, всеми правдами-неправдами поддерживали народовольцев. Сын вначале пошел в науку. Светило российской орнитологии академик М.А. Мензбир заметил этого невысокого, большеголового юношу, позвал в свою лабораторию.

Но путь науки пересекла революционная тропа. В 1902 г. Володю, за участие в политических акциях, уволили из Московского университета. Эмигрировал в Германию. Где поступил в знаменитый Гейдельбергский университет и в 1906 году стал доктором философии. И дальше б заниматься наукой, что ещё надо, так нет, тянет в политику. Вступает в партию меньшевиков, получает массу заданий и кличку "Мчанов". С 1915 по 1917 — служил в армии.

Многие крупные деятели охраны природы Украины и России — Яната, Талиев, Федоровский с воодушевлением раскручивали красное колесо революции. В чём позже, наверное, глубоко каялись. Вот и товарищ "Мчанов". В пьянящем феврале семнадцатого создавал в Москве народную милицию, комиссаром ее стал. Весной, по поручению Временного правительства, инспектировал центральные губернии. А в конце года, вкусив от взявших власть большевиков "свободы", "равенства" и "братства", круто и навсегда отошел от политики. Возвратился на Смоленщину, в родовое гнездо в Ельницком уезде, давшее, кстати, не только гениального биолога, но и известного музыканта (брат Владимира Владимировича), и раньше — крупного математика.

Практически нет сведений о дореволюционной научной деятельности ученого. Известно, что преподавал он успешно в Московской сельхозакадемии, участвовал в 1912 году в заседаниях Русского орнитологического комитета по вопросам охраны птиц.

На родной Смоленщине Станчинскому удается развернуться неплохо. Возглавив кафедру зоологии местного университета, он создает Смоленское общество естествоиспытателей и врачей, университетскую биостанцию, готовит к печати несколько серьезных фаунистических трудов, проводит "бобровую" экспедицию. Итог которой необыкновенно удачен — учрежен Березинский заповедник.

Не было счастья, да несчастье помогло: Владимиру Владимировичу предлагают принять участие в авторитетной "профессорской" комиссии, направляемой Совнаркомом Украины в Асканию-Нова. Дело в том, что Наркомзем республики, полновластный, но недалекий хозяин заповедника, порешил оттяпать почти всю заповедную степь — 40 тысяч десятин. Под зернотрест. На манер "хлебных фабрик" Америки. Уже и "добро" от правительства получил. Да не учел активности природоохранной общественности. С ней не успели еще к тому времени расправиться. Вот она шум и подняла. Делу дали задний ход. В конце июля 1925 года на Херсонщину прибыло семь профессоров — В. Редикорцев, Д. Свириденко, М.

Завадовский, Е. Оппоков, А. Яната, Д. Третьяков, В. Станчинский во главе с президентом Всеукраинской академии наук В. Липским и клерком из Наркомата рабкрина Г. Калюжным.

Ученые потрудились на славу, написав три тома справок, и смело предложив в заключение правительству Украины взять назад свое “добро” о распашке целины, да и вообще навсегда оградить заповедник от каких-либо ведомственных потуг. В верхах со всем согласились, кое-в чем Аскании подсобили, но как у нас часто делается, до ума не довели.

Бескрайняя, ровная, как стол асканийская степь, низкое, с крупными как яблоки звездами небо, миниатюрные синеглазые пруды — плод необычайного трудолюбия их прежнего владельца, белые украинские хаты под красной черепицей — простор, ширь, воля — все это необычайно понравилось Станчинскому. Местные жители называли это местечко по-иному — “Чапли”.

По-видимому, именно тогда, познакомившись с Асканией-Нова, ученый и решил перебраться в заповедник, дабы дать волю своим замыслам по экологическим исследованиям. С весны 1929 года Владимир Владимирович становиться заместителем директора по научной части заповедника Аскания-Нова, а через год параллельно возглавил и кафедру зоологии позвоночных Харьковского университета. Это были звездные часы не только для самого Станчинского, но и его помощников.

Здесь впервые широко стали проводиться биоценологические и экологические исследования — теоретическая база охраны природы, причем во многих разработках Владимиру Владимировичу не было равных в мире. Это уже потом, крепко стоя на его плечах, зарубежный ученый А. Тэнсли разработал учение об экосистемах, а академик В.Н. Сукачев — науку биогеоценологию.

О чем на полвека забыли, а может и не знали вовсе. Лишь в конце 80-х американский историк профессор Дуглас Уинер вновь открыл Станчинского. По его мнению, основатель советской экологии, кроме всего прочего, далеко обошел многих коллег в зоогеографии, заповедном деле, теории акклиматизации, орнитологии. Как актуально звучит хотя бы вот это высказывание, сделанное ученым в 1933 году на Всесоюзном сьезде по охране природы в Москве:

— “Изучение природных условий, как естественной производительной силы, в настоящее время может считаться научно-поставленным только при условии комплексного исследования всех ее сторон в их динамике и противоречиях.

Комплексное исследование может быть только стационарным; оно может быть осуществлено только в особых научно-исследовательских институтах, специально оборудованных для таких исследований и расположенных в типичный местностях. Для понимания тех изменений в природных факторах, которые производятся человеком, необходима наличность достаточного числа, достаточной величины участков нетронутой рукой человека природы как эталонов для сравнения. Такими эталонами являются заповедные участки природы, расположенные на территории таким образом, чтобы охватить все характерные в народно-хозяйственном отношении районы, около них должны располагаться указанные выше научно-исследовательские институты, задачей которых должно быть научное разрешение природохозяйственных проблем района”.

В описании асканийской истории исходили из принципа: чем хуже (о прошлом), тем лучше, в надежде, что светлый сегодняшний день заповедника Аскания-Нова покажется еще светлее. На самом деле все совершенно иначе. Сегодняшним руководителям Аскании

хвастаться нечем. При Фальц-Фейне и позже, в 20-х годах, и заповедной степи было больше, и многообразие животного и растительного мира богаче...

Под руководством Станчинского Аскания-Нова быстро превращалась в оплот отечественной, да и мировой (!) экологии. Он выбил финансы, привлек талантливых выпускников Смоленского и Харьковского университетов — Е.М. Воронцова, С.И. Медведева, Н.Т. Нечаеву, Г.А. Правикова, Е.Г. Решетник, А.П. Гунали, Т.В. Родионову, И.Ф. Андреева, М.П. Божко, Д.С. Шапиро, И.Д. Иваненко. Даже пройдя Гулаг, некоторые из них стали известными учеными.

Будущий писатель Александр Кременской попал в Асканию безусым студентом-биологом. Светлые впечатления о Станчинском и его помощниках он сохранил на всю жизнь, посвятив золотому заповедному времечку несколько своих рассказов. Тогда в Степном институте-заповеднике "Чапли" (Аскания-Нова) трудилось с полсотни научных сотрудников (в последующие годы советская власть уже не позволяла иметь столько экологов в этом заповеднике). Царил "сухой" закон, культ науки, городков и тенниса. Заповедник печатал труды, готовился к первому Всесоюзному сьезду по охране природы. А сам Станчинский, благодаря своему авторитету, стал координировать науку других заповедников, подчиненных Всеукраинской сельхозакадемии — Конча-Заспы, Каневского, Приморского.

Первые лица правительства СССР и Украины считали своим долгом совершать паломничество в популярный заповедник — Калинин, Буденный, Ворошилов, Петровский, грозный шеф украинских чекистов Балицкий. Заведующий асканийским зоопарком Борис Фортунатов неделю убил на Балицкого, сопровождая его по степи да вольерам. Через несколько лет, попав в лапы к чекистам, он усердно просил Всеволода Аполлоновича Балицкого, мол, защити, спаси, отец родной. Но глух оказался "украинский Берия" к мольбам своих бывших знакомых.

Но это уже потом. А пока двадцатые годы истекали. И у высоких гостей заповедника нередко удавалось сорвать подарки: оборудование для лабораторий, проволоку для ограждения степи, почти новенький "Шевроле". За ним Владимир Владимирович отправился в Мелитополь, да беда, на обратной дороге, на ухабе, здорово расшиб себе голову. На брезентовом покрытии навсегда впечаталось маленькое красное пятно.

В июне 1929 года Наркомзем решил передать 32 тысячи заповедной целины Укрсовхозобьединению под овцеводческо-зерновое хозяйство. Как только худая весть докатилась до Аскании — Владимир Владимирович быстро созвал заседание научного совета заповедника. Решили: "Сделать срочное предложение Наркомам: Земледелия и Просвещения УССР, Укрнауке УССР, Украинскому комитету охраны памятников природы, Всеукраинской Академии наук, Всесоюзной Академии наук о необходимости пересмотра решения коллегии НКЗ УССР по поводу реорганизации заповедника". Вновь поднялся шум. Атаку хозяйственников удалось отбить.

В январе 1930 г. вместе с директором Аскании-Нова Ф. Бегой Станчинский шлет письмо Петровскому, Косиору и Чубарю. С приложением в 113 страниц: "Предоставленный план развития первого государственного степного заповедника "Чапли" (быв. Аскания-Нова). Пытался обьяснить первым лицам необходимость Степного института, экологических исследований, охраны заповедной степи: "Сохранив во всей первобытной красоте растительный покров и восстановив дикую фауну южноукраинской степи, заповедник явится живым музеем, который сохранит будущим поколениям повсюду уничтоженную древнюю природу нашей стороны".

По-видимому, история тому свидетельство, идеи эти остались непонятыми.

Презент — не подарок

“Вы слышали, что сказано древним: “не убивай”, кто же убьёт, подлежит суду”.
Нагорная проповедь.

Артур Шопенгауэр как-то заметил: “Главное препятствие на пути к прогрессу человеческого рода то, что люди прислушиваются не к тем, кто говорил наиболее разумно, а к тем, кто говорит наиболее громко”. Один из таких “горланов-трубачей” вперся в советскую биологию в начале 30-х — будущий академик ВАСХНИЛ Исай Израилевич Презент. Главный советник Лысенко по политическим и философским вопросам. Мозговой центр. Правая рука.

Презент сыграл гнусную роль в биографии Станчинского. Да разве только в его судьбе? Метод “идеологической” травли он опробовал еще в 20-х годах против выдающегося генетика Ю.А. Филипченко, затем громил школу ленинградского биолога-методиста Б.Е. Райкова, асканийских зоологов во главе со Станчинским. И лишь после взялся за Вавилова.

В мае 1930 года, на IV Всесоюзном сьезде зоологов, анатомов и гистологов в Киеве, Станчинский доложил интереснейшие материалы по Аскании-Нова.

“Открывается чрезвычайно обширное и совершенно новое поле для плодотворных исследований. Это поле исследований принадлежит развивающейся молодой науке — экологии”, — закончил Владимир Владимирович один из своих докладов. Тут-то и произошла первая встреча Станчинского с Презентом. Их первый встречный бой. Презент, не имеющий биологического образования, резко принялся критиковать лидера асканийцев. Да еще глубокомысленно изрек в заключение: “Экологию нужно проверить в ЦК, что это еще за наука такая?”. Станчинский ответил с достоинством.

В бывшем архиве ЦК Компартии Украины я нашел любопытный документ — резолюцию заседания комфракции на этом сьезде. Удовлетворенно отмечено, что “по наиболее идеологически опасным докладам (уж не Станчинского ли? — В.Б.) сопротивление было своевременно организовано (...) Все эти достижения являются результатом реализации линии партии на выращивание новых научных кадров из рабоче-крестьянской и партийно-комсомольской молодежи”. Однако коммунисты-зоологи, анатомы и гистологи решили довести до сведения ЦК ВКП(б), что оргкомитеты любых будущих сьездов должны быть полностью партийны, и контролировать заседания нужно культотделу ЦК ВКП(б). Коммунистов-делегатов отпускать на сьезд беспрепятственно.

Вечером украинские зоологи собрались у профессора Аверина, живо обсуждали прошедший день. Никто не смог вспомнить фамилию низкорослого чернявого ленинградца, безапелляционно поносившего экологов.

— “Как же его фамилия, Презент или Брезент?

— Презент”, — уточнил Виктор Григорьевич Аверин. — “И, по-видимому, этот Презент не подарок. Мы с ним еще намучаемся”.

С тех пор и пошла гулять в научных кругах знаменитая поговорка — “Штерн не звезда, Презент не подарок” (Лина Соломоновна Штерн, академик, физиолог растений).

Но откуда же взялся этот “подарок”? Исай Презент происходит из городишка Торопца Псковской губернии (ныне Тверской области), из мещанской семьи, где и появился на свет божий 15 сентября 1902 года. Закончив школу, пару лет преподавал в железнодорожном училище. Затем быстро пошел по комсомольской линии. 1921 год — ответственный

секретарь уездного комитета РКСМ, зав. политпросветотделом губкома РКСМ в Пскове. 1922 год — по комсомольской путевке поступает на философский факультет Ленинградского университета. Так вот запустили Презента в науку, как козла в огород.

Там он стал ловко хватать за глотки своих профессоров. Некто Немилов в погромном журнальчике “Фронт науки и техники” приводит слова этого комсомольского вожака: “Когда я в 1922 г. был откомандирован вместе с рядом товарищей на учебу в ЛГУ”, — рассказывал т. Презент на чистке, — “университет еще окончательно не освободился от “белоподкладочников” — эсеровских, меньшевистских, ведших за собой значительную часть “болота” и тому подобных “коллег”. Университет делился на курии: профессорскую, преподавательскую и студенческую, и приходилось завоевывать эти курии, что было не так-то легко. Значительная часть профессуры была реакционно настроена... С помощью пролетарского студенчества, влившегося из рабфаков, пришлось завоевать сначала студенческую массу, и тогда только мы могли двинуться на завоевание и проведение нашей линии среди профессорско-преподавательского персонала. Когда университет был советизирован, то борьба со старой идеологией еще далеко не была окончена”.

Обогатившись на студенческой скамье опытом “бескомпромиссной” борьбы с оппортунизмом всех мастей, Исай решил немного подучить этому слушателей Ленинградской областной советско-партийной школы. Было что сказать молодым партийцам. Да и платили там неплохо. В 1930 г. Презент возвратился в ЛГУ, возглавил первую в стране кафедру диалектики природы и эволюционного учения. Позже сошелся с Лысенко, без защиты диссертации сделался доктором наук, и в 1948, при помощи Сталина, вознесся до академика ВАСХНИЛ. И всю свою жизнь травил, травил, травил. Характерно, что до встречи с Лысенко он хвалил генетиков, после — ругал.

Такие, как Презент, Лысенко, Лепешинская пришлись по душе большевикам. Чувствовавших в себе силу революционной активности изменить не только страну, не только весь мир, но и всю природу. Пользуясь для этого всеми средствами рая и ада.

— “Не будет борьбы классов. Останется борьба с природой. Борьба творчества. Борьба за овладение природой. Природу взять в руки и переделать для целей соцстроительства” — призывала член ВКП(б) с конца 19 века Ольга Лепешинская, жена известного революционера, друга Ленина — будущий академик ВАСХНИЛ.

— “Советский фаунист должен стать инженером-изобретателем, инженером-реконструктором животного организма, активно преобразующим нужную для соцстроительства фауну”, — это уже умозаключение товарища Презента.

— “Заниматься революционированием лика животных и растений”, — призывал нарком земледелия СССР Яковлев.

А тут “гнилые” интеллигентики с этой охраной природы.. Да, их деятельность, скажем честно, была скрытой оппозицией плану большевиков по переделыванию природы и общества. Базисом охраны природы стала экология. Отдадим должное Презенту. Он первым унюхал социальную опасность охраны природы и экологии (раньше, чем ЦК ВКП(б) решился громить природоохрану) и псом цепным вцепился в экологов.

Вторая крупная схватка случилась в колыбели революции, в феврале 1932 года, на Всесоюзной фаунистической конференции. На этот раз Презент чувствовал силу: профессор престижного вуза, лидер оголтелого Ленинградского общества биологов-марксистов, как нашумевший партиец от науки обласкан в Смольном. А любой коммунист, как известно, есть “большой или маленький вождь”. Скороспелый лидер советских зоологов Презент

готовил в Ленинграде разгром группы Станчинского. Стянуты с периферии партийные молодые да зубоскальные силы, подобраны ловкие идеологические цитаты, хитро расписаны роли, инструктированы зоологи — члены партии, заготовлена погромная резолюция. В начале все шло как по маслу: дав выступить Станчинскому, Презент первым кинулся его колошматить, стараясь "пришить" политику. И зал уже трусливо замер, готовясь лицезреть расправу. Но спутали карты подонков два старых профессора, два столбовых дворянина — Римский-Корсаков и Семенов-Тян-Шанский. Сын известного русского путешественника — Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский (мировая известность в энтомологии, пионер охраны природы, поэт и переводчик Горация), своим выступлением не только прикрыл асканийского зоолога, не только поставил под сомнение большевистский призыв "реконструкции фауны", но и замахнулся на святая-святых существующего строя, потребовав отмены цензуры для научных публикаций.

Но самый мощный залп дал профессор Римский-Корсаков. Осмеяв презентовское предложение об организации ученых в "научный колхоз", едко заметив, как это небиолог может руководить всесоюзной фаунистической конференцией, он твердо закончил: — "Наука беспартийна, а если она партийна, то мне здесь делать нечего". Встал и ушел. И такое заявить в 1932 году! Шок полный. Презент оклемался лишь к следующему дню.

— "Я думаю", — сказал Презент, — "что товарищи, которые хотят не только Ж-И-Т-Ь (разрядка моя — В.Б.) при социализме, но которые хотят социализм делать, обязаны выступить сейчас открыто с трибуны... Товарищи докажут, что они за партию, за большевистскую фаунистику и дадут политический отпор, отмежуются от этого недостойного поступка профессора Римского-Корсакова". И Презент, взглядом своих черных глаз многозначительно обвел еще оставшихся неповерженных оппонентов. А они, профессора Кожевников, Федюшин, Аверин, Станчинский, слава российской, украинской, белорусской науки, как кролики перед удавом, двинулись к трибуне.

Профессор Кожевников: "Я сюда привез отдельный оттиск своих статей об охране природы, которые были напечатаны много лет тому назад. Я думал издавать их вновь, потому, что они просто залежались, но после того, что прочитали на секции, я понял, что их издавать нельзя" (Аплодисменты).

Профессор Станчинский: "Вчера академик Келлер свою блестящую речь закончил призывом, сказав, — "товарищи, я считаю, что фаунисты могут быть только партийными или беспартийными коммунистами". Весь зал аплодировал ему. Я лично в своем заключительном слове целиком присоединяюсь к этим словам академика Келлера".

Предложили принять резолюцию, осуждающую Римского-Корсакова. Старый профессор Книпович пытался как-то сгладить ситуацию, мол зачем так делать, в науке это не принято. Но ловкий Презент простыдил Книповича его дружбой с семьей Ульяновых, будь Владимир Ильич жив, не одобрил бы такие шатания. И Книпович сдался. Фаунисты страны осудили Римского-Корсакова единогласно, "за" голосовал даже его племянник — зоолог Штенберг (правда, Семенов-Тян-Шанский и несколько других не пришли на судилище).

Кстати, выступая на этой конференции, Владимир Владимирович Станчинский гениально подошел вплотную к созданию биосферных заповедников, одновременно завуалировав свое выступление расхожими фразами о "переделке природы":

"Мы на Украине думаем над вопросом создания такой станции (научной стационарной — В.Б.), которая была бы связана с определенным хозяйственным районом. Тут нужно подчеркнуть, что чрезвычайно важное значение имеют заповедники, которые дают возможность сравнивать те изменения, которые происходят в определенных хозяйственных

условиях с тем, что происходит в природе. Конечно, сравнивать не только потому, что природа есть образец. Природа не является образцом. Природа является тем обьектом, который мы переделываем для того, чтобы поставить на службу социалистическому хозяйству”.

Однако словесная эквилибристика лишь оттягивала трагический исход лидера советской экологии.

Тучи сгущались над Асканией постепенно и неотвратимо. Побеждало утилитарное, сельскохозяйственное направление. В конце лета 1931 года в Степной Институт-заповедник (так тогда именовалась Аскания-Нова) прибыла высокая комиссия: президент Украинской академии сельхознаук академик А.Н. Соколовский, ее вице-президент академик А.М. Слипанский. Участвовал в ней и академик Николай Иванович Вавилов. Несмотря на возражения асканийцев-экологов, они решили, что Аскания-Нова должна стать Институтом акклиматизации и гибридизации.

Станчинский, уступая, поставил свою подпись под их рекомендациями. Правда, при помощи этого компромисса, Владимиру Владимировичу удалось сохранить свой отдел. Но это уже было началом конца.

Волны природоохранения, поднятые в 20-х годах, откатывались. Деятелей охраны природы все чаще, и с высоких трибун (журнал “Большевик”, газета “Правда”) обвиняли в защите природы от... народа, от пятилетки, от социализма.

Придя к власти, китайский император Цинь Ши-хуан распорядился закопать живыми в землю всех ученых. Так действовали и Презент с Лысенко в биологии. Сейчас часто и довольно подробно анализируется учиненный ими погром генетики. Но свою первую крупную победу лысенковцы одержали над экологами, причислив их к “врагам народа”. И главную роль здесь сыграл не Лысенко — Презент.

Он наезжал в Асканию не раз. Приглядывался, принюхивался. Играл с асканийцами в волейбол. Хихикал на вечеринках. Реорганизация Степного Института-заповедника в Институт акклиматизации и гибридизации, думаю, произошла не без его участия.

Выступая на Первом всесоюзном сьезде по охране природы в январе 1933 года, в прениях об Аскании-Нова, ее директор Ф. Бега заявил: “Вот каково мнение руководящих работников Коммунистической Академии, которая является в деле марксистско-ленинской методологии и в деле диалектически правильного подхода к таким вопросам, как постановка научно-исследовательской работы, органом, которому партия поручила руководить этим делом. Тов. Презент вот что говорит (он пробыл в Аскании около 2 недель): “Нужно придать Аскании единый профиль. До сего времени по настоящему ясно видел свои задачи Институт гибридизации и акклиматизации: но этого же самого сказать нельзя про Степной институт (...). Аскания должна стать мощным центром гибридизации и акклиматизации, но не только животных, а и растений. Надо расширить это учреждение, причем животные должны остаться ведущей и решающей частью Аскании, а заповедная степь должна сама из участка “охраны от человека” стать очагом интродукции в культуру новых, невыявленных растений”.

Комментарии, по-видимому, излишни. Вот в чем еще большее мировое значение Аскании, приобретаемое благодаря активной поддержке руководящих партийных товарищей и правительства”

Они с Презентом жили в разных системах нравственных координат. Гений Станчинского требовал социальной защиты. Её не было.

Если враг не сдается, его уничтожают. Если он сдается, его уничтожают все равно. Исай Презент не бросал слов на ветер. Уже раз порешив разделаться со Станчинским, он добивал его методически, до конца.

Летом 1933 года он вновь заявился в Аскании. Не один. С Лысенко. Трофим прибыл в плохом настроении. По дороге свалился с лошади, расшиб колено. Презент наоборот, весь сиял. Одеты они были оба в цветастые желто-сиреневые куртки.

— “Это что, форма такая, чтоб вас издали узнавать?” — пробовал пошутить Владимир Владимирович.

— “Нет”, — быстро спарировал Презент, — “это походная одежда. А вот у вас на голове опознавательный знак. Ясно, к какому классу тянетесь!”

Он имел в виду соломенную шляпу Станчинского. Их с десяток, разного размера, в большой коробке год назад привез из Харькова профессор Яната. Чтоб носы не обгорали. Сейчас Яната оказался уже в лапах ГПУ...

Лысенко был в заповеднике всего сутки. Презент, как клещ, впился надолго. Уже не играл в волейбол, не ударялся за молоденькими лаборантками. Строил из себя прокурора. Ругал Станчинского за “разбазаривание” народных денег, “отвлечение” молодых ученых от задач пятилетнего плана.

— “Вот ты,” — обратился Презент к Евдокии Григорьевне Решетник, — “изучаешь жаворонков. Какая польза в этом для социалистического строительства?”

Станчинский, по воспоминаниям Решетник, практически не защищался. Отбивались лишь некоторые его молодые помощники.

— “А какова твоя политическая линия,” — пристал Презент к молодому энтомологу Сегрею Медведеву, — “сколько ты за месяц разоблачил врагов народа?”

Парень смешался. Ленинградский профессор тем временем ловко выхватил у него со стола несколько графиков к еще неопубликованной статье по экологии. Позже, изменив расположение кривых, подло использовал в своей “разоблачающей” экологию статье в журнале “Советская ботаника”.

Станчинский сдал асканийский плацдарм. Собрал все свои книги, рукописи, приборы, картины (он неплохо писал акварелью) и полностью перебрался в Харьков, в свой дом номер 5 на Госпитальном переулке. Ведь у него там еще оставалась кафедра зоологии и сектор экологии при Зоолого-биологическом институте ХГУ. Да и в Москве еще он пользовался авторитетом — входил в состав оргкомитета по созданию Всесоюзного общества охраны природы.

Дома на рабочем столе его ожидал очередной пасквиль — на этот раз статейка активиста Общества украинских биологов-марксистов Финкельштейна в крутом журнале “За марксистсько-ленінське природознавство”. О всеми признанной теории равновесия Станчинского он писал: “Эта теория популярна среди работников экологии и вредит марксистско-ленинской реконструкции”.

А если так, то ее автора, по советским законам, давно пора изолировать...

И повинную голову меч сечет

“Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно”.
В.И. Ленин.

Сталинская политика в сельском хозяйстве трещала по швам. “Перегибы” в коллективизации, срывы хлебных поставок, голод, унесший только на Украине 6—7 миллионов жизней, требовали срочного поиска “виновных”. Их нашли. Без особого труда. Цель на знаменитом январском (1933 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) четко обозначил Сталин, указавший перстом на профессоров-аграрников, якобы “вредивших” сельскому делу. Началась охота. По всей стране. Украинское ГПУ устроило облавы в Наркомземе, Академии сельхознаук, всех сельскохозяйственных вузах республики.

9 августа 1933 г. ЦК КП(б)У, совместно с СНК УССР, принимает постановление “О борьбе Всеукраинской Академии сельхознаук в деле повышения урожайности”, предполагающее проведение закрытой (негласной) чистки личного состава научно-исследовательских заведений Всеукраинской Академии сельхознаук в течение двух месяцев. В списке была и Аскания. Естественно, свое задание получили не только партийные органы, клерки из рабоче-крестьянской инспекции, но и чекисты, как правило, негласно входившие в состав комиссии НКРКИ по “чистке”.

Возможно, не обошлось здесь и без Презента с Лысенко, а еще М.Ф. Иванова, будущего академика-лысенковца. Желая превратить заповедник в зооферму (что ему и удалось вскоре), он искал случая. И это, наверное, оказалось не так трудно, имея сестру своего ученика Гребня в местном ГПУ. Кстати, консультируя в 50-х годах писателя В. Елагина, работавшего над книгой “Цель жизни” об асканийском академике-животноводе М. Иванове, Гребень добился включения в текст эпизода, где Иванов помогает чекистам собрать компромат на асканийских зоологов-”пуховедов” (в этой книге В.В. Станчинский каррикатурно выведен под фамилией природоохранника Станчиковского).

Академик Туркменской Академии наук Нина Трофимовна Нечаева, работавшая тогда у Станчинского, вспоминала, что чекисты начали “копать” в заповеднике еще в августе 1933 года. А в первой декаде октября сотрудники Днепропетровского облГПУ уже арестовали асканийцев: Александра Гунали, Сергея Медведева, Клима Сиянко — всего 17 человек (позже — еще четырех).

Пятнадцать из них “сознались” в участии в контрреволюционной асканийской организации, возглавляемой профессорами В.В. Станчинским, А.С. Серебровским, М.М. Завадовским. Но главной фигурой сделали Владимира Владимировича.

Академик Нечаева рассказывала, что, предчувствуя беду, Станчинский издал приказ об ее увольнении. Нечаева только что вернулась из экспедиции и в слезах бросилась выяснять отношения.

— “Ни о чем не спрашивай,” — был ответ. — “Быстрее собирай вещи и уезжай из заповедника. Позже все поймешь.”

Осенью 1933 года Владимир Владимирович готовился к поездке в США. Официально никто этому не противился. Готовились документы. 6 ноября 1933 года ученого пригласили в Харьковское облГПУ. Домой он не возвратился.

Просматривая четыре тома “асканийского дела”, хранящегося в архивах СБУ, я обратил внимание, что практически каждый из двадцати одного арестованного оказался “меченым”. Кто служил у белых, кто сотрудничал с эсерами или родился “неудачно”, не в крестьянско-пролетарской семье. Из этих-то несчастных и составили “контрреволюционную организацию”. Они сознались, что “готовили” теракты на Ворошилова и Кагановича, “вредили” сельскому хозяйству, “обучали” на базе заповедников Аскания-Нова, Конча-Заспа и Всеукраинского союза охотников и рыболовов боевиков-повстанцев. Да еще организовали на косах Азовского и Черного морей заповедные участки — плацдарм для высадки вражеского десанта. А первый Всесоюзный сьезд по охране природы в январе 1933 года вообще превратили в шабаш всех контрреволюционных сил.

Под пытками профессора Станчинского, кроме всего прочего, вынудили сознаться:

— “Поставленные же мной теоретические проблемы экологии и биоценологии были совершенно оторваны от хозяйственных требований. Подрывной характер имела выставленная мной проблема степи, как основная проблема Аскании-Нова, еще потому, что она, подкупая своей логикой практической актуальности, обещала разрешение таких важных вопросов, ради которых можно было рискнуть потребовать даже миллион. Действительно, за мной пошли научные работники Аскании-Нова, дирекция, НКЗ Украины и Госплан. Соответственно с этой установкой был разработан пятилетний план развития научно-исследовательской работы научных учреждений Аскании-Нова, утвержденный НКЗ и Госпланом (...). Примерами вредительских установок в пятилетнем плане могут служить следующие: По степной станции:

1) огораживание 5,400 заповедной степи проволочной сеткой на железных столбах с бетонным основанием;

2) изучение природы степи без увязи с конкретными проблемами хозяйства (...).

В 1931 г., после посещения Аскании-Нова Вавиловым, Соколовским и Слипанским встал вопрос о новой реорганизации Аскании-Нова. Вавилов совершенно правильно, хотя и несколько односторонне, определил значение Аскании-Нова, как научно-исследовательского учреждения по акклиматизации и гибридизации животных. Моя подрывная работа заключалась здесь в том, что я вместо того, чтобы пойти по пути свертывания изучения природы по интересующим меня вопросам и подчинения этих исследований задачам акклиматизации, стал отстаивать необходимость дальнейшего развития этих исследований и выделения для этого самостоятельного института. Меня поддержали Бега и Слипанский”.

Надо полагать, ученый стал “сознаваться” в обмен на безопасность семьи. Его сын, Владимир Владимирович вспоминал, что их с матерью не лишили продовольственных карточек, да и из профессорской квартиры не выселили. А это, в то голодное время на Украине, была бы верная смерть.

То, что следствие велось незаконными методами, подтверждает и такой документ, чудом уцелевший в “деле”.

Начальнику спецкорпуса ГПУ УССР

тов. Нагорному
Прошу в отношении арестованного Станчинского Владимира Владимировича, содержащегося в спецкорпусе ГПУ, в камере №- провести с 28.12.33 г. следующие мероприятия:

1. Давать на обед второе блюдо.
2. Предоставить возможность пользоваться ежедневными прогулками (в течении 15 минут).
3. Вызвать через сан. отдел ГПУ специалиста-врача-терапевта — для оказания Станчинскому медпомощи.
27 дек. 1933. г. Харьков
Начальник отдела ЭКУ Рыклин"

(Из материалов СБУ).

Враги не довольствовались тем, что посадили за решетку группу Станчинского. Готовую к изданию верстку трудов по экологии сразу уничтожили, закрыли "Журнал экологии и биоценологии". Владимир Владимирович успел выпустить только первый номер. Был сожжен и почти весь тираж сборника "Проблемы биоценологии", который он только-только успел издать в Харькове. Станчинского, Янату и Скоробогатого исключили из Украинского комитета по охране памятников природы.

Отменили Пятый Всесоюзный сьезд зоологов, анатомов и гистологов, который Станчинский собирался провести в этом же году в Харькове, естественно, не состоялся и Второй сьезд по охране природы в Аскании-Нова.

Так на несколько десятилетий назад была отброшена в СССР экологическая наука.

Подготавливая в 1940 г. докладную записку в правительство, обобщавшую деятельность заповедников страны, заместитель начальника Главного управления по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при СНК РСФСР В.Н. Макаров печально резюмировал: "... известный украинский степной заповедник "Аскания-Нова" уже превращен в зооферму по разведению домашних животных, овец и свиней".

А ЦК КП(б) Украины продолжал стимулировать борьбу с "вредителями". 17 ноября 1933 г. за подписью Постышева большевикам Украины разослали секретный циркуляр: "ЦК КП(б)У обращает ваше внимание на факты недопустимого ослабления бдительности к работе врагов партии и советской власти — троцкистов, эсеров, меньшевиков. Ослабление бдительности выражается чаще всего в том, что троцкистам, эсерам, меньшевикам, националистам легко дают работу (хозяйственную, научную, преподавательскую и даже партийную). Этой гнилой снисходительностью, политической близорукостью страдают отдельные работники и партийных и комсомольских органов (...).

Надо проверить хорошенько отдельных работников аппарата... выгнать гниль. А что там гнилые элементы и примиренцы есть, в этом нет никакого сомнения (...). Нужно вскрывать и разоблачать скрытые антипартийные элементы, особенно тех, кто уклоняется от открытых выступлений и высказываний своих взглядов... О принимаемых вами мерах сообщить в ЦК личным докладом первого секретаря Обкома".

В соответствии с партийными установками новоиспеченный академик М.Ф. Иванов праздновал свой десятилетний юбилей работы в Аскании. В тронной речи он еще раз обрушился на своего поверженного врага: "Затем появился профессор Станчинский, который, по нашему мнению, явился злым гением Аскании-Нова. Работа станции чрезвычайно его нервировала, он открыл борьбу против нее. Началось это с

дискредитирования самого руководителя, я назывался “ученым чабаном” и пр. Затем он тщательно добивался того, что отдел овцеводства был выведен из Аскании-Нова также, как и свиноводства” (а что им делать в заповеднике? — В.Б.).

История сохранила любопытный документ — статью нового директора Института Аскания-Нова А.А. Нуринова, имеющего характерный для того времени заголовок: “Выше классовую бдительность в науке”.

Нуринов писал: “Однако достижения Института могли быть значительно большими, если бы своевременно была вскрыта и разоблачена группа вредителей, которая одно время захватила важнейшие участки научно-исследовательской работы Института (Яната — научный руководитель, Фортунатов — Научный руководитель, Станчинский — эколог, старший научный сотрудник, Никольский — генетик, Гунали — эколог, Медведев — энтомолог, Подлуцкий — научный сотрудник по искусственному осеменению и др.). Эти ублюдки человеческого общества, пробравшиеся в Институт, поставили своей целью сорвать, а если не удастся, то, по крайней мере, затруднить научно-исследовательскую работу Института. Надо прямо сказать, что этим вредителям удалось на некоторе время оторвать Институт от его прямых задач... Только благодаря чистке партии, проведенной в Институте в 1934 г., была вскрыта, разоблачена и изолирована вредительская группа во главе с Станчинским... Чистка партии помогла Институту не только выкорчевать вредителей, но и укрепить коллектив новыми большевистскими кадрами (проф. Гребень, ветврач Степанов, генетик Мокеев)... Чистка партии указала и на то, что в печатных трудах Института протаскивались вредные теории, в частности даже в №1 трудов Института, изданном в 1934 г., была помещена по существу контрреволюционная статья Станчинского (“Теоретические основы акклиматизации животных”), а сам Станчинский и его ученики — Гунали и Никольский — возводились в роль передовых советских ученых. Всё это сейчас выкорчевано из Института”.

Готовя эту “научную” статейку в печать, Нуринов, наверное, ни сном, ни духом не ведал, что вскоре сам окажется в застенках ГПУ...

Станчинскому же выдвинули стандартное обвинение:

“а) Станчинский В.В. Является основателем и руководителем к-р организации в системе заповедников на Украине, ставившей своей целью свержение Совввласти и восстановление капиталистического строя.

б) Что лично завербовал в к-р организацию Фортунатова, Розанова, Шуммера, Медведева, Гунали, Гильберта, Диковского, Правикова, Нечаева, Белякова и Плегова и давал им задание по вовлечению в к-р организацию других научных сотрудников Аскании-Нова.

Увязался в своей к-р деятельности с представителями других к-р групп и организаций — с Янатой по Украинскому Институту растениеводства и Институту защиты растений, с Маховым по Институту почвоведения, с Прозакевичем по Херсонской опытной станции, с Медведевым по Зоологическому музею, с Батиенко по Сельскохозяйственной Академии, по Москве — увязался с Шелингером (орфография сохранена — В.Б.), Завадовским, Лискуном и переехавшими туда из Аскании-Нова — Фортунатовым и Розановым.

в) Что установил нелегальную связь с закордоном в лице видного кадета, активного деятеля эмигрантских кругов Новикова М.М., — установил с ним переписку по вопросам деятельности к-р организации через работника Германского посольства в Москве — Е.В. Винклер.

г) Что непосредственно и через других членов к-р организации осуществлял подрывную работу, направленную к срыву и дезорганизации деятельности заповедника Аскания-Нова.

С этой целью комплектовал кадры научных работников из числа лично ему известных антисоветски настроенных лиц, зачастую ничего общего не имеющих с научной деятельностью. В области практической деятельности Института гибридизации и акклиматизации животных направлял ее на разработку тем, совершенно не актуальных и отвлекающих значительные средства без практического применения результатов научной работы в социалистическом животноводстве.

Участвовал в составлении явно нереальных планов, с целью невыполнения их и дискредитации основных задач, поставленных перед заповедником "Аскания-Нова" Партией и Правительством.

д) Что систематически проводил к-р агитацию среди научных работников заповедника Аскания-Нова, Смоленского и Харьковского университетов и Института сравнительной анатомии, распространяя слухи, подрывающие доверие и дискредитирующие органы Соввласти и политику Партии;

е) Что вместе с другими членами к-р организации участвовал в разработке планов организации повстанческих отрядов в районах Аскании-Нова и Голой Пристани.

Деяния, предусмотренные ст.ст. 54—7, 54—11 УК УССР. Станчинский В.В. виновным себя признал".

24 февраля 1934 года Судебной тройкой при коллегии ГПУ УССР ученый был приговорен к 5 годам исправительных работ. С июля 1934 он работал зоотехником в Одесской области, в совхозе-санатории РК милиции им. Балицкого (близ станции Раздельная), а с лета 1935 — в совхозе НКВД УССР им. Калинина, что у городишка Борисполь Киевской области.

Зоотехником профессор зоологии зарекомендовал себя отменным, а потому не только часто премировался грамотами и званиями лучшего ударника, но и получил разрешение заниматься наукой. И до момента досрочного освобождения, 4 мая 1936 года, успел написать две книги по экологии и курс зоогеографии для университета.

На воле долгое время ученый нигде не мог устроиться. Помог случай. Однажды он встретился со своим старым знакомым Г.Л. Граве, директором Центрально-Лесного заповедника. Тот и взял к себе, заведующим научной частью.

Казалось все теперь позади. Можно продолжить прерванные исследования. Кажется, появилось второе дыхание. Он опять сколачивает творческий молодежный коллектив, начинает экологические исследования. Вновь посылает молодежь в частые командировки в Москву и Ленинград, нередко оплачивая дорогу из своих сбережений. В командировочных заданиях, кроме науки, указывает, какой обязательно посетить музей, театр, библиотеку. Добивается улучшения охраны заповедника, снятия поставленного кем-то свыше нового директора Курбанова, равнодушного к охране природы.

На Станчинского обращают внимание. Он — постоянный участник пленумов Комитета по заповедникам при СНК РСФСР, а в научном сборнике комитета появляются его труды по заповедному делу. Вместе со своим другом профессором Д.Н. Кашкаровым издает "Курс зоологии позвоночных". Число работ переваливает за восемьдесят.

Грянула война. В своей книге “Выдающиеся отечественные зоологи”, изданной в 1960 году, профессор Б.Н. Мазурмович пишет: “В начале Великой Отечественной войны, когда враг приблизился к границам Смоленщины, В.В. Станчинский выехал в г. Вологду, где и умер в 1942 г.”

Не так это было. Архивы СБУ подтверждают — еще в августе 1940 года Нелидовский отдел НКВД уже познакомился с пересланными из Киева “асканийскими” томами. Ученого взяли на заметку, собирали доносы. Особенно старался сексот по кличке “Историк”. И с началом Великой Отечественной войны бывшему “лидеру” контрреволюционной организации, к тому же имевшей “связь” с фашистской Германией, и по доносам — нелояльному к советской власти, уже не суждено оставаться на свободе. 23 июня сержант НКВД Цветков подписал постановление на арест. В ночь на 29 июня 1941 года в Нелидовском районе Калининской (теперь Тверской) области арестовали всех “неблагонадежных”, взяли и профессора Станчинского. “Операцией” руководил начальник нелидовских чекистов сержант Бутылкин. Во время обыска, не уходить же пустыми, чекисты конфисковали пару фамильных дуэльных пистолетов, несколько зарубежных банкнот и радиоприемник, недавно сконструированный сыном. Владимир Владимирович успел черкнуть ему: “Дорогой Володя, честно выполняй свой долг перед Родиной, береги маму и Веронику. Твой отец”. Переписку о 150 листах чекисты тоже отобрали и потом сожгли.

Мария Михайловна Абрамова, сотрудница Станчинского по заповеднику, рассказывала: “Чтобы узнать, что с Владимиром Владимировичем, я отправилась из заповедника в Нелидово, куда его отвезли. Транспорта не было, сорок километров пришлось пройти пешком.

Молодой самоуверенный следователь, “вершитель судеб”, к которому я обратилась, ответил: “Что с ним? Жив, здоров, отправлен в Вологду”.

Сыну ученого — Владимиру Владимировичу — удалось познакомиться с “калининским делом” отца №22229. Станчинский держался твердо, отрицая обвинение в шпионаже и антисоветской агитации.

Характерно постановление прокурора:

“Нашел:

Станчинский Владимир Владимирович в прошлом меньшевик, в 1929—1933 г.г. был участником контрреволюционной организации, которая ставила своей целью свержение существующего партийного и правительственного руководства, за что был осужден и отбыл срок наказания... 5 лет лишения свободы. Материалами дела контрреволюционная агитация и шпионская деятельность Станчинского в достаточной степени не доказана, однако учитывая условия военного времени с фашистской Германией и то, что Станчинский в прошлом являлся особо опасным элементом, кроме того, по агентурным данным есть основания полагать, что он до настоящего времени остался на антисоветских позициях, а потому руководствуясь изложенным

Постановил:

Свое постановление от 6.IX-41 о прекращении дела в отношении Станчинского отменить, дело направить в Особое Совещание при НКВД СССР для рассмотрения по существу”.

6 окт. 1941.

Помощник прокурора МВО Козинец.

Что касается “антисоветской позиции”, то имелись в виду доносы, что якобы весной 1941 года Станчинский распространял среди сотрудников заповедника “клеветнические измышления в отношении коммунистов, а также истолковывал в антисоветском духе решения XVIII партконференции”. Допрашивал ученого следователь Курусенко.

1 сентября 1941 года Владимир Владимирович пишет на имя председателя Особого Совещания при НКВД СССР письмо, я, мол, осенью 1933 года ввел в заблуждение органы, оклеветал себя и просил пересмотреть дело. Даром. 21 февраля 1942 года постановлением Особого Совещания при НКВД СССР он был приговорен, по статье 58, п. 6 и п. 10, часть I — шпионаж и антисоветская агитация — в восьми годам исправительно-трудовых лагерей “за антисоветские высказывания и как социально-опасный элемент”. Некто Костромов, сидевший с профессором в одной камере, оставил дорогое нам свидетельство о последних днях Владимира Владимировича Станчинского:

— “Мы с В.В. жили вместе немного менее года — последний год его жизни, в Вологде спали мы с ним рядом и не расставаясь ни на одну минуту. В.В. изучал английский язык, начал и меня учить ему же: выучил наизусть от первой до последней строки “Евгения Онегина”. Но все равно, времени у нас оставалось много свободного и мы вели нескончаемые разговоры друг с другом. В.В. пытался размышлять о Боге, чтобы верить в Бога, но ум его не согласился с верой и он создал себе какую-то непонятную мне религию, в какой и искал себе утешение и облегчение. В разговоре о своей религии В.В. все ссылался на Пьера из “Войны и мира” Толстого”.

У ученого развивался миокардит. 20 марта 1942 года его перевели в больничную камеру № 114. Через девять дней он умер. Место захоронения не известно.

Горькая судьба отца отразилась и на детях. Вероника, закончив с отличием Тимирязевскую сельхозакадемию, не смогла поступить в аспирантуру на биофак МГУ, где заправлял Презент. Брата Владимира, молодого офицера, без обьяснений уволили из армии.

Во времена “хрущевской оттепели” дело Станчинского пересмотрели. Прокурор Украины Д. Панасюк писал в протесте:

“Виновность Станчинского и Фортунатова обоснована на их показаниях, а также показаниях Шуммера А.А., в отношении которого дело производством прекращено за недостаточностью собранных улик.

В этих показаниях имеются серьезные противоречия, а также противоречия с показаниями осужденных, как члены организации — Гунали А.П. и друг.

Вредительская деятельность Станчинского и Фортунатова не конкретизирована. В процессе произведенной в 1957 году проверки был допрошен ряд свидетелей, которые показали, что об антисоветской деятельности Станчинского и Фортунатова, а также о существовании контрреволюционной организации им ничего не известно. Некоторые из свидетелей (Завадовский, Боголюбский и друг.) проходили по показаниям Станчинского и Фортунатова, как участники контрреволюционной организации, однако они к уголовной ответственности не привлекались. Привлекавшийся к ответственности по настоящему делу Шуммер, из-под стражи освобожден и дело о нем производством прекращено за недостаточностью собранных доказательств”.

По первому аресту ученого реабилитировали определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР 2 ноября 1957 г. “за недоказанностью обвинения”, по второму — определением Военного Трибунала Прибалтийского военного округа 25 сентября 1956 года “за отсутствием состава преступления”.

В одном из из писем его дочь, Вероника Владимировна писала: “Во все смутные, тревожные времена для Родины всегда гибли ее лучшие, верные и преданные русские люди”.

Но надо, надо сыпать соль на раны
Чтоб лучше помнить. Пусть они болят
В. Высоцкий.

Остров тысячи лиц

Отсчитывает версты история. На миг озаряются и гаснут в спешке веков лица современников. Древние анты, Нестор-летописец, казацкий воевода Максим Кривонос, матросы-полтавчане с броненосца “Потемкин.” Во многом, благодаря музеям, мы не забыли их.

Растут и исчезают города, уходят в небытие целые народы, вихри войн и революций рушат вековые режимы и династии. Музеи остаются. Временам они неподвластны.

Академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым высказана гениальная, не всеми еще осознанная мысль: “культура движется вперед путем накоплений, а не отталкиваний от прошлого”. Эпоха Возрождения не могла быть без юной Эллады, культура нынешнего оказалась бы невозможной без творчества талантов прошлых веков, творчества, бережно сохраненного в музеях и библиотеках.

Здесь правит благородный культ жадности. Жадности из любви к искусству, исторической памяти, правде.

Уйдет наше поколение. А музей, запечатлев новые образы, останется. Островком прошлого в мире настоящего. Островком прошлого ради будущего.

Лиха беда начало

“... замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны”.
А.С. Пушкин.

Краеведческие музеи в Российской империи “придумал” Докучаев. В своей статье “Земский губернский музей” он ратовал за “носителей света и жизни” во всех губернских земствах. Первым откликнулся Нижний Новгород. В 1890 г. подобный музей ученый предлагает создать в Полтаве. Местное земство, гордившееся своим знакомством с всемирно известным профессором, думало не долго. В 1891 г. в Полтаве открывается второй в России местный краеведческий музей. Заведующим назначается Михаил Александрович Олеховский, исключительно душевный и мягкий человек, кандидат естественных наук, сосланный из Одессы за участие в студенческих волнениях.

Лысый, в очках, и с бородой, неказистый и болезненный на вид, он рьяно принялся за дело, сделав музей богатейшим и заработав язву желудка.

Как-то к нему наведался директор киевского музея Беляшивский. Они стали колесить по селам, искать разные редкости. Попали на ковровую ярмарку. Приценившись, киевлянин вмомент выкупил старинный ковер ручной работы. Увидев это творение, и узнав, что оно уже продано, Олеховский был так поражен и огорчен, что расплакался. Но все-таки этот ковер попал в Полтаву, Беляшивский от имени Киевского подарил его Полтавскому музею...

"У Вас, вероятно, покатятся слюнки, если я Вам опишу, чем я тут от нечего делать занимался. Прослышал я, что какой-то франт вблизи Ромен копает могилы и этим наводит страх на мирных граждан (моя хозяйка прачка говорит даже: чего начальство смотрит, я бы давно запретила)... Ну вот услышал я за этого франта и собрался посмотреть на эту диковинку.

Место, где могилы копают, не более пяти верст от Ромен и я, не убоявшись расстояния, двинулся в путь. Прихожу и вижу: масса рабочих с заступами, восемь разрытых могил и три могильщика, вооруженные лупами, компасами, книгами, щупами и ножами, у каждого из носу по очкам и через плечо по саквояжу (могильщики в естественную величину). Рабочие все солдаты (свои люди).

Стоял я, смотрел, и подхожу к самому плюгавому из могильщиков и спрашиваю:

— Кто главный из копателей?

— Это профессор Самоквасов.

... Самоквасов относит эти могилы к скифо-сарматским".

(из письма П. Кирьянова, одного из поборников Полтавского музея).

В курганах под селом Малое Перещепино удалось откопать старинные кубки, вазы, женские украшения, принадлежавшие кочующим здесь в VII веке западным славянам — антам, всего 75 килограммов чистым золотом и серебром.

Фонды музея росли как на дрожжах. Докучаев подарил 400 тысяч экспонатов грунта из своей знаменитой почвоведческой коллекции, харьковский профессор Краснов — 2000 гербарных листов. Помещица Г. Скаржинская передала личную коллекцию — более 20 тысяч старинных вещиц, помещик С. Кулжинский — старинные монеты, полковник П. Бобровский — сборы по этнографии Китая, Турции, Индии, Японии.

Тут и встал вопрос ребром о расширении музея, о дополнительной субсидии хотя бы в 3 тысячи рублей.

Вновь засело земство, судить и рядить, как быть дальше с музеем. Местный деятель Е.Старицкий был непреклонен: "Отклонить.Мы даже не имеем представления, из чего состоит этот музей. Прямо отклонить и уничтожить этот музей". Другие предлагали созвать комиссии, пускай она сама во всем разберется. Третьи, воспользовавшись случаем покрасоваться на трибуне, вовсю "токовали", начиная со здравицы музею и кончая за упокой. И все же здравая мысль победила: деньги выделили. Во многом благодаря главе губернского земства помещику Лизогубу.

В 1908 г., по проекту талантливого архитектора О.Ширшова для губернского земства выстроили новое здание. Вскоре в нем в нескольких залах разместился и музей. Здание стало гордостью Полтавы. В звонком стиле украинского барокко, выложенное оригинальным кирпичем — "кабанчиком", прикрашенное башенками, балконами и колоннами, с синими

гербами уездных городов на фасаде, в матовом блеске белого мрамора многочисленных залов и лестниц, великолепие сие еще раз громко прославило талант малороссийского зодчества. Но настоящим дивом считалась крыша музея, любовно собранная народными умельцами из специальной черепицы — "бобрового хвостика", крашеного разноцветной глазурью. Вставало солнце и все небо над музеем озарялось радугой. Кстати, Николаю II, посетившему Полтаву в 1909 году, это здание не понравилось. Мол, восхваляет малороссов и их историю, несущую черты "мужицкой" культуры.

Бедный Олеховский! Не довелось ему работать в новом доме. 21 декабря 1909 г. газета "Киевские вести" сообщала: "Полтава потеряла одного из лучших своих людей: после тяжелой болезни в губернской больнице скончался М.А. Олеховский. ... Мир праху твоему, чистый человек, самоотверженный работник, никогда в своей скромности даже не подозревавший всей красоты своей жизни, своего нелицемерного служения".

Эстафету из рук друга приняли молодые естественники Николай, а затем Валентин Николаевы.

Идеи природоохранения, выдвинутые пионерами защиты природы — петербургским академиком И.Бородиным, московским профессором Г.Кожевниковым и харьковским приват-доцентом В.Талиевым, не минули Полтавы. Преданным их популяризатором стал новый заведующий музеем. В декабре 1913 г. на губернском земском собрании Валентин Николаев выступает с докладом "О необходимости охраны памятников природы в Полтавской губернии", 8 марта 1914 г. — на заседании кружка любителей физико-математических наук с сообщением "Охрана памятников природы в Северной Америке, Западной Европе и России, участвует в первой в империи выставке по охране природы в 1913 г.в Харькове. Даром старания не проходят. Полтавское губернское земство ассигновало 400 рублей на конкурс по изданию брошюры по охране природы, один из местных землевладельцев представил свои 8 десятин целины на устройство "заповедного парка". Всерьез поговаривали об организации общества, охраняющего памятники природы.

Метроном истории отстукивал второе десятилетие двадцатого века. Совсем немного отделяло страну от грозы. Это чувствовалось всем и во всем.

"6 декабря 1913 г. в городе Лохвице на общем собрании Общества взаимопомощи учителей внесено было единогласно участвующими на собрании 69 членами его резолюция о необходимости преподавания в народной школе исключительно на украинском языке. В состав этих 69 человек значительно больше половины входили учителя и учительницы... Уезд этот левый вообще и несомненно, что весь состав учащего персонала украинские сепаратисты.

Полтавская духовная семинария также является местом, где с наибольшим успехом прививаются те же идеи. Учебное заведение это поставлено весьма плохо в смысле дисциплины. Воспитанники крайне распущены, держат себя вызывающе и грубо, никогда губернатору на улице не поклоняться, стараются проявить какую-то независимость и, несомненно, культивируют среди себя украинские идеи".

(Из "Секретного доноса Полтавского губернатора Богговута Министру внутренних дел об украинском движении и мерах борьбы с ним").

Это "Положительное чудо"

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —

Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
А.С. Пушкин

Николай Бердяев заметил — революция всегда есть в значительной степени маскарад, и если сорвать маски, то можно встретить старые знакомые лица. Ненависть к красоте, злобность, невежество.

Газеты отмечали скупо: в Петрограде разграбили дворец герцого Лейхтенбергского, один из залов Сената, в Царском Селе — Мавританские бани, в Петергофе — Монплезир, Большой дворец. Комиссия по охране памятников культуры, созданная 4 марта 1917 г. Максимом Горьким, была практически бессильна. С разрушением культурного наследия в одиночку справиться не сумела. Понять и поддержать передовую интеллигенцию могло только такое же интеллигентное правительство.

...В трудные для памятников отечества дни вокруг Полтавского музея сконцентрировались лучшие творческие силы губернии: историк Л. Падалка, археологи В. Щербаковский и М. Рудинский, ученые-естественники братья Николаевы, протоиерей Булдовский.

На переломе времени, летом 1917 они создали при музее губернский комитет охраны памятников старины и искусства. Намного раньше республиканского. Осенью 1918 — в помощь комитету, еще и научное общество охраны и исследования памятников старины и искусства Полтавщины.

В начале августа 1918 года в Киеве собрались ученые-естественники на свой первый всеукраинский създ. С большим успехом выступил директор Полтавского музея — Валентин Николаев. Один из его докладов назывался — “Охрана памятников природы на Полтавщине”. Съезд постановил: — “Признать необходимым отчуждить, как национальный парк, девственную степь в Константиновском уезде Струковской экономии, а также заповедать Карловскую степь, лес Кочубея, сфагновое болото возле села Коржи, болота вдоль реки Супой”.

Под Полтавой шли бои, а Николаев с товарищами готовился основать в Полтаве Украинский народный университет, открыл народную галерею, центральную библиотеку, библиографический институт. Одну за другой работники музея организовывают экспедиции. С риском для жизни в Миргород и село Яновщину, где удалось вывезти вещи Гоголя — фотографии писателя, цилиндр, ключи, документы. В село Яготин, где из пылающего дворца князя Репина спасли 74 старинных рисунка, несколько десятков старинных книг. В село Абазовку, где в разрушенном имении помещика Иловайского собрали 877 уникальных книг и 42 фарфоровых изделия. В село Ташани, Воскресенское, Вюница. В Ромны, где на местном базаре в качестве оберточной бумаги продавались архивные документы конца VIII века. Музей взял под охрану дом, где жил писатель В. Короленко, тогда уже глубокий и больной старик. Его дочь пригласили работать в музей.

В октябре 1919 Валентин Николаев вместе с Михаилом Рудинским добрался до одного из самых богатых на Полтавщине имений князя Кочубея в Диканьке. Рядом шли бои — красные оставляли село. Огромное здание дворца — более 100 комнат, было буквально забито старинными книгами, картинами, коврами, бронзой, гобеленами, фаянсом, бумагами графа Безбородько. Единственное, что уже красные разграбили — винный погреб. Зато в целости сохранился архив предка Кочубеев — Василия Кочубея, казненного при Петре I по оговору гетмана Мазепы. Крестьяне не позволили ученым увозить сокровища в Полтаву. Выставили пикеты, грозили самосудом.

“— Какой еще там музей? Надо будет, мы сами в Диканьках свой музей откроем. Все это добро теперь наше”.

С огромным трудом Николаеву и Рудинскому удалось обменять у крестьян часть кочубеевских сокровищ на некоторые природоведческие экспонаты из Полтавского музея. Буквально через пару дней какие-то банды полностью смели кочубеевский дворец. С ним погибли все сокровища и бесценные документы графа Безбородько. Но 235 картин, 332 фарфоровых изделия, 72 образца старинного оружия, 25 икон, 58 старинных книг, 70 металлических предметов, часть архива Кочубеев были-таки спасены благодаря ученым.

В 1919 на Полтавщине торжественно открыли Лубенский краеведческий музей. В 1920 — Роменский и Миргородский. Через два года — Червоноградский. Сам же Полтавский краеведческий стал теперь гордо именоваться Центральным пролетарским музеем Полтавщины — его открыли 6 ноября 1920 года. Штат — подумать только — 160 человек! Своя обсерватория, галерея. Музей сам издает научные сборники. И все это во многом — благодаря прекрасному расположению к ученым со стороны товарища Порайко, самого председателя Полтавского губисполкома.

Был такой случай. Как-то стоял он у окна своего кабинета, а по улице мимо гарцевала кавалерия. Товарищу Порайко приглянулось необыкновенно богатое вооружение двух командиров. Вызвал он их к себе и приказал снять с поясов шашки с чудесными ножнами из малинового и зеленого бархата. А на них турецкой вязью выгравировано, что они являются даром турецкого султана одноиму из князей Кочубеев.

— “В музей!”,— гаркнул товарищ Порайко, черкнув в сопроводжающей записке,—” Полтавскому музею от Председателя Полтавского губисполкома Порайко”. Кстати, этот же Порайко вытащил в 1920 г. из лап Чека и Валентина Николаева, который на несколько недель “загремел” за то, что не сдал куда следует золотые часы жены.

Но в 1922 г. в Полтавский губисполком пришел новый властелин. Ему понравилось нарядное здание музея. И захотелось разместить там свой стол и свой зад. Нарком просвещения советской Украины — В. Затонский выступил резко против, поручив заведующему музейным отделом Наркомпроса УССР, полтавчанину Валентину Николаеву хорошо подготовиться и отстоять на заседании ВУЦИК интересы родного музея. Тогдашний директор музея Михаил Рудинский, рискуя побить горшки с отцами губернии, срочно выслал Николаеву необходимые справки и фотографии. ВУЦИК отклонил домогательство губисполкома.

Где веселая Багачка впадает в Ворсклу, и все берега в незамерзающих ключах — шумит на горе Парасоцкий лес. Со времен третичного периода его не давил ледник, не топило вселенское море. Тут самая восточная граница граба в бывшем СССР. Дальше это дерево не забирается. В кронах трехсотлетних дубов ютятся редчайшие змееяды, балобаны, орлы-карлики.

Здесь бывали светочи наук российских — Докучаев, Вернадский, Кожевников. Говорят, что именно Парасоцкий лес своей необычностью натолкнул Докучаева на новую науку — “почвоведение”.

Но когда отменили частную собственность, в “ничейный” лес мигом хлынули крепкие дядьки с отточенными топорами на скрипучих телегах. Двести гектаров средневековой чащи таяли на глазах. Требовались решительные меры по защите природы.

В начале двадцатых годов в республике организовалось два комитета: по охране памятников природы и по охране памятников культуры. Показательно: оба они возникли при Народном комиссариате просвещения. Этим еще раз был подтвержден тезис: охрана природы и охрана культуры близки и вневедомственны.

Основными силами в борьбе за защиту природных памятников становились все те же местные краеведческие музеи.

В 1923 г., директор Мариупольского музея И. Коваленко, зав. отделом природы В. Рудевич и бахмутский врач Б. Вальх занялись заповеданием Белосарайской косы и Каменных Могил в Донецкой области.

Полтавский краеведческий музей издает книги Н. Гавриленко “Охраняйте природу” и “Птицы Полтавской губернии”, Г. Брызгалина “Охрана памятников природы на Украине”, М. Бейера “Любим и бережем свой родной край”, листовки “Охраняйте родную степь” и “Охраняйте лес”, берет под опеку оставшиеся кусочки степей.

Зима 1918 года застала академика Вернадского на милой Полтавщине. Здесь, в местечке Шишаки, что на Бутовой горе у речки Псел, была его дача. Частенько наведывался он и в Полтаву.

Однажды Валентин Николаев, в ту пору еще заведующий краеведческим музеем, предложил ему организовать общество с целью “широкого общения в вопросах общего и прикладного естествознания, распространения знаний среди широких масс населения и охраны памятников природы”, Вернадский поддержал. 10 апреля 1918 года состоялось организационное собрание. Вернадского избрали председателем, Валентина Николаева — секретарем правления Полтавского общества любителей природы. Вошли в него и известные ботаники Илличевские, дочка писателя Короленко Софья Владимировна, Ефим Фидун — губернский инспектор пчеловодства, страстный орнитолог, студент Харьковского университета Коля Гавриленко, всего 119 человек. Для детей при обществе был открыт “Майский союз по охране и защите птичек”.

“... Встретивши живой отклик в разнообразных общественных слоях, общество при самом начале своей деятельности обратило свое внимание на печальное явление уничтожения и расхищения чудных памятников родной природы, являющимся отчасти вынужденным под влиянием необходимости запашки новых земель и превращения лесных угодий в полевые, а отчасти в результате варварской дикости нашего населения, чуждого сознания необходимости охраны редких и вымирающих представителей флоры и фауны нашей страны”.

(Из письма правления Полтавского общества любителей природы Полтавскому городскому самоуправлению).

Полтавские любители природы поднимают вопрос о разбивке в городе ботанического сада, где бы можно “собрать всю вымирающую и исчезающую флору районов Полтавщины”, подготавливают к изданию природоохранные сборники, изучают вопросы охраны рыб, вековых деревьев, составляют “заповедную пасеку” из колодочных ульев, повсеместно исчезающих на Украине.

Однако, к началу двадцатых годов общество лишилось своих руководителей (Вернадский вернулся в Москву, Валентин Николаев переехал в Харьков) и постепенно распалось.

Преемственность научных традиций совершается с глазу на глаз, через личные примеры, личные контакты.

Всю “природу” унаследовал их близкий товарищ, активист общества, теперь молодой заведующий естественнонаучным отделом музея Николай Гавриленко.

Этого щуплого молодого человека прочили в великие орнитологи. Сам академик Мензбир оценил его первые студенческие потуги. Мастер — золотые руки, необычайно эрудированный и добрый, Николай быстро завоевал любовь всего большого коллектива музея.

В 1922 году, при поддержке музея Гавриленко удается заповедать Парасоцкий лес, урочище Гетманщину, Академическую и Карловскую степь. Музей их взял под свою охрану, выделив даже ставки под специальных сторожей. Вместе со своим другом, ботаником С. Илличевским, Николай составляет список новых, перспективных к охране природных объектов Полтавщины. Однако чем дальше, тем труднее стало охранять полтавские заповедники. Гавриленко пишет письмо заместителю председателя Украинского комитета охраны памятников природы В.Г Аверину.

21.02.1930

“Многоуважаемый Виктор Григорьевич!

Не откажите, пожалуйста, сообщить, как обстоят дела с полтавскими заповедниками. Я имею лишь два известия в форме призывов. Гетманщина упраздняется. Деньги не высылаются. Положение Парасоцкого и его границ совсем для меня неясны и неизвестны.Охрана Гетманщины началась с мая 1929 г. и продолжалась по сентябрь включительно. За октябрь сторожу заплатил союз охотников. Ноябрь не плачено совсем. На декабрь 1929, январь и февраль 1930 г. деньги прислали. Теперь для окончательного расчета сторожу надо заплатить за ноябрь 1929 и двухнедельную компенсацию, а охрана природы говорит — “деньги высылаться не будут”. Я послал им 19 февраля вторую и исчерпывающую записку, где прошу выслать ... рубли. Не знаю, что из этого выйдет и поэтому прошу Вас отчитать кого следует.

Вообще авторитет заповедников может быть пал уже окончательно. Когда я писал письмо в направлении работ лесорубных работников, то надо было заняться не канцелярской отпиской, а прислать хотя бы на один день кого-либо с комитета для знакомства с заповедником. Теперь у нас уже не будут гнездиться ни балобан, ни могильник, ни филин...

Глубоко Вас уважающий Н. Гавриленко”.

С 1 по 28 апреля 1928 г. Гавриленко проводит в музее выставку охраны природы, входит в штат официальных корреспондентов Украинского комитета охраны памятников природы. Еще сколько было интересных задумок. Благие надежды питали молодого заведующего отделом природы...

В 1924 году Полтавский краеведческий потряс первый удар приближающего шторма. В начале марта председатель Полтавского губисполкома приказал заведующему губотдела образования провести “фильтрацию и увольнения ряда работников” музея, включая его заведующего, известного археолога М. Рудинского. Ибо по материалам ГПУ он расценивался как “расположенный к украинскому движению”.

Сказано — сделано. Была проведена “экспертиза”, установившая, что музей под руководстволм Рудинского не только не отвечает требованиям революционного образования, а прикрываясь “научностью” своей работы, саботирует эти требования”.

“Рудинский занимается при нынешнем тяжелом экономическом и финансовом положении СССР дорогостоящими раскопками, которые нужно свести к минимальному минимуму, или же на время вовсе прекратить. А это называется делать не то, что необходимо. ...Поэтому я считаю необходимым Рудинского и Ко отстранить от музея и передать музей в руки члена партии или же проверенного и преданного беспартийного работника” (из акта обследования музея 19 мая 1924 г.).

На каждого научного сотрудника была подготовлена ОГПУ ...”политфизиономия”. О Гавриленко говорилось — “отчаянный шовинист, украинец, открытой агитации не проводит”.

В результате 9 сотрудников музея — во главе с его директором, известным археологом М.Я. Рудинским были сняты с работы. Н.И. Гавриленко пока не тронули.

В 1926 г. в чью-то “умную” голову пришла “блестящая” идея реорганизовать Научный краеведческий музей в “Социальный”. Другими словами, прекратить науку и заниматься исключительно идеологической работой.

В защиту Полтавского музея выступил его давний друг академик В.И. Вернадский. В марте 1926 г. он пишет во Всеукраинскую Академию наук: “ Сама идея Социального музея — недостаточно ясна и этой идеей пытаются сделать музей примитивно-популярным кабинетом для ликвидации неграмотных (...). Главный ужас это то, что во главе музея стоят необразованные люди”.

В письме к профессору М.Л. Василенко: - “Я писал Крымскому о судьбе Полтавского музея, который душат. Надо бы его связать с Укрглавнаукой, а не с тем довольно варварским учреждением, с которым он связан. Ведь это драгоценный научный очаг и не только с украинской или русской, но и с общей точки зрения”.

Но спасти музей от “реорганизации” не удалось...

Цветет в Диканьке древний род
Дубов, друзьями насажденных,
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
А.С. Пушкин.

Тридцатые гуляли по стране. Путанное время, еще ждущее своего осмысления. Газеты чернели заголовками о все новых разоблаченных “врагах”, поражая всех проникающей радиацией недоверия. На скамьях подсудимых, вместе с ярыми уголовниками, оказывались герои гражданской войны, старые партийцы. Примечательно: первыми пострадали сделавшие революцию. Командный стиль управления, вьевшийся в производство, ломал творческие личности, превращая остальных в винтики со сношенной резьбой.

— “Нам, товарищ, думать неча, коли думают вожди”, — съехидничал Маяковский. Слепая вера в одного человека сделала несчастным целое поколение.

Возмужали многообразные поганки-лысенки. Подняли хулеж, начали шельмовать новое, смелое, талантливое. Под углом “современного момента” развенчивались новые направления

в науке и культуре. Воинствующий неуч, зав. отделом науки Московского горкома партии Э. Кольман в журнале “Под знаменем марксизма” поучал: “На днях мне один товарищ рассказал, что существует такая наука — гидробиология. Это — наука, трактующая о всем том живом царстве, которое населяет воду, значит — о китах, о лягушках, о рыбах, о раках, о водорослях, о медузах. Все это изучает гидробиология. Это плохая наука, существует институт этой гидробиологии, там люди серьезно занимаются, на это уходят большие деньги. Какая это наука?”

Журнал “Советское краеведение” писал: “Долгие годы краеведение в СССР было на откупе у “старых” специалистов-краеведов. Вытесненные историей из русла общественно-политической жизни, эти “специалисты” нашли себе убежище в краеведении. Здесь они “отсиживались” вплоть до 1925 г.

Отсюда засилье гробокопательства в краеведении, засилье народнических теорий в истории края, в его этнографии.

В то время, когда местные краеведы собирали кости мамонта, около них и вокруг них шла подготовка новостроек, закладывался фундамент гигантов социалистической индустрии...”

А спустя три года советское краеведение, как общественно-патриотическое движение, как впрочем и редакция журнала “Советское краеведение”, были попросту распущены.

В стране закрывались музеи. В Ленинграде расформирован единственный в Союзе Центральный музей географии. Штат Полтавского краеведческого в трудные годы гражданской войны приближавшийся к двумстам, сначала сократили вдвое, затем еще и еще.

Труды известного украинского археолога М. Рудинского были признаны бесполезными и вредными даже. Отвлекали, мол, строителей социализма от первоочередных задач. Их автор оказался на Севере. Также как почти все работники Полтавского музея, видные краеведы В. Гринченко, Я. Риженко, К. Мощенко, В. Щепотьев...

Ларчик открывался просто. Высокий уровень просвещения делал невозможным культ личности, обеспечивая демократическое правление народа. Недостаточно же просвещенные люди также послушны, как и непросвещенные. Это хорошо понимал кремлевский горец. Революция вроде бы ниспровергла богов и царей. Но по его указке их выдумывали заново. “Ваше Величество”, как сказал поэт, выродилось в “Его Социалистичество”.

В тридцатых, а не позже, нужно копать корни нынешнего “наплевательства” к памятникам истории, культуры и природы. “Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошедшее тлеет”.

Один из новых лидеров украинского Наркомпроса — А. Хвыля, писал в декабре 1934 в газете “Комуніст”: “Українські націоналісти, що осіли після революції в наших музеях, заповідниках, картинних галереях ставили собі завдання використати цю могутню зброю для своєї контреволюційної роботи, для боротьби проти радянської влади”.

Судьба нашего интеллигента: до революции сидел и ждал; после революции дождался и сел. Дискуссии закончились, начались репрессии.

В середине ноября 1934 г. на стол секретаря Полтавского горкома партии лег донос, что в полтавских вузах — педагогическом и мясной промышленности завелись “контрреволюционеры”. Преподаватель политэкономии Ромер как-то на лекции заметил, что в статсведениях, приведенных в докладах Сталина и Молотова на XVII съезде партии, есть

разногласия, чем ввел студентов в сомнения. Преподаватель механики Вагнер говорил, что в отличие от немецких, наши дирижабли лишь строятся, но не летают, что на Западе двоечников из вузов выгоняют, а у нас дают развиваться всем бездарностям, что в переводе с немецкого на русский “нарком” означает — “дурак, иди сюда”. Кто-то из студентов пел контрреволюционную песню о челюскинцах, другой сказал об убийце Кирова — “убил Кирова, а убежать не смог”. Но горком партии не очень то оказался оперативным. И вот уже 22 февраля 1935 г. на оргбюро ЦК КП(б)У слушали вопрос “Об антисоветских выступлениях и засоренности Полтавских вузов — института мясной промышленности и педагогического института”. ЦК постановил: не только полностью вычистить от врагов институты, но и тщательно проверить аппараты всех городских организаций на предмет “выявления и изгнания националистических, троцкистских и других классово-вражеских элементов”.

Партийная “вказівка” почистить ряды интеллигентов заставила полтавских чекистов еще раз пересмотреть списки находившихся у них “на крючке”. Еще в 1931 г. Гавриленко оказался в ОГПУ по делу “астрономического кружка” при Полтавском краеведческом музее. Тогда его отпустили, но, наверное, занесли в “черный список”.

Теперь его вновь арестовали, и под пытками он дал необходимые “данные” на себя и других полтавских интеллигентов.

31 декабря 1935 г. военный прокурор Харьковского военного округа Романовский вынес постановление об избрании меры пресечения — содержания Гавриленко под стражей. При личном обыске изъяли “ремешок узкий”. 4 января 1936 г. — первый допрос. Через полстолетие я промерил шагами путь Николая Ивановича: от родного дома на улице Овражной до печально известного в городе здания. Полчаса ходу.

Ученый “признался” сразу, что в 20-х годах входил в контрреволюционную организацию из 15 человек (один из них — сын известного попа Гапона — Евгений), которая под видом астрономического кружка занималась враждебной соввласти деятельностью.

“На совещаниях говорилось, что большевики должны быть подавлены блокадой или интервенцией со стороны Англии и Франции, русская интеллигенция должна при этом сыграть роль опоры нарождающегося после свержения Советской власти государственного строя. Исходя из этого, задачей группы ставилась необходимость подготовки контрреволюционных кадров, вооруженных знаниями, наукой. В группе считали, что “большевистское хамство” больше не повторится, после его уничтожения страной будут управлять или разумная конституционная монархия или буржуазно- демократическая власть наподобие Франции...Признаю себя виновным в том, что с 1922 г. по 1926 г. примыкал к контрреволюционной группе в г. Полтаве, существовавшей под видом астрономического кружка, в том, что с начала революции и по 1931 г. я по своим политическим убеждениям являлся монархистом и был враждебно настроен к Советской власти.

Признаю себя виновным также в том, что в 1931 г., находясь под следствием в Полтавском оперсекторе ГПУ, я скрыл от следствия свои враждебные убеждения и факты принадлежности к контрреволюционной группе. Этим полагаю, я ввел в заблуждение следствие и уклонился от заслуженного мной наказания” (Из материалов допроса Н.И. Гавриленко). Кстати, иных документов, подтверждающих вину ученого, кроме “чистосердечного раскаяния”, в деле не имеется.

Из Полтавы Гавриленко перевезли в Харьков. И здесь, 8 февраля 1936 г., через 39 суток после ареста, начальник 3 отделения секретно-политического отдела Харьковского областного УНКВД Лисицкий вынес постановление о предъявлении обвинения: статьи 54—11, 54—12, 54—8 УК УССР. Первого февраля 1937 г.особое совещание при НКВД СССР

приговорило ученого к 5 годам лишения свободы. А через пару недель этапом Гавриленко был направлен в Суздаль, в распоряжение начальника городской тюрьмы... 27 июня 1938 г. председатель СНК УССР Демьян Коротченко подписал постановление “О музеях Украины”. В нем констатировалось, что все музеи, памятники культуры и природы находятся в “незадовільному стані”. И виной этому во многом “классово-вражеские элементы”, очисткой от которых, оказывается, толком еще не занимались.

Возвратился Гавриленко в начале 1941 года. Седой, молчаливый, даже в росте уменьшившийся, волосы — песок. Лагерную жизнь вспоминал часто, но вслух не делился, переживал внутри. Лишь однажды вырвалось, что спасло от смерти умение делать чучела из птиц. На этих чучелах был помешан начальник лагеря.

По сравнению с серединой тридцатых годов Полтава теперь казалась еще более присмиревшей и зашуганой. На языке вертелись две жалкие фразы, два рабских заклинания: “Чур, не меня”, и “День прожили, и слава богу”. Свет по вечерам не зажигали специально, наивно полагая, что так найти “им” нужный адрес трудней.

Возвращался Гавриленко к жизни с трудом. Бывшие друзья сидели или отворачивались. Зашел как-то к прежним знакомым домой, случайно раскрыл альбом с фотографиями, глядь — а все его фото замазаны чернилами.

На работу принимать боялись. Еле-еле, по старой памяти, пристроился в музей столяром на полставки. А когда зашел в фонды — ужаснулся: словно смерч разворотил. Написал горькое письмо Вернадскому, не о себе волновался, об упадке музея. Вскоре получил ответ.

Москва. 8.5.1941.
“Уважаемый Николай Иванович!
Сегодня получил Ваше вопрос-письмо, чрезвычайно благодарен Вам за присланные сведения.

... Очень жалко, что пропала моя рукопись о Гонцах. Особенно жалко карт Кременчугского у., где были нанесены мною все курганы и другие археологические данные.

Но, конечно, когда это все делалось, никто не предполагал возможности разгрома музея.

Запорожская церковь из Новомосковска сохранилась?
Ваш В. Вернадский.

В конце мая, вместе с Людой Дух, работником музея, Николай Иванович отправился в Парасоцкий лес. Невзирая на охранное решение облисполкома, его бодро распиливали на дрова. Живая лаборатория великого Докучаева была предана забвению.

Будто близкого друга лишился. Обратно брел, не узнавая родного города. Бесило собственное бессилие. Что он может сделать, кто его послушается, “недобитого врага” индустриализации? У самого дома, на Заводской, обогнал пионерский отряд. Дети пели громко “От тайги до британских морей Красная армия всех сильней”.

Мелькнула мысль: а может, зря боролся, страдал. И не нужна эта охрана никому. Прожили день и слава богу?

Как и ожидали, немцы напали неожиданно. Летом дошли к Полтаве. В городе паника. У музея загружали полуторку. Завхоз Браилко, зав.отделом Дух, Гавриленко, еще несколько человек, остервенело перетаскивающих музейный скарб. Как и кто успел в суматохе

засунуть в последний ящик реликвию музея — Пересопницкую рукопись 16 века, история не знает. Завхоз захлопнул борта трехтонки — "пошла, родимая..." А то, что не успели, в основном книги, по предложению Гавриленко, свезли со всей Полтавы в музей, спустили в подвал и завалили старой мебелью, так и спасли.

Красота и богатство полтавского музея поразили завоевателей. Обосновываясь здесь на века, они выдали музею "охранную грамоту".Однако, когда в сентябре 1943 года советские солдаты вновь оказались у стен города, фашисты позабыли о своем благородстве. Начался грабеж ценностей.

Восемь дней речка Ворскла сдерживала натиск Красной Армии. Глубокая на подступах к Полтаве, топкая в берегах, простреливаемая с городских высот, на беду превратилась она в крепкий рубеж. Но нашелся старик, что знал брод, открытый еще Петром I и вывел наших в тыл немцев. Фашисты стали жечь Полтаву. 21 и 22 сентября они залили музей бензином и подожгли.

Рискуя жизнью, Н. Гавриленко, Е. Мячин, В. Самуйло, еще несколько бывших работников музея бросились в огонь спасать реликвии. Удалось вытащить 6 тысяч книг, полную подписку журнала "Киевская старина", рисунки художника Мясоедова. Но когда очередь подошла до старинной керамики, налетели немецкие мотоциклисты и открыли огонь.

На следующий день, когда в город вошли советские части, у сожженного музея чернело восемь свежих могил. Раненого Гавриленко еле живого соседи дотащили домой.

В первые послевоенные дни Николая Ивановича назначают заместителем директора музея по научной части. С победой словно открылось второе дыхание: жить хочется, работать. И страхи прошлого выглядят все больше нелепицей.

25 августа 1944 г. в Киеве открывается съезд музейных работников.

— "В конце 30-х годов,- выступил Гавриленко,- мы потеряли на Полтавщине два больших участка целинных степей. Их распахали. Это сущее варварство. Можно вновь вырастить лес, расплескать море, но степь, особенно цветочную, раз распахавши, не воссоздать никогда. Нужно принять все меры, чтоб это не повторялось. Для этого необходимо обязать все музеи срочно подать в Наркомпрос сведения о современном положении местных заповедных участков. Дать средства для их охраны. Возложить обязанность охранять памятники природы не всесоюзного значения на местные музеи".

В декабре 1944 года Полтавский облисполком принимает первое после войны природоохранное решение, вновь заповедуя Парасоцкий лес и оставшуюся еще "в живых" степь под селом Липянка.

Время и любимое дело лечили лучше лекаря. Затягивались недавние раны.

Верилось: выводы из содеянного ранее в верхах сделают правильные, не могут не сделать.

А нам нужно работать. Работать лучше прежнего. Гавриленко руководит раскопками в районе славянского порта Воинь, хлопочет о восстановлении здания музея, добивается заповедания еще 20 природных объектов, проводит наблюдения над птицами, пишет научные статьи. В начале 1946 года учреждает Полтавское отделение Украинского общества охраны природы. Это было его последним большим делом в музее.

В декабре этого года он вновь оказался в хорошо памятном ему здании в центре города. Хозяин кабинета руки не подал, сесть не предложил. Не отрываясь от бумаг, словно они важней живого человека, бросил:

— “В период оккупации вы находились в Полтаве?

— Да.

— Почему?

— Кому-то нужно было оставаться рядом с музеем.

— И все?

— И все.

— Вы свободны. Следующий”.

На утро в музее висел приказ об увольнении Николая Ивановича Гавриленко. Слава Богу, что снова не посадили.

Разве были виноваты те люди, что не смогли эвакуироваться? Одни не успели, другие боялись бросить на произвол судьбы родных и близких. Да и если задуматься, мысленно ли в один момент сняться с насиженных мест десяткам миллионов украинцев? Податься на новые земли, в пугающую неизвестность, кинув в трудный час милую родину?

История подтверждает: тысячи из оставшихся ушли в партизаны, еще больше боролось в подполье. Каждый дрался с врагом на свой лад, и чем мог, двигал победу.

Так почему же к ним недоверие, отчего несправедливость такая?

В одном из писем Николая Ивановича Николаю Шарлеманю, известному украинскому зоологу, датированным декабрем 1947 г. такая концовка: “Ну и приходится молчать. А положение и автомобиль делают свое дело. Получать личного врага опасно”. Это письмо — о продолжающемся повсеместно уничтожении природы.

Молодой кандидат наук, энтомолог Анна Михайловна Немировская встретила Николая Ивановича на улице. Худого, сгорбившегося, в одежде, снятой с огородного пугала. Гавриленко нигде не мог устроиться работать, и вся семья его перебивалась случайными заработками и продажей семейных вещей. Анна Михайловна достала кошелек и протянула своему бывшему учителю 25 рублей. Все, что было. Позже ей с большим трудом удалось пристроить Николая Ивановича на кафедру зоологии Полтавского пединститута. Правда, доверили ему лишь практикум по геологии.

Лена Котлик, будущий зав. отделом музея, тогда худощавая высокая студентка, листала на занятиях под партой книгу.

— Что ты читаешь, Елена?

— “Собор Парижской богоматери”.

— Положи на стол и читай спокойно. Эта книга важнее моей геологии.

В часы отдыха старик любил играть на многострунных гуслях. Вспоминал прошлое. Оно не вышло радостным, как ни старался. И, наверное, поэтому, все его песни были печальными и походили на старинные казацкие думы.

На своем огороде, вместо овощей, он выращивал алые цветы — воронцы. Не для продажи.

— “Им нет места в степях, пусть хоть тут чувствуют себя в безопасности”.

За год до смерти Николай Иванович издал последнюю книгу, где с сентиментальностью старого человека рассказал о зверях и птицах, обитавших в городских садах и скверах. Былых боевых призывов охранять природу я в ней не нашел. Видно, подспудно боялся старик писать о том, за что был бит больно и неоднократно. Осталась одна горькая грусть, что так тихо и неслышно уходит от нас природа.

Умер, а скорее угас, Николай Иванович 14 января 1971 года в своем неказистом домике под старыми липами. В скором времени к его сыну подкатил на “Волге” какой-то ловкач, за бесценок скупив всю великолепную библиотеку и остатки коллекций чучел. Архивы Николая Ивановича пару лет провалялись в сарае, а затем были сожжены наследниками за ненадобностью. Лишь несколько писем Вернадского да воспоминания Гавриленко о Докучаеве спасли работники музея Светлана Кигим и местный журналист В. Бабенко.

Это благодаря им музей запечатлел еще одно историческое лицо. Пусть не великого ученого.

Реабилитировали Николая Ивановича Гавриленко 18 апреля 1989 года. Посмертно.

Отстраивали музей долгих 12 лет. И то, закончили благодаря Е. Котлик, что в 1961г., вместе с другими работниками музея написала слезное письмо Щербицкому. Как ни бились музейные служители, не хватало мрамора, не удалось достать радужной черепицы.

Музей вам покажет в Полтаве каждый. Все дороги ведут к нему. Пусть чаще приходит туда молодежь. Копает, познает прошлое. Чтобы найденная правда помогла ей стать честней и лучше.

Пасынок России

Если о человеке перестают помнить, он исчезает, и, даже еще существуя, перестает быть. Память рождается знанием и чтобы многое помнить, нам нужно очень многое знать. Нам нужно знать все.

Полувековой юбилей Всероссийского общества охраны природы совпал со столетием инициатора организации этого общества — Франца Францевича Шиллингера. Во время празднований, его дочери, Адели Францевне, торжественно вручен памятный знак ВООП. Как запоздавший символ признания заслуг ее отца. Долгое время имя Франца Шиллингера было забыто.

Этот высокий плечистый человек с роскошной шевелюрой и мужественными чертами лица, словно сошедший со старинной гравюры времен крестьянских войн в Германии, страдал от жажды. Жажды работы. В нем кипела неуемная работоспособность, молодая порывистость и страсть. Даже в редкие минуты отдыха он не сидел без дела. К концу своей жизни он разучился отдыхать. Состояние отдыха стало для него противоестественным.

Еще слыл фантазером. Различные проекты и предложения сыпались сплошным потоком. Он намечал создать в Москве уникальное научно-просветительское учреждение — Центральный сад природоведения, народоведения, культуры и отдыха.

Сад на огромной площади, где посетители могли бы увидеть все геологические эпохи Земли, ландшафты и постройки различных стран, давно вымерших и современных животных. Идея не была осуществлена. Он предлагал превратить Крым во всесоюзную здравницу, строго сохраняя великолепную природу полуострова, подтвердив свой проект расчетами и пространными объяснениями. Идея осуществилась наполовину.

Его звали непоседой. Два месяца подряд в городе становились невмоготу. Когда друзья давно не встречали Франца, они знали — опять подался в Среднюю Азию. Или в Сибирь. Или в Саяны. Благодаря его трудам открывались новые заповедники: Печоро-Илычский, Алтайский, Наурзумский, Кызыл-Агачский, Алма-Атинский, Боровое, Кондо-Сосьвинский. Выходили книги — "Европейский олень, лань и косуля в охотничьем хозяйстве", "Арало-Тургайский пролив — величайший пролетный путь водоплавающей и болотной дичи". "Видный деятель по охране природных богатств и памятников природы Ф.Ф. Шиллингер обратился в Госплан РСФСР с докладной запиской, в которой сигнализирует об опасности, угрожающей Барабинской степи в Западной Сибири.

...Докладной запиской тов. Шиллингера заинтересовался ряд руководящих работников. В частности, тов. Енукидзе, ознакомившись с запиской, высказался за необходимость ускорить разработку и осуществление нужных мероприятий, с привлечением к этому делу краевых организаций Западной Сибири, под руководством Госплана и Наркомзема РСФСР" ("Известия", 25 окт. 1932 г.)

Отчитавшись об очередной поездке, выверив гранки будущей статьи, Шиллингер вновь отдавался организации будущей экспедиции. Переворачивалась груженая лодка, и он тонул в бурных реках Туруханского края, не выдерживала крепкая бичева, и вместе с сыном Феликсом они повисали над пропастью в молчаливых Саянах. Вспоминал об этом Франц Францевич легко, смеясь над собственным невезением.

Он был фанатом. Это главное. С этого и надо было начать. Фанатом защиты природы. Многие его друзья и сослуживцы охраняли природу тоже. Но у одних на первом месте стояла наука, у других, возможно, личное благополучие. Франц Шиллингер, уподобляясь прутковскому "узкому специалисту", слышать ничего не хотел, кроме природы. Это было делом всей его жизни и хобби одновременно.

Как-то, проектируя в Казахстане новый заповедник, Шиллингер исчерпал весь возможный лимит командировок. "Возвращайтесь, иначе останетесь без суточных", — предупредили из Москвы.

Один древний мудрец заметил, что не делать никаких уступок жизни есть признак безрассудства. Не знаю, как бы Шиллингер отнесся к этой сентенции. Скорее не согласился. Точно не согласился. Не в его манере было делать уступки.

Разве мог он выбросить коту под хвост долгие месяцы каторжного труда, отказаться от мечты, которая еще немного, и стала б явью?

Получив депешу, Шиллингер три дня метался, как раненый зверь, бил посуду, нещадно матерился, разбрасывал оборудование, а затем приказал окатить себя пятью ведрами колодезной воды и принял решение.

В Москву полетели телеграммы. В комитет — “Остаюсь на свои средства”. Жене — “Срочно продавай нашу мебель и высылай деньги”. Затем выменял на продукты свои часы, фотоаппарат, бинокль, — все что имел ценное. И продолжил экспедицию.

Франц Францевич знал множество песен. Когда дела шли гладко, он возвращался с работы пешком. По пыльным улицам громыхали трамваи, гонялись друг за дружкой мальчишки. Зазывали торговки. Он, казалось, не замечал окружающих.

По Москве шел тучный, рыжеусый человек. Смешно размахивая длинными руками, что-то напевал про себя. И шагал широко, свободно, с чувством выполненного долга. Друзья знали — Франц возвращается домой через весь город и поет — верная примета, что создан новый заповедник или что-нибудь в этом роде.

Над такими часто подшучивают. Принимают за чудаков. Но без них не обойтись. Они нужны, он необходимы как угли в костре: одним не дадут коптеть, другим — опалят бока.

Каждый новый успех еще больше разжигал воображение. Добившись одного, он хватался за второе, в уме уже обдумывая третье. Пока такое несбыточное.

В начале тридцатых годов при Всероссийском обществе охраны природы Франц Шиллингер создал специальную комиссию по Крыму, разрабатывал проект расширения Крымского заповедника. Беспорядков тогда на полуострове было предостаточно, наверное побольше, чем сейчас, и Франц Францевич, чтобы привлечь внимание общественности и правительства, снимает фильм “По Большому каньону Крыма”. Ролик о сказочной земле сделался популярным, его крутили во многих кинотеатрах страны. На 5 тысяч гонорара продолжает исследования и в итоге выпускает книгу “Крымский полуостров, его роль и значение в СССР”, серию статей. На Крым обратили внимание. Кстати, тридцать лет спустя по сходной методике действовал другой немец, такой же ярый защитник природы. Снимал на кинопленку африканскую саванну и джунгли, демонстрировал в Европе, а на вырученные деньги создавал национальные парки и издавал книги. Имя Бернгарда Гржимека известно у нас всем. Имя Франца Шиллингера почти никому.

Сохранилась точная дата рождения Франца Францевича Шиллингера — 26 сентября 1874 года (правда, неизвестно, по старому это или новому стилю) и место рождения — селение Вол-Баторская уезда Неполомицы, что в Галиции.

Если бы у юного Франца в детстве спросили — “кем желаешь стать?”, он бы выпалил не задумываясь — “лесничим”. Так желал его отец лесничий, а этого в немецких семьях достаточно. Впрочем, вскоре и сам Франц стал доволен решительностью отца. Работать в лесу ему нравилось, и он с удовольствием поступил в лесной институт в Агсбахе.

Затем по линии лесного ведомства несколько лет служил в Бессарабской и Подольской губерниях, открыл частную таксидермическую мастерскую. В 1908 г., по приглашению Департамента Земледелия, отправился в свою первую сибирскую экспедицию.

“...По Красному уезду, где деревня Кондратьевка на Чуне, Выдринской области, во время охоты на одну деревню добыли около 100 сохатых. Недавно, недалеко от с.Рыбинского, одним охотником было убито 87 штук коз, а возле с.Шлинского в один день охотники убили 48 коз”, — описывал увиденное в журнале “Семья охотников” Шиллингер, требовал прекратить варварское избиение, принять жесткие меры. Над ним смеялись...

Впрочем, через двадцать лет, да и значительно позже, отношение к природе мало в чем поменялось. Все так же стреляют, кромсают, сводят нещадно природу способами еще более немилосердными. Трудно даже представить, как все далеко может зайти.

Индейцы северо-американского племени рассказывают древнюю легенду: “Придет время, когда упадут с деревьев птицы, реки будут отравлены и волки умрут в лесах”. Далее в изречении сказано: “...Но появятся радужные борцы, чтобы спасти мир”.

В Россию радужные борцы пришли в самом начале двадцатого века, первым-наперво начав создавать заповедники.

В 1929 году Шиллингер отправился на Печору. То лето выдалось на редкость дождливым. Днем и ночью висела над уральской тайгой, редкими остяцкими деревнями “морока” — нудный мелкий дождь вперемешку с туманом. Сено убрать не успели. Сильные дождевые потоки подмывали мосты и они рушились в реки. Путники Шиллингера проклинали погоду: кладь промокла и стала во сто крат тяжелее, мокрая одежда липла, и казалось, дождь неделями барабанит прямо по голой коже. Замшелые, поваленные деревья сделались невероятно скользкими, одно неверное движение, и вывих ноги, а то и перелом обеспечен. Шиллингер был бодр и весел.

— “Чему печалиться”, — подбадривал он товарищей. — “Дожди подняли реки — теперь на лодках дойдем до самых истоков. Сыро в тайге — зато не грозят летние пожары. А гнус? Все эти мошки, комары, москиты и прочая жалящая и кусачая нечисть сгинула из-за непогоды, словно по велению волшебной палочки. Разве не благодать. Когда нам еще так повезет?”

Единственно, что всерьез обеспокоило руководителя экспедиции — это сохранность фотонегативных пластин. Влага стала забираться и в тщательно запакованный чемодан с аппаратурой.

Экспедиция упорно пробивалась к хребту Торре-Порре-Из, что значило по-остяцки “Гора столбов и развалин”.

Шиллингер был наслышан об этом удивительном мире каменных россыпей и торосов, затерянных в междуречье Печоры и Илыча, и давно планировал здесь создать “национальный парк автономной области Коми”.

“Повторяю, что красоты проектируемого нами парка во многом не уступают знаменитому Иеллоустонскому парку Северо-Американских Соединенных Штатов, а в экономическом отношении и в отношении поднятия благосостояния окружающего населения он во многом его превзойдет”, — писал он позже в отчете об экспедиции.

Выше в горы дорога пошла по ягодным местам. Каждый шаг оставлял компот из морошки и голубики. Туман сгущался, дальше десяти метров не видно ни зги. Внезапно все уперлись в отвесную скалу, высота которой уходила в свинцовые тучи.

Это и есть великий Торре-Порре-Из, — с уважением объявил проводник остяк.

Через день “дождило” отпустил. Тучи отползли к западу, готовясь к новой атаке. Яркое и ослепительное выглянуло солнце, и все увидели, что находятся на вершине горного плато, а рядом возвышается еще семь таких высоких гранитных истуканов. Они были очень живописны, эти каменные громады. Один из них напоминал молящуюся женщину, два других — схватку воинов. Который справа — оказался “качающимся”, как в Индии. Миг нельзя упускать. Шиллингер метнулся к аппарату, зарядил кассеты. Сбоку уже спешила

громадная туча. Бешено завертев ручкой, он успел пропустить 10 метров пленки. Словно дорвавшись, хлынула с неба вода. Накидывая на киноаппарат одеяло, Франц вдруг заметил, что забыл развязать объективы. Ругаться уже не было сил. Он тяжело плюхнулся рядом с аппаратом. Дождь лил как из ведра.

И все-таки Шиллингер добился своего. Он дождался погоды и спокойно отснял целую кассету.

Вернувшись в Москву, по итогам экспедиции опубликовал несколько интереснейших статей, выступил с докладами, подготовил обширные обоснования. Проект создания заповедника поддержали многие солидные научные и хозяйственные организации: Комитет Севера при Президиуме ВЦИК, Народный комиссариат земледелия РСФСР, Московское общество испытателей природы. В 1930 году Печоро-Илычский заповедник был утвержден.

— "Владимир Ильич", — вспоминал Шиллингер, — "вплоть до своей тяжелой болезни лично подписывает все декреты и постановления по охране природы и охотничьему хозяйству, все время обнаруживая большой интерес к мероприятиям по этим вопросам. Все это мне хорошо известно, так как я еще с весны 1918 г. агитировал за охрану природы, и на меня пала работа организационного периода, мне пришлось заведовать около семи лет отделом охраны природы, входить через Наркомпрос в Совнарком и ВЦИК с представлением по вопросам охраны природы и защищать их в этих высших законодательных инстанциях Республики. По проекту и инициативе пишущего эти строки, Ленин подписал 29 мая 1919 г. декрет о запрете весенней и летней охоты и запрете добычи лося и косуль, а в июле 1920 г., по моей же инициативе, им был подписан декрет "Об охоте", согласно которому при Наркомземе учреждалась "Центрохота" — Центральное управление по делам охоты. Помню, как Владимир Ильич после подписания им 31 января 1921 г. постановления о "Байкальских Государственных Заповедниках — Зоофермах" лично интересовался дальнейшим ходом этого дела..." Не знаю о роли Ленина, но роль Шиллингера во всех этих достижениях была несомненна.

Франц Францевич разрабатывает вопросы стратегии и тактики охраны природы, заповедного дела, воспроизводства охотничьих животных, еще в 1925 г. указывает на важность использования кино в природоохранной пропаганде. Входит в 1933 г. в состав оргкомитета по созданию Всесоюзного общества охраны природы.

"Только непосредственно Центральная Власть с помощью Всесоюзного Комитета по Охране Природы и всесоюзным Обществом Охраны природы при нем сможет положить предел дальнейшему неразумному уничтожению природных ресурсов, урегулировать их эксплуатацию и содействовать их обогащению", — писал Шиллингер в 1930 году.

Его дом на Телеграфном переулке, что на Чистых прудах, давно стал вторым местом работы. Дом, как таковой, исчез из его жизни. На одну работу он спешил утром, к другой возвращался вечером.

В личном фонде академика Кулагина, я наткнулся на пачку больших, в клеточку, листов. Это было письмо Франца Францевича Шиллингера Николаю Михайловичу Кулагину. Пробежав первые страницы, я понял, что в мои руки попал уникальный исторический документ. Документ, стоивший многих толстенных томов по истории охраны природы.

Это была исповедь. Вопль о помощи. Соломинка, за которую хватался утопающий.

"Чувство глубокой признательности, любви и доверия к Вам побуждает меня излить перед Вами все те сокровенные чувства горечи и обиды, причиненные мне незаслуженным

увольнением из Комитета по заповедникам. С начала моего несправедливого увольнения, после смерти Петра Гермогеновича (Петр Гермогенович Смидович, член ЦИК и Президиума ВЦИК, возглавлял Комитет по заповедникам — В.Б.) в 1935 г. я замкнулся в себе и не жаловался, но мой организм не выдержал тяжелого испытания, и я тяжело заболел. Болезнь моя — полное нервное расстройство и все связанное с ним — оказалась серьезной и протекала крайне медленно: только через полгода я стал понемногу поправляться.

Все мои попытки в течение двух лет выяснить причины моего загадочного увольнения ни к чему не привели, я так и не узнал по сегодняшний день, за что меня сняли с работы. Это очень больно, когда сознаешь, что ты не виновен, а тебя наказывают. Вот как меня отметили за мою беспредельную преданность делу охраны природы, за мое ревностное отношение к службе в течение 18 лет".

(Из письма Шиллингера).

На улицу был выброшен один из опытнейших и знающих кадров, честнейший человек, организатор почти 20 заповедников. Автор двух десятков проектов природоохранных постановлений, утвержденных правительством. Работник отдела охраны природы Наркомпроса с момента его организации, один из организаторов Центроохоты и ВООП, заведующий отделом заповедников, старший инспектор Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, теоретик и практик охраны природы, делегат I-го Всесоюзного съезда по охране природы. В то время это было симптоматично. Природоохранная деятельность повсеместно прикрывалась. Архивы позволяют представить, как это было сделано. По-видимому, зампреда Комитета охраны природы В.Макарова кто-то свыше заставил издать приказ, согласно которому пришлось "инспектора-консультанта по заповедникам Шиллингера Ф.Ф. освободить с 25 апреля с.г. от работы в комитете". Однако когда из комитета науки Казахтского ЦИК пришла просьба о назначении Шиллингера туда директором-организатором казахстанских заповедников, Макаров тут же изменил формулировку приказа на удобоваримую. Однако об этом проведал исполняющий обязанности зав. секретаря Президиума ВЦИК Островский и заставил Макарова отменить этот приказ как необоснованный. И Шиллингера выбрасывают, не выдавая трудовой список.

"Распускаются про меня самые дикие и нелепейшие слухи: будто бы я махровый немец и никто другой как побочный сын бывшего австрийского императора Франца-Иосифа, командующий в мировую войну одной из австро-венгерских армий, действовавших против России, попавший в плен и теперь ловко скрывающийся, что у меня сын за границей и я с ним поддерживаю связь, что я брат графа Уварова из Поречья, что я безграмотный невежда, авантюрист, простой чучельник, и вообще продукт революции, что я бывший крупный землевладелец и фабрикант, что мною было включено в свое время множество колхозов и совхозов в границы заповедников, причем будто-бы 30 колхозов попали в один только Алма-Атинский заповедник, что я пьяница и аферист, в Алма-Ате всех спаивал и только таким путем добился там в 1934 г. утверждения новых границ заповедников: Алма-Атинского, Наурзумского, Аксу-Джабаглысу и Боровое, что все подписи членов правительства Казахстана на необходимых мне постановлениях об указанных заповедниках ложны и подделаны мною лично..." (Из письма Шиллингера).

Они так жаждали праздника на своей улице: и он настал. Шабаш доносов, анонимок, клеветы. Франц Шиллингер назвал в своем письме лишь двух, самых усердных. Бывший директор Алтайского заповедника Шафранович. После ревизии Франца Францевича лишен партбилета и посажен на 5 лет. Бывший директор объединения "Казлес" Будяк, в прошлом партизан, прикрываясь своим героическим прошлым и партийным билетом, свел в Казахстане немало ценных лесов и был разоблачен Шиллингером. Будяка выгнали из партии и отдали под суд. Теперь же "будяки" получили прекрасную возможность отыграться.

“Дело охраны природы и заповедников подвергалось за первые 15 лет своего существования неоднократным нападкам со стороны несознательных элементов. Так было зимой 1921 г., благодаря индифферентному отношению Троцкой (Н. Троцкая, жена Троцкого — заведующая Главмузеем Наркомпроса РСФСР — В.Б.) к этому своему подотделу. Дошло до того, что я видел себя вынужденным обжаловать эти действия в Рабоче-Крестьянской Инспекции, в результате чего была назначена ревизия во главе с Н.Н. Подъяпольским и дело немного улучшилось. Тем не менее, 5 мая 1923 года Коллегия Наркомпроса по инициативе проф. Гливенко вынесла постановление: охрану природы и заповедники упразднить и опять мне одному пришлось обжаловать это постановление в соответствующих инстанциях, после чего была назначена ревизия во главе с Николаем Михайловичем Федоровским всему Наркомпросу. В результате этой ревизии дело охраны природы и заповедников было опять спасено, уцелел и наш комитет. Гливенко был снят с поста заведующего Главнаукой и учрежден отдел охраны природы при Главнауке.

В начале 1931 года дело охраны природы, особенно заповедников, опять попало под удар: власти Кавказа, да и некоторых других республик, а также Наркомлес, поставили перед Совнаркомом вопрос о ликвидации всего этого дела. Специальная комиссия Рыскулова была занята рассмотрением данного вопроса. Мне почти одному пришлось защищать охрану природы, ее Комитет и заповедники. Любимое и столь нужное дело уцелело, и я был счастлив. Однако, с начала 1933 г. началась опять атака на охрану природы, заповедники и Комитет. На сей раз борьба была очень серьезной — Совнарком, несмотря на пожелания Всесоюзного съезда охраны природы, поставил все это дело передать Наркомзему РСФСР. Протест т. Бубнова тоже не помог, так как он, как я имел случай убедиться, сам был против и считал все это скорей вредным, чем полезным делом. В защите этого вопроса мне никто не помогал. В последний момент — уже во время передачи дал Наркомзему — я пошел к т. Смидовичу, рассказал ему о случившемся, и Петр Гермогенович сумел приостановить передачу и добился учреждения Комитета по заповедникам при ВЦИКе.

После смерти П.Г. Смидовича — 16.4.35 — ВЦИК не назначил нового председателя Комитета и назначил ревизию ЦК партии всей охране природы и заповедникам. Ревизия эта длилась в течение октября, ноября и декабря 1935 г. Результат ее был довольно печален, для нас, работников охраны природы и заповедников, — решено было передать заповедники Наркомзему СССР.

Началась передача, вернее подготовка к ней. Я уже не служил в Комитете, т.к. после смерти т. Смидовича был уволен без предъявления каких-либо причин...

Когда я убедился, что дело окончательно погибает и никто не пытается его спасти, мною было подано в отдел науки ЦК партии особое заявление, и в последний момент я в отчаянии написал письмо т. Сталину. Это было 20-го января 1936 г. Об этом письме никто не знал — я держал его в тайне от самых близких. Оно получилось обширное — 20 стр. большого формата на машинке. Передача была приостановлена. Комитет уцелел, заповедники не были переданы Наркомзему и на их содержание отпущены крупные суммы, при Совнаркоме учреждено Главное управление по лесоохране и лесонасаждению, а при Наркоземе СССР учреждено Главное управление охоты и звероводства.

Я неимоверно счастлив, что хотя бы косвенно причастен к этим учреждениям и не теряю надежды, что еще буду привлечен к работе в них...”

(Из письма Шиллингера).

Справедливости замечу: первым это письмо отыскал в фондах старший научный сотрудник Приокско-Террасного заповедника Владимир Иванович Данилов. Однако бдительные

сотрудники Архива АН СССР отобрали у него тетрадь с выписками. Зачем наводить тень на прошлое?

Дети уходили. Родители продолжали жить. Что может быть страшнее и несправедливей? В двадцать втором не стало дочери — девятнадцатилетней Марии. Работала машинисткой в Центрохоте. Заболела менингитом, умерла прямо на работе. Через шесть лет Шиллингеры потеряли старшего сына, выпускника Московской Горной Академии. Младший, Феликс, любимец отца, участник многочисленных его экспедиций, был летчиком. Погиб 25 декабря 1933 года во время ночного полета.

На пороге старости Франц Францевич и его супруга Розалия Иосифовна остались с последней дочкой Аделью.

— “Да, сейчас живется мне очень тяжело, так как 250 руб. академической пенсии не хватает, а реализовать уже нечего, это я все уже сделал, еще когда служил, на нужды экспедиций, на пользу охраны природы и заповедников, делу, которому я посвятил свою жизнь. Устроиться на службу нигде не могу, а переквалифицироваться на что-нибудь, пожалуй, поздно.

...обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, если возможно, то помочь мне получить какую-нибудь должность. Я мог бы работать: по охране природы и заповедникам, по охотничьему хозяйству и разведению; по лесопарковому хозяйству Москвы и оживлению их соответствующими животными, по лесопарковому хозяйству курортов Крыма... Согласен немедленно вылететь на остров Врангеля для охраны и криптовки трупа мамонта к отправке в Ленинград” (Из письма Шиллингера).

В двадцатых Шиллингер подарил одному из московских музеев ценнейшую зоологическую коллекцию. Она насчитывала 240 шкур и чучел бурых и 62 белых медведей, 84 россомахи, 107 рысей, 16 барсов, уйму всякой другой лесной разности. Хранились в ней трофеи отца, трофеи деда. Кое-что добыл сам, много приобрел на частных аукционах. Коллекцию Франц Францевич передал так, за здорово живешь, во славу русской науки, даже ломаного гроша не запросил. Эх, как пригодился бы этот грош семье его лет десять спустя...

Мучаюсь вопросом: а мог он уцелеть? Что для этого нужно было делать или не делать? С Будяком и Шафрановичем не связываться, на беды заповедного дела смотреть сквозь пальцы, не приставать, не шуметь, не высовываться. Нет, так поступать он не смог. А значит, был обречен на такой конец.

В 1937 году он еще жил. В фондах Общества охраны природы сохранился его отчет за этот год, выполненный с немецкой аккуратностью и добросовестностью. Написаны рукописи книг: “Охота в СССР”, “Заповедники Казахстана”, а также “Труды экспедиции в Западной Сибири” объемом 50 печатных листов, проект “Организация Государственного промыслового охотхозяйства по Арало-Тургайскому заливу”, докладная записка в Главохоту “О лосях и одомашнивании”. Работал в качестве члена Крымской комиссии... Это было последнее, что он успел.

Еще в начале первой мировой войны, путешествуя по Сибири, Франц Францевич был арестован царской охранкой как австрийский подданый “по подозрению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии”. Правда, через 72 дня его отпустили.

Спустя четверть века все повторилось. Правда, по худшему сценарию. И его последняя экспедиция в Якутию по линии ВООП была сорвана.

“5 отделением УГБ УНКВД Московской области арестован за шпионскую деятельность Шведик Н.Д., (старый шапочный знакомый Шиллингера — В.Б.), который показал, что его завербовал для контрреволюционной шпионской деятельности в пользу Польши — Шиллингер Ф.Ф.

До революции Шиллингер Ф.Ф. являлся егерем бывшего великого князя Н.Н.Романова. На основании изложенного Шиллингер Ф.Ф. подлежит аресту.

Начальник 6 отдела — Безбородов”.

(Из дела № П-22706 архива УМБРФ по Москве и МО).

В ночь с 14 на 15 апреля 1938 г. чекист Стребков пришел в дом Шиллингера и арестовал его. При обыске изъял дробь, патроны охотничьи, профбилет и паспорт, очки, подтяжки и деньги в сумме 62 руб. 10 коп.

В специзоляторе Московского НКВД допрашивал ученого младший лейтенант госбезопасности Шевченко, его начальник Столяров. Шиллингер держался стойко, наветы отрицал. Что не помешало Шевченко, Безбородову и Столярову обвинить Франца Францевича в “шпионской деятельности в пользу Германии”. 2 июня 1938 года Особое совещание НКВД СССР проштамповало — “Шиллингера Ф.Ф. по подозрению в шпионаже заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет”.

Лев Розгон, прошедший через ад Гулага, объяснял:

— “Нехорошей” считалась также одна из самых распространенных статей — “ПШ”, подозревается в шпионаже. Впрочем, людей с этой статьей было столько, что она стала почти бытовой, тем более, что множество специалистов носило подобное клеймо. “ПШ” имели все, когда-либо жившие за границей. Вообще, поскольку само понятие “подозрение” исключало какую-бы ни было необходимость чего-нибудь доказывать, подозреваемыми в шпионаже становились часто люди, никакого отношения к загранице не имевшие: ремесленники в маленьких городах, учителя иностранных языков, дворники, не угодившие своим тайным шефам”.

Затем Шиллингера отправили по этапу во Владивосток, транзитный лагерь НКВД, позже в городишко Мариинск Кемеровской области.

10 января 1939 г.
“В Президиум Всероссийского общества охраны природы в Москве
ЗАЯВЛЕНИЕ
Ровно 6 месяцев тому назад я был арестован и заключен, в сущности, без следствия, приговором Особого совещания НКВД по подозрению в шпионаже к 8 годам труд-исправительного лагеря. Ввиду моей болезни — цинги, нахожусь здесь на лечении. Цинга опасно обострила мою сердечную болезнь, эмфему и гайморит. Я конечно, ни на минуту не сомневаюсь, что моя полная невиновность и непричастность к подобного рода подозрению, рано или поздно выяснится и с меня будет снято это позорное подозрение. Время однако идет, уже моя болезнь прогрессирует и если скоро, очень скоро положение не изменится, то конечно, 65-летний организм не выдержит, но так как скорой помощи из Москвы ждать не приходится, то я решил послать свой последний привет с пожеланиями дальнейшего процветания обществу охраны природы, над которым я так много и усердно потрудился и притом не напрасно. Конечно, я далек от мысли перечислять мои заслуги перед нашим обществом и Комитетом по заповедникам, так как каждому работнику по линии охраны природы это прекрасно известно. Тем не менее непременно упомяну, что одно и другое не

существовали бы без моей инициативы и энергии. Так как утопающий хватается за соломинку и в этот момент замечают и иногда спасают, — я прошу Президиум Общества возбудить перед кем и где следует вопрос о пересмотре моего дела и притом не в сторону моего полного освобождения, а хотя-бы в сторону применения моего принудительного труда по специализации. Думается мне, что великая радость такого рода облегчения моей совершенно незаслуженной участи взымела бы действие и я выздоровел и смог бы еще плодотворно работать в любимой мне охране, которой я посвятил свою жизнь. Это можно в любом из заповедников Азиатской или Европейской части нашего Союза.

Если же этого нельзя почему-либо, то мог бы работать по охотничьему хозяйству, по лесонасаждению и озеленению населенных пунктов и прочее

Так как мне более чем кажется, что Общество или отдельные члены его навряд ли решатся, так или иначе, поднять перед кем либо вопрос обо мне, боясь скомпрометировать себя или Общество, то осмеливаюсь просить еще не оставить без помощи мою несчастную семью — жену 60 лет и дочь. Если захотят меня умирающего обрадовать, то если это возможно, пришлите или через жену мою, мне по вышеуказанному адресу (здесь телеграммы и письма вручают официально). Ну так, легче стало, когда поделился с вами своей печалью.
Прощайте, еще раз всего, всего хорошего от меня вам, даю честное слово, что я ни в чем не повинен, меня, возможно, оклеветали настоящие враги народа.
Прощайте, — Ф.Шиллингер
(Из дела № П-22706 архива УМБРФ по Москве и МО).

Франц Францевич оказался прав. Получив пронзительное письмо — несколько листков шершавой оберточной бумаги, исписанной синими чернилами — руководители ВООП предали активного члена и инициатора создания Всероссийского общества охраны природы.

В Наркомдел СССР
21 февраля 1939 г. № 89
"Возвращая обратно на Ваше усмотрение письмо бывшего члена Общества Ф.Ф. Шиллингера, Президиум ВООП сообщает, что Шиллингер по получении Обществом сведений об его осуждении постановлением Президиума Общества из членов Общества исключен.

Вместе с этим Общество считает возможным подтвердить, что Шиллингер является специалистом в области охотничьего хозяйства и лесоводства.
Заместитель председателя В. Макаров
Ответственный секретарь С. Фридман"

Другое письмо Шиллингер направил в Верховный Совет. Просил пересмотреть приговор и использовать его как специалиста "для нужд соцстроительства". Прилагал тезисы 11 проектов: по упорядочению охотничье-зверобойных промыслов на Севере, заселению Севера полезными животными, организации в Магадане естественно-исторического музея и зоопарка...

Просила за него и жена — Розалия Иосифовна. Забрезжила надежда: Московское управление НКВД принялось перелопачивать бумаги, однако 15 мая 1940 г. следователь госбезопасности Бабич постановил в "ходатайстве о пересмотре дела отказать", не найдя фактов для спасения ученого. Организатор 20 заповедников, автор 20 постановлений правительства по охране природы, Лауреат премии Совнаркома СССР, ученый, имевший 50 публикаций и 10 книг оказался ненужным...

Началась война, и в первые дни чекисты арестовали всю семью Франца Францевича — жену и дочь Адель. Розалия Иосифовна умерла в феврале 1942 г. в Оренбургской тюрьме. Дочка “оттрубила” весь срок ссылки в Башкирии.

Глава семьи умер от подагры (как сообщают официальные справки) 4 мая 1943 г. в лагере Сосьва Свердловской области.

Реабилитирован Фран Францевич Шиллингер 12 апреля 1956 г. посмертно.

У Александра Городницкого есть замечательная песня. О Богом занесенных в наши края французах, немцах, англичанах, служивших новой родине верой и правдой. Они, как те неприметные реки, что все без остатка отдают себя безбрежному и великому океану, имя которого — Россия.

История — это воскрешение. Еще один человек отвоеван у беспамятства. Еще одно доброе имя восстановлено. Но сколько же их еще осталось, неизвестных сыновей и дочерей России, растоптанных сапогами кремлевского горца!

Мы не имеем права забыть. А чтобы помнить, нужно многое знать. Нам нужно знать все.

Крах дела Макарова

Низкий поклон вам, природоохранники двадцатых годов! За все, что сделали, за все, о чем мечтали. Случались ошибки, за которые мы винить вас не можем, не имеем права. Ведь вы были первыми.

А вот потомки могли бы не повторять ваших ошибок, а если делали и продолжают делать, так это, как заметил один известный эколог - не от большого ума. И не от крепкой памяти.

—Кто старое помянет, тому глаз вон — вбивали в нас с детства. А вот о второй части народной мудрости —”кто старое забудет—тому вон оба” — запамятовали. Но ведь кто не помнит своего прошлого, осужден повторить его.

В дни поражений и побед

— “Не лишены особой “красочности” и контрреволюционные вылазки на страницах краеведческого журнала “Охрана природы”, прячущие свое вредительское нутро под прикрытием борьбы с ... вредителями в сельском хозяйстве.

... О чем мечтают журнал и группирующиеся вокруг него краеведы, видно из статьи “Последние дни Ямской степи”, где выставляется требование объявить степь заповедной. С глубокой меланхолией созерцая, как пустынная степь уступает “необъятным пространствам черной пашни”, автор “смотрит в даль” и вздыхает: “Первобытностью веет, и уносишься мыслями в доагрокультурное прошлое края. “Вот именно “Охрана природы” становится охраной от социализма.

Таким образом, сущность всех вредительских теорий одна и та же. Иначе и быть не может — цель у вредителей всех мастей одна. Срыв нашего социалистического строительства, реставрация капитализма” писал в 1931 г. журнал “Большевик”.

В начале 1931 года охрана природы попала под удар. Наркомлес и правительства закавказских республик ходатайствовали перед Совнаркомом о ликвидации заповедников. Тогда атаку удалось отбить.

Через два года она повторилась. На этот раз директору Всесоюзного научно-исследовательского института пушно-мехового и охотпромыслового хозяйства Лосеву удалось убедить заместителя председателя Совнаркома РСФСР Т.Р. Рыскулова в бесполезности заповедников. Тот назначил комиссию. Ее выводы надежд не оставляли:

—”... выявились следующие ненормальные моменты и отдельные дефекты в деятельности заповедников:

... существует ряд теорий реакционного свойства о невмешательстве в природу, о сохранении естественного равновесия в природе, об охране природы от человека, о невозможности и вредности вмешательства человека в область акклиматизации ценных пушных зверей из других климатических и географических условий...” Практически эти теории выразились в проведении начала пассивного созерцания естественного самотека в природе и отказа от активного вмешательства и воздействия на природу в интересах социалистического строительства”.

Что делать? — думали не долго. На заседании Совнаркома РСФСР 20 мая 1933 года решено было передать все заповедники хозяйственному ведомству — Наркомзему. Пусть использует по своему усмотрению. Народный комиссар просвещения Андрей Сергеевич Бубнов выразил протест. Не помогло. Казалось, уже не было никакого спасения. Передача началась.

В один из таких тяжелых для заповедников майских дней тридцать третьего года деятель охраны природы Франц Шиллингер пошел на прием к Петру Смидовичу.

Смидович — фигура значительная в истории нашего государства. “Неповторимый”, — назвал его Калинин. Член партии большевиков с 1898 года, один из первых агентов “Искры”. В 1905 году руководил декабрьским вооруженным восстанием в Москве, в 1918 — возглавлял Моссовет.Петр Гермогенович делегат многих партийных конференций и съездов, участвовал в подавлении Антоновщины и Кронштатского мятежа. Заключал мирный договор с панской Польшей. В поледние годы жизни Смидович являлся заместителем председателя президиума ВЦИК РСФСР. И еще возглавлял десятки комиссий и комитетов — по народностям Северных окраин, по делам амнистий, по улучшению жизни детей, борьбе с самогоном, концентрации музейных имуществ. В 1917 г. рьяный ленинец Р.С. Землячка требовала его расстрелять как председателя Московского военно-революционного комитета за мягкость к “буржуям”.

Очень много сделал для развития краеведения — этой “научной народной самодеятельности”, руководил Центральным бюро краеведения. Добивался, несмотря на непонимание первых лиц страны, возвращения на родину художника Репина, других великих соотечественников-эмигрантов.

Обедневшая дворянская семья Смидовичей дала революции не только Петра. Сестра Инна (партийная кличка “Димка”) участвовала в восстаниях на “Очакове” и “Потемкине”, секретарствовала в “Искре” до приезда Крупской.

Смидович был очень популярен в народе. Простой, доступный, корректный, он являл прямую противоположность вылезающему новому, сталинскому типу партийно-советского руководителя.

Широко известна его нашумевшая статья “Беспартийные должны проверять партийных”, опубликованная в феврале 1927 г. почти в сорока провинциальных газетах России. И еще почему-то всегда ускользаемое в материалах о нем. Смидович, после Федоровского и Луначарского, был последним за все 70 лет Советской власти крупным государственным и партийным деятелем, кто по настоящему осознавал и на деле помогал охране природы.

“С детства, увлекающийся, сливающийся с природой, животными, любующийся травой, цветами”,(как писал в автобиографии), Смидович проникся идеями природоохранения в Московском университете, слушая лекции профессоров Кожевникова и Кулагина.

Студентом стал писать свои первые статьи — по охотоведению. Приносил их в охотничий журнал князя Урусова. Однажды тот заупрямился выплачивать положенный гонорар. Смидович направился за деньгами к нему домой, но был выпровожден прислугой. Обратился было с жалобой на Урусова к университетскому начальству, глядь, а князь уже там, явился “ставить на место” зарвавшегося студента. Тогда Петру ничего не оставалось, как влепить князю оплеуху.

Улица Коминтерна, четвертый дом ВЦИКа, 2 этаж, кабинет товарища Смидовича. Из-за стола, заваленного бумагами, поднимается седой, как лунь, большелобый человек в темном, наглухо застегнутом френче. Снял пенсне, улыбнулся устало.

— А, Франц Францевич, добро пожаловать, заходите, располагайтесь поудобней.

В последнее время Смидович часто болел. Борохлило сердце, изношенное тремя революциями.

Шиллингера он слушал молча, меряя кабинет шагами.

—”Зло будет нас бить ровно столько, сколько раз мы это сами ему позволим. Хозяйственникам ни в коем случае нельзя отдавать заповедники. Я целиком на вашей стороне.”

Используя свой авторитет, Смидович остановил передачу. 20 августа 1933 года совместным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР был утвержден новый орган — Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК. Руководство им Смидович взвалил на себя, понимая, что этим еще на несколько лет укорачивает свою жизнь. Знал он и другое, — в стране сейчас больше нет человека, кто бы реально мог отстоять заповедники от новых посягательств в столь смутное время.

Заместителем себе он взял Макарова и успел воспитать из него класного специалиста. Полвека спустя именем Макарова будут названы знаменитые “чтения”, собирающие известных специалистов по заповедному делу со всех концов СССР.

Члена стачечного комитета Василия Макарова Смидович знал лично еще по краснопресненским баррикадам. Вместе хоронили Баумана... Закончив Московский Учительский институт, Василий Никитич преподавал. Член партии эсеров — был выдвинут от эсеров в Учредительное собрание. С 1928 года — член партии большевиков. С 1933 — как заведующий сектором науки Наркомпроса РСФСР Макаров участвовал в работе Межведомственного комитета содействия развитию природных богатств.

Позже, в кругу друзей, будущий руководитель заповедной системы вспоминал, что он вначале отнесся к заповедникам с пребольшим подозрением, связывая термин “заповедник” с “библейскими заповедями”, и опасался, нет ли здесь буржуазных предрассудков.

Только в сказке сдерживают невероятную тяжесть атланты. В реальной жизни они ломаются. Смидович скончался скоропостижно. 18 апреля 1935 года “Правда” писала: “У гроба Смидовича много детей и цветов. И детей и зелень Петр Гермогенович любил огромной, чуткой, заботливой и нежной любовью. Это он вдохновил и организовал тысячные армии детей на борьбу за озеленение наших городов и рабочих поселков”.

Подписи Сталина в некрологе не было.

Всего лишь два года возгавлял Петр Гермогенович Комитет по заповедникам. До обидного мало. Но успел многое. Укреплена законодательная основа охраны природы: принято новое положение о заповедниках, о Всеросийском обществе охраны природы. Выпущены труды первого Всеросийского и Всесоюзного съездов по охране природы. Действовало Московское общество друзей зеленых насаждений — Смидович был избран председателем.

Из Саранска в Президиум ВЦИК пришла телеграмма с просьбой присвоить имя Петра Гермогеновича Мордовскому заповеднику. Уже полвека носит старейший заповедник его имя.

Через неделю Шиллингера уволят. Выбросят на улицу без средств к существованию. Горячий и бескомпромиссный, он вскрыл в заповедниках немало должностных преступлений, требуя строго наказать виновных, не взирая на их былые заслуги в революции или гражданской войне. Ему отвечали залпами жалоб и анонимок. Но за Смидовичем он был как за каменной стеной. Когда Петра Гермогеновича похоронили у Кремлевской стены, Макаров не смог защитить лучшего своего инспектора.

... Стук в дверь поднял обитателей коммунальной квартиры.

—”К кому?!”

Чужие сапоги остановились у двери главного инженера небольшой московской фабрики, соседа Макарова. Когда его вместе с женой выводили, в прихожую выскочили разбуженные дети, мальчик с девочкой, двойняшки.

—”Мама, папа, вы куда?”

Родители отворачивались, не в силах выдавить и слова, зная, что уходят навсегда.

Ответил в фуражке с синим околышем.

—”Мы мамку с папкой немного покатаем на машине.”

— “На машине! На машине! И мы хотим на машине!”

— “Хорошо, и вас... покатаем”, — понимая бессмыслицу сказанного, ответил чекист.

— “Ура!” Радостно прыгая и хлопая в ладоши, провожали дети на смерть своих родителей.

Прикрыв дверь в свою комнату, Макаров всю ночь не мог прийти в себя. Его долго выворачивало над тазиком, трясло, безумный страх сковал разум и речь.

За окном забрезжил рассвет. Из репродуктора донеслось бодренькое: “Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!”

Нужно было спешить: одеваться, и пошатываясь, на ватных ногах, ощущая себя амебой, а не Человеком, отправляться на работу. Ибо даже за 20 минут опоздания, по новым советским законам — тюрьма.

... Очередной жертвой стал Шиллингер, человек, отличавшийся от большинства всем: цветом волос, ростом, характером, взглядами и поступками. Последние годы его семья перебивалась случайными заработками да продажей фамильных вещей. Шиллингер, выпертый из Комитета по ложному доносу, нигде не мог устроиться. Жизненные невзгоды, смерть двух сыновей и дочери не сломили мужественного человека, он активно продолжал сотрудничать с обществом охраны природы, писал книги, которым никогда не суждено уже было увидеть свет. Из лагерей Гулага он просил ВООП ходатайствовать о пересмотре его дела. Но Макаров побоялся заступиться. Так же, как не помог устроиться в заповедник вышедшему из лагерей асканийцу Медведеву.

Грустные вести приходили из Украины. Репрессированы: заместитель председателя Украинского комитета по охране природы, известный ботаник Яната, заведующий научной частью заповедника Аскания-Нова выдающийся эколог Станчинский; один из активных членов Полтавского общества любителей природы, научный сотрудник Полтавского краеведческого музея Гавриленко.

И вот — новая беда. Арестован редактор журнала “Охрана природы” известный советский геолог Николай Михайлович Федоровский. Член партии с 1904 года, член ВЦИК РСФСР. При обыске сыщики первым делом сорвали со стены забранный в рамку листик бумаги, реликвию семьи Федоровских — письмо Ленина Николаю Михайловичу.

... По Далю “интеллигенция” — это разумная, образованная, умственно развитая часть жителей. Естественно, “умственно развитой” невозможно стать без умения мыслить самостоятельно, без самостоятельности в оценках нравственных, морали, идущей от сердца, а не санкционированной призывами и постановлениями. По Далю интеллигентом человек являлся не в зависимости от рода занятий или социальной принадлежности, а лишь став умственно развитым, научившись мыслить сам.

И еще. Поскольку “интеллигенция — часть жителей”, то понятие “народная интеллигенция” превращается в трюизм, ведь не может быть “народной” или “ненародной” части жителей.

Интеллигенция — огромная сила, которую просвященная власть использует, а непросвященная истребляет. Умственно развитые в условиях сталинского социализма были превращены в людей вне закона, своего рода “интеллектуальных уголовников”. Весь механизм репрессий шел именно по признаку способности человека думать самостоятельно.

В “Толковом словаре русского языка” под редакцией Д.Н. Ушакова, изданном в 1934 году, интеллигенция уже определялась как “общественный слой работников умственного труда труда, образованных людей”. Права быть “умственно развитой” ее лишили.

Террор коснулся не только отдельных граждан. Объявлялись вне закона, уничтожались многочисленные научные краеведческие, охотничьи, культурные организации, их журналы. Прикрыли даже общество бывших политкаторжан, состоящее из старых революционеров, друзей и соратников Ленина.

Да что там общества: в научной, культурной и общественной жизни страны вымарывались целые направления, школы. Их лидеры бесследно исчезали.

Загадка истории — как в таком хаосе смогло выжить тщедушное Всероссийское общество охраны природы (ВООП). В 1936 г. оно лишилось помещения. Старое здание возле Москворецкого моста разрушили под строительство. Библиотеку пришлось разнести по домам, заседание президиума проходили по вечерам в комнатах Комитета по заповедникам.

Макаров, один в двух лицах: как зампред ВООП и зампред Комитета по заповедникам, крутился, как мог. Выбил для попавшего в долговую яму общества небольшую субсидию, уговорил возглавить ВООП авторитетного в стране человека — Владимира Леонтьевича Комарова, академика, президента Академии наук СССР, депутата Верховного Совета СССР. За подписью Комарова первым руководителем страны были направлены письма о помощи.

Обращение к председателю СНК СССР Молотову помогло.

В 1938 году общество охраны природы получило помещение.

— “Считаю совершенно правильным такое указание, что мы не добились освещение задач в центральной прессе. Ставили мы эти вопросы. Неверно будет сказать, что мы не ставили, писали неоднократно в редакцию “Известий” и “Правды”. Через отдельных корреспондентов, мне обещали, я тратил время, я требовал, но когда мы приставали с ножом к горлу, то нам говорили, что у нас очень много других задач — вот выборы в Верховный Совет, освещение вопросов борьбы с вредителями и т.д., придет время — мы напечатаем”, — выступал В.Н. Макаров на 1 съезде ВООП в 1938 г.

Запомните эти фамилии: Макаров, Протопопов, Фридман, Гиллер, Комаров, Вяжлинский, Дементьев. Они прикрыли собой, поддержали угасающий в тридцатых огонёк гонимого движения за охрану природы. В 1935 г., будущий академик и сподвижник Лысенко Ольга Борисовна Лепешинская обследовала заповедники России. Готовила докладную записку в научный отдел ЦК ВКП(б). Макарову она дала характеристику: “... бывший эсер. честный и преданный делу. Слабохарактерный, беспринципный, слишком мягкий.(...). Нет твердой большевистской линии”.

— “Мы знаем, что в первые годы все деятели охраны природы встречались в штыки, ибо требовалась очень высокая культура и сознание для того, чтобы понять действительное значение охраны природы. Вы знаете, что на этой почве была демагогия, вроде того, что некоторые люди говорили — вы думаете охранять природу от рабочих, от пролетариев? Мне вспоминается, факт, когда М.П. Потемкин (член президиума ВООП — В.Б.) — член ВКП(б), на чистке долго защищался от обвинения председателя комиссии по чистке, который говорил: “Как же Вы, член партии, работаете в таком органе, как охрана природы? От кого Вы охраняете природу?”, — вспоминал В.Н. Макаров.

Кризис миновал. Вновь стали выходить труды общества, плакаты и листовки. Новые отделения ВООП появились в Ленинграде, Симферополе, Астрахани, Пятигорске, Муроме, Лебяжьем. Готовились к утверждению проекта Московского заповедника, закона об охране птиц в СССР. Участвовали в зарубежных природоохранных выставках. В московских парках открыли передвижной пропагандистский киоск ВООП.

Перед ЦК ВКП(б) ВООП ходатайствовало о принятии более прогрессивного закона об охоте, перед правительством Украины — об охране птичьих колоний в Чернолесском лесничестве, СНК Туркменской ССР просило отменить дичезаготовки в заповеднике Гассан-Кули. Руководителей Эстонии и Грузии — сохранить метеорные кратеры и уникальные пещеры...

Низкий поклон вам за это, природоохранники тех далеких годов.

“Макаровская академия”

Для “проветривания” мозгов Макаров частенько созывал совещания. Приглашал на них “зубров” биологической науки — Сукачева, Формозова, Дементьева, Кабанова, Алехина, вытаскивал из-за тридевяти земель работников самых далеких заповедников.

Такие сборы обожали все, ибо обстановка на них была самая демократичная. Можешь высказать невероятные суждения, излить душу, даже с “зубрами”, если пороху хватит, схватиться. Никаких утомительных нравоучений, накачек. Все здесь были равны: и профессоры, и академики, и вчерашние студенты. Человек, имеющий не только чисто педагогическую внешность, но и большой педагогический талант, Василий Никитич понимал, что уже за то, что люди соглашались работать в заповеднике, им можно ставить памятник. Как зам. начальника главка, он не требовал исполнения всех пунктов инструкций, не закручивал гайки.

После общего доклада, первым оказался на трибуне Зорин, работник Печеро-Илычского заповедника.

— “Чтобы получить десять квалифицированных плотников и печников, нам пришлось обратиться в Совет Министров Коми АССР, причем было выпущено специальное решение о том, чтобы дать нам десять квалифицированных строителей. Но оно так и осталось на бумаге.

Тьма браконьеров. Очень неблагополучно в Молотовской области. Причем браконьерит сельское начальство: председатели сельпо, начальники рыбучастков, секретари сельских советов, председатели колхозов. Убили девять лосей. Все браконьеры найдены. Но нам звонят: нельзя ли не привлекать их к ответственности, вы лишаете нас руководящих кадров?”

— “То же и у нас”, — не сдержался Скрябин, замдир Воронежского заповедника. “Если мы шерстим местных браконьеров — они нам моментально мстят поджогами. Наши охранники должны иметь не меньше прав, чем милиция, но когда вы поглядите на этих охранников, то вам не захочется с ними разговаривать. Такие они ободранные и не внушают доверия.”

На трибуне Соснин — замдиректора Кавказского заповедника.

— “Срочно необходимо улучшить быт. Жилые квартиры к зиме не подготовлены, крыши текут, площадь мала, снабжение ни к черту не годится, нет хлеба, нет мяса. В кооперативной лавке только вино. От этой участи и отсутствия культурных очагов только сесть на чемодан и запить.

Кого нам присылают на посты директора заповедника? За 15 лет сменилось 15 директоров.”

— “Два слова с места!” Поднялся Доброхотов, представитель заповедника “Столбы”.

— “В Красноярском крае есть Саянский заповедник. Мне предложили его обследовать. Я столкнулся с таким фактом. Директор ехал туда десять месяцев и не доехал, истратив 30 тысяч рублей. Поддерживаю, нужно строже подбирать директоров.”

После перерыва объявили Шульпина, представителя Висимского заповедника.

— “Мы находимся в глубинных местах. Наша главная беда — снабжение. Часто хлеба нет. Идти за ним приходится за 40 километров.

Недавно в заповеднике убили лося, причем браконьеры на снегу начертили:” — берегитесь, если пойдете по нашим следам”. Мы пошли, задержали виновных, послали материал в прокуратуру. А оттуда ответили, что нет статьи, по которой судят за браконьерство.”

Вышел биолог Остроградский, приехавший с Дальнего Востока.

— “Почту мы привозим только из бухты, но и туда она опаздывает на три месяца. Центральные газеты читаем через четыре. Есть у нас один радиоприемник, но попробуйте обеспечить его питанием. Об отмене карточек я случайно узнал от подошедшего катера 19 декабря. Если говорить о промтоварах, то их совсем нет в заповеднике.

Посмотрите на наших “научников”, хотя бы на знаменитого Брамлея, кандидата биологических наук, так это просто нищий, ходит в брезентовых штанах.

Когда я был в Москве еще в прошлом сентябре, в наш заповедник послали груз. Он до сих пор не дошел, пятый месяц.

Прошу дать нам по 50 килограммов гвоздей, мы увезем с собой.”

— “Пока не поздно, нужно срочно создать заповедник на озере Ханка”, — предложил зоолог Воробьев.

— “Военные охотники часто являются туда с автоматами и устраивают бойню. Прошлой осенью один майор отстрелял тридцать редчайших уссурийских журавлей. Семена уникального лотоса местные жители пускают на муку.”

Попросил слово Александр Николаевич Формозов. Зал затих, стараясь запомнить каждое слово известного ученого.

— “Нужно отметить, как общее правило, что руководители заповедников часто подписывают планы, не читая. Вот и выходит вместо “пойменного водоема” — “пойманный водоем”, вместо “эксперимента”, простите, “экскремент”...

Конечно, много тогда списывалось на трудности послевоенного времени. Не до заповедников. Нужно было восстановить тысячи разрушенных городов и поселков, заводов и железных дорог. Работники заповедников это понимали и готовы были потерпеть.

... Жесткий спор разразился под конец совещания. Профессор Мантейфель, буйный борец за “переделывание” природы, требовал заселить заповедные земли “полезной фауной”, “привязать” заповедники ближе к охотничьему хозяйству.

Ему страстно возразила профессор Дохман.

— “С ужасом слышала, когда вы предлагали увеличить кормовую базу для бобров, вырубив в заповеднике ольху и посадив ивняк. Нет слов для возмущения! Эталон природы был и должен остаться неприкосновенным. В этом принцип идеи заповедности.”

Ее поддержал профессор Кириков из Института географии АН СССР.

— “В планах заповедников есть несколько тем, которые на мой взгляд, компрометируют заповедники. Нужно ли изучать: как лучше рубить лес, как лучше ловить рыбу?”

Мантейфель не соглашался: —

— “Заповедник должен быть таким, чтобы отвечать задачам сегодняшнего дня, а не таким, каким был до революции. Сейчас заповедник может в любое время отменен, в прежние же времена он устанавливался на веки — вечные”.

Ах, если бы знали тогда собравшиеся, в какую беду выльется вскоре эта реплика...

С 1935 по 1948 год Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК, реорганизованный затем в Управление по заповедникам при Совмине РСФСР, возглавлял некто Шведчиков — старый служака и посредственный руководитель. Как начальник, он имел очень редкое для всех недалеких руководителей качество: никогда ни во что не вмешивался и никогда ничему не мешал. Все вопросы тактики и стратегии решал Макаров вместе с научно-методическим советом.

Шведчиков же мирно отсиживался в своем кабинете. Однажды он смог посетить Кавказский заповедник. Слезая с телеги, московский начальник изрек фразу, долго потом гулявшую по заповедникам страны: —”Я понимаю теперь, что в заповеднике может работать или энтузиаст, или тот, кто не совсем в себе.”

На бумагах, поступающих в главк, все тринадцать лет он ставил одну и ту же резолюцию: “тов. Макаров. Внимательно разобраться и внести предложения.” Вроде можно разбираться невнимательно.

Правда, раза два Шведчиков все же высказал собственное мнение, и оба раза неудачно: не соглашался реаклиматизировать зубров и был против одомашнивания лосей. Но его вовремя переубедили.

В последние годы Шведчикову приходилось не сладко. Возвращаясь после очередной накачки, он приглашал к себе Макарова, кого-нибудь из ученых и жаловался:

— “В правительстве меня спрашивают: вы 15 лет существуете, а что сделали?

— А я что скажу?”

Увы, еще с тридцатых годов возобладало превратное мнение, что заповедники обязательно должны что-нибудь давать: сено соседнему колхозу, зверье для расселения, на худой конец советы — как поднять урожай белки в соседнем лесу, карасей в болотце или зайчишек в поле. Причем чем скорей, тем лучше. А некоторые горячие головы договорились разбивать в заповедниках... сады и виноградники.

В некоторой степени приложил к сему руку и сам Макаров. Еще на 1 Всесоюзном съезде по охране природы он призвал “сдать в мусорный ящик” фетиш абсолютной неприкосновенности заповедников, предлагал оставить всех на самоокупаемости, подверг сомнению их “вечное” существование.

Чужая душа — потемки, тем более давно ушедшего человека. Осознавал ли Макаров неверность своих высказываний, или наоборот, это был ловко придуманный “ход конем?” Ведь выступи он тогда против мичуринско-лысенского “Мы не должны ждать милостей от природы...”, камня на камне от заповедников бы ни осталось. Его вынужденную тактику не понимали иногда даже самые близкие единомышленники. Например, профессор Иван Иванович Пузанов. Макаров старался тогда подбодрить товарища, объяснив свои поступки;

“Дорогой Иван Иванович! Вы испытали чувство горечи и обиды за судьбу Крымского заповедника и у Вас опустились руки. Это никуда не годится. Если каждый из нас, искренне

болеющий за заповедное дело и за охрану природы, так будет реагировать, то кто же останется! Вы можете представить себе, в каком я нахожусь нередко состоянии, отбиваясь от подобных наскоков на ряд заповедников. Во имя заповедности и охраны природы мне приходится вести не только агитацию и розъяснения перед каждым новым человеком, которому так или иначе приходится решать вопросы заповедников, но за 11 лет работы на этом поприще мне пришлось испытать не только непонимание, но ряд неприятных, морально-тяжелых мытарств, иногда насмешки, обвинения и т.д. Во имя заповедников, будучи глубоко убежденным в их пользе для народного хозяйства, культуры и науки и для будущих поколений, я пожертвовал своей научной карьерой, так как вести непосредственную научную работу на моем посту просто физически невозможно. Я знаю, что не получу ни наград, ни поощрения. У меня также нередко в бессилии опускаются руки. Перед мной часто вставал вопрос: да не Дон-Кихотство ли наши усилия сохранять отдельные участки природных ландшафтов с их фауной и флорой? Устоим ли мы перед громадным напором интересов сегодняшнего дня? Не слишком ли мало искренних и понимающих сохранность дела охраны природы, чтобы преодолеть стену непонимания, безразличия или даже враждебности? Но это только в минуты крайнего напряжения и усталости. Мысль, кто же будет продвигать это, пока крайне неблагодарное дело, если все будут отходить от него во имя личных интересов, убоясь неприятностей, трудностей и т.д., всегда заставляет меня быть на посту, пока это будет зависеть от меня. (...) Одним словом, наше будущее впереди, пока мы в черном теле”

Проливами практики
лейся, теория!
Тебе
В перестроенном мире гудеть.
Когда
Переделывается история,
Нельзя географии
Не задеть.
Придется проверить,
Планируя вскоре
Обширного мира
Малейшую пядь.
Вот Волга
Впадает в Каспийское море.
А разве ей
Некуда больше впадать?
А.Жаров, “Волга впадает в Москву”

Зуд переделывания окружающего мира охватил не только поэтов. Чтобы спасти для будущего заповедники, нужен был компромисс. Если все так и было, то Макаров нашел удачное решение. Главк заповедников быстро набирал силу. Авторитетнейших ученых удалось объединить в научно-методический совет, начать выпуск многочисленных трудов заповедников (даже сейчас такое количество кажется сказкой).

Именно “Макаровской академии” — как прозвали все эти административно-методические деяния Василия Никитича, был обязан “золотой век” советских заповедников.

С 1933 по 1951 в РСФСР родилось более двадцати заповедников, даже в войну они создавались. В 1940 году Макаров издал первую в стране сводку по заповедному делу, через десять лет — двухтомник. Была разработана перспективная схема новых заповедных территорий. В 1946 году при его непосредственном участии Совмином РСФСР принято постановление “Об охране природы на территорию РСФСР.”

Дело двигалось и работники главка себя не жалели, трудились по двенадцать часов в сутки. Макаров, к этому времени уже ставший кандидатом биологических наук, кроме всего прочего продолжает руководить Всероссийским обществом охраны природы, редактирует его сборники.

В конце сороковых годов он загорелся идеей создания Всесоюзного института охраны природы и заповедников, добивался организации всесоюзного природоохранного органа. В 1948 году главк опросил по этому поводу облисполкомы РСФСР. Все поддержали идею Макарова, только два высказались против: Ростовский и Ленинградский.

20 октября 1947 года в Большой зоологической аудитории МГУ собралось небывалое количество людей — справлялось сразу три юбилея одного человека: двадцать пять лет природоохранной работы, сороколетие научной и педагогической деятельности и шестьдесят лет со дня рождения Василия Никитича Макарова. Адреса, цветы, поздравительные телеграммы...

Как все-таки жестока судьба. Кто мог тогда предположить, что до падения, краха, смерти оставалось совсем немного.

“Черный август”

В 1949 г. министр лесного хозяйства СССР Бовин направил письмо в правительство СССР с предложением разобраться с заповедниками. Мол, слишком много они места занимают.Сталин и Маленков поддержали. И развернулась бесприцендентная тряска заповедников, в которой первую скрипку играл бериевский выкормыш Меркулов, только что назначенный министром госконтроля СССР. Не совсем правильно повел себя и прямой начальник Макарова — А.В. Малиновский, закоренелый лесоруб по образованию и ярый .... по призванию. Он не разбирался в заповедном деле и принял участие в подготовке разгрома заповедников страны.

Кое-что, конечно, мог приостановить Макаров, как заместитель Малиновского, но это был как раз тот случай, когда “добро не оказалось с кулаками”. На заседаниях работников главка Макаров, вместе со своими коллегами Бельским и Михеевым во многом не соглашались с Малиновским. Не помогло их усмирить даже “орудие главного калибра” — специально прибывший из Совмина чиновник Романецкий. Но дальше Макаров не пошел.

Говорят, настоящим бойцом душка, добряк, милейший во всех отношениях Василий Никитич Макаров никогда не был. Может оно и так. Но нельзя забывать о времени: в стране продолжались репресии, еще не смолкло эхо Ленинградского “дела”, готовились погромы врачей. В переполненные советские тюрьмы и концентрационные лагеря поступали из тюрем всех стран бывшие советские военнопленные. Еще царствовал Берия ...

А у Макарова пятеро детей, репрессирован сын, да и ему самому, при случае, могли припомнить о членстве в партии эсеров. Правда, это было давно, но было.

Меркулов, желая зарекомендовать себя в новом качестве союзного министра, блестяще провел операции по сбору “компромата” на заповедники, обставив дело так, что это совершенно бесполезные образования.

29 августа 1951 года председатель Совета Министров СССР Сталин подписал постановление № 3192 “О заповедниках”, приказав республикам прикрыть 88 заповедников, а еще два десятка обкорнать.

Для Василия Никитовича это был непоправимый удар. Рушилась земля под ногами. Прахом пошел весь труд его жизни. Вместо республиканских главков по заповедникам создан один — союзный, во главе с Малиновским. Тот звал к себе Макарова, но Василий Никитович отказался.

Беда никогда не приходит по-одиночке. В тот же “черный август” случилась еще одна неприятность. Совет Министров России решил закрыть, как бесполезное, Всероссийское общество охраны природы. Уже даже соответствующая докладная Маленкову была готова.

2 августа зампред Совмина РСФСР М.М. Бессонов собрал совещание: что делать с ВООП? Понимая, дальше отступать некуда, старая гвардия ВООП бросилась в последний и решительный бой.

И.С. Кривошапов, А.П. Протопопов, Г.П. Дементьев выступили в кабинете Бессонова смело и эмоционально. Макаров был более дипломатичен: “Я, товарищи, не склонен большое количество ошибок... отрицать. Тем нименее, я убежден, что эта сумма ошибок не такова, чтобы она давала возможность ставить вопрос о ненужности Общества и его ликвидации. (...). Мы стучались в двери, но не по нашей вине это стучание не было услышано.

Основной большой недочет — это издательская деятельность. Но перед нами стоял вопрос: или совершенно прекратить работу Общества или получать некоторые средства на ведение агитационной работы, на поездки членов... в районы на помощь некоторым отделениям Общества. Некоторым отделениям Общества мы давали по 2-3 тыс. рублей, и даже Украинскому отделению выплачивали дотацию 15 тыс. рублей”.

Твердый отпор соратников Макарова, их логика и эмоциональность поколебали Бессонова. Он решил оставить ВООП в покое, лишь поручив Министерству госконтроля РСФСР проверить Общества на предмет финансов. И те что-то по мелочам накопали, придрались еще и к тому, что общество много издает.

31 октября Совет Министров РСФСР штампует постановление “О незаконном и бесхозяйственном расходовании средств Всероссийским обществом охраны природы”

Макарову было предложено покинуть пост первого зам. председателя ЦС ВООП. Против него и секретаря общества Сусанны Фридман возбудили судебное расследование. Все грехи Василий Никитович взял на себя.

— “Прошу освободить меня от обязанностей члена президиума Общества. Причины просьбы следующие: состояние здоровья не позволяет мне нести какую-либо дополнительную, к служебной работу, особенно в вечерние часы, после рабочего дня сердце у меня настолько устает, что мне даже трудно ходить, по партийной линии у себя в учреждении я руковожу философским семинаром для научных сотрудников и являюсь заместителем секретаря парторганизации. Должен откровенно признать, что с этими обязанностями я уже справляюсь с большим напряжением сил.

Числиться просто членом президиума Общества, не неся никакой работы, я не считаю для себя возможным, тем более, что состояние работы Общества в настоящее время, более чем когда-либо, требует самого активного участия в ней каждого члена президиума.

Я так врос в жизнь Общества, что решиться подать это заявление для меня было нелегко, но другого выхода нет. В течении свыше четверти века в своей деятельности в обществе я руководствовался исключительно его интересами. Никто не может привести, не вдаваясь в

сознательное извращение, ни одного факта подтверждающего, что за этот период работы в обществе я использовал его для каких-либо личных интересов, тем более материальных.

Я не рассчитывал ни на признание, ни на поощрение, так как получал моральное удовлетворение, будучи убежденным в полезности для народа осуществления разумного подхода охраны природы к использованию природных богатств Родины.

14.03.1952 В. Макаров

2 июня 1953 года, после мучительной болезни, Василий Никитич Макаров скончался. Его жене, Клавдии Арсентьевне, Президиум ВООП выделил 1500 рублей.

"— Я очень тяжело переживал утраты близких, болезненно реагировал на всякую несправедливость, чванство и хамство. Немудрено, что первым начало сдавать сердце." (Из последних писем В.Н. Макарова).

Кто Вы, зэк Яната?

Фамилию этого украинского ученого с мировым именем на его родине старались не упоминать даже после официальной реабилитации. Не найти следов и в фундаментальном справочнике "Биологи", выпущенном солидным издательством "Наукова думка" в 1984 году. Лысенко — есть, Гребень, другие псевдоученые попали, а вот Янате места не нашлось. Это от того, объясняют одни, что ученого всю жизнь обвиняли в "национализме", и при царе, и при советской власти. Нет, считают другие, за связь с Петлюрой. Так кто же он на самом деле, этот загадочный Яната?

Революционер

— "Мы все рабы в своем отечестве, но с революционным стажем". Эти строчки Бориса Чичибабина полностью можно отнести к биографии Александра Янаты.

Возможно, в борьбу с режимом юношу вовлекла его невеста — Наталья Осадчая, дочь известного украинского писателя-революционера Тихона Осадчего. А может, наоборот. Так или иначе студента Киевского политехнического института, секретаря Николаевской организации РСДРП, попавшего под тайное наблюдение полиции с 1909 года Александра Янату (он же "Тарас", он же "Саша", он же "Александр") арестовали 17 мая 1910 года на железнодорожной станции "Киев-1". При обыске жандармы изъяли листовку (отдельный оттиск из 13-го номера "Социал-демократа") и письма лиц, сидящих в местах не столь отдаленных. За что Александра и посадили в знаменитую Лукьяновскую тюрьму. Но продержав полтора месяца, освободили "за отсутствием достаточных оснований".

Бисмарку принадлежат пророческие слова, что революции подготавливают гении, осуществляют фанатики, плодами же ее пользуются подонки.

Через 23 года взявшие власть уже смогли "доказать" причастность Янаты к свержению существующего строя.

Следдело № 737 — 1933."Обвинительное заключение по делу Янаты Александра Алоисовича,обвиняемого в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-4, 54-6, 54-8, 54-11 УК УССР.

В начале мая 1933 года ГПУ УССР был арестован и привлечен по настоящему делу в качестве обвиняемого член подпольной контрреволюционной организации, именовавшей себя “Украинской Военной Организацией” бывший профессор-ботаник Харьковского института Лесного хозяйства и Агролесомелиорации — Яната Александр Алоисович. Проведенным по делу следствием установлено: Яната Александр Алоисович родился в 1888 году в городе Николаеве. Его отец был садовником-владельцем сада там же. Окончил Киевский политехнический институт по агрономическому отделению. Состоял академиком ВУАН. В 1906 году вступил в ряды УСДРП, где находился до начала 1918 года. С 1906 по 1907 год — секретарь Николаевской организации УСДРП, с 1908 по 1913 работал по РСДРП. В 1915 году входил в редакцию Харьковской украинской социал-демократической газеты “Слово”. Во время гражданской войны Яната принадлежал к украинским националистическим кругам, проводившим активную борьбу с Советской властью. Был ответственным работником Петлюровского Министерства Просвещения.

За время пребывания Янаты проректором Харьковского сельскохозяйственного института, деятельность Янаты была всецело направлена на дискредитацию руководства и распоряжений Главпрофобра Наркомпроса УССР. Будучи отстраненным от работы в Сельскохозяйственном институте, Яната перенес свою контрреволюционную деятельность в Наркомзем УССР, где устроился работать ученым секретарем Научного Комитета при Наркомземе. За антисоветские выступления по постановлению Коллегии НКЗ с работы в Комитете был снят.

С 1926 года Яната вел активную контрреволюционную работу, являлся участником ликвидированной контрреволюционной организации УНЦ (Украинский Национальный Центр — В.Б.), в последствие — УВО (Украинская Военная Организация — В.Б.). В организацию был завербован Яворским Матвеем. (...)

Был участником ряда организационных совещаний руководства, на которых обсуждались вопросы, связанные с созданием повстанческой периферии. (...) Принимал активное участие в области вредительства по линии сельского хозяйства, проводя явно вредительскую линию в вопросах борьбы с сорняками и болезнями сельскохозяйственных растений. (...)

Яната виновным себя признал. Изобличается показаниями по делу “УНЦ” — Лизановского, Грушевского, Мазуренко, Левитского, Головко, Фоменко, Мазуренко и др., по делу Увойко, Викула, Коника, и др.

Таким образом следствием установлено, что Яната до дня ареста провел большую разностороннюю контрреволюционную работу, направленную на свержение Советской власти и установление Украинской буржуазно-демократической республики, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 54-4, 54-6, 54-8, 54-11 УК УССР.

На основании изложенного:

Дело по обвинению Янаты Александра Алоисовича передать на рассмотрение Судебной Тройки при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о заключении его в концлагере сроком на пять лет.

Справки: 1. Обвиняемый Яната А.А. находится под стражей в спецкорпусе при ГПУ УССР.

2. Вещественных доказательств по делу нет.

Уполномоченный ГПУ УССР

Проскуряков

Согласен и утверждаю

начальник секретно-политического отдела ГПУ УССР Козельский

Сентября 1933 года, город Харьков.

Александр Алоисович не только “сознался”, но и назвал еще и не раскрытых “вредителей” — харьковского профессора Виктора Аверина, академика Николая Вавилова, его заместителя академика Николая Тулайкова. Отнесемся с пониманием и всепрощением к слабостям сломанного революционера. Редкие люди выносили пытки палачей из ГПУ. Недаром по этому поводу ходил грустный анекдот:

— Как поймать льва в Африке?

Сотрудник ГПУ вмешивается в разговор.

— А затем его ловить в Африке? Поймайте мышь, допросите, и она сама признается, что она — лев, и что из Африки...

Но все это случилось потом. А пока Яната успешно расшатывал основы самодержавия. Руководил в Николаеве выборами в Государственную думу, возглавлял подпольную типографию, редактировал нелегальную газету “Слово”, сотрудничал с подпольным Красным крестом, побывал в партии и большевиков, и “борьбистов”. Но, как позже признал в автобиографии, большевики его не удовлетворили национальным вопросом, “боротьбисты” же оказались непоследовательны в социальной политике. В 1917 Яната — секретарь Революционного украинского комитета Западного фронта. Председателем Комитета состоял еще мало кому известный Петлюра. К концу 1917 года Александр Алоисович постепенно отходит от политики, и даже когда Петлюра предлагает ему пост министра просвещения Украинской народной республики, отказывается.

Наука для Янаты становится превыше всего.

Ботаник

— “Яната? — переспросил библиотекарь у харьковского историка Виктора Никитовича Граммы — не знаю такого. Нет у нас его трудов”.

— “Это известный ученый. Он десять лет заведовал кафедрой ботаники в нашем сельхозинституте”.

Не значились работы Янаты и в каталоге библиотеки Харьковского сельхозинститута, и в каталоге Харьковского университета. Словно не был, не жил.

Профессор Яната по данным фундаментального справочника “Наука и научные работники СССР” (1926 г.) — член-корреспондент, а по сведениям ГПУ — академик Всеукраинской Академии наук (ВУАН) — вошел в мировую науку как класный флорист, геоботаник, специалист по сельскохозяйственной ботанике, по биологической защите растений, непревзойденный организатор ботанической науки. Это он выпускал журналы “Природа” (Николаев), “Природа Украины”, “Вісник сільськогосподарської науки”, “Український ботанічний журнал”, “Праці сільськогосподарської ботаніки”, “Вісник природознавства”. Это он организовал Николаевское общество любителей природы, кружок натуралистов

Киевского политехнического института, естественную секцию Харьковского образовательного общества им Квитки-Основьяненко, Сельскохозяйственный комитет Украины, Украинское ботаническое общество. Один из создателей Украинской академии сельскохозяйственных наук. Проректор Харьковского сельхозинститута, руководитель научно-исследовательской кафедры прикладной ботаники.

АКТ ВРАЧЕБНОЙ КОМИССИИ

1933.23.9 в составе председателя — Костюков и членов — Зелькинд

Яната Александр Алоисович — 45 лет, подследственный.

Судебные жалобы — боли в сердце.

Объективные данные обследования — глухие сердечные тоны, расширение сердца, отеки ног при надавливании.

Диагноз — Миокардит докомпенсированный. Геморрой.

Постановление — Противопоказаний по состоянию здоровья к проживанию в концлагерях (вне зависимости от места расположения) нет.
(Из материалов СБУ)

К ботанике Сашу привлек отец, — по профессии садовник. Алоис Яната, чех по национальности, еще в юности покинул родину, спасаясь от преследований за участие в освободительном движении.

Разводил сады в Бессарабии, на Кавказе, возле Одессы. И осел в Николаеве. Мать Янаты — Мария Фортман — из немецкой обрусевшей семьи известного войскового лекаря.

Закончив реальное училище, сын их поступил в Новоалександрийский институт сельского хозяйства и лесоводства и одновременно — на агрономическое отделение Киевского политехнического института.

И оба успешно закончил, заработав туберкулез. После трудился в Николаеве, Крыму, Харькове, Минске, Киеве. С 1924 — вновь Харьков. На этот раз навсегда.

В конце 20-х Яната возглавляет кафедры во многих столичных вузах, становится проректором Харьковского сельхозинститута. Преподавая вроде бы такую неполитическую дисциплину как ботанику, с каждым днем убеждался, что читать лекции становится все труднее. Студенты или не хотят понимать, или не могут понять лектора. Охочая до политической трескотни аудитория становилась совершенно безразличной, когда речь заходила о науке.

Работая в спецфонде первого отдела Харьковского сельхозинститута за начало 30-х годов, я, как мне кажется, немного приоткрыл завесу этой загадки. Все упиралось в подбор будущих студентов.

Из ЦК КПУ пишут: — “Партиец Заяц который год не может поступить на рабфак (видно дуб — дубом, если не в силах поступить на рабфак, да еще который год). Ему надо помочь”. И тут же ответ в ЦК — партиец Заяц в этом году принят на рабфак.

Из Чугуевского райкома партии шлют секретное письмо: в ваш вуз собирается поступить учительница такая-то из нашего района. Так имейте ввиду, что она сотрудничала с петлюровцами (наверное, отказала дивчина в любви какому-нибудь райкомовскому развратнику). Письмо было понято правильно и учительница не поступила. Вместо нее Яната учит ботанике бездаря партийца Зайца. А позже такие “зайцы” сжигали труды своего опального профессора на костре.

“Подрыв развития сельского хозяйства посредством вредительского проведения планирования достигался преимущественно таким образом: под видом непреложных общественно-государственных потребностей республикам, а далее областям и районам давались такие контрольные задания (то преувеличенные, то преуменьшенные против реальных возможностей), какие никак нельзя было связать с минимальными требованиями рационального использования природных производительных сил и рационального ведения сельского хозяйства, вследствии чего оно и шло неминуемо к упадку: производительность падала, природные ресурсы истощались, новые социалистические формы труда и организации хозяйства не могли себя полностью оправдать. Например, дававшиеся твердые задания увеличения пахотной площади во многих районах приводили к тому, что они вынуждены были пускать под плуг (да еще транспортный) такие склоны, на каких почва, вследствии распашки, быстро сносилась водой, и оголялась глинистая и каменистая подпочва... В нагорном Донбассе таких бросовых земель до 20-30% его площади”.

(Из протокола допроса Янаты по материалам СБУ.)

“Националист”

Рукописи не горят. Почти век пролежала в архивах уникальная работа Янаты с невинным названием “Необходимые предпосылки к популяризации у нас природоведения и агрономии”.

Дело было в июне 1915 года. Харьков готовился к губернскому съезду “по вопросам организации разумных развлечений”. Учителя, агрономы, приват-доценты, служители церкви пытались сказать слово о борьбе с пьянством, а также размещении в городе детских площадок, устройств изб-читален для бедняков, синематографа. Но вот доклад Янаты оргкомитет не принял. Из-за “националистических” перекосов.

80 лет спустя доктор биологических наук Дарья Никитична Доброчаева готовила в “Український ботанічний журнал” статью о его первом редакторе.

— Как, о Янате, об этом националисте?

— Какой же он украинский националист, если по национальности и то чех!

Минул век, но методы борьбы не изменились: сначала навешивают на человека ярлык, а потом по нему стреляют.

Совершенно секретно ХАРАКТЕРИСТИКА

з/к Яната Александр Алоизович, 1888 года рождения, происходящий из города Николаева Одесской области, осужден тройкой ГПУ УССР 28.9.33 г. по ст. 54-4 УК УССР сроком на пять лет, считая срок с 4.5.33 г.

До 21.4.36 г. содержался в Прорвлаге, откуда был направлен в Белбалтлаг для содержания на остров. За время нахождения в Соловецком отделении з/к Яната к работе относился

удовлетворительно, взысканий не имеет. По календарному исчислению подлежит освобождению 4.5.38 г. Имеет зачетное 240 дней.

Зам. нач. 3-го отделения БВК НКВД Перцов

20 апреля 1937 г. (из материалов СБУ)

Дарья Никитична не совсем оказалась права. В графе “национальность” своих анкет Яната писал — “украинец — из чехов”. Ученый яро отстаивал право народа Малороссии говорить и обучаться на родном языке. За что его травили. В Крыму, — за “украинский сепаратизм” вынудил уехать сам губернатор. То же началось в Харькове.

Возглавляя терминологическую комиссию Украинского научного общества, Яната всю жизнь собирал украинские названия растений, записывал народные обычаи и поверья, связанные с травами.

— “...український народ встигнув створити величезну самобутню ботанічну номенклатуру, охрестивши майже всі рослини, які його оточували. В народних назвах привертає увагу їхня дивовижна точність. Та воно й зрозуміло, бо народна назва — не продукт сваволі, фантазії одного автора, а те, що було піддане добору; найбільш, отже, вдале, життєвє”, — писал ботаник.

К середине 20-х ученый подготовил “Украинскую ботаническую терминологию” и “Украинскую ботаническую номенклатуру” объемом почти в 50 печатных листов. Глубокое осмысление собранных народом естественнонаучных знаний вкупе с сельскохозяйственной мудростью, экологическими традициями и этнографией могли бы стать новой мировой школой, дай возможность ему работать. Не дали.

Благодаря работникам госархива Харьковской области и научному сотруднику Харьковского университета Сергею Таглину мне удалось снять копии с легендарной рукописи Янаты. Мнение специалистов единодушно — перед нами не только сильнейшая публицистическая вещь о 30 страницах, не просто блестящий исторический материал, но и одна из первых отечественных работ в области психологической этнографии.

Главный тезис автора: чтобы быть понятым народом, нужно говорить на понятном народу языке. Яната приводит множество фактов, как приобщенную к западной европейской культуре Украину (в 17 веке 24 украинские типографии против одной в Московском царстве) постепенно превратили в “окраину”.

— “Результатом почти полной оторванности нашей популяризаторской деятельности, как и школьной, от края, от местных потребностей, от местной природы — является в свою очередь культивирование этого же принципа среди населения, как в школе, так и вне ее. Вместо укрепления в народе, особенно в селе, любви к своей природе, к своему краю, сознательного к ним отношения и уважения — у нас прививается какая-то беспочвенная культура. Результаты ее сказываются в одичании населения, начиная со школьной скамьи”.

Янате не дали выступить на съезде с докладом, но в прениях ему удалось прорваться к трибуне. В отведенные три минуты он успел сказать главное. И сорвал аплодисменты. Ведущий, испугавшись его выступления, заметил, что не понимает значение оваций, мол, если они ироничны, то это недопустимо. На что местный лекарь А. Рабинович крикнул с места — мы хлопали в знак поддержки агронома Янаты.

Во время фашистской оккупации жена ученого — Наталья Осадчая с дочерью Марьяной эмигрировали в начале в Германию, затем в США. Там ей удалось издать титанический труд мужа — толстенную книгу о народных названиях растений. На родину он пока не вернулся. Умерла Наталья Осадчая-Яната, сотрудник Украинской Вольной Академии Наук — 9 апреля 1982 г. в возрасте 91 года.

Природооборонец

Конец 20-х годов — “ренессанс” охраны природы на Украине. Действуют четыре краевые инспектуры по охране природы, Украинский комитет охраны памятников природы, природоохранная комиссия при сельскохозяйственном научном Комитете Украины, десятки заповедников, среди которых Аскания-Нова — признанный в мире оплот экологов.

В январе 1933 года в Москве открывается Первый Всесоюзный съезд по охране природы. От Украины с основным докладом выступает Яната.

“Через месяц после Всесоюзного мы проведем на Украине свой первый республиканский съезд, где обсудим проект Закона об охране природы и развитии природных ресурсов социалистического хозяйства УССР и проект перспективной сети заповедников Украины. Наш комитет охраны памятников природы при Накромпросе теперь станет при ВУЦИКе — а это даст ему вес и право определять природоохранную политику. При облисполкомах и райисполкомах будут созданы местные природоохранные комиссии”, — так примерно выступал Яната.

Сделать ничего не успели. Более одной трети деятелей охраны природы оказалось в Гулаге.

Документы свидетельствуют: природоохранной работой Александр Алоисович начал заниматься в Крыму еще в конце 1911 года. Вместе с биологами С. Мокржецким и Н. Клепининым, своей женой создает при Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы комиссию по охране памятников природы и старины. Изучали Крымские пещеры. Участвовали в первой в Российской империи выставке охраны природы (Харьков, 1913), разбили в Симферополе ботанический сад, хотели выкупить под заказник целинный участок “Каменные Могилы”, да не осилили собрать положенных 300 рублей.

В начале августа 1918 года, при Гетманщине, А. Яната вместе с академиками В. Вернадским и П. Тутковским проводит в Киеве первый украинский съезд ествоиспытателей. Выступает с двумя докладами, один из которых — о защите уникальной крымской природы.

В декабре 1920 конница Буденного врывается в Асканию-Нова. Дабы спасти оставшиеся богатства заповедника (а от красных, белых и “зеленых” он пострадал на две трети), через неделю (какая оперативность!) Яната проводит в Симферополе первое совещание по проблемам Аскании. Взгляните, какое созвездие ученых ему удалось привлечь — Н. Кузнецов, П. Сушкин, В. Сукачев, М. Иванов, Е. Вульф, М. Завадовский. Подобрал Яната и ключик к тогдашнему наркому земледелия Украины Мануильскому, человеку далеко не лучших нравов. Которого Троцкий назвал “один из самых отвратительных ренегатов Украинского коммунизма”, а писатель Конвенст — “человеком третьестепенных способностей, эквивалентных какому-нибудь Мехлису или Шкирятову”. Тем не менее в сердце всесильного хозяйственного ведомства — Наркомземе, наиболее тогда преуспевающем в разграблении природы, Янате удается образовать природоохранную комиссию. И влиять на политику наркомата.

В октябре 1923 он возглавлят комиссию по Киевскому ботаническому саду (сейчас —им. академика Фомина). Уникальный сад был тогда какими-то невеждами разделен на две части,

в одной из которых, “коммерческой” находились аттракцион, свалки, выпасали коров. Яната “пробивает” принятие “Правил”, запрещающих свободный доступ на территорию сада.

Ученый добивается создания Приморских заповедников, а еще Каневского, Кончи-Заспы под Киевом. Отстаивает в 1929 г. от распашки Хомутовскую степь. Но больше всего копий сломано за Асканию-Нову. Это был своего рода “Экологический Сталинград”, то и дело, с 1920 по 1933, переходящий из рук в руки. То природоохранников, то хозяйственников. Пока последние вкупе с Презентом, воспользовавшись “услугами” ГПУ, не уничтожили всех своих асканийских оппонентов.

Двадцатые годы, еще самое начало. Но уже крепнут утилитарные тенденции. В жертву “социалистической реконструкции” приносится красота, мораль, история. Постепенно страну охватывает какой-то зуд “переделывания природы”. Даже Луначарский, на что вроде образованный комиссар, и тот на полном серьезе предлагал зажечь новое солнце, если нынешнее окажется недостаточным или вообще надоевшим и напрасным.

В июне 1929 г. Яната баллотируется в действительные члены Всеукраинской Академии наук по сельскохозяйственным наукам, набирает 8 голосов при 4 воздержавшихся. Однако академиком не становится ввиду отсутствия свободного места (его занимает Н. Вавилов).

В апреле 1924 года Наркомзем республики вносит в Совнарком проект: всю целину (около 40 тысяч десятин земли) передать зерновому совхозу, на манер “хлебных фабрик” Америки. А оставшийся кусочек в 3 тысячи десятин (будьте довольны — а то все отберем) — оставить ученым-биологам.

Яната организовал сопротивление. Поддержали ученые Киева, Харькова, Москвы. В “Известиях” удалось пропихнуть критическую статью. Наркомпрос Украины заявил хозяйственникам протест. И Совнарком уступил, решив направить в заповедник авторитетную комиссию — пусть разберется. Яната привлекает крупнейших специалистов — профессоров В. Станчинского, Д. Третьякова, В. Редикорцева, и даже президента Украинской Академии В. Липского. И общими усилиями они останавливают распашку.

Но атаки продолжались. 17 июля 1929 года Укргосплан собрал специальное заседание: Зернотрест СССР непрочь оттяпать у Аскании под пашню жирный кусок. Александру Янате с коллегами не только удалось отстоять заповедник, но и создать там уникальный Степной институт, так много сделавший в изучении экологии степи. Сам Яната работает в нем научным консультантом.

Но приходили другие времена. На Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, в начале февраля 1931 года, Сталин вещал:

“... — пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: вмешиваться во все”. Ему подпевал Калинин — “Надо изобретать не то, что хочется, а то, что требует наше социалистическое строительство”.

А социалистическому строительству, как решили в верхах, Степной институт не нужен.

В конце декабря 1932 года на президиуме Всеукраинской Академии сельхознаук Яната еще что-то пытался доказать: “Отже, справа із долею Степного Інституту, — це глибоко принципова справа, помилкове її вирішення було б тяжким ударом, особливо по методологічній частині організації нашої сільскогосподарської науки”.

Но даром. Вопрос уже был решен. В Москве.

Среди сотен научных работ Александр Яната (кстати, до сих пор не составлена его библиография), непосредственно защите природы посвящено не так уже и много. Не сравнить с Виктором Авериным и Николаем Шарлеманем. Но что есть — стало классикой. Например — статья "До проблем соціалістичної реконструкції сільського господарства Донбасу", имеющая около ста источников. Удивляешься смелости автора, ведь по сути он выступает против генеральной линии партии! Против псевдонаучных проектов 2-ой сельскохозяйственной пятилетки Украины! Недаром после ареста многие труды ученого уничтожили.

Яната критикует чрезмерную распашку земель Донбасса, уклон в массовое овцеводство. Уже тогда, по его подсчетам, одна треть земель в регионе пришла в негодность, катастрофически мелели небольшие донецкие речки. Ученый ставит под сомнение конкретные хозяйственные планы, а систему животноводства в регионе призывает "рішуче переглянути". Предлагает создавать целинные заповедники, сохранять дикие растения, многие из которых по невежеству именуют "сорняками". И это в то время, когда орган советских колхозников газета "Социалистическое земледелие" объявляет Всесоюзный комсомольский поход против сорняков, а в статье "Боевые вопросы освоения целины" некто Павловский призывал: "Наконец нужно решительно бороться против недооценки метода обжигания целины... По выжженой целине можно смело сеять пшеницу. Урожай пшеницы на таких землях исключительно высокий".

15 марта 1933 года на Президиуме Всеукраинской Академии сельхознаук за "протаскивание буржуазных теорий в области борьбы с бурьянами" Янату снимают с работы в Институте защиты растений.

Дошедшие до нас архивные материалы свидетельствуют, что А.А.Яната в 20-х годах был одной из главных, если не первой фигурой среди украинских деятелей охраны природы. Это подтверждает не только его представительство на Первом Всесоюзном съезде по охране природы СССР, но и основная роль Янаты в разработке в ту пору главного природоохранного декрета Украины "Про охорону пам'яток природи та культури", утвержденного ВУЦИК и СНК УССР 16 июня 1926 года.

При участии Янаты были изданы два сборника "Охорона природи на Україні", книга "Матеріали охорони природи на Україні".

И по этой ключевой фигуре входящие во власть лысенковцы в первую очередь открыли огонь. Оголтелое общество Украинских биологов-марксистов в начале 1932 года записало в своей резолюции:

"Особливої ваги набуває пов'язане з троцкістською "теорією" неможливості збудувати соціалізм в нашій країні, з опортуністичною боротьбою проти темпів намагання довести на грунті "законів природи", що соціалістичне будівництво веде до катастроф, що з ними ніякі людські сили справитися не здатні (Гриньов, Третьяков, Яната, Егоров)".

К травле подключился небезизвестный Презент: — "Проф. Яната тоже "ссылается" на Энгельса и выдвигал принцип "ненарушения гармонии", лишь заменяет слово "гармония" словом "комплекс", ставя перед собой задачу — разрешить "проблему степного комплекса", Яната всячески изворачивается, чтобы по существу законсервировать целинную степь... Проф. Яната... пытался "ссылаться" на Энгельса, пытался оклеветать Энгельса, чтобы "опереться" на его авторитет".

А ответственный работник ЦК КП(б)У Карпеко вообще назвал Янату в своей “научной” статье “кулацко-петлюровским адвокатом”.

4 мая 1933 года сотрудник харьковского ГПУ Шелюбский вошел в квартиру 10 дома 35 на улице Лермонтовской и арестовал Александра Алоисовича.

Оппоненты-лысенковцы торжествовали победу. Новый директор Аскании-Нова, товарищ Презента Нуринов писал о Янате, Станчинском, Медведеве, Гунали и других экологах-асканийцах, попавших в застенки ГПУ: “Эти ублюдки человеческого общества, пробравшиеся в Институт, поставили себе целью сорвать, а если не удастся, то по крайней мере, затруднить научную работу Института (...). Все это сейчас выкорчевано из Института”.

2 января 1934 года Янату, Станчинского, Скоробогатого исключают из Украинского комитета охраны памятников природы.

Выкорчевано, и их имена по сей день боятся называть в Аскании... В 1933 было “вычищено” из советских организаций и жену Александра Янаты.

В застенках ГПУ

Александра Алоисовича арестовали по показаниям схваченных в 1931-1933 годах бывших сотрудников Центральной Рады — В. Мазуренко, М. Лизановского и других во главе с самим академиком М. Грушевским. Грушевский “признался”, что в апреле 1926 года, приехав в Харьков, останавливался на квартире профессора Янаты, где и вел “контрреволюционные разговоры”. Правда, выйдя на волю, отказался от своих показаний, но маховик уже запустили.

Янату обвинили в участии в двух “контрреволюционных” организациях — Украинском Национальном Центре (УНЦ) и Украинской Военной Организации (УВО). По УНЦ осудили 50 человек, дав им от трех до пяти лет. Однако затем 21 — расстреляли, 12 — продлили срок.

Есть и вторая причина ареста Александра Алоисовича.

В 1933 году, после многочисленных прорывов в сельском хозяйстве, в стране начался масовый арест специалистов-аграрников. 12 марта, по представлению ОГПУ СССР было расстреляно 35 специалистов Наркомземов и Наркомсовхозов России, Украины, Белоруссии, 40 человек — посажено на десять и восемь лет. На Украине класные специалисты сельского хозяйства арестованы во всех сельскохозяйственных вузах, Украинской академии сельхознаук. Шеф ГПУ УССР Балицкий заявил на XI съезде КП(б)У: — “Мы обязаны признаться, что у нас на Украине в 1932 г. контрреволюционным элементам удалось провести большую разрушительную работу в сельском хозяйстве. Вредительство в сельском хозяйстве, в отрасли животноводства имело плановый, широкий характер”.

В Харьковском сельхозинституте, кроме профессора Янаты, арестовали и его ректора, академика Слипанского.

23 сентября 1933 года Судебная тройка при Коллегии ГПУ УССР присудила Янате 5 лет в исправительно-трудовых лагерях. Вначале Прорвлаг (район Астрахани), с апреля 1936 — Белбалтлаг — печально известные Соловки. Семен Пидгайный, автор книги “Українська інтелігенція на Соловках”, изданной в Мюнхене, вспоминал, что ученый работал на острове в первом сельхозе — иначе “Соловецком опытном поле”. Как агроному — нужному заключенному, ему разрешили по ночам заниматься наукой. Возвращаясь по вечерам в барак

и сьев баланду, Яната сразу ложился спать. А вставал в час ночи, доставал из своего угла тысячи карточек, гербарий и работал до утра.

— “Но что-то делать нужно, чтобы не сойти с ума” — писал поэт. Пидгайный вспоминает: — “он был крайне неразговорчив, никому не перечил, ничего не рассказывал — этот Яната. Скорей Соловки провалились бы, чем профессор заговорил. В сентябре 1937 года Янату забрали, больше в бараке он не был”.

Материалы СБУ позволяют проследить его последние дни. 29 августа 1937 года (а не в сентябре) Александра Алоисовича направили в Севвостлаг. Ученый отсчитывал последние часы, готовясь к воле, ведь 4 мая 1938 года заканчивался срок. Судьба распорядилась иначе.

Выписка из протокола № 142 Заседания Президиума ЦИК Союза СССР от 31 июля 1937 года.

Слушали: Ходатайство Особого Совещания при НКВД СССР от 21.7.37 о продлении срока наказания в ИТЛ сроком на 5 лет Яната Александру Алоисовичу.

Постановили: Ходатайство удовлетворить.

п/п Секретарь ЦИК Союза ССР А. Горкин

Верно: зам. нач. 8 отделом ГУГБ НКВД капитан государственной безопасности Зубкин (из материалов СБУ).

Об этом он узнал позже, в конце весны 1938 года, прибыв в новые лагеря.

— “Гр. Яната Александр Алоисович, 1888 года рождения, уроженец г. Николаева умер 03 июня 1938 года. Причина смерти: прекращение сердечно-двигательной деятельности. Захоронен на кладбище в пос. 19 км Тенькинской трассы, Магаданской области. Сведениями о сохранности мест захоронения прошлых лет ЦВД Магаданского облисполкома не располагает”.

Зам. начальника отдела УВД — С.О. Блинда.

На Колыме Яната попал на лесозаготовки. Как свидетельствует ученый И. Розгин, в конце мая 1938 г. группу заключенных заставили идти вброд через ледяную воду. Ночью 17 человек заболели воспалением легких. Среди них оказался страдающий туберкулезом и сердцем А.А. Яната.

Писательнице Наталке Околитенко бывший узник Гулага А.И. Ковтун сообщил об обстоятельствах гибели ученого.

— “Из села Палатки непроходимой тайгой нужно было под конвоем пройти девятнадцать километров до построенного в лагере барака. Дождь лил, как из ведра... Я взялся нести ящик Янаты, на котором было ножом вырезано: “Флора и фауна Соловецких островов”. Голодный, холодный, угнетенный профессор Яната не оставлял науку. Дорогой рассказывал мне о симбиозе мха и лишайника.

За два километра до будущей трассы Яната начал садиться и даже ложиться — силы у него закончились. К тому же началась ночь. С разрешения конвоира обессиленного Янату оставили в тайге...”

Конвоир оказался милосердным, — утром пошел искать покинутого. Ученый был уже в беспамятстве и через несколько часов умер на руках у конвоира. Найденные в ящичке рукописи Янаты спалили на тюремном дворе.

С 1938 по конец 60-х приказом Главлита СССР все книги ученого были изъяты из библиотек.

Реабилитировали А.А. Янату, благодаря ходатайству "Української Радянської енциклопедії" и заступничеству его учеников — профессоров
М. Клокова и М. Котова 10 июня 1964 года.

...В те проклятые дни, когда догорал еще один великий ученый страны Советов, в далекой Москве участники Первого Всесоюзного совещания работников высшей школы СССР единогласно принимали послание Сталину: — "Дорогой вождь и учитель, любимый товарищ Сталин!

...Повышая свою революционную бдительность, мы поможем нашей славной разведке, возглавляемой верным ленинцем — Сталинским Наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, до конца очистить наши высшие учебные заведения, как и всю нашу страну от остатков троцкистско-бухаринской и прочей контрреволюционной мрази", писала в мае 1938 г. "Правда".

И помогали. И очищали. Став посмешищем для всего мира.

Колокол Кожевникова

Кажется, у Евгения Евтушенко есть — "Набат, не услышанный вовремя — может стать набатом на все времена". Профессор Григорий Александрович Кожевников являлся одним из первых, и наверное, самых активных деятелей, поднявшихся в защиту природы. Он бил в набат дольше всех — четверть века. До и после 1917 года.

Классик заповедного дела

Григорию Александровичу по праву принадлежит пальма первенства в разработке теории российского заповедного дела. 4 сентября 1908 года на Юбилейном акклиматизационном съезде профессор Кожевников сделал доклад, ставший вскоре "библией" отечественных заповедников.

— "Есть такие вопросы, и часто весьма важные, которые прямо и непосредственно не захватывают наших жизненных интересов и о которых в силу этого приходится постоянно напоминать. К числу таких вопросов принадлежит вопрос о праве первобытной природы на существование. (...) Культурного человека охватила жуть при виде того, что безвозвратно и неуклонно убегает от него природа, убегает с тем, чтобы никогда не вернуться. (...). Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить образцы первобытной природы, должны быть довольно большого размера, чтобы влияние культурности соседних местностей не отражалось на них, по крайней мере на далеких от края частях их. Участки эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова. По отношению к фауне в них должна быть абсолютно запрещена всякая стрельба и ловля каких бы то ни было животных, за исключением тех случаев, когда это нужно для научного исследования. Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы (...) По отношению к флоре необходимо отменить прорубание просек, подчистку леса, даже сенокос и уж, конечно, всякие посевы и посадки. Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего

улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты. Заповедные участки имеют громадное значение, а потому устройство их должно быть прежде всего делом государственным. Конечно, это может быть делом общественной и частной инициативы, но государство должно здесь идти впереди”.

Тема заповедников была совершенно нова, завязались прения. Профессор Н.Ю. Зограф заметил, что создание заповедников может таить опасность для местных жителей — не расплодятся ли несметные полчища вредных насекомых? На что Кожевников ответил, что вредители как правило, плодятся не в дикой природе, а там, где человек на большой площади выращивает какое-либо одно растение. В.В. Радулович предложил добиться заповедания — “святая-святых русских ботаников” — Галичьей горы в Елецком уезде под Орлом. В.А. Бертенсон добавил, что хорошо бы обратиться от съезда к частным владельцам лесов о сохранении наиболее интересных для науки участков. Что и было поддержано.

Практически все свои основные классические работы по заповедному делу Григорий Александрович опубликовал до революции. Еще были: доклад “О заповедных участках” на II Всероссийском съезде охотников, брошюра: “Международная охрана природы”, статья “Монастыри и охрана природы”.

Интересна его работа “Вопрос об охране природы на Естественно-историческом совещании Центрально-промышленной области”, опубликованная в 1928 г. в журнале “Живая природа”.

“... важно подходить к вопросу охраны природы с широкой принципиальной точки зрения, а не смотреть узко-утилитарно, и, в частности, не сводить охрану природы к охране дичи, к устройству охотничьих заказников и т.п. Охранять первобытную дикую природу ради нее самое, смотря на прикладные вопросы как на стоящие на втором плане — вот основная идея охраны природы...

Всякое “хозяйство” по существу своему в корне противоречит идее охраны природы. Человеческое хозяйство всегда есть уродование природы. Только невмешательство в жизнь природы делает природу научно-интересной. Если мы с этой позиции сойдем, то мы никогда не осуществим охрану природы в истинном смысле этого слова”. Кстати, отмечу, что возможно на формирование классических взглядов Г.А. Кожевникова на охрану дикой природы и заповедное дело оказал нимало его брат, Владимир Александрович, русский философ, занимавшийся исследованием красоты в природе.

Патриотически настроенные ученые создают в марте 1912 года при Русском Географическом обществе Постоянную природоохранительную комиссию — первый в стране всероссийский орган охраны природы. Кроме Григория Александровича, в нее вошли другие пионеры охраны природы — братья Андрей и Вениамин Семеновы—Тян—Шанские, И. Бородин, Г. Высоцкий, Г. Морозов, основатель легендарной Аскании—Нова Ф. Фальц—Фейн.

Кожевников — один из организаторов в 1917 году Московского общества охраны природы. Это он первый предупреждал — “исчезновение какого бы то ни было животного с лица земли — большое горе, хотя бы это было и весьма вредное животное”.

... Англичанин Скиннер являлся владельцем небольшой, но преуспевающей фирмы по заготовке птичьих яиц для производства коллекций. Будучи человеком предприимчивым, как, впрочем, и полагается директору фирмы, обратился в Министерство просвещения России. Мол, помогите, господа хорошие, организовать сборы. Плачу сполна, за одно яйцо дупеля — два рубля, осоеда — полтора, за кречета, его достать трудней — даю три с полтиной. Министерство просвещения думало не долго и 27 августа 1907 года разразилось

циркуляром № 204452, призывающим все университеты, гимназии и реальные училища страны осыпать господина Скиннера птичьими яйцами.

— “В общем во всей этой истории чувствуется дух бюрократизма, так глубоко проникший во всю нашу официальную жизнь: получено письмо от “иностранца”, хотя и не “знатного”, но все же иностранца, с иностранцами надо быть любезными, это — традиции нашей бюрократии, значит надо для “иностранца” нечто сделать, а что же может Министерство сделать в данном случае, кроме посылки циркуляра?”, — писал с негодованием в “Охотничьем вестнике” Кожевников.

“Когда надо бить в набат, — бей, даже если ты не звонарь по должности”, — сказал Станислав Ежи Лец. Григорий Александрович не считал себя “работником цеха словесности”, однако с 1907 года его природоохранные статьи и заметки начинают появляться в газетах “Русские ведомости”, “Утро России”, журналах “Охотничий вестник”, “Птицеведение и птицеводство”.

Как зоолог, Кожевников активно выступал против длинного списка “вредных” животных, уничтожение которых разрешалось круглый год. Он стал одним из организаторов в 1909 г. в Москве II Всероссийского съезда охотников, на котором был обсужден проект нового закона об охоте и сведен до минимума “черный” список “вредных” животных.

Что вызвало яростную реакцию любителей бесконтрольно охотиться. Издатель популярного журнала “Природа и охота” господин Н. Туркин возмущался: “ ... И эта изумительная резолюция проходит в зоологической секции. Находя поддержку в председателях — г.г. Бутурлине, Милюкове и Кожевникове.

Этот последний представил даже доклад на тему: легко истреблять хищных зверей, но восстановить истребленное трудно, а поэтому надлежит оберегать и хищные породы, так как много веков уже живут хищные звери и птицы вместе с нехищными и до сих пор первые не истребили последних,... Движение вспять —вот такими словами можно охарактеризовать постановление 2-го Всероссийского съезда охотников...”

К сожалению, III Госдума так и не успела принять новый закон по охоте, в который Григорий Александрович с коллегами вложили так много сил.

В ноябре 1913 г. профессор Г.А. Кожевников вместе с петербургским ботаником академиком И.П. Бородиным прибыли в Берн, где представители 18 ведущих держав мира участвовали в первом международном совещании по природоохране.

Бернское совещание, представляющее почти все 80 существующих в то время в мире национальных природоохранных организаций, избрало Совещательную Комиссию для международной охраны природы.

“Задачи комиссии следующие:

1. Собирание и группировка всех данных, относящихся к международной охране природы и их опубликование.

2. Пропаганда международной охраны природы. Комиссия действует через посредство своих членов”.

Второе Международное совещание по охране природы, которое с таким нетерпением ожидал Григорий Александрович, намечалось в Базеле, в сентябре 1914 года, Но, увы, разгорелась мировая война.

—”Волна дикого варварства неожиданно выплеснулась из рамок немецкой внешней культуры и далеко отодвинула решение таких вопросов, как Международная охрана природы”, — с горечью писал в одной из газетных статей Кожевников. — “Впрочем, все к тому шло. Помнится, — часто вспоминал он, — перед самой войной был я в Германии, в Киле. Гуляю как-то по буковой аллее, вдоль бухты. Вдруг подбегает сторож, машет руками:

— Зачем вы здесь?

— Прогуливаюсь.

— Тут запрещено ходить.

— Я этого не знал.

— Кто вы такой?

— Я приезжий, иностранец.

— Откуда?

— Из России.

— А, так вы значит шпион. Здесь неподалеку место испытания торпед.”

И пронзительно засвистел. Подбежали полицейские. Неизвестно, чем бы закончилась для Григория Александровича эта прогулка, не вступись за него один уважаемый немецкий профессор...

Говоря — говори

— “Весьма странную картину представляет собою в настоящее время значительная часть нашего интеллигентного общества: приветствуя теоретически борьбу с народным пьянством, многие не только просто образованные, но и высоко культурные люди сами по-прежнему потребляют алкогольные напитки и не только “легкие виноградные” вина, но и коньяк и даже водку, достать которую в настоящее время считается особым видом спорта...”

Нет, я процитировал не вчерашнюю газетную передовицу. Об этом писал Кожевников в одной из московских газет летом 1915 года.

Перелистывая подшивки “Русских ведомостей”, “Утра России”, “Голоса Москвы”, не перестаешь удивляться их полемическому накалу. Какой простор для критики, различного рода суждений, самых полярных взглядов!

— Если знаешь, то говори; если говоришь, то говори все: предостерегающему не в укор, внемлющему в поучение. Профессор Кожевников в прессе выступал часто. По различным вопросам: обсуждался новый устав Московского университета или гибель “Титаника”, место для установления памятника Гоголю или борьба с нищенством.

— “Нигде в культурных городах не ползают по тротуарам и через улицу безногие, параличные, нигде не пресмыкаются в грязи еле прикрытые калеки, кроме городов Востока и Москвы.”

К жизненным неудачам Григорий Александрович относился на удивление легко, с юмором, и встречаясь с пороком, всегда, как тот богатырь из сказки, пытался не уступить.

Хотя внешне он мало напоминал былинного героя.

— “Профессор Кожевников, почти безобразно толстый, но подвижный, с мясистым лицом человек лет 45 ... Говорил профессор “в нос”, мямля, глядя мимо собеседника. Я присматривался к профессору с недоверием...”, — вспоминал о своей первой встрече с ним будущий академик ВАСХНИЛ М.М. Завадовский.

Однажды, будучи в Ялте, отправляя в порту бандероль, Григорий Александрович столкнулся с самодуром-чиновником, пожелавшим перетряхнуть содержимое посылки.

— “Но позвольте”, — возразил Кожевников, — “покажите почтовые правила!

—Много вас тут ходит, стану я всем показывать!”

Кожевников настаивал. Тут чиновник не выдержал:

— “Я вас арестую! Составим протокол и я вас арестую!

— Сообразивши, что я не в Москве, а в Ялте”, — вспоминал Григорий Александрович, да еще на борту парохода, я предпочел отступить и имел удовольствие с некоторого отдаления наблюдать, как мой враг в сопровождении полицейского чина спешил по мосткам обратно на пароход, готовый “арестовать” свою жертву.

Обо всем этом Григорий Александрович рассказал в одной московской газете. Его статейка с ехидным комментарием редакции вряд ли произвела революцию в почтовом ведомстве, но таки по носу ялтинские чинуши лишний раз получили.

В отличии от В.И. Талиева, Григорий Александрович не принял с восторгом русские революции. Наоборот, в письме профессору А.П. Семенову-Тян-Шанскому советовал агитировать за конституционную монархию, высказался против того, чтобы в России “должен быть проделан грандиозный эксперимент проникновения социал-демократических принципов на государственной стороне”.

—”Вообще, слово “демократия” меня пугает”, — продолжал ученый, —”хотя я сам не аристократического происхождения, но все мои интересы, как полагаю, и ваши, всегда были в области аристократии мысли. Я боюсь, что в истинно-демократическом государстве аристократии мысли не будет”. Когда многие профессора Московского университета в связи с известным постановлением царского министра просвещения Кассо подали в отставку, Кожевников не присоединился к ним, считая, что политика несовместима с наукой и просвещением.

Уже при советской власти, Кожевников переживал порчу русского языка, его бесили новые жаргонизмы, типа “книга эта не “читабельна”. Правда, в прессе об этом уже не сказать, оставалось лишь жаловаться в письмах друзьям.

Интеллигенция — слово молодое. Даже в первое издание Даля не попало. Позже к "образованию и умственному развитию" Чехов добавил " порядочность и совестливость, сознательность и общественную активность". Именно интеллигенции мы обязаны пионерами охраны природы.

Осмысливая их деяния, замечаю сходное для всех: горячее желание вмешиваться во все, что вызывало чувство тревоги, будь то политика или бюрократизм почтовых работников. Пусть не все, как взрывной Талиев, дрались на баррикадах, но даю голову на отсечение, никто из них не мог жить спокойно, когда "неправда рядом ела и пила". И может быть поэтому в силу обостренной совестливости и порядочности они первыми увидели, вернее, особым шестым чувством "учуяли" новую, как снежный ком, растущую беду. И встали на защиту природы.

Нестройным и разношерстным оказался тот первый заслон. С различными теориями и взглядами, без программы и организации. Но сделали они много, очень много, а оценивая из "нынешнего далека", даже сдвинули горы: разбудив в Российской империи общественную природоохранную мысль.

И память о них имеет сейчас для нашего времени не меньше значения, чем их живое присутствие.

Природоохранный "Ренессанс"

Нельзя все ломать — надо на чем-то сидеть. Кожевников был противником революции, тяжело переживал последовавший за ней шквал уничтожения культурных и природных ценностей.

— "По моему, весь трагизм положения в том, что конкретно нет сейчас силы создать охрану (природы — В.Б.). Кто остановит разрушителей?" — писал Григорий Александрович в июне 1919 г. Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому.

За дело вначале брались три ведомства: Наркомпрос, отдел лесов Наркомзема и отдел животноводства Наркомзема. Активней всех — Наркомпрос, однако его чиновники в лице Тер-Оганезова не желали считаться с созданной еще до революции Постоянной природоохранительной комиссией при Русском Географическом обществе в Петрограде. Пока шла тяжба — гибла природа.

Летом 1918 г. Кожевников обращается в правительство Ленина с пространной докладной запиской "Охрана природы в разных странах в связи с вопросом о постановке этого дела в России" — "Необходимость охраны природы в нашей стране настолько очевидна, особенно в настоящее тревожное время, что доказывать эту необходимость не представляется никакой надобности," — начинал ученый.

И дальше: "Часть этой работы должна, между прочим, заключаться в пропаганде идеи охраны природы, идеи совершенно чуждой пока русскому народу. А то, что чуждо народу, никогда не будет иметь настоящего успеха".

Промедление с легким делом превращает его в трудное, промедление же с трудным делом превращает его в невозможное.

Кожевников вместе с другими учеными-биологами вновь обращается в правительство.

25 июня 1922 года докладная записка "О нуждах охраны природы РСФСР" была подготовлена.

“Природа является для нас, с одной стороны, источником материального благополучия, а с другой — неисчерпаемым источником для изучения и поучения ... Перед Российской республикой лежит задача мировой важности — сохранить целый ряд животных форм, которых нет нигде за пределами нашего отечества, и за судьбой которых с интересом следит ученый мир всего света...

... При суждении об этом деле полезно иметь перед собой пример Западной Европы и в особенности Соединенных Штатов Америки, которые в интересах государственной пользы не жалеют средств на охрану природы.

Ввиду всего вышесказанного, надлежит признать, что для конкретного осуществления охраны природы в РСФСР необходимо:

1. Устойчивое положение центральных организаций, ведующих охраной природы в республике, а именно: Комитет по охране памятников природы и отдела охраны природы при Главмузее.

2. Отпуск достаточных средств на содержание заповедников.

3. Принятие государством конкретных мер к сохранению “памятников природы”.

Через несколько дней документ этот подписали наркомы А. Луначарский, Л. Красин, Н. Брюханов, Н. Семашко, академики Д. Анучин, С. Ольденбург, А. Северцев, А. Ферсман, А. Павлов, Всего 34 подписи ученых и государственных деятелей. Нарком Н. Семашко добавил от себя: “Наркомздрав свидетельствует со своей стороны о необходимости заповедников, которые беспощадно уничтожаются (Крым, Кавказ, Кубань...)”.

А вот заместитель Сталина по Наркомату Рабоче-Крестьянской инспекции В. Аванесов, единственный из всех, высказал несогласие: “Охрана существующих садов и парков и т.п., конечно, не подлежит спору, но охрана памятников природы должна быть возложена на самих граждан. Средства могут и должны быть отпущены из местных средств...”.

30 июня 1922 года эта докладная легла на стол председателя ВЦИК М. Калинина.

Ей суждено было сыграть значительную роль в становлении государственной и общественной охраны природы. 5 июля 1923 года группа ученых во главе с Кожевниковым входит в состав недавно созданного Комитета по охране памятников природы при Наркомпросе РСФСР. 3 декабря 1924 года состоялось организационное собрание Всероссийского общества охраны природы. Кожевников избирается председателем Временного совета общества.

“За отчетный период Советом о-ва была выработана инструкция по организации филиалов О-ва и утверждены филиалы: Крымский, Воронежский, Дорогобужский и Дмитровский. К 12 марта 1926 г. в списках О-ва состоит : членов — почетн. — 15, учредителей — 14, действительных — 1013, из них: живущих в Москве — 490, иногородних — 523... О-во имело 5 общих собраний членов, на которых были заслушаны следующие доклады: Ф.Н. Петрова — “О целях и задачах организации Всероссийского О-ва Охраны природы в деле народного оздоровления”, проф. Г.А. Кожевникова — “Охрана природы и вымирающие животные”.

Идея охраны природы набирала силу. Уже обсуждался в печати вопрос о создании единого Всесоюзного природоохранительного органа, поднятый Н. Кулагиным и Г. Кожевниковым. Все громче и смелее раздавались голоса в защиту заповедников, редких животных и

растений. В августе 1924 г. академик С.Ф. Ольденбург и чиновник НКП РСФСР В.Т. Тер-Оганезов были на приеме у председателя СНК РСФСР Рыкова по вопросам природоохраны.

Григорий Александрович старается поспеть везде. Специально для женщин готовит листовку по охране природы, разрабатывает правила научной охоты, методику природоохранной пропаганды, проект декрета об охоте. На первом в истории страны Всероссийском съезде по охране природы, Всероссийской конференции по изучению естественных производительных сил страны, Всероссийском съезде охотников, секции охраны природы Госплана РСФСР, Всесоюзном съезде юннатов он — один из главных докладчиков. Участвует в работе Комитета по охране памятников природы при Наркомпросе РСФСР, руководит еще неокрепшим Обществом охраны природы. Вместе со своими друзьями вступается за Асканию-Нова. Участвует в организации международного общества по охране зубров. Печатается в журналах “Охрана природы”, “Живая природа”, “Уральский охотник” “Украинский охотничий вестник”.

Перелистывая старые журналы и книги, разбирая архивы и записывая сбивчивые воспоминания современников тех далеких дней, не перестаешь удивляться: а по силам ли это было одному человеку?

В 60х-80х годах появилось нимало статей, с восторгом рассказывающих, как правительство Ленина активно поддерживало природоохрану. Что не совсем так. Частенько к ней поворачивалось и спиной.

В феврале 1923 г. академик И. Бородин писал из Петрограда Григорию Александровичу: “Вице-президент (Российской Академии наук —В.Б.) утверждает, что ни о какой командировке теперь не может быть и речи (имеется ввиду участие в Международном конгрессе по охране природы 31 мая-3 июня 1923г. в Париже —В.Б.). Но неужели Москва не захочет поддержать международный престиж России и “удивить Европу”, представляя наглядные доказательства сочуствия нового Правительства культурным делам да еще международного характера (...). Не верится чтобы Москва, которая посылает 10 человек на гидробиологический съезд в Базеле (в августе) не нашла бы денег на посылку одного лица на Международный (интереснейший) конгресс!”

Ссылаясь на свои болезни Бородин предлагает попытаться прорваться в Париж Кожевникову. Однако тот так и не поехал, из России не был никто.

Казалось, его хватает на все. Григорий Александрович организовывал ныне всемирно известный Сухумский обезьяний питомник, личными сбережениями поддерживал Косинский заповедник и лимнологическую станцию, Московский зоопарк.

Это его ученики, известная плеяда в будущем ученых и природоохранников: А. Формозов, С. Туров, С. Огнев. Ученый один из первых указал на необходимость введения природоохранных знаний в школьные предметы. Свои идеи он сконцентрировал в небольшой книжке “Школьный учитель и охрана природы”, изданной в Москве в 1926 году.

“Дело охраны природы станет прочно только тогда, когда оно станет народным делом, когда народ поймет, что охрана эта делается в его же интересах, в интересах народного достояния. Естественным путем для привития народу правильных взглядов на охрану природы является, конечно, школа. То, что умело привито в школе, сохраняется на всю жизнь, руководит всем поведением человека”.

“В воскресенье 15-го февраля 1925 года в целях широкого осведомления трудящегося населения Москвы в современных вопросах охраны природы Всероссийское общество охраны природы устраивает

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

С докладами выступят: нарком по просвещению А.В. Луначарский “Наркомпрос и охрана природы в РСФСР”; нарком здравоохранения Н.А. Семашко “Охрана природы с бальнеологической и санитарной точки зрения”; профессор Г.А. Кожевников “Человек как потребитель и охранитель природы”; профессор Н.М. Кулагин “Народное хозяйство и охрана природы”.

Доклады профессоров Кожевникова и Кулагина будут иллюстрироваться диапозитивами. После докладов ответы на предложенные вопросы. В перерывах запись в члены О-ва Охраны природы.

Члены О-ва входят на вечер по квитанциям в приеме членских взносов за 1925 г. Входная плата для посторонних 30 коп. Начало в 8 час. вечера.

От участников вечера получены письменные согласия”.

Луначарский не пришел. Заболел. Семашко выступил.

Бой не Врангелю — природе

В последние годы жизни Григорий Александрович сдал. Усталое затечное лицо, широкие залысины, мясистый нос, мешки под глазами. Нелегко приходилось.

Все чаще овладевал скепсис, грусть по поводу несбывшихся надежд. Уходили из жизни друзья и соратники, с кем начинал дело охраны природы, а новые бойцы не спешили появляться. Все дальше откладывалось создание единого в стране органа по охране природы. С огромным трудом открывались новые заповедники.

Интересно проследить за его заметками на полях машинописного текста тезисов одного из последних докладов.

—”1. Охрана природы получит свое истинное значение в социалистической стране и будет проводиться во всех сферах хозяйственной и культурной работы лишь тогда, когда все население страны будет проникнуто сознанием необходимости этой охраны”. Пометки на полях: “Сделано ли в этом отношении что-либо? Не сделано. Чтобы проникнуть в сознание, нужно хотя бы читать...

1. Охрана природы не только в научных и культурных целях... Но также в том, чтобы предотвратить истощение природных богатств страны, являющихся базой для хозяйственной деятельности, а также для того, чтобы обеспечить здоровые условия жизни населения.” Пометки на полях: “Это тезис, который далеко не всем ясен. Особенно многим, стоящим во главе администрации”.

Дальше — хуже. В январе 1930 года Григорий Александрович пишет Андрею Петровичу Семенову-Тян-Шанскому: “Спешу сообщить Вам, что бригады “чистильщиков”, которые “чистят” Главнауку, усиленно настаивают на закрытии Общества охраны природы, Комитета и ... самого “института” охраны природы, как не соответствующего представлениям текущего момента (как говорят представители господствующего класса). Для нас, биологов,

это будет большой удар, но со временем это почувствуют хозяйственники, но будет поздно! Потемкин усиленно защищается, но исход неизвестен. Хорошо бы подключить академические круги к защите природы".

По природоохране нанесли удары газета "Правда", журналы "Большевик", "Фронт науки и техники". Последний разразился против ВООП целой серией пасквилей: "Необщественные" общества", "Общество без актива", "Научные болота".

— "Совершенно верно, что весь вопрос в том, для какой цели служат эти охранные мероприятия — для "охраны природы" ради природы или для того, чтобы "максимально заставить ее (природу) служить задаче построения нового, коммунистического общества", — вопрошал некто М.Надеждин.

Вслед за Максимом Горьким, призывавшим "разобраться" с природой, средства массовой информации буквально затопила волна ненависти к природе.

—"...в ближайшие годы здесь мы дадим победный бой уже не Врангелю, а природе", — хвалился в 1931 г. журнал "Революция и природа".

Началась травля тех, кто охранял памятники культуры и природы. Журнал "Чудак" в 1929 году поместил фельетон — "Кто нас учит и чему?".

—"Профессора I Моск. Госуд. Университета выбирали в Моссовет. Вносили предложения в наказ депутатам. Маститый профессор Кожевников попросил слова. Все радостно разинули рты, ожидая дальше дельное, толковое предложение седого ученого. Ученый откашлялся и, заикаясь, сказал: — "Так как здесь внесено предложение, чтобы снести церковь, которая рядом с Геологическим корпусом, то я против (...). Это было единственное предложение профессора Кожевникова за все время революции".

Фронт "раскулачивания" был широк, захватив Академию наук и университеты.

С каждым днем все нетерпимей складывалась обстановка в МГУ. В аудиториях висели обьявления, призывающие студентов доносить на своих преподавателей. Тайна "вклада" в построение социализма гарантировалась. Ученым зоологам партбюро требовало отчитаться: что они сделали в первой пятилетке и что будут делать во второй. Маразм крепчал. В конце 1929 г. в институтах физмата I МГУ приняли резолюцию, мол, Институт зоологии I МГУ "в смысле своего социального состава" не удовлетворяет социалистическим требованиям.

— "При перевыборах в Университете мне вероятно придется пройти через конкурс", — писал своим друзьям Кожевников, — "не попал я в список избранных, оставляемых без конкурса на своих местах из-за "идеологических соображений". С 1 сентября 1929 года ученого не избирают на должность профессора МГУ.

В 1929 году Григорию Александровичу стукнуло 63, до срока ухода на пенсию оставалось всего два года.

На конкурс директора зоомузея МГУ выдвинули против Кожевникова ученого-коммуниста. Результат тоже был предрешен.

В январе 1931 года профессор Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский получил от Григория Александровича большое и грустное письмо:

—”Я глубоко виноват перед Вами. Я не только сам Вам ничего не написал в течении нескольких месяцев, но даже не ответил сразу на Ваше новогоднее приветствие и на вторичную любезную открытку. Причина — психологическая депрессия. Я никогда не был так угнетен обстоятельствами, как теперь. Во-первых, основная травма — смерть жены, хотя прошло 16 месяцев, составляет общий фон моей психики. Вторая травма — лишение меня кафедры зоологии, и третья, — недавняя — с 1 ноября я отчислен от должности Директора зоомузея... И наконец — острые квартирные притеснения в связи с продолжающимся превращением квартир в лабораторное помещение и наконец — причина общая — чувство старости, которое доселе не ощущалось мною, а теперь ощущается...”.

Правда, без работы он не остался: взяли преподавать в Геолого-Разведочный институт ВСНХ и в Тропический институт Наркомздрава РСФСР.

В мае 1930 г., по выдуманному обвинению, был арестован один из ленинградских друзей Кожевникова — профессор Борис Евгеньевич Райков, председатель Общества распространения естественно-исторического образования. С группой единомышленников из разных городов. Тучи сгустились и над Григорием Александровичем, ведь он возглавлял Московское отделение ОРЕО. Кожевникова не арестовали, но разгром ОРЕО, видно, рикошетом задел и его.

В феврале 1932 года в Ленинграде собралась Всесоюзная фаунистическая конференция. Верховодил на ней быстро входящий в силу Презент. Правда, некоторые старые ученые, например, — Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский, пытались отстоять принципы природоохранения. Другие же поднимали руки вверх, оказавшись в тисках установок о “социалистической реконструкции фауны”. Григорий Александрович Кожевников заявил: “Я сюда привез отдельный оттиск своих статей об охране природы, которые были напечатаны много лет тому назад. Я думал издавать их вновь, потому что они просто залежались, но после того, что прочитали на секции, я понял, что их издавать нельзя” (аплодисменты).

Помните, у Мережковского: — “Кричу, стучу — и никто не слышит. Уже земля обсыпалась, задавила меня. Больше не могу кричать, голоса нет. Земля во рту”.

25 января 1933 года в Москве открылся I Всесоюзный съезд по охране природы СССР. Ожидали его давно и с нетерпением. И, поэтому, несмотря на трудности с транспортом и лимит командировок, вырвалось 190 делегатов.

—”Сорвать “фетиш неприкосновенности” с заповедников, заселить всю страну “полезной” фауной и “вредную” изжить — эти прожекты сейчас, конечно, вызовут улыбку и у школьника. Но тогда, на съезде Кожевникову было явно не до смеха.

Он умер прямо на поле боя. 29 января 1933 года, в перерыве между заседаниями.

“В его лице Общество и Комитет по охране природы потеряли одного из ревностных поборников этой идеи и активного общественника”, — сказано в трудах того далекого Всесоюзного природоохранного форума.

Похоронили Григория Александровича на Ваганьковском кладбище. С грустью констатирую: волны природоохранения, поднявшиеся до и после 1917 года, успеха не имели. И хотя число заповедников продолжало расти даже в годы Великой Отечественной войны, количество в качество не переходило. Колосс на глиняных ногах тяжести не выдержал и рухнул в 1951 году, похоронив под собой более восьмидесяти заповедников. А через десятилетие трагедия с заповедниками повторилась вновь.

Да, тогда, в тридцатых, наверное, и не могло быть иначе. Дело охраны природы было обречено на провал.

Как бы ни бились пионеры, как бы ни доказывали. Чувство осознанной опасности еще не овладело народом и его правительством, бывшим к тому же малокультурным и развращенным обилием природных богатств. Требовалась “критическая масса” для развития теории и практики охраны природы. “Массы” не было.

А затем охрану природы, как таковую, вообще прикрыли, провозгласив “рациональное использование природных богатств” для всевозрастающих потребностей социалистического строительства. Позабыв простую вещь: нельзя сохранить яблоко, кусая его пусть даже рационально. Позже теория “рационального использования” натворила немало бед, взять хотя бы строительство комбинатов на Байкале, но это уже совсем другая история.

Гудит колокол Кожевникова. 70 лет подряд, жизнь целого поколения. Мне он не дает покоя ни днем, ни ночью. А вам?

Славные сыны Семенова

Не тех, кто щедрою увенчанный судьбою,
Нередко получал награду сверх цены,
Но тех, кто душу нам отдав, с ее красою,
Забыт, молчит и спит, мы поминать должны.
В.П. Семенов-Тян-Шанский.

Историки всех стран и народов будут изучать беспримерную историю города на Неве, не уставая удивляться мужеству его защитников. И не найдется схожего в веках тому крепчайшему ленинградскую сплаву.

Эвакуироваться братья Семеновы-Тян-Шанские не захотели.

— “Город сдан не будет”, — заявил старший, Андрей.

Самой историей было велено, чтобы собранный здесь еще Петром I цвет российской нации принял на себя тот страшный удар отборных северных дивизий Гитлера.

Действие равняется противодействию. У фашистского зверя затрещали кости. Русский город выстоял.

История семьи Семеновых тесно переплетена с историей России. Семеновы участвовали в суворовских походах, сражались под Бородиным... Про таких говорят — двигатели культуры. Наследник фамилии, либерал, известный общественный деятель и знаменитый ученый Петр Семенов обессмертил свою фамилию в 30 лет, совершив труднейшее путешествие по Тянь-Шаню, первым из европейцев поднявшись на горный массив Хан-Тенгри. За подвиг перед Россией, в 1906 году, к фамилии Семенов Высочайшим указом было добавлено звучное Тян-Шанский.

Президент Русского Географического и Русского Энтомологического обществ прожил долгую и счастливую жизнь, оставив после себя талантливых сыновей. Двое из них, Андрей и Вениамин, прибавили к фамильной славе еще и известность пионеров защиты памятников своего отечества.

Все прекрасное — редко. Уникальность становится его особым качеством, третьим измерением. Прекрасное — наша святыня, опора души народной. Уничтожив ее, разметав, можно сломать устои, заставляющие людей не сгибаться. На изгаженном месте не вырастет то, что мы называем патриотизмом, любовью к своей земле.

Фашистские пушки и самолеты целились в Эрмитаж, Летний сад, Русский музей. В планах Гитлера они были объектами номер один, такими же, как и военные заводы Ленинграда. Защищая красоту, город героически сражался. На Ленинградском фронте было присвоено первое в ту войну звание Героя Советского Союза.

Страшной ценою ты дважды купил,
О мой город великий,
Светлую славу свою.
Жертвой миллионов людей в созиданье
Всеобщего счастья, влил ты могучий свой ток,
Жизнь ограджая народов,
Даря им всеобщее благо,
Истинный город-герой.

Это стихотворение написано Андреем Петровичем Семеновым-Тян-Шанским 13 января 1942 года и стало последним в его жизни. “Философ и поэт, в поэзию влюбленный” умер 7 марта 1942 года, от воспаления легких, всего на месяц и один день пережив своего младшего брата Вениамина.

...В характере, внешнем облике двух братьев, наверное, было больше несхожего. Светловолосый, кучерявый Андрей увлекался поэзией, открыл России лирику Квинта Горация Флакка. Свои стихи публиковал в “Вестнике Европы”, “Русской мысли”, “Лукоморье” и других изданиях. Любитель все систематизировать, он как-то подвел зоолога С. Огнева к книжному шкафу и указывая на полки, сказал: — “Все поэты и писатели расположены у меня по признаку убывания дарований и талантов. Вот здесь Пушкин, Лермонтов, а там идут наши другие поэты”. Пушкиным он крайне интересовался и даже написал большое исследование: “Пушкин и Елена Раевская. Тайные страницы биографии поэта”. Доказывая, что любовь к сей даме никогда не покидала Пушкина. Поэзия наверное, и определила дальнейшую судьбу Андрея Петровича. Полонский писал “Нет правды без любви к природе, любви к природе нет без чувства красоты”. Как тонкий интеллигентный человек, Андрей Петрович чувствовал красоту, и не мог спокойно смотреть, как она гибнет.

Высокий, худощавый, с бородкой, Вениамин души не чаял в музыке, учредил кружок “Любителей музыки Римского-Корсакова”. Андрей тоже любил оперу, и в старости, уже почти слепым, продолжал ходить в театр. Не смотреть, слушать.

Настойчивый, немного педантичный Андрей всерьез интересовался военно-морскими делами, был одно время председателем Российского морского союза. За свои труды в этой отрасли даже получил в 1909 г. медаль. Вениамин остался в памяти современников человеком мягким, немного даже застенчивым. Он знал толк в живописи, в Центральном Географическом музее экспонировалось множество его художественных полотен. Вениамин Петрович обладал феноменальной памятью: запросто называл все станции любой Российской железной дороги. Он считался “правой рукой” отца, исколесил почти всю страну, подготовил к печати 22-томное географическое издание “Россия”. Андрей, став зоологом, описал 900 различных видов и родов жуков и опубликовал более тысячи научных работ. Он сменил отца на посту председателя Русского энтомологического общества, будучи членом еще двух десятков зарубежных и российских научных обществ. Андрей Петрович

был большим поклонником красоты в природе, и “идеологом” работ брата, Вениамина Петровича, по охране природы и заповедному делу.

Отдыхали, проводили свой досуг братья тоже по-разному. Андрей, особенно в молодости, не пропускал ни одной тяги вальдшнепов, Вениамин оставался ярым поборником рыбалки. Но все же, одна общая страсть у них была.

У истоков природоохранного дела

“Цель комиссии — возбуждать интерес в широких слоях населения и у правительства к вопросам об охранении памятников природы России и осуществлять на деле сохранение в неприкосновенности отдельных участков или целых местностей, важный в ботанико- и зоо-географичеком, геологическом и вообще в физико-географическом отношениях, охранение отдельных видов растений, жывотных и пр.” (из положения о Постоянной Природоохранной комиссии при Императорском Русском Географическом обществе, утвержденном 5 марта 1912 г.).

— “В деле охраны природы нельзя обойтись без известных жертв со стороны государства”, — писал Андрей Петрович. Его статьи по охране природы, одни из первых в российской журналистике, стали появляться на страницах уважаемой петербургской газеты “Новое время”, в журналах “Любитель природы”, “Природа”. Он требует защиты зеленых насаждений в столице России, предлагает взять под охрану одну из последних в Европе колоний бобра, что на речке Усманке в Воронежской губернии, бьет тревогу по поводу загрязнения воздуха фабричным дымом, рассуждает о необходимости принятия закона о заповедниках. За пять лет, с 1911 по 1916 г., только в “Новом времени” он, как активист комиссии, опубликовал более двух десятков таких статей.

Положение о новой комиссии поместили в различных краеведческих журналах, и оно нашло отклик в сердцах передовой интеллигенции. Житель Ростова Великого Д.И. Иванов писал: “Спешу уведомить Вас о большой ошибке, которую собирается сделать Ростовская уездная земская управа Ярославской губернии. Это спустить озеро Неро и осушить его. Ничтожная прибыль крестьянам от лишних стогов никуда негодной осоки не восполнит ущерб, нанесенный природе. Это историческое место лишится всей красоты, речка Волга еще одного своего источника влаги, горожане лишатся рыбы и водной глади”.

Дабы защитить от уничтожения наиболее ценные природные уголки, Вениамин Петрович решил составить проект сети будущих заповедников России. Дело обещало быть серьезным, аналогов не имеющим. До этого пока никто не подходил к созданию заповедников комплексно, с точки зрения большой науки.

Академия наук заповедниками практически не занималась, и они создавались в основном благодаря идеям просвещенных личностей да воле патриотически настроенных меценатов: Фридриха Фальц-Фейна, графини Паниной, помещиков Карамзиных. Своеобразными заповедными участками становились и земли монастырей, Соловецкого, например.

Товарищ председателя Постоянной природоохранной комиссии академик И.П. Бородин был доволен выбором. Среди других членов комиссии Вениамин Петрович отличался особой склонностью к всевозможному упорядочению и системам.

По предложению Вениамина Петровича были разосланы в различные уголки страны специальные анкеты с просьбой сообщить, есть ли где природные участки, достойные заповедания. Много ценных советов подали и друзья-единомышленники: Г.А. Кожевников, В.И. Талиев, Н.И. Кузнецов. Будущих заповедников набралось немало — 46. Прекрасный

картограф, Вениамин Петрович сам вычертил большую карту России, ярким цветом отобразив заповедные участки в различных географических зонах. К ней, вместе со своим старшим братом — Андреем, сделал обстоятельную записку: “О типах местностей, в которых надлежит учредить заповедники типа американских национальных парков”.

Известный научно-популярный журнал “Природа” в 1917 году ввел специальный раздел “Охрана природы”. Благодаря ему и стали известными последние деяния Постоянной природоохранительной комиссии. Первый этап совместных заседаний Русского Геграфического общества и Министерства земледелия России должен был состояться 17 октября 1917 года в 19.00 в особняке общества.

Братья собрались из дома Андрея пораньше. В последнее время в ночных переулках частенько постреливали, и извозчики уже не рисковали поджидать седоков. Шли молча и быстро. Шуршал за спиной осенний дождь, гудели следом мокрые пролеты мостов. Оба думали о главном. Это же обсуждалось и в жарко натопленной зале собрания, куда прибыли уже почти все приглашенные. Веселый, общительный московский профессор зоологии Г.А. Кожевников что-то нервно объяснял председателю Географического общества Ю.М. Шокальскому. Худой, со впалыми щеками украинский ботаник В.И. Талиев метался от одной группы к другой. Всеобщая нервозность и ожидание передались даже и всегда спокойному и уравновешенному президенту Русского ботанического общества академику И.П. Бородину.

Все обсуждали сегодняшний отказ Петроградского гарнизона подчиниться Временному правительству, кто с восторгом, кто с опаской говорил об усиливающемся влиянии большевиков, спорили о судьбах русской природы в связи с наступающими переменами.

Звонок пригласил в зал заседаний. Первым был объявлен доклад приват-доцента Харьковского университета Валерия Ивановича Талиева. Кажется, еще больше похудевший от волнения, быстро поднялся он на трибуну. Андрею Петровичу вдруг вспомнились слова Сукачева, назвавшего шутя В.И. Талиева апостолом, пророком, “пришедшим в мир возвестить новую идею”. Валерий Иванович слыл искусным оратором. И на этот раз он моментально завладел вниманием.

— “На первый взгляд революционные события, выдвинувшие на передний план основные вопросы государственного устройства, должны были бы на время совершенно отвлечь внимание от забот о сохранении природы. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Решение аграрного вопроса, выдвинутое в радикальной форме русской революцией и глубоко всколыхнувшее море народной жизни, поставило ребром вопрос и о мерах, направленных к охране русской природы от безвозвратного разрушения ее в нерегулируемом ходе земельного движения. Если сейчас не будет сделано все возможное в этом направлении, то момент будет упущен, и мы будем нести большую ответственность как перед нашим потомством, так и перед общечеловеческой цивилизацией”.

Ему хлопали все. Даже представители Министерства земледелия. После доклада члена Постоянной природоохранительной комиссии С.И. Завадского о законопроекте об охране памятников природы и А.П. Семенова-Тян-Шанского “Основные задачи природоохранения в России” председатель управления Главного земельного комитета Никитин совсем не стал возражать против обеспечения земельным фондом будущих заповедников и даже согласился поддержать ходатайство об активном вмешательстве, если памятникам природы грозит уничтожение.

На четвертый, последний день заседаний, подошла очередь Вениамина Петровича. Его доклад ожидался с разгорающимся нетерпением, ибо мудрый Бородин специально

отодвинул сообщение о будущих заповедниках под конец: дабы дать дозреть аудитории. И вот долгожданный миг настал.

— Не то, что мните вы, природа —
Не слепок, не бездумный миг,
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык, —

с Тютчева начал ученый свой доклад о перспективной сети заповедников России. Хибины и Кавказ, Средняя Азия и Дальний Восток, Украина и Поволжье — все регионы были учтены в проекте, обогнавшем время. Что такое 30 отведенных строгим регламентом минут, чтобы понять, вникнуть, осмыслить всю ту колоссальную работу, что проделал Вениамин Семенов-Тян-Шанский с помощниками.

Этими людьми двигали высокие идеалы: потому труднейшая задача была решена за короткое время и в срок, а текст документа стал классикой.

...Записка Вениамина Семенова-Тян-Шанского о будущих заповедниках России, доложенная им всего за 5 дней до октябрьского переворота, не стала достоянием общественности. Гениальный документ долгое время не был опубликован. 70 лет, целую человеческую жизнь, даже специалисты почти ничего не знали о нем. Правда, некоторые ученые ссылались на этот проект заповедников, превратившийся скорее уже в легенду.

Я обязан назвать имена двух энтузиастов, давших труду Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского вторую жизнь, — Г.С. Аваков и Ф.Р. Штильмарк. Они нашли его в архивах Всесоюзного Географического общества и опубликовали эту бесценную рукопись.

Перед самой смертью, понимая всю важность этого документа для будущего, Вениамин Петрович вместе с братом специально распечатали текст проекта будущих заповедников России. Один из экземпляров и был отыскан людьми, верившими в удачу.

Я тоже имел счастье держать в руках этот подлинник — папиросную бумагу с синими, уже начинающими выцветать литерами. Совсем позабыв о времени, начал детально разбирать архив Вениамина Петровича. И наткнулся еще на два интереснейших документа. Название первого — “География будущих национальных парков нашей страны”, другой — “Систематическая сеть заповедников и заказников СССР, как элемент охраны естественных производительных сил”. И список предложенных заповедников в них был гораздо шире. Не пора ли и их вернуть людям? Как и имена репрессированных природоохранников — П. Васильковского, С. Медведева и других, с которыми Андрей Петрович, как человек необычайно отзывчивый, переписывался и не боялся (наверное, единственный из всех видных зоологов того времени) ходатайствовать о помиловании.

Рыцарь красоты

Известный советский зоолог С.И. Огнев назвал Андрея Петровича гуманистом в лучшем смысле этого слова. Великолепное знание и понимание тонких муз — поэзии, музыки и живописи выдвинуло ученого на особый фланг охраны природы: этико-эстетический. Более чем кто-либо другой, он не скрывал своего скепсиса к индустриализации, мечтал о возвращении “золотого века”, когда природа еще не была осквернена человеком.

— “Человек века техники, — говорил он — этот “геологический парвеню”, разрушающий теперь всю гармонию жизни в свободной природе... кем, как не ею, обучены мы и музыке, и живописи, и ваянию, и зодчеству?”. Он отмечал, что “несмотря на высоту подъема волны

социалистических идей", они также основываются на борьбе за собственные интересы, и значит, навряд ли прогрессивнее капиталистических".

До нас дошло лишь несколько работ ученого, где он обосновывает свой главный тезис, что природу нужно защищать не потому, что она полезна, а потому, что красива.

Очень интересна и такая мысль ученого: "Как бы ни было прискорбно настоящее отношение в России человека к природе, хочется умереть в светлой уверенности, что будет некогда день — что уже близок этот день, когда "человечество" и "человечность" станут одним понятием, когда человек облагородится настолько, что для него станет священным право на жизнь как всех ему подобных, так и всего того, чему предуказано жить на земле на ряду с человечеством не стесненной в своем творчестве природой".

К сожалению, эстетические и этические идеи охраны природы Андрея Петровича не были понятны большевистским вождям. А посему он постепенно стал отходить от природоохранного движения, погружаясь в чистую науку.

"Любимое детище" географа Тян-Шанского

"Страна, пренебрегающая наукой, превращается в колонию".
Жолио Кюри.

14 февраля 1919 года стало одним из памятных дней в жизни Вениамина Петровича. Вместе с профессором К.М. Дерюгиным он открывает Центральный Географический музей, который по их идее, должен был превратиться в Музей-парк мировой географии. И по богатству своему, вскоре стал считаться в Ленинграде третьим, после знаменитого Эрмитажа и Русского музея. В 14 залах насчитывалось свыше 16 тысяч экспонатов, показывающих все географические зоны Земли, в том числе сто сорок картин и этюдов, написанных Вениамином Петровичем специально.

Говорят, впечатление было настолько сильным, что даже случайные посетители, попавшие в музей, признавались после: — "Теперь я понял, что такое география". Специальный раздел музея был посвящен памятникам природы. О нем Вениамин Петрович с гордостью сообщил на I Всероссийском съезде по охране природы. В дальнейшем раздел расширили за счет выставки охраны природы, проведенной в Ленинграде в конце 20-х годов комиссией по охране природы при Ленинградской группе Центрального бюро краеведения.

На первых порах музею с помещением повезло. Начальнику Ленинградского наробразования Лилиной, женщине ученой и культурной, приходившейся к тому же женой всесильному наместнику Ленинграда Зиновьеву, ничего не стоило передать географам великолепный особняк графа Бобринского.

Не очень-то возражали против нового музея и наркомпросовские чиновники, то ли в шутку, то ли всерьез заявившие, что любят его за то, что обходится дешевле других.

Вместе с профессором ботаники Н.И. Кузнецовым, Вениамин Петрович подготавливает на очередной Всесоюзный съезд по изучению производительных сил при Госплане новый проект перспективной сети заповедников.

— "Самой важной задачей охраны природы в пределах СССР", — выступал он на съезде, — "нельзя не признать планомерное распределение сети заповедников по всей территории страны".

И дальше, весьма актуальное и в наши дни: “Никакая правильная индустриализация страны немыслима без планомерной постановки, охраны ее естественных производительных сил в виде заповедников”.

Все прекрасное — редко. И эти редкости, порой, аккумулируют в себе такие запасы энергии, такую непознанную мощь, способны рождать новые бессмертные творения. Красота природы — “фабрика” искусства. Та неповторимая болдинская осень, она — разбудила Пушкина. Старые яснополянские липы, и никто другой, хранили тайну творчества Льва Толстого...

— “Нет, уважаемые товарищи, вы меня опять не поняли”, — доказывал в Ленсовете Вениамин Петрович. “Мы должны сохранять “Пушкинский уголок” не только потому, что он замечателен и связан с именем великого поэта. У заповедной рощи есть и другие стороны. Она представляет совершенно свежий, нетронутый объект для новых исканий, новых вдохновений в искусстве и науке. Эти аллеи должны служить источником вдохновения для грядущих поколений и через 100 и 200 лет. И пусть поэт или ученый будущего, Пушкина помните, спешит туда, “дикий и суровый”, “на берега пустынных волн, в широкошумные дубравы”. Вениамин Петрович добился своего. Но не только “Пушкинский уголок” обязан ему. В предложении возродить память об Михаиле Ломоносове и Афанасии Никитине, в создании комиссии по чистоте русского языка — в этом и во многом другом он, как и его брат, был пионером.

— “Революция, о которой интеллигенция всегда мечтала, оказалась для нее кнутом”, — заметил блестящий русский философ Николай Бердяев. Что спустя три года после Октябрьского переворота подтвердил философствующий марксист Николай Бухарин, заявивший в своей “Азбуке коммунизма”: “...наши университеты в их теперешнем виде, с их теперешней профессурой представляют из себя отжившие институты”.

А если так, то все эти пристанища “буржуазных” профессоров нужно чистить, а еще лучше прикрывать.

“Буржуазных профессоров” принялись травить в печати. Некто Худяков ополчился на Вениамина Петровича в сборнике с красноречивым названием “Этнография на службе у классового врага”.

— “Свои общественно-политические взгляды В.П. Семенов-Тян-Шанский отразил в статье “П.П. Семенов-Тян-Шанский летом в деревне”, которая представляет собой написанную с большим увлечением апологию помещичьего, барского быта (...). С сожалением вспоминает В.П. Семенов-Тян-Шанский патриархальные нравы “доброго старого времени”, и отмечает, что с проведением, в самые последние годы XIX века железной дороги через Урусово психология населения резко изменилась... и привела в 1917 и 1918 гг. к беспощадному уничтожению усадеб, парков и садов... Автор перечисляет своих родствеников, которые “в конце 1917 г. и в начале 1918 г. безвременно погибли в родных местах, тогда же погибла и Гремячкинская усадьба”.

В личном фонде Вениамина Петровича хранится летопись Географического музея, красноречиво озаглавленная: “Краткая история одного советского учреждения, иначе “глас вопиющего в пустыне” или “а воз и ныне там”.

С конца двадцатых на голову директора музея несчастья начали сыпаться одно за другим. Географов стали вытеснять “более нужные” новой власти учреждения, а штат сократили со 170 человек до ... пяти. От волнения у Вениамина Петровича отнялись ноги, несколько дней он провел в постели. В 1930 г., в связи с “делом Академии наук”, Ленинградское ОГПУ

принялось собирать компромат на Вениамина Петровича, правда, потом его фамилию из “дела” вычеркнули — вспоминал краевед Н. Анциферов.

Несмотря на бедственное положение единственного не только в СССР, но и во всем мире Географического музея, за 20 лет его существования, заведение не смог посетить ни один комиссар просвещения. Зато вот в инструкциях недостатка не было. В тридцатых годах музею запретили экспонировать руины древних исторических зданий под тем предлогом, что “в период соцстроительства в СССР руин быть не должно, а разрешается только реставрированные здания, хотя бы руины и находились под государственной охраной”.

Фашистскому идеологу Розенбергу принадлежит изуверская идея: достаточно у народа уничтожить памятники культуры, и он уже во втором поколении перестанет существовать как самостоятельная нация. С подобным намерением действовала и сталинская администрация.

В декабре 1936 года на музей и его директора началась последняя и решительная атака.

“Ленинградская правда” помещает заметку Е. Востокова “Беспризорные музеи”, где Географическому музею вменялось в вину, что он “не отображал стахановского движения, замалчивал роль партии и товарища Сталина в переделке лица Советской страны”. Через несколько месяцев в этой же газете появляется еще один политический донос, на этот раз некого С.Кары “О враждебной концепции профессора Семенова-Тян-Шанского”, с еще более наглой клеветой.

Вениамин Петрович предпочел остаться безработным, но отвести удар от своего “любимого детища”. И подал в отставку. Наркомпрос не стал утруждать себя защитой директора одного из лучших своих музеев. Приказ об увольнении подписала замнаркома Н.К. Крупская.

Это в цивилизованной стране шумная история с музеем првлекла бы к себе внимание общественности. Но в “первом социалистическом государстве” все свершилось тихо и незаметно.

В апреле 1938 года в музей заявился начальник управления НКВД по Ленинградской области известный палач Заковский и повелел очистить несколько комнат под вверенное ему заведение. С ним уже, естественно, никто спорить не стал.

Что ж, “образование” народа в концлагерях и тюрьмах считалось тогда более эффективным, нежели при помощи “буржуазных” музеев и университетов. К “гнилой” интеллигенции не было доверия. Ее положение красноречиво рисовали “6 заветов”: 1) Не думай; 2) Если подумал, не говори; 3) Если сказал, не пиши; 4) Если написал, не печатай; 5) Если напечатал, не подписывай; 6) Если подписал, отрекись”.

В начале 1940 года просочились слухи, что Наркомпрос решает поставить крест на музее. Бывший директор предпринимает отчаянную попытку отвести беду, “равную гибели Александрийской библиотеки”. Он уговорил руководителя Всесоюзного Географического общества Ю.М. Шокальского подписать слезное письмо Сталину. Тот согласился. Но через несколько дней, 26 марта 1940 года Юрий Михайлович внезапно умер.

Больше в огромной стране не нашлось желающих защитить музей. И его закрыли в начале 1941 года. Так, в “колыбели революции” был совершен еще один акт вандализма. Впрочем, Семеновым-Тян-Шанским к этому было не привыкать. В семнадцатом опьяненные революцией крестьяне сожгли их родовое имение Урусово, вырубили великолепный сад, аллеи из столетних лип и тополей, а одного из братьев расстреляли.

От кого вы охраняете природу?

“В тиши кабинетов и лабораторий идет ожесточенная классовая борьба. Вооруженные современным знанием кучки врагов пытаются исподтишка подрывать социалистическое строительство”, — писала в июне 1929 г. “Комсомольская правда”.

Краеведение — одно из массовых общественных движений, захлестнувшее страну в 20-х годах. Изучение географии, истории, этнографии родного края превратилось в подлинную научную народную самодеятельность. Дабы координировать деятельность многочисленных краеведческих организаций, а их количество за первые десять лет советской власти увеличилось в десять раз, в России было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК). Возглавил его академик С.Ф. Ольденбург, одним из заместителей стал В.П. Семенов-Тян-Шанский.

Надо сказать, что в Россиийской Федерации в ту пору краеведческие общества были довольно активны в природоохране. Недаром Третий Всесоюзный съезд зоологов записал в своей резолюции: “Предоставить отделениям Государственного Географического общества и природоохранным краеведческим организациям право возбуждать уголовное преследование против лиц, виновных в нарушении природоохранных законов”.

Вскоре краеведы создали при своем центральном органе комиссию по охране памятников природы, собравшую обширную картотеку предлагаемых к заповеданию природных объектов. Краеведческие журналы, центральные и периферийные, превратились в рупор природоохранной мысли.

В.П. Семенову-Тян-Шанскому, вместе с братом Андреем, профессорами В.Л. Комаровым, Н.И. Кузнецовым удается провести несколько краеведческих совещаний, где обсудить проблемы защиты природы на Кавказе, создание заповедников Пушкинский уголок и Лахтинский в Ленинградской области.

1929-1930 гг. — начало многих “разоблачительных” кампаний, перечеркнувших отечественную культуру, науку, общественную жизнь. Новые “веяния” коснулись и краеведов.

Комиссия Наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции, проверяющая ЦБК, нашла, что у краеведов “нет плановости”, много “узких уклонов”. Постановлением Коллегии НРКИ природоохранная комиссия ЦБК была расформирована, а Всероссийское общество охраны природы подчинено ЦБК. Были закрыты “Известия ЦБК” и “Краеведение”. Вместо них стал выпускаться журнал “Советское краеведение”, хотя многие известные краеведы не были согласны с таким названием, считая, что краеведение не может быть “советским” или “антисоветским”, оно едино “от века и до века”. В Белоруссии закрыли краеведческий журнал “Наш край”.

Еще больший урон краеведческому движению нанесла IV, и, к слову сказать, последняя Всероссийская краеведческая конференция. На ней решили, по указке свыше, ликвидировать все местные краеведческие общества, создав вместо них окружные бюро краеведения. Это было крайне вредное решение, так как добровольные общественные организации заменялись теперь органами, выполняющими лишь административные функции. Общества краеведов стали закрываться. Так, если в 1930 г. в стране действовало 2334 краеведческие организации, то в 1932 г. их осталось уже 1493.

Живая работа подменялась цитатничеством, догматизмом, насаждением штампов. Если раньше краеведы действовали самостоятельно, то теперь всем вменялась строгая отчетность:

к такому-то сроку районные бюро краеведения отчитываются перед окружными, окружные — перед Центральным. Частную инициативу заменили монопольными указаниями единого чиновничьего центра. Началась порочная практика навязывания формальных соцсоревнований, ЦБК вызвало на соцсоревнование Белорусское Бюро краеведения, белорусы — украинцев. Был расформирован научно-методический центр в Ленинграде и центр ЦБК оставался только в Москве. Это лишило периферийных краеведов помощи многих ленинградских ученых-географов, биологов, этнографов, историков.

Конференция провозгласила новый лозунг — “Краеведение — на службу социалистическому строительству”. Теперь общественная инициатива заменялась обязательным участием краеведов в поисках полезных ископаемых, сборе сведений о колхозах. Недаром, уже тогда, в 1930 г., многие старые краеведы заявили, что краеведение, как общественное движение — умерло.

В 1930 г. при Коммунистической Академии создается Общество краеведов-марксистов (ОКРАМ), куда, в основном, вошли люди, считавшие своим долгом критиковать все, что было сделано до сего момента в краеведении.

Председателем ОКРАМ был выбран известный государственный деятель, нарком юстиции Н.В. Крыленко, заместителем — И.Г. Клабуновский, чиновник из Наркомпроса, и секретарем — некто В.Ф. Карпыч. Общество краеведов-марксистов, замкнувшись на обсуждении вопросов борьбы с врагами в краеведении, превратилось в узкую, сектантскую организацию, так и не выросшую за 200 членов. В 1933 г. его пришлось распустить. Однако, несмотря на столь короткий срок, ее лидеры принесли немало вреда краеведческому движению.

Особенно активно с изобличениями выступал секретарь ОКРАМ’а В.Ф. Карпыч. Вместе с инженером Т.Васильевым он опубликовал в “Правде” разгромную статью “Краеведение и туризм — на службу социалистическому строительству”.

— “В краеведческой литературе, как теоретической, так и практической, до самого последнего времени господствовали антимарксистские и антиленинские установки... Возьмем хотя бы “Известия Государственного русского Географического общества” (Главнаука). Нумерация “Известий” продолжается с прошлого столетия, когда было организовано “Императорское русское географическое общество” (62-й год издания!). Единственным изменением в трудах общества, происшедшем от Октябрьской революции, является перемена одного слова на обложке “Известий” вместо бывшего “Императорского” значится “Государственное”... В “Известиях” не только ничего не говорится о новом, советском, но в статьях местных географов мы обнаруживаем прямые попытки сохранить и защитить свои прошлые позиции. Не лучше и с журналом “Охрана природы” (Главнаука). Авторы “Охраны природы” рассматривают природу по большей части не как базу развертывания производительных сил, а как предмет эстетического удовольствия.

...Общий вывод, который напрашивается после просмотра комплекта “Охраны природы” таков, что этот журнал под лозунгами безусловной охраны природы стремится сохранить эту природу... от пятилетки”.

В обстановке травли и слежки любые объединения по интересам, имеющие какое-либо существенное социальное значение, быстро приобретали вид “подпольной вражеской” организации. Провозглашенная Сталиным “культурная революция” на деле вылилась в кровавое, ничем не прикрываемое уничтожение культуры и науки. Были репрессированы многие видные краеведы, деятели охраны природы. В Ленинграде строить Беломоро-Балтийский канал отправили известного ученого — естественника профессора Бориса

Евгеньевича Райкова. Активного деятеля краеведения и охраны природы Петра Евгеньевича Васильковского вместе с родными выслали на поселение в Среднюю Азию, где он затем был расстрелян как дворянин.

Общество охраны природы чудом удалось отстоять. А вот краеведческое движение — нет.

В 1937 г. СНК РСФСР принял постановление “О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах”, поставившее последнюю точку на краеведческом движении. В нем было признано нецелесообразным “дальнейшее существование Центрального и местных бюро краеведения” и предписано Наркомпросу их ликвидировать, так как для краеведческой работы нет “никакой необходимости создавать специальные особые организации”. Всю краеведческую деятельность предлагалось вести в вузах, школах, музеях, домах культуры.

Воспользовавшись демагогическими лозунгами сталинской “культурной революции” к власти во многих направлениях науки прорвались не просто неучи, а глубоко аморальные типы.

—”Презент”, — писал об одном из таких академик В.И. Вернадский, — “молодой “ученый”, кажется неглупый, но малообразованный, начитанный”.

Неплохо вызубрив марксистских классиков, этот низкорослый чернявый юноша, в начале своей карьеры, еще до “звездной” встречи с Лысенко, решил попробовать себя в зоологии.

На Всесоюзной фаунистической конференции, зимой 1932 года, проходившей в Ленинграде, он принялся поучать маститых зоологов: “Советский фаунист должен стать инженером-изобретателем, инженером-реконструктором животного организма, активно подбирающим нужную для соцстроительства фауну”.

И уважаемые зоологи-профессора: Павловский, Кожевников, Станчинский, Аверин, Беллинг, Вучетич, слушая всю эту чушь, согласились с Презентом, мол “счастливы сознавать, что живут в период мощного расцвета науки, вызванного пролетарской революцией”.

Но тут разразилось непредвиденное. Выходцы из дворянских фамилий, которым следовало вообще молчать на празднике советской зоологии, старые “буржуазные” профессора М.Н. Римский-Корсаков и А.П. Семенов-Тян-Шанский вдруг подвергли сомнению два непоколебимых, как ахиллесовы столбы, тезисы: — о “партийности науки” и “социалистическом переделывании природы”. Кстати, А.П. Семенов-Тян-Шанский, являлся единственным в СССР ученым, кто в 1932 г., и позже, в 1933 г., на ноябрьской сессии АН СССР, выступил открыто против строительства мощных ГЭС на Волге.

Кроме всего прочего А.П. Семенов-Тян-Шанский потребовал отмены цензуры на фаунистические работы.

Трех ученых больше всего критиковал Исай Презент: Станчинского, А. Семенова-Тян-Шанского и Римского-Корсакова.

— “Придет ветер, придет буря и будет падение столь великое, — этот евангельский стих звучал в словах профессора Тян-Шанского”, — говорил Презент. “Он боится мести природы, ведь человек так ничтожен. Но как эта природа терпит 15-16 лет большевиков и ничего, почему она не отомстила? (...) Все наше строительство в глазах Семенова-Тян-Шанского выглядит как вредоносная деятельность, чувствуется охрана природы от наступления деятельности социалистического строительства”.

Да, этих “аристократов-еретиков”, естественно, конференция заклеймила, но факт остался фактом и вошел в историю. Да, у нас было дворянство, представители которого ценой собственной жизни поддерживали идеалы чести и достоинства на должном уровне. Дворянство уничтожили, и этот уровень катастрофически упал.

Роковой идеологический ураган, что разрушил культурное наследие так называемого петербургского периода “серебряного века”, духовно отбросил наше общество в глубь веков. Выбраться из этой исторической “ямы” не в силах мы и до сих пор.

Старейшему работнику Лапландского заповедника Олегу Измайловичу Семенову-Тян-Шанскому я обязан двумя фотографиями.

На одной — высокий, добродушный, в кожанке, с большущей папкой под мышкой: Вениамин Петрович. На другой запечатлен усталый седой человек в пенсне. Андрей Петрович отдыхает, удобно расположившись в любимом кресле. Разглядывая эти два снимка, я вдруг поймал себя на мысли, что отыскал еще одну существенную деталь, характерную для обоих братьев. Это улыбка. Добрая и близорукая, свойственная людям трагически ушедшей от нас культурной элиты.

Воз науки толкает лишь труженик

Человек не умирает по настоящему, пока он не забыт. На грани стремительного века не все, кто был достоин памяти и любви, получили признание. Дело потомков — восстановить звенья, связывающие сегодня с началом. Иначе и наши дни станут ненужным грузом для внуков, равнодушных к памяти.

О зубре беловежском замолвите слово

На земле этой сошлись века, тысячелетия. И не только ученым здесь место. Тут поле работы нашей памяти, поле, которое мы, потомки, должны знать и сохранять до последней былинки, умом понять, душой чувствовать.

История беловежских зубров и Беловежской пущи сплелись воедино. Пуща сохранилась потому, что остались в живых зубры, зубры выжили, спасаясь в невырубленной пуще. Так одна красота защитила другую.

В Англии зубр исчез в 12 веке, во Франции и Швеции — в 16, в Венгрии — в 1729 году. В Восточной Пруссии лесных исполинов лишили жизни в 1755 г. К началу 20 века последние на Земле зубры сохранились лишь на Кавказе и в Беловежской пуще, да еще, разве, в преданиях.

— “Этот крайне дикий зверь водится в литовских лесах и доходит до таких размеров, что если когда-либо, умирая, он откинет голову назад, три мужа могут сидеть между его рогами... Борода его ниспадает взъерошенными, низко висящими космами, страшные глаза краснеют от ярости, и густая грива с шеи падает на плечи, покрывая собою темя, колени и нижнюю часть груди.”

Там не свобода, там воля. Вековые дубы, корабельные сосны, держащие небо. Яростный рев оленей. Все так было и сто, двести, много веков назад. Пуща говорит нам, когда умолкают песни и легенды, когда уже молчит все. Она жила, живет, и кажется, будет жить, вне зависимости от нашего сознания.

Великий мыслитель Жан-Жак Руссо мечтал приехать в пущу провести в лесной глуши остаток своих дней. Вольные стрелки, беглые каторжники и инакомыслящие всех времен и народов спасались в пуще. Так повелось еще с древних литовцев, по языческим законам которых даже приговоренный к смерти обретал неприкосновенность, если успевал скрыться в священных рощах Лаймы и Летвы.

Князь Ягелло, хитрый и необузданный, ловко лавируя между черными шлемами тевтонских орденов и алыми щитами киевских дружин, сумел сколотить крепкое Литовское государство.

С него и повелось истребление зубров. Однажды он сплавил по Висле в Плоцк 200 бочек соленой зубрятины, и с тех пор постоянно здесь, в Пуще, заготавливал провиант для стотысячного войска.

Один из его отпрысков обратил зубров в ... орудие казни. Нарядил одного из придворных в пышный костюм красного цвета, и приказал спустить разьяренных зубров... Внук Ягелло, Александр, женатый на Елене, дочери царя Ивана III, общеголял деда в устройстве пышных охот. Однажды для его жены возвели помост, с которого она могла бы безопасно поражать выгоняемых зверей. Рассказывают, гордые зубры не пожелали пасть от руки женщины и с яростью бросились на королевскую ложу, выворотив столбы и чуть не растоптав королеву.

Удачно охотились в пуще Стефан Баторий, Август III, и после каждого избиения, в память для потомков, в лесу устанавливались специальные столбы.

— “27-го сентября 1752 года здесь охотились на зубров Их Величества Август III, король Польский и Курфюрст Саксонский с Августейшей супругой Королевой и Их Высочествами Принцами Ксаверием и Карлом, причем были убиты: 42 зубра, а именно —11 крупных, из коих больший весил 14 центнеров и 50 фунтов, 7 меньших, 18 молодых зубров и 6 телят. Далее — 13 лосей... кроме того 2 козла. Всего 57 штук.”

(Г. Карцев. “Беловежская пуща”, 1903).

В 1805 году изрядно поредевшая Беловежская пуща входит в состав Российской империи. К этому времени там подчистую был выбит тур, практически не осталось бобров. Подошла очередь и зубра...

История так и не сохранила имен тех мудрых советников, надоумивших Александра I издать Высочайший указ о строгой охране исчезающих великанов. Привожу полностью сей уникальный документ.

— “Господин Генерал от Кавалерии и Литовский военный губернатор Барон Бенигсен!

По редкости породы находящихся Литовской губернии в Беловежском лесе зверей так называемых зубров, признал я за благо, для охранения их от битья и пуганья и для прокормления, приписать по прежнему деревни оставшиеся от Брестской Економии: Цвирки, Панасюки, Каменики и Мызинари Пауцкие. Вследствии чего повелеваю вам, сообразя местные обстоятельства, положить на мере и представить на утверждение Правительствующему Сенату, какое облегчение вместо сей повинности должно сделать крестьянам. Пребывая Вам Благосклонный.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако:

Александр.

В С-Петербург, Сентябрь 10 дня 1802 года”

Однако по восшествию на престол Александра II, остатки старины глубокой были вновь превращены в охотничий трофей. Интересная деталь. Местная администрация, падкая до увеселений и желавшая охотиться в пуще часто и помногу, намеренно завышала поголовье зубров, лосей и оленей. И отсылаемая в Петербург бумага выдерживала все ее “среднепотолочные” враки. Столица никак не ведала о катастрофическом уменьшении зверья и благосклонно разрешала новые охоты. Так продолжалось до 1860 года, пока сам самодержец не пожелал пострелять зубров. Тут-то беловежские вруны и сели в лужу. Приготовления к царской охоте велись на глазах высшей администрации, и все видели, с какими невероятными усилиями сгонялись “кишащие” в лесах звери. Армия загонщиков могла бы пригнать тысячу зубров, а собрала с горем пополам всего сто восемнадцать. Головы виновных чиновников полетели, и новое беловежское начальство уже семь раз лично пересчитывало в пуще каждую зверюшку, прежде чем направить в столицу очередной отчет.

К началу 20 века Беловежская пуща являла собой образцовое охотничье хозяйство. Но хотя высочайшие бойни устраивались здесь уже довольно редко, поголовье зубров, вопреки всяческим потугам егерей, выше 600-700 штук не поднималось. Более того, животные мельчали, увеличился отход новорожденных. Какой-то загадочный природный механизм был все-таки нарушен. Помочь зубрам могла только наука.

Николаю Михайловичу Кулагину посчастливилось с самого начала. Он родился в дружной и крепкой семье добрых и любящих родителей. Отец мечтал видеть сына священником, имелись все на то данные: рассудителен, внимателен к людям, голос громок и певуч. Но когда узнал, что Коля, с отличием закончивший Смоленскую духовную семинарию, все же собирается в Московский университет, на естественное отделение физико-математического факультета, тяжело вздохнул, но перечить не стал. Ведь любовь и уважение между “отцами и детьми” в семье Кулагиных было сильным и обоюдным.

Долгое время служители культа представали перед отечественным читателем и зрителем как люди недалекие, жадные, подлые, что, конечно, далеко от истины. Значительная часть русского духовенства всегда жила бедами и надеждами прихожан, видела себя в служении народу. Отец Кулагина, священник небольшого села Шиловичи Духовщинского уезда Смоленской губернии являлся человеком высокой культуры, интеллигентным, образованным, духовным. Причем духовность ставил выше образованности. Таким и сына воспитал.

Карьера младшего Кулагина была быстрой. В двадцать четыре года — выпускник Московского университета Николай Кулагин становится ассистентом зоомузея МГУ, в тридцать — директором Московского зоопарка, в тридцать пять — защищает докторскую.

Впервые о беде беловежских зубров Кулагин узнал от одного из своих учителей, 70-летнего Ивана Михайловича Сеченова. Старик словно чувствовал, что судьба обязательно забросит Николая в пущу, и не жалел на рассказы об исчезающих исполинах дорогого профессорского времени.

И вот тот день настал. Однако, в места царской охоты даже известному зоологу попасть оказалось не так-то просто.

“Г. Профессору Московского сельскохозяйственного института

Николаю Михайловичу Кулагину

На письмо Ваше, от 13 мая сего года, имею честь уведомить Вас, Милостивейший государь, что я нахожу приведение в исполнение теперь же намеченного Вами плана зоологического исследования зубров за счет уделов, несвоевременным, и потому поставлен в необходимость отложить исполнение этого проекта до более благоприятного времени.

26 мая 1906 г. № 9927

И. д. начальника Главного Управления уделов свиты Его Величества генерал-майор Н. Кочубей"

А что это за "благоприятные времена" — Кочубей объяснить не удосужился. Что поделать: "легче отказать" — одно из любимых правил бюрократа. Кулагин был к этому готов, заранее настроив себя на длительную и вежливую переписку. Они с Кочубеем словно соревновались в вежливости.

Капля медленно, но камень долбит. И долгожданное разрешение, с формулировкой "в виду особого исключения", все-таки пришло. В конце лета того же года Николай Михайлович вместе с профессором—медиком Московского университета А. Мордвилко выехали в Беловежскую пущу...

Обработав массу материала, им удалось установить любопытные вещи. Оказывается, основной причиной сокращения поголовья лесных исполинов являлись не браконьеры, не близкородственное скрещивание между зубрами, а превращение пущи в место для царских увеселений. Ради удачных охот егеря лезли из кожи, стараясь развести в пуще как можно больше всякой дичи. Оленей и косуль перевалило за 10 тысяч, кабанов — вообще рыскало тьма-тьмущая. Они-то и держали зубров на голодном пайке. Раньше сама природа регулировала количество зверья в пуще, но вмешался человек, и стали рваться хрупкие связи. Самыми неприспособленными из всего лесного народа оказались великаны-зубры.

В начале первой мировой войны в пущу вошли кайзеровские солдаты. Немцы — народ практичный, они быстро решили проблему перенаселенности охотничьих угодий, соорудив там консервные заводы. Хотя самих зубров охранять пытались. Но война сделала своё.

Если в августе 1915 года насчитывалось 654 зубра, то в феврале 1919 под Белой Вежей убили последнего. Не немецкий солдат стрелял. Фамилия белорусского герострата — Шимчик. А на Кавказе, у речки Белой, местные горцы расправились с последним кавказским зубром, позже, в 1927 году.

"В Наркомпрос РСФСР

В настоящее время Беловежская пуща Гродненской губ. входит в вновь в состав Российской Федеративной Советской Республики. Для охраны этого выдающегося памятника природы необходимо принять самые энергичные меры. Я, как один из бывших работников по изучению биологии зубров, населяющих Беловежскую Пущу, беру на себя смелость просить Комиссариат Народного Просвещения, не найдет ли он возможным сделать распоряжение собрать данные о состоянии Пущи после войны. Эти данные лучше всего могли бы быть получены командировкой в Пущу особой комиссии Комиссариата народного Просвещения. Затем может быть Комиссариат Народного Просвещения найдет возможным обсудить вопрос о сохранении Беловежской Пущи на будущие времена.

26 дек. 1918 г. Профессор Н. Кулагин."

Гражданская война сорвала задуманное. Лишь спустя двадцать лет советскую часть Беловежской Пущи объявили заповедником. Тогда казалось, на века...

Благодаря хлопотам Международного общества охраны зубров, из многих зоопарков мира в пущу переселили несколько лесных исполинов. Работа велась на высоком уровне, потомство тщательно охранялось, регистрировалось в специальной международной книге.

Сейчас в странах СНГ обитает более тысячи зубров, из них более двухсот — на своей милой родине. Так благополучно завершился один из рискованейших экспериментов в истории мировой зоологии — реанимация беловежского зубра. А вот его кавказского собрата спасти не удалось. Тогда, в двадцать седьмом, браконьерская пуля навсегда вычеркнула этот подвид из списков жизни.

Не хочу заканчивать главу на оптимистичной ноте. В 1957, не считаясь с принципами заповедной науки, яростным сопротивлением виднейших ученых, в конце-концов вопреки здравому смыслу, чиновники высших эшелонов власти превратили известнейший всему миру заповедник Беловежская пуща в “заповедно-охотничье хозяйство”, звучащее так же странно, как скажем, “религиозно-атеистическое общество”.

Спустя сорок лет советской власти в пуще вновь начались “царские охоты”. Только на этот раз с ружьями в святое место спешили не коронованные особы, — первые руководители страны и их ближайшее окружение. Хрущев любил забираться на вышку и оттуда расстреливал полуприрученных животных, Брежнев охотился по-иному: усаживался в “Уазик” со снятым лобовым стеклом, выставлял из машины двустволку и колесил по звериным дорожкам.

Смутное время это, слава Богу, уходит от нас. Но все же, уходя, навсегда остается с нами. И мы оказались за него в ответе. И не будет видно конца жестокому суду природы.

Да, в уничтожении живой природы моральный фактор, психология вседозволенности и абсолютного “права” лишения жизни наших меньших братьев играют не меньшую роль, чем экономические выгоды браконьерства. В ситуации, когда наша мораль пока не может обеспечить ни заповедным территориям неприкосновенности, ни выживания страдающей дикой фауне и флоре, огромное значение для спасения природы имеет нравственный пример известнейших и популярнейших людей. Их уважение к природе, к идеям сбережения жизни на Земле могли бы создать достойные Человека новые природоохранные традиции общества. Стоит только захотеть.

Просвещение против Министерства просвещения

Интеллигентность не есть образованность. Понятие на десяток ступеней выше, чище, нравственнее. От кого ведут родословную русские интеллигенты: от кочующих баянов, Нестора-летописца, протопопа Аввакума? Или может их разбудил герценовский “Колокол”? Уже во времена Чехова русский интеллигент сформировался и заявил о себе в полный голос.

“Интеллигентность”, — говорил Анатолий Аграновский, — “явление чисто русское”. Ему нет аналогов в толковых словарях иных языков. Интеллигентность — явление внеклассовое. Интеллигентом мог стать дворянин и купец, священник и служащий, рабочий, военный, крестьянин. Интеллигент — лучшее качество личности.

Не так давно зваться на Руси интеллигентом считалось чуть ли не зазорным, а происходить полагалось из рабочих, крестьян, в крайнем случае из служащих, но никак не из интеллигентов. В воспаленное сознание миллионов втравливался образ эдакого плешивого

очкарика в шляпе, ничего кроме брезгливости не вызывавший. И термин для интеллигенции обидный придумали — “прослойка”, вроде как люди второго сорта. Ни рыба, ни мясо.

Выбили, выбили при Сталине интеллигентов почти подчистую, в лагерных бараках сгноили, в землю сырую втоптали.

Прав Владимир Дудинцев — “нарочно и надолго повреждена та самая грибница, что веками рождала для России лучших людей.”

Эти люди, ни слова не берущие на веру, ни слова не говорящие против совести, не боящиеся признаться ни в какой трудности и борящиеся до конца ради серьезно поставленной себе цели, являли главную опасность для сталинской клики. Поиск правды являлся для них главной целью, единственным оправданием существования. Это была серьезная сила, и с ней по азиатски коварно и жестоко расправились в первую очередь. Но и этого показалось мало, и оставшихся в живых, долго и упорно, подвергали всенародному осмеянию и хуле...

Петр I, возвратившись из Голландии, устроил в приглянувшейся ему подмосковной пустоши ферму “Амстерданово”, переделанную народной молвой попроще — в “Остраганово”. Вначале там были владения Нарышкиных, затем Разумовских. Позже деревенька Петровско-Разумовское приглянулась Министерству государственных имуществ, и в 1860 году за 250 тысяч рублей обоюдовыгодная сделка состоялась. А еще через шесть лет здесь открылся Петровский сельскохозяйственный институт, снискавший вскоре, как вуз гуманитарный, славу “рассадника революционных элементов”.

Кулагин пришел преподавать в сельхозинститут в 1894 году, вначале на должность профессора, затем был назначен помощником директора вуза. Параллельно читал лекции и в МГУ.

Волна студенческих волнений прокатилась в Москве в 1905-1906 годах. В институте начались повальные обыски. Жандармы перевернули вверх дном не только студенческие общежития, но и квартиры профессоров, даже дом самого директора института. У малолетнего сына Кулагина отняли игрушечное ружье, у профессора Худякова — черкесский кинжал, а лаборант Карпов после ухода полиции никак не мог отыскать в погребе только что купленные на базаре три фунта коровьего масла.

Неистовала правая пресса. “Сын отечества” вещал: — “... профессор Московского сельскохозяйственного института Кулагин возвестил нам следующее: “для нормального течения академической жизни... необходимо три условия: 1) созыв избранников народа на общепризнанных началах; 2) отмена ныне действующих уставов высших школ; 3) необходимо, чтобы лица, стоящие во главе учебного дела, шли навстречу желаниям профессорских коллегий”.

Этот почтенный ученый и администратор впредь расписывается, что современное правительство мешает ему преподавать предметы сельского хозяйства... Кому такой вызов? Может ли быть терпим такой ученый и администратор..?”

Политика Министерства просвещения была понятна и повторяема не раз: призванные образовывать на деле всячески тормозили народное образование. Ибо темных и недоученных держать в повиновении проще. Функции просветителей взяли на себя русские интеллигенты.

“Профессору Московского сельскохозяйственного института Николаю Михайловичу Кулагину крестьян Щеголевского сельского общества Гжатского уезда.

Одним и самым важным средством улучшения нашего сельского хозяйства надо признать сельскохозяйственное образование землеробов. Как свет науки выводит людей из тьмы и невежеств, так и сельскохозяйственное образование поднимает благосостояние народа, а вместе с ним и благосостояние государства.

Мы, крестьяне, сознаем это, но не знаем доступных нам путей к сельскохозяйственному образованию, а поэтому убедительно Вас просим, Николай Михайлович, помочь нам советом и указаниями, каким путем мы можем добиться открытия при нашем селении сельскохозяйственного учебного заведения.

Очень извиняемся, что отнимаем у Вас Ваше драгоценное время нашими просьбами, но наше безвыходное положение толкает нас на это. Только люди науки могут вывести нас из мрака неведения на правильную дорогу".

В 1887 году Кулагин проводит первую в стране пчеловодческую передвижную выставку. Ее осмотрело 6 тысяч крестьян. Громадный успех. Рассказывают, что в деревню Мягково, куда на пару дней заглянула выставка, за шесть верст пришел пчеловод И. Кузнецов. Так велико было желание у незрячего пасечника.

А на подмосковной Измайловской пасеке Николай Михайлович вместе с другим подвижником просвещения — профессором Г. Кожевниковым, открыли для всех желающих специальные курсы по пчеловодству.

Пошлого термина — "общественная нагрузка" в те годы не существовало. Загружались общественной работой не по приказу свыше и не ради оправдания собственной бездеятельности на службе. Саднящее чувство неудовлетворенности, гражданское самосознание заставляли впрягаться во все новые лямки. И ответ держали не перед профкомом — собственной совестью, судей самым строгим и справедливым. Тяга к общественной жизни — характерная черта старой русской интеллигенции.

Успевал Кулагин бывать и в научно-литературной комиссии, редакционном комитете Московского областного отдела лиги образования, читал лекции на Пречистенских рабочих женских курсах, вел первые заседания секции охраны птиц, состоял активным членом более двадцати различных отечественных и зарубежных обществ, организовал с коллегами в 1917 г. Московское общество охраны природы. И при всем этом тащил тяжелый воз науки...

Начало — половина всего

К концу 20-х годов в отечественном природоохранном движении сложилась непростая ситуация. Не осталось лидеров. Академик Бородин был стар, профессор Талиев серьезно болен, Кожевникова не избрали на очередной срок в должности профессора МГУ. Оставался один — Кулагин. Член-корреспондент АН СССР, впоследствии академик ВАСХНИЛ и Белорусской АН ССР.

— "Смолоду был молод и в старости не стар", — шутили о шестидесятипятилетнем ученом. Кулагину и доверили пионеры охраны природы все важные посты в своем трудном деле. С 1919 года — Николай Михайлович руководит Комитетом по охране памятников природы при Наркомпросе РСФСР, с 1923 — природоохранной секцией Госплана РСФСР, с 1925 — Государственным Межведомственным комитетом по охране природы. Он — один из организаторов Всероссийского общества охраны природы, 1 Всероссийского и 1 Всесоюзного природоохранных съездов. Находит время, чтобы в августе 1929 отправиться с инспекцией в Асканию-Нова.

Как во всяком трудном начинании, очень пригодились личные качества Николая Михайловича — обстоятельность, доброжелательность, интеллигентность. Немаловажное значение имело и близкое знакомство Кулагина с крупными государственными деятелями, имевшими прямое отношение к делу охраны природы — новым наркомом просвещения А.Бубновым и членом ЦИК и Президиума ВЦИК П. Смидовичем, бывшими его студентами.

У Кулагина не хватало времени на практику природоохранного дела: здесь "сворачивали горы" Шиллингер, Подьяпольский, Протопопов. Но вот когда дело касалось науки...

— "Меха бурманские в земле Мордовской чернобурых лисиц, черных куниц и скифских соболей шли во всю Европу для украшения одежд и служили щегольским нарядом".

До революции люди русские имели от пушного дела доход немалый. Цифры назывались разные. Будто перед войной с германцем ежегодно прибыль составляла сто миллионов рублей. Так, в 1913 году только одну популярную Ирбитскую ярмарку завалили семью миллионами шкурок белки, куницы и зайца. Весь мир щеголял в росийских мехах. Аппетит разгорался во время еды. А пушные ресурсы тем временем оказались подорванными. В Сибири исчезал соболь, на Украине выбили бобра и выхухоль. Чтобы как-то выправить положение, правительство решилось на энергичные меры: был создан Баргузинский заповедник, вводился учет пушных заготовок.

Помогли животным еще революция и гражданская война, — дали передышку. Однако с середины 20-х годов хищнический промысел вновь достиг былого размаха.

Одна из газет писала в те дни: "На Максимовском пункте (Нарымский край) работает агентом бывший спекулянт, который при участии председателя местного сельсовета Ермолина буквально обирает остяков. К выходу остяков после охоты он привозит не менее 15 ведер самогона и продает за 7-5 белок бутылку. А когда перепоит всех, тогда остатки шкурок выигрывает в карты".

Предложения свои Кулагин отточил давно. Они вкратце сводились к организации специальных охотхозяйств и ферм по разведению пушных зверей, созданию новых заповедников и заказников там, где дичь еще уцелела. Он не предлагал — требовал ввести статистику на добычу пушнины, открыть музей и институт по пушному делу, всерьез заняться наукой и подготовкой кадров, пересмотреть закупочные цены. Об этом он говорил с трибуны I Всероссийского съезда по охране природы, на различных зоологических и краеведческих конференциях. Свои страницы стали предоставлять ему различные газеты и журналы, "Правда" в том числе. — "Чем хуже дела в приходе, тем больше работы звонорям", — шутил по этому поводу Кулагин.

Как ни увиливал, как не сопротивлялся Пушно-Госторг, но и его безраздельному владычеству подошел конец. Какой ценой далась эта нелегкая победа пожилому ученому, практически в одиночку сражавшемуся с могущественным ведомством, трудно осознать. Следов той борьбы практически не сохранилось, не осталось и свидетелей. Этот подвиг Кулагина еще ждет осмысления потомками.

В невидимых скрытых "бумажных" боях за истину многие высокоморальные качества требуются в квадрате. Стойкость — в кубе. Лишенная бравой романтики и показного героизма, каждодневная борьба эта часто видится бесполезной даже ближайшим друзьям и родным. Истинные мотивы действий непонятны, часто искажаются, и в глазах даже единомышленников человек, решившийся на изматывающую закулисную войну, становится законченным бюрократом, а то и врагом даже. И в этой трагедии выступает особая мудрость

человека, раньше других осознавшего, что в борьбе со злом не всегда годится шашкой махать, а порой нужны методы и более тонкие.

Монополию Пушно-Госторга удалось поколебать. Это было начало, первая большая победа в охране пушных зверей — великого богатства страны. А начало, как известно, половина всего.

“Наркому по просвещению РСФСР А.В. Луначарскому

С 1918 года идея охраны памятников природы имеет в Вашем лице своего горячего сторонника. По Вашему распоряжению от 10 января 1919 года Наркомпрос в своем научном отделе сосредоточил инициативу и руководство работами в области государственного заповедания памятников природы и предпринял ряд конкретных шагов к созданию сети заповедников, наметив 63 типовых заповедника и 100 художественных парков на всей территории современного Союза ССР, из коих 8 заповедников и 10 парков уже охраняются.

В первые годы вследствие сосредоточения сил Республики на деле внешней обороны и борьбы за хозяйственное восстановление, работа по охране природы велась слабо и к 1922 году почти совершенно замерла как в центре, так и на местах. Главной причиной этого был недостаток средств...

Что касается самого жизненного органа, ведущего основную работу по охране природы — Всероссийского Комитета, утвержденного Коллегией Наркомпроса 5 июля с.г., то заведующий Главнаукой вначале предполагал преобразовать его в соответствующую подсекцию ГУС’а, а теперь же высказывается за совершенное преобразование его, с обращением в орган научно-консультативный

... Мы просим Вас пересмотреть вопрос об охране природы и принять меры к его удовлетворенному в интересах дела решению, чем исключить возможность всяких разговоров о необходимости передачи дела охраны природы в другие руки...

Председатель комитета Н. Кулагин, члены — А. Ферсман, А. Кожевников, Ф. Шиллингер, Д. Россинский, Н. Смирнов, А.Северцев, ученый секретарь — Н. Подьяпольский.

Как был он нужен тогда, еще в далеких двадцатых, всесоюзный и вневедомственный орган по охране природы! Пойди на это правительство, насколько мы были бы сейчас богаче, скольких досадных ошибок, да что там — экологических трагедий удалось избежать. Об этом Кулагин тогда писал в “Правде”, в журнале “Охрана природы”. По его предложению Первый Всесоюзный природоохранный съезд принял специальную резолюцию. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть нажать. На верху не могут не понять всей важности и серьезности вопроса. Уже и Петр Гермогенович Смидович говорил о создании всесоюзного комитета, как о почти свершившемся и радостном событии. Смидович умер вскоре после съезда. Но даже если и “пробил” старый ленинец комитет, не жилец было бы его детище на белом свете. Молодая и саблезубая командно-административная система “схрумала” бы комитет моментально, что, впрочем, и произошло в начале 50-х годов с республиканскими управлениями по заповедникам.

Конец 30-х годов, страшное время. Один за другим в застенках ГПУ пропадают друзья-единомышленники. И Кулагин каждому старается протянуть руку. Хлопочет о профессоре МГУ Г.А. Кожевникове, несправедливо лишенном кафедры, Ф.Ф. Шиллингере, из-за чьих-то доносов исключенного из Комитета по заповедникам, хлопочет о генетике Н.К. Кольцове...

Говорят, что в конце тридцатых Кулагин отошел от движения охраны природы. Это не совсем так. Ибо такого движения тогда практически не существовало. Оставалось одно и последнее — наука. Ей он не изменил до самого конца — 1 марта 1940 года. Умер, едва вернувшись из своей последней поездки в Беловежскую Пущу.

Дневники Протопопова

Толстые тетради в коричневом переплете, аккуратно исписанные синими чернилами. Всю свою жизнь он старательно вел дневники. С ними делился мыслями, тревогами, болью. В то время борцам за охрану природы не всегда давали высказаться. Протопопов не был исключением. За свою жизнь он опубликовал всего несколько небольших работ. И поэтому невысказанную правду доверял дневникам. Не все сохранилось. Но те, что дошли до наших дней, должны заговорить, стать боевым арсеналом для новых поколений борцов за природу. Поэтому с разрешения его дочери, Ирины Александровны, я прочел дневники Протопопова. Поэтому и пишу о нем.

Монолог о нем

Бывают времена, когда верность своим внутренним убеждениям требует немалого мужества. Когда остаешься один против облеченных властью невежд. Когда надламываются и отступают друзья. Когда не понимает и не поддерживает молодежь... Да не переведутся люди, разбирающие чужие завалы, исправляющие чьи-то ошибки. То были тяжелые дни для охраны природы. Последние из ее поборников, прошедшие сквозь сито 37 года и кошмар последней мировой войны, затравленные кликой Лысенко, делали отчаянные попытки спасти оставшиеся в живых заповедники. Сама идея защиты природы считалась крамольной — “от кого спасать природу, от народа?”.

А общество охраны природы заставляли озеленять улицы и убирать во дворах мусор.

Таких, как Протопопов, оставалась горстка.

— “Он неумолимо честен, трудно честен”, — сказал про таких Блок.

...Шло важное совещание. Выслушав Протопопова, горячо ратовавшего за запрещение рубки лесов вдоль рек, в президиуме поднялся высокий чин и обвинил его в ... контрреволюции. Испытанный, отработанный прием уничтожения оппонентов. В перерыве к Протопопову подбежали испуганные стенографистки: — “Александр Петрович, вот стенограмма вашего выступления, вычитайте ее еще раз!”. Обступили ученые-лесоведы, с опаской поглядывая в сторону президиума, тянули вспотевшие ладони: — “Поздравляем, смело сказано, но зачем же так остро, надо было сгладить, сгладить углы...”

Стиснутая жесткими рамками, наука порой шла на компромиссы. Энтузиазм — никогда.

Если изучать деятельность Протопопова с расстояния десяти-двадцати лет, мы увидим немногое. Плоды его труда люди по настоящему оценят лишь в свете столетий. Он обследовал тридцать два и организовал двенадцать новых заповедников. Причем полевую работу в большей части проводил по личной инициативе и на личные средства.

Первенцем стал Кавказский заповедник, место в России скорее единственное, нежели уникальное. Славившееся первобытным лесом и первобытным зверьем — зубрами, турами. Недаром здесь издавна устраивались “великокняжеские охоты”. Христофор Шапошников,

первый директор Кавказского заповедника, писал: “Вопросами о заповеднике заинтересовался и Научно-исследовательский Кубано-Черноморский институт, и для обследования заповедника директором института А.П.Протопоповым был командирован лесничий Постников, который во время поездки был убит в горах бандитами. Благодаря исключительной энергии А.П.Протопопова удалось в срочном порядке провести необходимое постановление Кубано-Черноморского ревкома о Кубанском высокогорном заповеднике, опубликованное в декабре 1920 г.”

Но не дремали и враги заповедного дела. Майкопский охотсоюз во главе со своим председателем Чужбиным создал на территории заповедника “Охотничий заказник”, назначил егерей. На западе, в Пшехской даче один самозванец объявил себя “заведующим кубанскими охотами” и пытался силой выгнать лесников заповедника из караулок. Трудно пришлось Шапошникову и Протопопову. Не до лесов, справедливо считали они, сохранить бы туров и зубров. Туров спасти удалось. Зубров нет. Последних выбили местные жители, узнав, что здесь будут создавать заповедник.

“Тов. А.П.Протопопову по роду его деятельности полагается письменный стол” (из справки, выданной властями в 1923 г.).

Академик Лихачев как-то заметил, что одной из главных черт русских интеллигентов является доброта. Она видна в каждом поступке Протопопова, чувствуется даже в его фотографиях. На ощупь они теплые от его доброты. И на защиту природы, он, наверное, встал вначале не из-за осознаности научных доводов и аргументов, а скорее, по доброте душевной.

Биография Александра Петровича схожа с биографией сотен других русских интеллигентов, родившихся в начале 80-х годов прошлого столетия. И ничем не примечательна. Пыльный провинциальный Бежицк, заблудившийся в березняках Тверской губернии, большая семья инспектора народных училищ. Толстые умные книги, добрая мама и усталый отец, спокойная красота природы средней России воспитали в мальчике лучшие черты русского человека. Была и еще одна школа — Орловский централ, куда выпускника Харьковского земледельческого училища засадили в 1905 году за чрезмерное “вольнодумство”.

В 1915, сразу после окончания Московского сельскохозяйственного института, Протопопова призывают в ратники народного ополчения. Перед отправкой на фронт усатый подполковник, начальник призывного пункта, большой любитель шуток, разыграл счастливый билет. Кто вытянет, возвратится домой. Новобранцы бросились к солдатской папахе, где один из кусков бумаги мог спасти от пушек и штыков. Счастье вытащил низкорослый, туберкулезного вида мужичонка.

— “Слышь, барин”, — обратился он к Протопопову, — “возьми билет. Ты молодой и красивый, а мне все равно помирать. Кровью харкаю”. Протопопов отказался.

Исключительная порядочность также редка в людях, как богатырская сила и талант. В голодных двадцатых он еле живым доставил из Киева в свой институт ценный для науки груз. Домой, в Краснодар, доехал еле живым, опухшим от голода. Но груз довез в сохранности, два мешка элитной картошки.

Когда большевики готовили в Краснодаре восстание, и с утра в городе должны были начаться бои, ночью в дом Протопопова постучали. В открытую форточку неизвестные всунули бумагу. Это была охранная грамота большевистского подпольного комитета на Протопопова и его семью.

В гуще работы

Слово же такое народ нашел меткое — гуща. Когда много, часто, полно. Поспевай только. Хорошо, когда сила в руках, голова свежая и так далеко до старости. Рядом друзья, единомышленники, дел невпроворот, но дело спорится и каждый день по значимости — году.

В 1927 году семья Протопоповых переезжает в Москву. Александра Петровича избирают членом Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы, председателем комиссии по Крыму. Он участвует в работе секции охраны природы Всероссийской конференции по изучению естественных производственных сил страны, в Первом Всесоюзном съезде по охране природы, избран в состав президиума съезда. Создает заповедниками. В 1934 отправляется в Среднюю Азию, обследует Наурзумский заповедник. В 1935 — занимается Мордовским, Средне-Волжским, “Бузулукским бором”, Алма-Атинским заповедником. Через год — Крымским и Асканией-Нова, переживавших тогда не лучшие времена.

В конце 50-х годов, когда многие забытые вопросы стали вновь припоминаться, Александр Петрович писал: “...нам нужно создать научно-исследовательский Институт охраны природы. О таком институте говорили еще 40 лет назад, когда во главе охраны природы стояли Петр Гермогенович Смидович и Михаил Иванович Калинин, когда был Комитет по охране природы при Президиуме ВЦИК. Я все это хорошо помню, потому что сам состоял членом этого Комитета...”

Многое в жизни Александра Петровича было связано с Всероссийским обществом охраны природы. С 1935 года и по самый конец сороковых (до ее самороспуска) он возглавлял знаменитую Крымскую комиссию, так много сделавшую для охраны природы полуострова. В 1934 г. а затем и позже, Протопопова выбирают заместителем председателя ВООП. Это были самые черные дни, когда общество лишилось и долго оставалось без своего председателя, когда несколько лет не было даже помещения, когда был закрыт журнал. Нет в живых тех людей, кто мог бы рассказать подробней об этом периоде, практически не сохранилось архивных материалов и мы можем только предполагать, как тяжело приходилось новоиспеченному зампреду и его соратникам в самые кровавые дни культа личности...

— “Рассмотрев проект Устава Всероссийского общества содействия преобразованию и охране природы, я считаю, что нет большой целесообразности в организации такого Общества... Мое отрицательное отношение к этому Обществу вытекает из того, что оно, ... не будет иметь реальной возможности активного участия в проведении мероприятий по преобразованию природы, а вопросы охраны природы у нас, в Советском государстве, решаются всей системой ведения народного хозяйства” (из письма начальника Главка заповедников при СМ РСФСР А.В.Малиновского зам. председателя Совмина РСФСР М.М.Бессонову).

Бессонов назначает совещание на 2 августа 1951 года. В час дня в его кабинете собираются 24 человека, чтобы решить дальнейшую судьбу ВООП. Начальник группы Управления делами Совмина Романецкий твердо считает: Общество бесполезно и его надо прикрыть. Его поддерживает чиновник из министерства сельского хозяйства РСФСР. Им возражают активисты ВООП — В.Н. Макаров, Г.П. Дементьев, И.С. Кривошапов. Но наиболее резко выступил Александр Петрович. Это был переломный момент совещания.

— “Я, как старый деятель Общества охраны природы и бывший в должности председателя, заместителя председателя Общества доклад т.Романецкого выслушал с большим

огорчением. (...) Он был сделан с тенденцией охаять т.Макарова, который является основоположником этого дела, и ставит такие глубокие принципиальные обвинения (...). В руководстве состава Президиума личной заинтересованости не было. Есть заинтересованность, но не та, о которой говорил докладчик. Я работаю больше 25 лет. Заинтересован только общественным строительством, хочу помочь нашему государству создать хорошо налаженное хозяйство. Заинтересованность была личная в помощи государству. Товарищи, так ведь это замечательно! Так вдруг нас, старых членов..., смеют заподозрить и обвинить. Мы в своих статьях не раз будем говорить, что т.Романецкий хотел нас заподозрить (...). Я не хочу больше распространяться здесь. Вы задели честь работы общественника за живое. И я не позволю опорочивать ни себя, ни других членов Президиума"...

Бессонов, по-видимому, был задет эмоциональностью и откровенностью выступления семидесятилетнего активиста. В заключительном слове он высказался за сохранение ВООП, правда, покритиковав Протопопова за излишнюю резкость. Но что же делать, кто-то должен вызвать огонь на себя...

Заповедание заповедников

— "Заповедать лес", — писал Даль, — "запретить в нем рубку: это делается торжественно: священник с образами, или даже хоругвями, обходит его, при народе и старшинах, поют "Слава в вышних" и запрещают въезд на известное число лет". "Чур, заповедано", в заповедище не стрелять. Помни праотцов, заповеданного не тронь!" — учили старики. Веками народной нравственностью, надежней всякой стражи, охранялись моленые леса и заказные рощи, божелесья, пущи и запретники, засеки, зарощи и запуски.

С годами процесс заповедания неимоверно усложнился. Согласования на различных уровнях и со всякими ведомствами, бумажная волокита погубили на корню не один будущий заповедник. Вроде создавались они не для пользы людей, а для чьей-то чужой и непонятной никому прихоти. Протопопов записал в своем дневнике: — "Если в Башкирии эспедиция прочищала себе путь с топором в руках, то в Московской области эти пути приходится расчищать с острием пера в руках". Пороги московских лесхозов он оббивал уже с чемоданом в руках: старенький портфель не вмещал вороха разных отчетов, ходатайств, только в архивах Главного управления заповедников сейчас хранится более 1000 исписанных им листов.

Организация нового заповедника — дело муторное, тяжелое. Здесь требуется человек высоких организаторских способностей и широкого научного кругозора, умеющий ладить с людьми и не боящийся с ними посориться ради принципов заповедного дела. На это нужен особый, дорогой талант. Его надо поощрять. "Однако не дубинкой", — читаю в дневнике Протопопова горькую фразу.

"Деталь об Александре Петровиче Протопопове. У него был рак желудка, его оперировали и после этого он жил и работал лет, наверное, десять или больше. Был он человек болезненный и эмоциональный. О безобразиях и недостатках по охране природы на Совете ВООП всегда говорил горячо и взволнованно". (Из воспоминаний К.Благосклонова, доцента кафедры зоологии МГУ).

Жадно, упорно работал Александр Петрович, словно чувствовал приближение грозы, боялся не успеть. И таки добился долгожданного дня — 19 июля 1940 г. Мособлисполком вынес решение о создании Московского заповедника на 10 участках площадью до 50 тысяч гектаров. По этим материалам, уже после войны, Совет Народных Комиссаров РСФСР поддержал организацию нового заповедника. Его первым директором был назначен А.П.

Протопопов. А вот в Горьковской области Керженский заповедник создать так и не удалось. И напрасно горьковский профессор И. Пузанов вызывал на помощь Александра Петровича: — “дело замерло и единственный способ его оживить — командировать А.П. Протопопова. Вы в Москве недооцениваете все влияние московского представителя с соответсвующим мандатом. Его обаяние больше, чем всех профессоров и докторов восьми горьковских вузов”. Горьковский облисполком отказал в заповеднике. Много раз собирался Протопопов разобрать свои дневники, выкинуть все, что пора забыть, что забыть хотелось. К счастью, не выкинул, не успел. Осторожнее с дневниками из прошлого. Они так нужны в будущем.

В конце 40-х ученый возобновляет деятельность Крымской комиссии ВООП, а в 1950 г. проводит в Никитском ботсаду Крымское совещание по охране природы, в 1946 г. — добивается принятия Совмином РСФСР первого послевоенного постановления по охране природы.

Лето 1951 года — черное для заповедников страны. В конце августа Сталин подписал постановление о закрытии почти 90 заповедников. Была разрушена с таким трудом созданная заповедная система. В ноябре 1951 Протопопов писал профессору Пузанову:

— “В научных и общественных кругах такое сокращение и территории и количества заповедников рассматривается как катастрофа заповедного дела и полное разрушение географического принципа размещения заповедников по природным зонам. Лично я с этим примериться не могу. Знаете ли, что Географгиз издал два прекрасных тома “Заповедники СССР”, вероятно Вы их купили... Это издание я рассматриваю как памятник литературы над могилой описанных в нем заповедников. Но плакать над этой могилой я не намерен, так как памятник над ней зовет к борьбе”.

Живая мысль, как весенний ручеек, уткнувшись в препятствие в одном месте, пробивает себе дорогу в другом. Идея охраны природы набирает силу на Украине. 15 июля 1953 г. в Киеве открылся 1 съезд Украинского общества охраны природы. На нем присутствовали двое пожилых москвичей. Бывший член Центрального совета ВООП А.Протопопов и бывший ученый секретарь общества Сусанна Фридман.

— “Не всегда будут войны и когда наступит общечеловеческое примирение, эти слова — охрана природы, будут крепко объединять людей”, — запомнил съезд их эмоциональное выступление. Здесь же Александр Петрович услышал о проблеме Карпат.

Что такое Карпаты? Зеленые горы, нарциссы на полонинах, стремительные речки и немного солнца в холодной воде. В 1955 году намечался массовый лесоповал на речке Прут, стучал топор на Говерле. Леса заготавливалось в Карпатах в 3 раза больше, чем позволяли здравые нормы. Газета “Советское Закарпатье”, заразившись всеобщим “лесорубочным синдромом”, призывала разрешить в 1954 году рубку 50 процентов лесосечного фонда будущего года.

Не всегда большинство право, особенно если оно заражено стереотипом мышления. Перевыполнение плана рубок в пятидесятых годах грозило Карпатам остаться без зверья и воды в восьмидесятых. Но голоса разума тонули в шуме аплодисментов лихим и громким лозунгом тогдашнего дня.

“10-го августа с/г я прибыл в г.Ужгород и в первые дни своей работы выяснил единодушное мнение облисполкома и его отделов не только о целесообразности организации государственного заповедника в Карпатах, но и о полной его необходимости. (...

16 августа 1954 г. я совместно с начальником областного лесного управления П.М.Прокопенко, выехал на ГАЗ-66 для осмотра территорий. Мое внимание привлекли

только два — Угольское и Тарасовское лесничество из букового древостоя и вершина горы Говерлы с окружающими ее полонинами. 31 августа я поднялся на вершину Малой Говерлы (1900 м) и, несомненно, был бы на высоте 2058 м. Большой Говерлы, если бы ее не заволокло молоковидным туманом с дождем и снежной крупой при сбивающем с ног ветре. Мы не видели друг друга в 10 шагах и не слышали крика наших голосов, словом, боясь потерять друг друга, не дойдя 1 км до вершины, начали спуск по бывшей польско-чехословатской государственной границе.

К сожалению, современные Карпаты правильнее назвать "лысистыми". С вершины Ближницы видны недопустимые вырубки на очень крутых склонах.

Все это я пишу подробно потому, что современное быстрое облысение Карпат вызывает необходимость ускорить темпы организации заповедника в Карпатских горах. В них темпы лесосводов гораздо быстрее, чем лесоводов".

В сентябре 1955 года Александр Петрович отправился в Карпаты во второй раз. Он вез из Москвы два чемодана, набитых литературой о Карпатах. Остановку сделал в Киеве, где участвовал в заседании комиссии по охране природы АН УССР под руководством члена-корреспондента АН УССР И.Пидопличко. Работы по организации Карпатского заповедника решено было ускорить, чтобы к 31 декабря 1955 года вынести документы на рассмотрение Совета Министров УССР. И поэтому в Станиславскую область отправились вместе с Протопоповым украинские биологи А.Барбарич и И.Сокур.

"В Станиславской области насчитывается: 8 ГЭС, 216 водяных мельниц и 610 рыбных прудов" (Из дневника Протопопова).

В областном центре к экспедиции присоединились местные энтузиасты — главный лесничий областного управления лесного хозяйства П. Трибун и ассистент-ботаник из Ужгородского университета В. Комендар, молодые парни, недавние выпускники закарпатских вузов.

И снова Карпаты. Подъемы и спуски, переправы через быстрые реки. Пешком и верхом.

Внутри экспедиции возникли разногласия. И.Сокур и еще несколько человек предлагали создать заповедник "нового типа", то-есть с различными зонами заповедности, разрешая в некоторых даже пасти скот. На деле это было прямое отступление от принципов заповедности. Протопопов, Трибун отстаивали полную неприкосновенность будущего заповедника. Своим соображением они поделились с секретарем Закарпатского обкома партии Василием Александровичем Повхом.

Тот горячо поддержал мнение Протопопова и его коллег. А в конце беседы добавил: "— Вы, Александр Петрович, больше исходили своими ногами наши Карпаты, чем прочла и них наша молодежь". Протопопову в то время шел 76 год. Когда задание было выполнено и члены экспедиции разъхались, Александр Петрович решил заглянуть в Коломыевский лесхоз, в урочище Княж-Двор. Здесь произрастал патриарх карпатских лесов — тис. Некоторым деревьям бывает по три тысячи лет, они помнят еще римские легионы. Тис охраняли местные лесничие — Иван Антонович Бируля и Владимир Григорьевич Шевчук. При подходе возвышалась яркая арка: "Всесоюзный тиссовый заповедник". Позже Александр Петрович запишет: "Наименование "Всесоюзный", сделанное на Украине по инициативе местных лесничих, было встречено мной с особым приятным чувством. Конечно, до организационной стадии Всесоюзного месштаба этому заповеднику еще далеко, но тот энтузиазм, инициатива, любовь и преданность делу сохранения естественного произрастания тиса действительно должны быть признаны как пример Всесоюзного масштаба".

“В Президиум Академии наук УССР

Республиканским съездом Украинского общества охраны природы и содействия развитию природных богатств, состоявшимся в июле 1953 года, вынесено решение о необходимости организации государственного заповедника в Карпатах.

Комиссией по заповедникам при АН СССР в августе 1954 г. произведено специальное обследование по изучению условий, целесообразности и возможности организации заповедника в Карпатах. Результаты обследования были доложены Президиуму Львовского филиала АН УССР.

Президиум Львовского филиала АН УССР на своем заседании от 10 сентября 1954 года отметил и одобрил проведенную комиссией работу по обследованию Карпат и согласился с предложением члена комиссии А.П.Протопопова о срочной необходимости организации в Карпатах комплексного государственного заповедника в районе Черногоры.

Президиум Львовского филиала АН возбудил ходатайство перед Президиумом АН УССР о создании такого заповедника. Президиум Республиканского совета Украинского общества охраны природы просит вас сообщить о принятом Вами решении по данному вопросу.

Председатель Президиума Республиканского совета Украинского общества охраны природы, действительный член Академии наук УССР П.Погребняк.

В Москву Александр Петрович возвратился 11 сентября. “Дома, — записал он, — застал всех здоровыми и веселыми”.

Последнее лето

Конец пятидесятых годов памятен заметным оживлением природоохранного дела. В прессе яростные выступления в защиту “зеленого друга”, создаются академические природоохранные комиссии, принимаются первые республиканские законы по охране природы.

В 1958 году Александр Петрович участвует в первом Всесоюзном совещании по охране природы в Тбилиси. Там, наверное, он был самым старшим делегатом. И как никогда, пригодились его знания и опыт: — “Конечно, все должно быть сведено к установлению Закона об охране природы. Это совершенно необходимый закон и здесь правильно было сделать предложение о том, чтобы этот закон был подвергнут всенародному обсуждению. Только тогда Закон будет доходчивым, когда он будет всенародно обсужден”.

С февраля 1959 года Александр Петрович возвращается к восстановлению закрытых в 1951 году Московских заповедников. Он подготавливает документацию, достает транспорт, собирает единомышленников. “...встретился с Михаилом Захаровичем Лебедевым, лесником, с которым мы создавали Верхне-Москворецкий заповедник. За чаем предались воспоминаниям, как мы вдвоем основательно поработали, чтобы создать здесь заповедник, как радовались, когда он в 1945 году был все же открыт. Как печалились, когда черная душа А.В. Малиновского его в 1951 году закрыла и наконец, как особенно радостно теперь переживали его восстановление” (из дневника А.П. Протопопова).

На прощание два старых друга сфотографировались. У палисадника. Михаил Захарович — в своей видавшей виды лесниковской форме, волнуется немного, руки за спину спрятал. Александр Петрович — в старомодном плаще, обвешанный планшетами и биноклями. Седая бородка еще более удлиняет худощавое стариковское лицо.

Кончается тетрадь, исписанная синими чернилами. Последний дневник Протопопова. 9 июля 1959 года Александр Петрович вместе со своими помощниками — Б. Аполловым и З. Виноградовым обследовали Приокско-Террасный заповедник. На этом запись обрывается.

5 августа в Вильнюсе начиналось второе Всесоюзное совещание по охране природы. На время отложив Московские заповедники, Протопопов спешит в Прибалтику. Легкое недомогание не останавливает, списывается на возраст. Как жарко в Вильнюсе.

Не столько от погоды. От споров. В трудных муках рождалась природоохранная мысль, так легко в свое время забытая. Это было жаркое и душное лето. Ртутный столбик прыгал за тридцать, и с раскаленных московских крыш стекала на тротуары смола. Протопопов себя не жалел. Для себя у него никогда не хватало времени. Он умер, можно сказать, на посту, внезапно, после утомительной командировки в Вильнюс, в ночь на 15 августа.

Осторожнее с дневниками из недавнего прошлого. Не время предавать их забвению.

"— ...город Дмитровск в Московской области — это откуда корни Суворова. В городе есть краеведческий музей. Под портретом Суворова слова его: "Потомство мое, прошу брать мой пример: до издыхания быть верным отечеству, избегать роскоши, корыстолюбия и искать славы через истину и добродетель, которые суть моим символом".

Замечательное завещание! Наш шофер Леша тоже записал его для памяти" (Из дневника Протопопова).

"Блаженны изгнанные за правду"

Что бы ни сделали со школой большевики, все-таки кому-то придется восстанавливать школу. Поэтому нужно всеми силами задерживать процесс ее разрушения везде, где можно, удерживать фактическое влияние на школу и, скрепя сердцем, сжав зубы, даже и во вражеском стане служить своему заветному идеалу свободной школы в свободной стране. (Известия Всероссийского учительского съезда,

№5, 1 мая 1918 г).

Вряд ли кому ныне известно имя Бориса Евгеньевича Райкова (1880-1966), популярного в двадцатых годах талантливого ленинградского педагога-методиста, ученого-биолога. Нет, он не виделся лидером, далеко оторвавшимся от большинства, а ценром, вокруг которого в 20-х годах объединялось прогрессивное учительство, служившее идее классический школы и нравственного воспитания.

В 1923 году он провел первую Всеросийскую конференцию естественников, основал Ленинградскую педагогическую станцию. Встав во главе журналов "Живая природа" и "Естествознание в школе", поднял их на необычайно высокий уровень.

Райков — характерный тип русского интеллигента, не убоявшегося думать самостоятельно, за что и пострадал. Дважды — при царском режиме. Дважды — при советском.

Жизнь Райкова неотделима от преподавания школьной биологии. Его падение — одновременно и разгром целой науки, забвение всего лучшего, что было наработано русскими педагогами-естественниками.

Пусть эта история послужит уроком на будущее, хотя, что мы за страна такая, где только плохое служит нам хорошим уроком?

Против Крупской и ее питомцев

Желание разрушить старый мир до основанья проявлялось во всем. И в руководстве школами тоже. Прежние учебные планы выбросили на свалку истории, и вместо них кучка московских педагогов-прожектеров и чиновников Государственного Ученого Совета (ГУС'а) Наркомпроса, пригретых Н.К.Крупской, слепила новую школьную программу "исключительно на принципах марксизма". Они "отменили" математику, физику, историю, сделали из них крошево и соорудили пирамиду, основанием которой явилась "природа", серединой — "труд человека" и верхушкой — "общество". А остатки естествознания, в плане всеобщей "политехнизации" школы, заменили агрономизацией, "производственным" подходом. Зачем, мол, детям головы ботаникой да зоологией забивать, пусть сразу учатся урожаи выращивать.

Говорят, Луначарский пришел в восторг от элегантности конструкции "пирамиды" и отозвался о новых программах ГУС'а как "дать школе становой хребет марксизма".

И сразу началось их внедрение. Без какой-либо проверки практикой или предварительного обсуждения. Впрочем, чему удивляться. Торопливость и размашистость так характерны для всех лет советской власти. И в вопросах образования это нанесло немало вреда.

Естественно, многие педагоги восстали против очередного "творчества" Наркомпроса.

Райков вспоминал: "Дожив до 45 лет и издержав полжизни на борьбу за натуралистическое просвещение, я не мог оставаться равнодушным к тому, что делалось во второй половине 20-х годов на педагогическом фронте... Не только мои личные чувства, но и мой гражданский долг обязывали меня выступить против того, что творилось в Москве под видом обновления школы. И я выступил".

Борис Евгеньевич тогда считался очень авторитетным ученым, к его мнению прислушивались педагоги всей страны. Райков возглавлял Всесоюзное Общество распространения естественно-исторического образования (ОРЕО), проводил педагогические конференции, являлся автором многочисленных книг и учебников по методике биологического образования, слыл прекрасным оратором, острым полемистом, сильным организатором. Он и возглавил сопротивление Наркомпросу.

"Раз человек идет по избранному пути,то надо идти до конца, побеждает тот, у кого более крепкие нервы. И это великая истина", — говорил ученый.

Борис Евгеньевич, будучи необыкновенно острым на язык, сочинил немало памфлетов и едких стишков, высмеивавших нововведения питомцев Крупской. Например, "Прощальная делегатская", поддевавшая учителей, трусливо вставших под знамена разрушителей классической школы. Или "Катехезис веры комплексныя, всякому шкрабу во все времена потребный во спасение души и оставлению на службе" — пародия на программы ГУС'а. В списках расходилось и стихотворение Райкова "Производственный подход" или "обязательное наставление юному натуралисту".

Посмотрев весной на стадо,
Заостри поглубже взгляд,
Это — малая говяда,
Это — ряд больших говяд.

Вот молочные машины
День и ночь они в ходу.
Свиньи, хрюкая невинно,
Обещают нам еду.
Крот, мечтая о Госторге,
Погружает в землю нос,
Белки прыгают в восторге
Что на мех хороший спрос.
И, плодятся все обильней,
Щуки, карпы и лини
Ждут, когда с рыбокоптильней
Познакомятся они.
Так ненужность презирая,
Ты старайся угадать
Где и что природа края
Государству хочет дать.

— “У ГУС’а в основе политическая теория, а не биологическая”, — выступал Райков на одном из педагогических совещаний. Не ради школы, ради государства, школы в жертву государству. Обычная соблазнительная политика поработить школу. Нам говорят — школа не может быть без политики... неправда. У школы идеалы более высокие и широкие”.

Познее, все эти письма и стихи будут конфискованы и составят целый “том” № 2 в обвинительном “деле” Райкова.

Позицию Райкова поддержал ленинградский наробраз, руководимый женой Зиновьева — Лилиной, а также известные педагоги К.П. Ягодовский, С.В. Герд, С.Д. Лавров.

В “Живой природе”, “Естествознании в школе” все чаще стали появляться заметки, критиковавшие наркомпросовские нововведения.

Борис Евгеньевич так объяснял свою позицию:

“...мы глубоко верим в образовательную и воспитательную силу знания, в частности, естественных наук. Мы никак не можем встать на такую узкую точку зрения, что изучение природы в школе имеет основной целью лишь использование ее богатств для нужд человека. Изучение природы в школе нужно прежде всего для формирования личности человека, и поэтому оно имеет огромную педагогическую ценность.

...Но уже не смешно, а прямо преступно для педагога, занявшись вплотную учетом носкости кур и удойности коров, упустить из виду, что естествознание — это прежде всего культура ума, а не одно лишь средство к благоденственному житию”.

Однако неверным было считать, что “райковцы”, как окрестили однодумцев Райкова чиновники от педагогики, выступили только против школьных программ. Они критиковали желание комсомола и Наркомпроса “руководить” движением юных натуралистов, боролись с монополизацией преподавания, словом, с целой системой трудовой школы, которую позже академик Дмитрий Сергеевич Лихачев назовет “глубочайшей ошибкой”.

Еще один камень преткновения. Ленинградцы настаивали на введении природоохраны в практику школы, предлагали создать во всех отделах Наробраза бюро по охране природы. Важным они считали и сам принцип — “зачем охранять природу” — не ради ее “службы

социалистическому хозяйству”, а прежде всего потому, что она прекрасна. На что их оппоненты отвечали:

“Так же не можем мы согласиться с тем положением, что в работе кружков “особо ценными” могут быть вопросы, связанные с охраной “природы вообще”. Нам нужна охрана природы не вообще, а в связи с задачами улучшения нашего социалистического хозяйства, в связи с использованием природных богатств на строительство социализма. Мы не хотим и не будем охранять в природе то, что вредит строительству нашего хозяйства. Мы не можем выпячивать на первый план и считать “особо ценными” те вопросы, которые не отвечают основным задачам нашего социалистического строительства, а, следовательно, и нашей юннатской работы.

Поэтому мы считаем Вашу формулировку об изучении и охране “природы вообще” неверной, идущей в разрез с основными положениями, выдвигаемыми ЦБЮН, а потому и крайне вредной для развития юннатской работы в данный момент”.

Беда советской школы была в том, что ею пришли руководить люди, далекие от понимания педагогики — Луначарский и его замы: Крупская и Покровский.

Здесь, на мой взгляд, весьма уместным привести характеристики, данные им Борисом Евгеньевичем. Прелюбопытные характеристики.

— “Луначарский, которого я знал лично, был официальным руководителем Наркомпроса и носил звание наркома просвещения. Это был типичный интеллигент прогрессивного толка, восприимчивый, неустойчивый, немного позер, с большим зарядом идейного фантазерства. Он был очень разносторонний человек, многим интересовался, но школы он не знал и от практической работы педагога был далек...

Сделавшись наркомом, Луначарский стал уделять свое время не столько школе, сколько вопросам искусства и литературы, которые были ему очень близки. Он был типичным литератором и журналистом, автором целого ряда театральных пьес, которые частью написаны в эмиграции, а частью в России после революции...

Сделаны они неплохо, но не возвышаются над уровнем посредственности...

Другим руководителем Наркомпроса была в это время жена Ленина Надежда Константиновна Крупская.

Сестра моей матери Софья Евгеньевна часто встречалась с ней в молодости, работала в одном и том же пропагандистском кружке и рассказывала о ней, как об очень скромной и деловой особе “без речей”.

...Лично я с ней не сталкивался, но много слышал о ней от людей, близко с ней работавших. Она была очень искренней, честной, отзывчивой женщиной, до самозабвения преданной общественной работе, отказавшейся от личной жизни, подвижницей своего рода. Детей у ней не было, настоящей семейной жизни она не знала, вечно кочевала со своим неукротимым мужем по различным эмигрантским захолустьям, питалась и одевалась кое-как: все для дела! все для дела!

Такие характеры знает наша церковная история, и, живи она триста лет назад, она, может быть, попала бы в святцы.

Но фактические события русской революции неожиданно выдвинули ее на самостоятельный и притом ответственный пост организатора и руководителя новой советской школы. А она на таких ролях никогда не выступала, всю жизнь привыкла работать “под руководством”, потому что с Лениным иначе нельзя. В биографиях Крупской пишут, что она, живя за границей, много занималась вопросами народного просвещения, изучала различные школьные системы и т.д. Думается, что это выдумано. Некогда ей было заниматься этим при ее неустанной работе по редакционной партийной корреспонденции, связанной с деятельностью мужа, да и цели для этого у нее не было. И ее, как и Луначарского, вопросы народного образования, школьного строительства захватили врасплох, неподготовленной.

...Надежда Константиновна была очень проста и доверчива и способна увлекаться людьми. Очень показательна в этом отношении история с тем же Шульгиным. Это был провинциал, который приехал в Москву из Рязани, где подвизался на партийной работе. Крупская заинтересовалась его бурными высказываниями на одной педагогической конференции, посадила его в свою машину и привезла его у Ленину как “интересного человека”. Этим она широко открыла дорогу этому красноречивому сумасброду, который потом много наделал вреда в качестве одного из важнейших членов ГУС’а.

...Бедная Надежда Константиновна, которой все казалось “очень интересным”, и которая на путях к новой школе отыскивала “самое лучшее”, не успевала разобраться в этой суете.

Собственный опыт у нее был очень невелик: в молодости, лет 35 тому назад, она работала в течение нескольких лет в вечерней рабочей школе для взрослых. Затем находилась в эмиграции, она никогда не преподавала, а после октябрьской революции сразу оказалась на командном посту. В это время ей было уже около 60 лет, она была стара, да к тому же больна базедовой болезнью в серьезной форме, с явлениями пучеглазия.

Ее сотрудники, которые с успехом морочили ей голову, не очень-то почтительно относились к ней за глаза. Например, называли ее “непутяха” (сам слышал), а о совместных с ней заседаниях эти прохвосты выражались следующим образом: “Завтра пойдем мощи подымать”. Мне было от души жаль эту старую интеллигентку, попавшую в атмосферу лицемерного угодничества...

...а третий член Наркомпроса — М.Н. Покровский был бесполезен. Это был мрачный и упрямый старик, типичный догматик. Он понимал теорию исторического материализма так топорно и узко, что советским историкам пришлось потом много повозиться, чтобы очистить русскую науку от его схоластических концепций (...).

— Непосредственно же школьные дела вершили в Наркомпросе фигуры помельче — зам. наркома просвещения Моисей Соломонович Эпштейн и начальник Главсоцвоса Моисей Михайлович Пистрак и ...случайные люди, которые раньше никакого отношения к школе не имели. Они неукоснительно проводили на практике постановление ГУС’а, совершенно не считаясь с тем, что из этого получится. А получилось разложение школы и катастрофическое падение уровня простой грамотности на добрый десяток лет.

Всего этого можно было бы избежать, если бы наш голос, который так громко и смело прозвучал в 1923 году в Петрограде, был бы услышан наверху. На беду, этого не случилось, причем изрядная роль вины за это падает на некоторых педагогов-естественников, которые прекрасно понимали, в чем дело, но из-за подлого карьеризма поддакивали педагогическим фантазерам — и мало того, — чернили и порочили тех, кто в это печальное время пытался сказать слово правды”.

Дабы убедиться во вредности гусовских программ, незачем листать школьные тетради. Стоило только взглянуть на лозунги, висевшие в классах: “Ленин — вощдь революции”, “Долой бизграмотность”, “Да здравствует освобожденный Матмлад!”. Причем, что такое “Матмлад”, не знал даже директор школы — такой текст спустили из облнаробраза.

В другой школе учителя, в рамках новых программ, упражняли ребят вопросом: “Советская власть существует 8 лет, а сколько минут?”.

Сам Райков, в составе комиссии, однажды принимал экзамен по естествознанию. У ученика спросили:

— Назови какого-нибудь паразита.

— Волк.

— Подумай, что говоришь?

— Тигр.

— Вспомни, что такое паразитизм. Кто же паразит?

— Буржуй.

Сопротивление нововведениям Наркомпроса все возрастало. Даже неопытным учителям становилось ясно, что дальше так работать нельзя. В Ростове-на-Дону педагоги попросту освистали приехавших наркомпросовских ревизоров. А школы Ленинграда и некоторых других городов вообще игнорировали новые программы.

Педагог из Полтавы Борис Павлович Любимов писал Райкову: —

“От своей учебной работы отстал окончательно. Так надоело “втирание очков” в общесоюзном масштабе, что тошно стало быть учителем... С месяц тому назад у нас появилось новое наробразовское начальство — бывшая папиросница из г. Лохвицы... Твердо решил... эмигрировать из России, или в Южную Африку, или в Америку, а служить на потеху чулочницам, папиросницам и бывшим, простите за выражение... — я не желаю и коверкать детей и их мозги тоже жалко. Теперешнее книгоиздательство любит умственный онанизм...В здешних книжных магазинах ничего хорошего не найдешь. Все полки заполнены чисто советской литературой... Жалея детей, приходится полутайком проходить систематический курс... С будущего учебного года на всю Полтавскую губернию будет оставлена одна русская школа. Вот как умно проходит у нас украинизация. Столыпин в гробу должно быть переворачивается от злости и зависти. Комплексы здесь с уклонами свирепствуют во всю (похуже сонной болезни и тропической лихорадки). Можете себе представить преподавателя-натуралиста, который соловьем заливается о... производстве бочек, строительстве местного коммунхоза и т.д. и т.п. И мы поем и заливаемся. Детей, конечно, жаль, выпускать приходится отупелых до нельзя, пустоголовых, верхоглядов. Нас — учителей некоторые родители называют (по знакомству, конечно, и в лицо) — проститутками”.

Перед незадачливыми авторами новых програм ГУС’а вставала дилемма: отказаться от программ, признав свою ошибку, или разгромить оппонентов, списав на них все неудачи в школьном деле и силой закончить перевод школ на новые рельсы.

Защищать свою педагогическую позицию ни на практике, ни в теории им не удавалось. И желая сохранить свое положение, они ступили на путь политических доносов.

Вначале недомолвками, намеками, затем брали круче.

— "Ленинградское методическое течение представляет мещански настроенную интеллигенцию и нэпманскую аристократию", "Это нездоровое направление, заводящее массовика в зарубежные тупики" — пугал руководитель Московской (Сокольнической) биостанции Б.В.Всесвятский, один из основных "изобретателей" "гусовских" программ.

Однако опорочить "райковцев" було не так-то просто. И тогда наркомпросовские деятели решились на шантаж. В начале марта 1928 года, после очередного педагогического совещания, Пистрак и Эпштейн пригласили Ракова на "закрытую встречу".

Разговор оказался коротким, не больше 20 минут. Борису Евгеньевичу предложили прекратить критику программ ГУС'а, оставить пост председателя ОРЕО, закрыть журналы "Живая природа" и Естествознание в школе" и опубликовать раскаяние.

— "А если Вы того не сделаете", — добавил Пистрак, — "то мы объявим против Вас поход в печати со всеми последствиями".

Чтобы спасти самое главное — возможность высказывать свое мнение, Борис Евгеньевич принял "соломоново решение": перестал критиковать, ушел из руководства ОРЕО, но не раскаялся и не закрыл журналы.

Всячески старался Райков поддержать письмами своих однодумцев на периферии. В Харькове, учителю Родионову: "Надо стараться сохранить атмосферу свободного высказывания, а не развития взглядов начальства". В Тверское отделение ОРЕО — "Получили мы здесь Ваше грустное сообщение. Порядком вструхнули тверские естественники. Так можно поступать лишь в состоянии паники. Мы никого ни в чем винить не можем, но думаем, самим членам Президиума хлопотать о закрытии Отделения — ошибка. Достойно было бы, если бы его закрыли со стороны. Мое мнение, что аппарат во всяком случае надо было сохранить, хотя бы в составе анабиоза".

Борьба за школьное естествознание приняла скрытый, но еще более острый характер.

Решающая схватка

Уже позже, когда лидер учительской оппозиции был повержен, и кому не лень, обвиняли его во всех смертных грехах, то прежде всего бывшему активисту партии эсеров вменялось "сопротивление советской власти". По сути они были правы: Борис Евгеньевич организовал мощное сопротивление многих учителей всему тому невежественному и глупому, что валило за советской властью, за партийными догмами в народную школу. Если бы враги Райкова, а позже и костоломы из ГПУ оказались более зоркими, они обнаружили бы и сопротивление политике партии в области преподавания, и прямое сопротивление такому влиятельному лицу как жене Ленина, заместителю Наркомпроса Н.К. Крупской. Именно она должна нести, как непрофессионал (кухарки могут править государством), возглавивший Наркомпрос, всю ответственность за развал школы в 20-х годах. Человек пожилого возраста, больной, а главное — неспециалист не должен был занимать столь ответственный пост. Б.Е. Райков не боялся, выступив против Крупской.

— "Педагогическое дело — одно из тех, за которое берется всякий. Ужасающей педагогической безграмотностью можно объяснить, как безоглядно осуществляют в школе

планы, которым от души порадовались бы давно сброшенные с исторической сцены политические мертвецы. Человеку, необученому шоферскому делу, нельзя дать в руки автомобиль, но сесть у руля российского автомобиля, именуемого всероссийской школой, о, для этого годится всякий”, — с горечью писал Б.Е. Райков коллегам.

Обсуждая с сыном профессора Райкова — Игорем Борисовичем нелегкую судьбу его отца, мы пришли к выводу, что это даже хорошо, что его по доносу взяли рано — в 1930 году. За подобную деятельность ученого все равно бы арестовали. Но в 1937 г. бы конечно дали расстрел.

Хотя в общем-то, как человек аполитичный, к самой советской власти Райков относился сдержанно, и не думал с ней бороться впрямую: “Я не пошел в партию большевиков, как называлась тогда коммунистическая партия, потому, что не чувствовал никакого расположения к политике и к тому же не одобрял некоторых мероприятий советской власти, например, разгона Учредительного собрания. Но мне и в голову не приходило заниматься саботажем в какой-бы то ни было форме. Напротив, я считал, что могу идти в ногу с новой властью в области моей научно-педагогической работы и могу рассчитывать на ее поддержку”.

В конце января 1929 года в Москве собирается очередная Всероссийская конференция преподавателей-естественников. Официальная задача — обсудить строительство новой школы, проблемы преподавания естествознания.

Ленинградцы, втайне надеясь на торжество разума, пытались доказать свое право на истину руководству Наркомпроса. Однако вышло по-иному.

После доклада Луначарского, коснувшегося общих вопросов, на трибуну ринулась рать заранее подготовленных обличителей “ленинградского направления”. Особенно свирепствовал Всесвятский. Он страдал какой-то особенной патологической ненавистью к Райкову, что, впрочем, объяснялось довольно просто. Как и все люди низкой душонки, он не мог терпеть людей высокого полета.

Сторонникам Райкова на время удается переломить ход конференции. Они распространяют декларацию со всей платформой, Борис Евгеньевич выступает с блистательным докладом.

Но их противники бросают в ход “тяжелую артиллерию” — на этот раз сам Луначарский подвергает критике позицию ленинградцев. Правда, в отличие от тирад Всесвятского, выступление наркома не пахло 58 статьей. Тем не менее, спорить с ним уже никто не решался. Защищал Райкова открыто, не убоявшись последствий, всего один участник конференции. История запомнила его фамилию — Жигульский. Но один, как известно, в поле не воин.

Конференция практически единогласно заклеймила платформу ленинградцев как “контрреволюционную”.

А вот на обсуждение острейших вопросов школьного преподавания времени не хватило.

...Оргвыводы не заставили себя ждать. Все было давно расписано “по нотам”, ждали лишь взмаха дирижерской палочки. Цензура моментально прикрыла “Живую природу” и “Естествознание в школе”, в типографии рассыпали уже подготовленную у набору книгу Райкова “Пути и методы натуралистического просвещения” о 20 печатных листах. Ленинградский наробраз заставляет Бориса Евгеньевича оставить Ленинградскую педстанцию, распускает ОРЕО. Фамилия Райкова становится притчей во всех

педагогических языцах. Познал Борис Евгеньевич и “поход в печати со всеми последствиями”. “Учительская газета”, “Ленинградская правда”, “Красная газета”, “За коммунистическое воспитание”, “Естествознание в советской школе”, “На фронте коммунистического просвещения”, “Коммунистическая революция” и “Турист-активист” обрушили шквал карающего огня и били не один год.

Одни заголовки чего стоят: “На борьбу с вредительством в советской школе”, “Вредительское звено в подготовке кадров”, “Райковщина” и политехнизация школы”, “Райковщина” как реакционное направление в школьном естествознании”.

Кто-то заметил, что серость — это не отсутствие цвета, а поглощение его. И воспитуема так же, как талант. Диктатура пролетариата к началу 30-х годов вырастила нимало исключительно серых и очень агрессивных личностей.

В этом списке “боевиков” особое место занял небезизвестный Исай Израилевич Презент. Правая рука народного академика — “мичуринца” Лысенко, тоже будущий советский академик.

Многие годы эти два академика широко известны прежде всего как гробовщики отечественной генетики. Но мало кто знает, что Вавилов с учениками пал их отнюдь не первой жертвой. До этого будущие любимцы Сталина успешно “потренировались” на экологах, разгромив заповедник Аскания-Нова, тогдашний бастион науки экологии. Но и эколог Владимир Владимирович Станчинский оказался не первым...

Конечно, молодому и малоизвестному Презенту навряд ли было под силу одному завалить какую-нибудь крупную на научном небосклоне фигуру.

Поэтому он избрал тактику шакала, добивающего только тяжело раненых. Презент выбрал поверженного Райкова: активно подключается к травле, строчит разоблачительные статьи, доклады. Весной 1931 года в Ленинграде собирается городская конференция педагогов-естественников. Гвоздь номера — выступление председателя Общества биологов-марксистов И.И. Презента — “Классовая борьба на естественно-научном фронте”. Презент куснул многих: и В.И. Вернадского, и В.Н. Любименко, и Ю.А. Филипченко. Но тридцать страниц посвятил своей главной жертве:

“— Нужно вам сказать, что под руководством проф. Райкова, методиста-естественника, в Ленинграде была создана целая организация, ставившая своей целью никоим образом не допустить в наши школы проводимую нашей партией политехнизацию школы (...). Борьба райковцев не была теоретической борьбой против методики, это была борьба против проведения диктатуры пролетариата в определенной области преподавания, на участке методики естествознания (...).

Против энтузиазма строительства, против пафоса реконструкции райковцы выставляли пафос “любви к природе” в ее чистом, незапятнанном хозяйственным вторжением виде, заявляя, что “задача школы — развить в ученике любовное отношение к природе во всех ее проявлениях, пробудить его, например, участвовать в лесонасаждении из любви “к свежему аромату лесной стихии”, а отнюдь не из каких-либо побуджений “общественно-полезной работы” (...). И в качестве “борцов”, защитников девственной природы от “безжалостного” вторжения хозяйственной практики, райковцы предлагают выдвинуть школьников, у которых “должен появиться повышенный интерес к изучению разнообразнейших явлений природы, окрепнет сознание необходимости сохранить осколки девственной природы, которой... предки наши обязаны своим существованием...”

(...) “Совершенно понятно, как пролетариат должен был на это реагировать. Он должен был каленым железом выжечь эту контр-революцию, которая была открыта в области методики естествознания”.

Подобный бред Презент протащил и в другой воинствующий педагогический журнальчик — “На фронте коммунистического просвещения”. Любопытно, что в книге “Классовая борьба на естественно-научном фронте” Презент цитировал письма учителей к Райкову, которые в качестве “вещдоков” были в “деле” Райкова. Что говорит о тогдашнем сотрудничестве подручного Лысенко с ОГПУ.

Но все это было после. А пока в феврале-марте 1930 Ленинградское ГПУ стало заниматься Райковым. Материалы следственного дела, просмотренные мной в “Большом доме” на Литейном в С-Петербурге позволяют нарисовать более-менее точную картину ареста ученого. Вначале о причине ареста. Сам Райков позже так писал в своих воспоминаниях:

— “Я и мои сотрудники были арестованы, главным образом, по доносам Всесвятского в Москве и Бенкена в Ленинграде. Сюда надо присоединить студентов Института им. Герцена — Виталия Токарева и Петра Беликова, которые играли вторую роль, так как были инструктированы первыми. Кроме того, надо было согласие на арест со стороны Наркопроса, которое, очевидно, и было получено через замнаркома Моисея Эпштейна, так как никаких следов участия в этом деле А.В. Луначарского не обнаружилось (в 1930 г. А.В. Луначарский уже не был наркомом просвещения — В.Б.).

Из слов, которые я непосредственно слышал от следователя, ясно, что “дело” было заведено ГПУ в Ленинграде, а затем уже они обратились в Наркомпрос, испрашивая разрешения на мой арест и такое разрешение получили. Следовательно, инициатива исходила не от Наркомпроса, а от патриотов — добровольцев, причем имена этих добровольцев оберегались и не оглашались. Они уйдут от суда людского, как ушел уже Бенкен, погибший от пьянства, но не уйдут от суда потомства”.

Материалы следствия говорят немного об ином. По-видимому, доносчиками являлись студенты Райкова В. Токарев, П. Беликов, Д. Болотов и В. Молоденский, которых Борис Евгеневич за низкую успеваемость оставил на второй год.

Они же, начитавшись “антирайковских” статей Всесвятского и побывав у него в Москве на консультации, открыли с января 1930 г. в Герценовском пединституте настоящую травлю Райкова. 15 февраля и 24 марта ученый дважды обращался к директору института с просьбой назначить комиссию и оградить его от клеветы. Дело же в Ленинградском ГПУ на Райкова начато 27 марта. То-есть студенты, чувствуя, что им самим не одолеть “буржуазного профессора”, подстраховались помощью чекистов. То, что донос пошел из Герценовского пединститута, подтверждает не только подхваченная следователями версия “вредительства нововведениям Наркомпроса”, но и арест чекистами в марте-апреле работников с институтской кафедры Райкова. Лишь позже, арестовав самого Бориса Евгеньевича, и найдя у него во время обыска “компроментирующие” письма с мест, были арестованы педагоги и из других городов. Если бы донос написал Всесвятский или кто иной, сразу схватили бы и других видных в ОРЕО фигур из Москвы и Ленинграда, а не малозаметных ассистентов Райкова по пединституту. Хотя по иной версии — Райков попал в “круг” разрабатываемого в это же время “дела Академии наук”.

Аресты по группе Райкова продолжались с марта по август 1930 года. Кроме Райкова по делу проходили: — его жена, Райкова Антонина Николаевна, преподаватель Владимирского пединститута Надежда Ивановна Виноградова-Ширяева, преподаватель Тверского пединститута Леонид Николаевич Никонов, учитель из Полтавы Борис Павлович Любимов и

ленинградские педагоги Николай Семенович Берсенев, Мария Александровна Сосипатрова, Евгения Рувимовна Выгодская, Николай Дмитреевич Владимирский, Ольга Афанасьева Баратова-Леонтьевна, Георгий Владимирович Артоболевский. Всего 11 человек. Кроме этого, материалы на арестованных в начале по делу "Райкова" деятелей ленинградских краеведческих обществ — Даниила Осиповича Святского, Владимира Алексеевича Казицина, Георгия Эдуардовича Петри, Николая Николаевича Павлова-Сильванского, Александра Матвеевича Хардикайнена, Юлию Федоровну Тихомирову были выделены в самостоятельное дело "краеведов". Они проходили также по "делу Академии наук". Возможно, позже были арестованы и другие педагоги, связанные с Б.Е.Райковым.

Допрашивали Райкова и его соратников следователи Шондыш и Недзельский. Они то и сфабриковали ловко "всесоюзную контрреволюционную организацию" под руководством Райкова, имевшую ячейки в 32 городах СССР.

Сам Борис Евгеньевич был обвинен в том, что "враждебно относясь к Советской власти, был главным инициатором и идеологом контрреволюционной организации и руководил организацией в направлении борьбы с социалистическим строительством, путем задержки реконструкции школы, саботирования школьной политики Советской власти и срыва программы ГУСа, занимая ряд должностей в научно-методических учреждениях г. Ленинграда — использовал таковые в контрреволюционных целях своей группы, использовал общество распространения естественно-исторического образования и его филиалы в провинции для распространения своей антисоветской деятельности и саботирования школьной политики Наркомпроса по многим городам СССР. Сконцентрировал вокруг себя антисоветски настроенных педагогов, которые проводили контрреволюционную работу в школах, по заданиям и указаниям организации руководил контрреволюционной деятельностью организации в направлении подготовки организоваться во всесоюзном масштабе — т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст.58-11 и 58-14 УК".

...Да, такие кровопускания даром не проходят. Удар был нанесен не просто по Райкову и его окружению. В застенки ГПУ попали десятки лучших педагогов. Сотням, тысячам страхом закрыли рот. Это был действительно разгром, но не просто ленинградского течения, а целой науки.

Борис Евгеньевич угодил в руки к следователю Шондышу. Это о таких говорят — "молодой да ранний". С первых минут общения с этим подонком профессор понял, что ГПУ отнюдь не "оплот высшей морали и государственной справедливости", как это разрисовывалось в газетах.

Ученый держался твердо: не оговорил ни себя, ни соратников, не "сознался" в "монархических разговорах на квартирах академиков Ольденбурга и Ферсмана", ни в связи с "заграничным центром".

А на все претензии и жалобы следовал невозмутимый ответ Шондыша: "ГПУ сажает не для того, чтобы оправдывать, а для того, чтобы обвинять".

— "Шондыш держал меня с мая 1930 года по январь 1931 года в строгой одиночке, лишив прогулок и передач. В течении нескольких месяцев я бывал даже без смены белья. Под конец я совсем отощал и у меня открылась куриная слепота. Я жаловался тюремному врачу, но он ничего не сделал. На мои упреки Шондыш говорил: "Вы плохо себя ведете, не признаетесь, а признаетесь — все получите". При допросе применялась система застрашивания. Шондыш грозил арестовать мою жену (она и так проходила по делу — В.Б.), хотя она никакого отношения к моим общественным и служебным делам не имела. Во время допросов следователь сам писал протоколы, занося туда то, чего я вовсе не говорил. Был случай, что

он целую ночь продержал меня в холодном коридоре, требуя подписания такого протокола. Но к счастью, я выдержал характер и не подписал ни одной из этих фальшивок. Этим объясняется, что будучи допрошен 23 раза, иногда по 2 раза в день, я подписал только три протокола, более или менее правдивых: от 7 июня — со своей автобиографией, от 11 июня — с дополнениями к автобиографии, и еще один (не помню числа) — о своей педагогической работе... К сожалению, некоторые мои ассистенты оказались слабее меня и подписали, что от них требовалось. Например, один из них, Берсенев, получивший три года высылки на Дальний Восток, при встрече со мной впоследствии на тюремном дворе, со слезами просил у меня прощения за то, что оклеветал меня на допросах. Это был слабый, болезненный человек, боявшийся одиночки. Когда я его спросил, что же он собственно подписал, оказалось, что он даже точно не помнит. Из рассказов других видно, что Шондыш ловко оперировал с понятием "общества":

— "У вас было общество естественников?

— Было", — отвечал допрашиваемый, подразумевая ОРЕО.

— "Вы критиковали там программы Наркомпроса?

— Критиковали.

— Вы признаете, что Наркомпрос орган Советской власти?

— Признаю.

— Вот видите, значит вы занимались критикой советской власти.

Подпишите: — "Я принимал участие в антисоветской группе, возглавляемой Райковым, с целью задержать политехнизацию школы и т.д.". И подписывали не понимая, что делают" (Из письма Б.Е. Райкова Молотову).

Так свои подписи поставили все, кроме Райкова и его жены. Эти двое не сломались.

Остались без ответа и письма к Луначарскому, и ходатайства к "совести партии" Сольцу. Дочь Райкова добилась приема у Крыленко, но тот чуть было не выгнал ее из кабинета.

Следствие тянулось 9 месяцев. В итоге 18 февраля 1931 г. профессор Райков, за критику учебных программ Наркомпроса, получил столько же, сколько в те годы давали за преднамеренное убийство — 10 лет (хотя вначале предполагался срок в 5 лет — начальство увеличило). Его однодумцы — от трех до пяти. А следователь Шондыш в награду за успешное "дело" занял профессорскую квартиру Райковых.

Срок Борис Евгеньевич отбывал в лагере ОГПУ в Коми и Медвежьей Горе. За хорошую работу его досрочно освобождают в марте 1934 года. Судьба улыбнулась — вместо 10 лет — всего 3 года и 9 месяцев. На родину не пускали, поселился в глухом городишке со звериным названием Медвежьегорск. Там и узнал, что злосчастные программы ГУС'а, из-за которых столько натерпелся, лопнули как мыльный пузырь. Их отменили еще 5 сентября 1931 г., постановлением ЦК ВКП(б). А М.С. Эпштейн, М.М. Пистрак, директор института методов школьной работы В.Н. Шульгин, зам. начальника Главнауки А.П. Пинкевич поплатились постами. А некоторые из них были также репрессированы.

Борис Евгеньевич, еще по работе в ОРЕО, хорошо был знаком с ботаником В.Л. Комаровым. В конце 30-х годов Владимир Леонтьевич стал солидной фигурой — возглавил союзную

Академию Наук, был избран депутатом Верховного Совета СССР. Он предложил Райкову написать ходатайство на имя Молотова и лично 27 декабря 1938 г. переслал прошение, высказав свою убежденность в невиновности профессора.

Молотов дал указание разобраться. 13 августа 1940 года судимость, со всеми ограничениями, была снята с опального профессора. Но реабилитирован он был лишь 30 января 1990 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР "О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов". Как и все его "однодельцы".

Последняя попытка

В 1944 году Борис Евгеньевич вернулся в Ленинград. Неожиданно его пригласили в Москву, в Министерство просвещения РСФСР и предложили принять активное участие в восстановлении средней школы. Борис Евгеньевич, не задумываясь, согласился.

В момент устроились все самые сложные вопросы. Райкова восстановили в Ленинградском пединституте им. Герцена, он вновь возглавил журнал "Естествознание в школе", начал работать в Ленинградском филиале Академии педнаук, стал доктором педнаук, действительным членом Академии педнаук.

Казалось, все самое страшное позади. Навсегда. Теперь никто и ничто не оторвет от любимого дела.

Так случается иногда в непогоду: разойдутся тучи, выглянет на часок-другой солнце, а потом вновь зарядит дождь. Система, великолепно настроенная на вышибание неординарных личностей, продолжала действовать отлаженно. Так случилось при царе, когда уличенного в революционном движении студента Райкова вышвырнули из Петербургского университета, дважды арестовали. Ничего не изменилось и спустя 30, 40 лет, при совсем другой власти. Вечный спор Моцарта и Сальери по-прежнему решался в пользу последнего.

Друзья предупреждали Райкова: старые враги не простят ему нового возвышения. Они только затаились и будут ждать удобного случая. Хотя доносы уже шли.

В Центральный Комитет ВКП(б)

"Основной причиной плохой работы указанного отделения (отделения методики преподавания школьного естествознания Академии педнаук — В.Б.) является крайне недоброкачественный состав его руководящих работников. Так в состав отделения входит бывший профессор Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена — Б.В. Райков, получивший печальную известность в нашей стране, как активный проводник правого оппортунизма в школьное естествознание (...). Мне думается, что отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) примет должные меры для того, чтобы укрепить состав отделения методики естествознания АПН учеными-коммунистами..." (из личного архивного фонда Б.В. Всесвятского). Я уверен, что донос от старшего преподавателя Казанского пединститута В. Федоровой не являлся единственным и был подготовлен Всесвятским.

Разразилась августовская 1948 года сесия ВАСХНИЛ. Избиение, которое началось в биологической науке, представляло прекрасный предлог для того, чтобы нанести Райкову такой удар, после которого он бы уже не поднялся. Борис Евгеньевич никогда не занимался генетикой, но чья-то подлая рука поспешила вписать его в "черный список". — "Презент при исполнении своих палаческих обязанностей ездил по учреждениям, где работали люди, подлежащие репрессиям, приехал он и в Ленинград и появился в Институте им. Герцена.

Никогда не забуду заседания ученого совета Института, собранного в расширенном составе, и посвященного так называемой чистке.

В коридоре я встретился с Презентом. Я не видел его 20 лет. Тем не менее, мы узнали друг друга. Он, улыбаясь, обратился ко мне с вопросом: "Кажется, Вы возглавляете здесь методику естествознания? Я ответил, что кафедру методики возглавляет тов. Боровицкий, а я читаю здесь лекции как профессор.

Презент ничего не сказал и пошел дальше. Затем я увидел его в зале заседаний Совета. Он сидел в президиуме, а рядом с ним — директор Института Ф.Ф. Головачев и представитель министерства высшего образования Светлов.

Чистка состояла в том, что Головачев вызывал по фамилии профессоров, которые выходили на середину и должны были отвечать на вопросы. Вопросы задавал Презент, они были стереотипны: Как Вы относитесь к учению Мичурина? Как Вы относитесь к взглядам Лысенко? Как Вы относитесь к формальной генетике?

...Вызвали моего соседа профессора Ю.И. Полянского, на которого особенно точил зубы Презент. Он ответил, что учение Мичурина он признает, взглядов Лысенко не разделяет, считает себя генетиком. Затем Презент задал ему дополнительный вопрос:

— "Скажите, почему Вы уволили меня из университета?" — Ответ был для Презента совершенно неожиданный:

— "Потому, что Вы ничего не знаете в науке", — вспоминал Б.Е. Райков.

Те же стандартные вопросы задал Презент и Райкову.

А дальше все пошло по хорошо знакомому пути: увольнение со всех постов, запрет на его книги "Методика преподавания естествознания" и "Очерки по истории эволюционной идеи в России до Дарвина", разнузданная кампания в печати. В той же "Ленинградской правде", "Биологии в школе", "Учительской газете". Подключились "Вечерний Ленинград", "Литературная газета". И обвинения демагогические, давно обкатанные, типа "игнорировал все руководящие указания Ленина". И критики те же — Всесвятский и К°.

На этот раз Райкова не сослали. И даже не арестовали. Обошлось. Но как ведущий педагог он был повержен и от педагогики отошел. А его педагогические труды даже сейчас мало известны потомкам.

В Нагорной проповеди Спаситель сказал: "Блаженны изгнаные за правду, ибо их есть Царство Небесное".

Хорошо сказано, красиво. Но от этого не легче. Лучше бы, если борцы за правду побеждали.

В первый день нового учебного 1948 года учителя всей страны внимательно конспектировали помещенную в "Известиях" статью министра просвещения РСФСР А. Вознесенского "К новым успехам в обучении и воспитании школьников".

В ней по-большевистски просто и ясно расставлялись все точки над "и".

— "Особенно серьезным недостатком страдало преподавание биологии... Подлинное материалистическое, прогрессивное мичуринское учение, направленное на творческое

преобразование природы, состоящее в теснейшей связи с практикой социалистического сельского хозяйства, не пронизывало школьного преподавания биологии.

...Доклад академика Т.Д. Лысенко на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина о положении в биологической науке, одобренный Центральным Комитетом партии, должен стать для преподавателей биологии тем программным документом, на основании которого они смогут осуществить действительно научное, высокоидейное преподавание биологии".

И Лысенко становится главным "педагогом-естественником" страны, "руководителем" юннатского движения, его подручный Презент входит в редколлегию "Биологии в школе".

Для школьного естествознания настали самые черные дни.

А вот Борис Васильевич Всесвятский тем временем тоже благоденствовал. Сделался профессором, возглавил кафедру в Московском городском пединституте, учил других преподавать биологию, сея "разумное, доброе, вечное", заимел на этом немало почетных должностей и памятных медалей.

...Именно в эти времена количество гуманитарных предметов в школах СССР, в сравнении с 1940 г. уменьшилось на одну треть.

Именно из-за таких как Всесвятский и ему подобных, по словам доктора биологических наук, бывшего председателя Госкомприроды СССР Н.Н. Воронцова, в наших школах с 1935 по 1967 преподавали "не просто плохую биологию, а антибиологию". Кстати, уже в 1922 г. на народное образование в стране выделялось 8 процентов бюджета, в то время как в царской России — 16.

Именно тогда и стали на первый план выходить поборники технократического мышления. Выросло целое поколение людей, для которых превыше всего — план, вал, пятилетка. Они неспособны были мыслить не то что экологическими или общечеловеческими ценностями, вообще неспособны мыслить самостоятельно. Поэтому с такой легкостью уничтожались леса, земля, реки, рушилась культура и нравственность.

Кстати, в преподавании охраны природы, как и биологии, наша школа плетется в хвосте у западной и по сей день.

Как нам сейчас нужны высокообразованные специалисты, личности, умеющие мыслить нетривиально. Но их нет, ибо не воспитать их в серых забитых школах, трясущихся при каждом звонке из районо.

Для появления Пушкина требуется лицей. Свободный, вольнодумный, независимый от очередных "экспериментов" наркомпросов.

Монополизация, в том числе и в образовании, ни к чему хорошему не привела. Слава Богу, что спустя 70 лет мы начинаем осознавать это. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Комиссар охраны природы

Острил в беседе, не переставая
Татарский огонек не гас в глазах,
Всегда был убежден в своих словах....
М. Доленко

Долгое время советская печать и словом не молвилась о В.И. Талиеве. В трудах по истории Харьковского университета, к 150-летию со дня его основания, об известном ученом-ботанике и пионере охраны природы, проработавшем в университете 18 лет, — ни строчки. Возможно, это объяснялось большой дружбой Талиева с другим харьковским ботаником — А.Красновым, братом известного белогвардейского генерала Петра Краснова...

Выставка профессора Талиева

22 декабря 1913 года в разделе "Хроника и обьявления" в одной из харьковских газет была помещена заметка: "Сегодня в 11 часов в здании Второго женского медицинского института имеет быть выставка охраны природы".

Обыватель читал и удивлялся. До чего изощрения доходят — выставка не гусей, не мануфактуры, не модных шляпок по парижскому образцу, а какой-то природы, которой вокруг и так полно! И ученые предлагают ее охранять — зачем, от кого?

Но реклама, тем не менее, делала свое. Охочая до развлечений публика шла по указанному адресу, благо, билеты продавались по вполне доступной цене, а гимназистов и студентов вообще пропускали бесплатно. Посетители заранее настраивались на лирический лад и, надо сказать, раздел "Красота природы" не обманывал надежд. Картины известных всему миру пейзажистов, искусно выполненные чучела птиц и зверей, богатые гербарии, аквариумы, полные диковинных рыбок... Публика согласно кивала, разглядывала надписи "Природа есть великая школа красоты, через которую должен проходить человек", и переходила в следующий зал. Пока ничто не нарушало благодушного спокойствия — что же, выставка, очевидно, имеют целью развлечь харьковчан во время рождественских праздников.

Но уже в следующем разделе на смену красивым видам приходили иные картины и рассказы. Вот "Красный список" растений и животных, которые исчезают на юге России. Чем не славный зверек — тушканчик? Поглядите, как умильно сложил он лапки! Но ведь если не придет на помощь этому исчезающему виду человек, лет через десять он останется только на картинках. А вот диорамы и схемы, показывающие всю глупость разделения животных на "вредных" и "полезных". Все считают жабу вредной. Старые бабки говорят, она дружит с ведьмами. Оказывается, чепуха! Любая жаба — лучший друг огородника и садовода, вон сколько насекомых поедает!

А национальные парки Северной Америки. Им тоже посвящен целый раздел. Здесь толпились дельцы и помещики: — "Ах, уж эти американцы! Всегда нашего брата обойдут", — оживленно переговаривались толстосумы. — "Вот ведь штука. И ничего почти делать не надо, а природа сохраняется, и барыши от туристов немалые..." — В последнем, пятнадцатом разделе, демонстрировались варварские способы уничтожения животных. Пушки против голубей, охота на китов, сточные воды сахарных заводов, отравляющие рыбу, истребление птиц на дамские шляпки, бесцельное коллекционирование.

"Дорогой гость нашей выставки!

Мы пытались нарисовать тебе картину внутренней красоты великого храма природы, в котором мы живем, и его уничтожения. Пусть же настоящая выставка сыграет свою роль и даст толчок в осуществлении назревшего вопроса охраны природы. Россия велика,

земельные богатства ее обширны, природа ее сравнимо не так еще искажена! Сохраним же ее в интересах всего культурного человечества! (Из путеводителя по выставке).

Выставку за две недели посетило около 10 тысяч человек. Успех был фантастическим — как могло незаметное, казалось бы, предприятие нескольких энтузиастов всколыхнуть город! Многие уходили из залов института с тоненькой книжкой “Охраняйте природу!”. Автор — В. Талиев — значилось на титульном листе. Другие же находили время отыскать организаторов выставки, поблагодарить за мысли и чувства, которые она пробудила. Через два месяца экспозиция была перенесена в Киев, где привлекла внимание не только отечественных, но и зарубежных газет. “Первая в России выставка охраны природы положила начало воистине великому и благородному делу” — таково было заключение прессы. Приводились здесь и слова автора книги Талиева — “Красота природы имеет собственную высокую ценность, она должна быть охраняема независимо от узкопрактических задач”.

Мало кто во время триумфа вспоминал о том невероятном труде, который выпал на долю организаторов. Ушли все их личные сбережения — но это ли главное! Сколько сил, энергии, стараний пришлось потратить на убеждение чиновников, на бесчисленные доводы полезности начинания. Да еще при таком “взрывном” характере Талиева...

Что же мы знаем о самом Валерии Ивановиче, откуда родом, где прошла его юность?

Он родился в 1872 году в небольшом городишке Лукоянове, что в Новгородской губернии в мордовской семье. Отец был учителем уездного училища. Валерий отлично учился в Нежинской гимназии, с золотой медалью в 1894 году закончил естественно-исторический факультет Казанского университета, а в 1897 году еще и медфак Харьковского. В 1898 году служил военврачом в Феодосии, в 1899 сдал экзамены на магистра ботаники при Харьковском университете. Параллельно начал преподавать во Втором женском медицинском и ветеринарном институтах.

24 сентября 1911 года приват-доцента Талиева избрали председателем Харьковского общества любителей природы. Вместе с преподавателями и студентами П. Сербиновым, Г. Брызгалиным, В. Авериным, Талиев издал несколько природоохранных книг, организовал экспедиции в Крым, на Северский Донец, к помещику Фальц-Фейну в первый российский заповедник Асканию-Нова. Бюллетень же общества считался по праву самым лучшим журналом по охране природы во всей России.

С огромным интересом листаешь сейчас эти хрустящие, пожелтевшие страницы. Не перестаешь удивляться энергии издателей, их предвидению, разумному подходу к проблеме, явно обогнавшим свое время!

10 июля в Сумах при содействии Сумского общества “Распространения в народе грамотности и разумных развлечений” Талиевым был организован просмотр светящихся картин методом немых объяснений. Программа сеанса:

“1. Живописные места Харьковской губернии.

2. Собаки — спасительницы.

3. По белу свету.

4. Весна в Харькове.

Сеанс был устроен в зале Общественного собрания. Цены, начиная с 9 ряда, были назначены по 15 и 5 копеек. Публика была кинематографического типа. Надписи к светящимся картинкам дружно читали. Сеанс, по-видимому, нужно считать удачным” (Из отчета Общества).

Этот каменный дом на Чернышевской, 82 — штаб-квартира общества, был популярен в Харькове. Сюда спешили по вечерам студенты и солидные профессора, съезжались со всех концов земства учителя. Общество любителей природы быстро превращалось в авторитетную организацию. Через два года оно уже насчитывало 223 человека: академик И.П. Бородин, профессор К.А. Тимирязев, немецкий ученый-естественник Конвенц, организатор Аскании-Нова Фридрих Фальц-Фейн почитали за честь состоять в нем.

Все, что проводило в ту пору Харьковское общество, можно смело наградить определением “впервые”: выставка весенней природы, охрана уцелевших полосок целины, ледниковых валунов, байбачих колоний. В 1913 году в Харькове Талиев впервые в России издает первую популярную книгу, которая называется “Охраняйте природу!”. В 1914 г. Талиева избирают членом Постоянной природоохранительной комиссии при Русском Географическом обществе.

Под его редакцией в Харькове начинает издаваться серия научно-популярных книг по охране природы: “Календарь Харьковского общества любителей природы”, “Птицы — друзья человека” Георгия Брызгалина — “для любителей природы, сельских хозяев, охотников и преподавателей со многими рисунками” — сказано на обложке, “Что такое национальные парки и для чего они учреждаются” — Г. Брызгалина и Б. Захарова. Авторы этих книг — талантливые ученики Талиева. Также, как и Евгений Лавренко, Михаил Котов, Виктор Аверин, Михаил Клоков, Валентин Николаев, Николай Гавриленко — вставшие на рубеже двух эпох на трудный путь защитников природы.

Особенно активную деятельность Талиев развивает в 1917 — 1918 годах. Летом, 1917 г. становится комиссаром охраны природы Харьковской губернии. Осенью 1918 г. подготавливает для правительства гетмана Скоропадского проект закона по охране природы, выступает на съездах, издает несколько природоохранных книг и воззваний.

“Царское правительство, создавшее в стране нищету и невежество, не могло воспитать в широких массах населения любви к своей природе и сознания всей важности для самих себя бережного и заботливого отношения к ней. На почве малоземелья, в трудной борьбе за скудное пропитание беспощадно уничтожались те природные богатства, которыми искони гордилась русская земля. Топор свалил леса и оголил землю. Домашний скот, огонь и плуг докончили его разрушительную работу. Рыбак тщетно забрасывает сети там, где рыба когда-то ловилась почти руками. Привольные степи, свидетели минувших дней казачества и Запорожской сечи почти всюду распаханы... Иссякли колодцы и источники, протянулись пустыри, опустели леса и воды от населявшей их дичи... Перед юной Россией стоит грандиозная задача: возобновление и восстановление производительных сил своей природы. Уход за ней вознаграждает человека сторицей и обеспечивает ему существование, довольство и радости”...

Наука учителя

Талиев не был кабинетным ученым, не замыкал свой интерес на гербарии и научных статьях. Или природоохране. Его деятельная, бунтарская натура откликалась на любое общественно важное событие Харькова, в местных газетах появлялись талиевские заметки, подписанные псевдонимом “Экскурсант”.

— “Печатное слово не трудно задавить, так как оно не может противопоставить насилие насилию, да оно в этом и не нуждается. Его высшая сила, его основная защита кроется в том, что свобода слова также неотъемлема, также безусловно необходима для жизни общественного организма, как для животного нужно дыхание. Последнее легко остановить или задержать, но результатом этого является только гибель в мучительных судорогах. Так и в общественной жизни”, — пишет он в феврале 1906 г. в статье “Под Дамокловым мечем”.

“Я помню то впечатление”, — вспоминал о Талиеве известный советский ботаник, академик В.Н. Сукачев, — “какое произвел на меня при первом нашем знакомстве с ним в 1901 г. .... Высокий, худой, с особым взглядом фанатика, с горячей, блестящей и образной речью, не признающий никаких авторитетов, идущий наперекор всяким традициям, не стеснявшийся в крайней резкости выражений.., со всей силой клеймящий при случае также все безобразие самодержавия и царизма того времени, он имел вид апостола или пророка, пришедшего в мир возвестить новую идею. Этим он неотразимо влек к себе молодежь, но этим же сильно настраивал против себя и стариков-ученых. Будучи по складу своего характера революционаром, он таковым был не только в науке, но и в общественной жизни. Еще оканчивая Нежинскую гимназию, он получил аттестат с “четверкой” за поведение “за революционные идеи”, при остальных круглых пятерках. В общественной жизни Харькова принимал деятельное участие, близко стоял к революционной молодежи, а в 1905 г. писал революционные статьи, воззвания и боролся на баррикадах”

А по другим сведениям Валерий Иванович в то время даже вроде бы входил в РСДРП.

Однако к 1917 году, по-видимому; из политической жизни он вышел, более того, считал, что “созидательная культурная работа внеполитична; она логично обязательна для всякой политической силы, какая бы ни выдвинулась в происходящей сейчас международной борьбе”.

Широки и демократичны его взгляды по национальному вопросу. В августе 1918 г. на первом съезде естествоиспытателей Украины в Киеве Валерий Иванович сделал доклад: “Задачи естествознания на молодой Украине”. Основные его тезисы оказались вновь актуальны через 70 лет.

— “Наука должна быть национальной. Наука должна быть теснейшим образом связана с народом. Наука только тогда будет могучим деревом, когда ее корни будут глубоко входить в народную массу (...). Мы должны сделать все возможное, чтобы народ возможно легче подошел к науке. Поэтому нужно избавляться от вредного искусственного противостояния русской науке, то есть нужно от нее черпать все, что есть лучшего, так как русская наука в настоящее время ближе к нам, чем наука европейская”.

Провозгласив тезис “национальности науки”, ученый был против национальной ограниченности. На том же съезде случился любопытный инцидент. Обсуждалось состояние заповедника Аскания-Нова. Киевский профессор П. Тутковский высказал мысль, что хотя Аскания и является ценным памятником природы, но из украинской природы она имеет лишь одну степь. На что Валерий Иванович возразил, — “Охрана природы преследует более широкие цели, чем считает профессор Тутковский”.

Дробление души и воли

Самое дорогое для ученого, и притом ученого, для которого наука есть дело жизни — полная независимость от всякой власти. Это с болью ощущал Валерий Иванович при царском режиме, но особенно — при большевиках. Хотя начиналось все довольно неплохо.

В конце 1918 года Талиева приглашают в Москву, избирают профессором Петровской (ныне Тимирязевской) сельхозакадемии.

Так Валерий Иванович оказывается в самой гуще дела охраны природы. Весной 1920 года решением коллегии Научного сектора Наркомпроса РСФСР утвержден Комитет по охране памятников природы. В него вошли: Н.Кулагин (зоология), В.Талиев (ботаника), Н.Смирнов (геология), Д.Артемьев (председатель).

Через год Талиева назначают заведующим отделом охраны природы при Главмузее Наркомпроса РСФСР, поручают организовывать первый в РСФСР музей охраны природы "с целью организации пропаганды дела защиты природы".

Летом 1921 г. В. Талиев, совместно с И. Грабарем, Т. Трапезниковым, другими видными учеными и общественными деятелями подготавливает знаменитый декрет "Об охране памятников природы, садов и парков". 25 июля проект декрета обсуждается на заседании коллегии Наркомпроса РСФСР под председательством А. Луначарского, а 16 сентября утверждается Лениным.

"Во время поездки профессора Талиева в Петроград и Воронеж им завязаны отношения с Петроградской природоохранительной комиссией и Русским Географическим обществом и выяснено положение дела охраны природы, как в Воронежской губернии, так и в Донской области.

И тут и там намечены местные деятели, к которым Комитет обратился с предложением организовать местные силы для охраны природных научных ценностей" (Из отчета Государственного комитета по охране памятников природы Наркомпроса РСФСР, 1920 г.)

В августе 1921 г. вместе с путешественником Петром Козловым и другими учеными Талиев отправляется в Асканию-Нова, встречается с руководством Украины, требует наладить охрану заповедника.

Талиев — один из организаторов Всероссийского общества охраны природы.

Однако с середины 20-х годов ученый вдруг резко отходит от природохраны. Не видно его на Всероссийском и Всесоюзном съездах по охране природы, нет статей в журнале "Охрана природы", краеведческой периодике. Человек, который до революции и в первые годы после, в разруху, гражданскую войну был чуть ли не первым природоохранником, замолчал.

К сожалению, не осталось воспоминаний, архивных материалов, проливших бы свет. Можно лишь предположить: зная взрывной, бунтарский и прямой характер ученого — у Валерия Ивановича опустились руки. Не выдержал дробления души и воли. Сломался. Он всю жизнь желал революцию, всячески клеймил царский строй — а при новой власти стало еще хуже.

Возможно, что-то подскажут грустные слова, произнесенные им в 1921 г. на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, недосмотренные цензурой: "... современные условия деятельности всякого общества охраны природы, общества краеведения резко отличаются от действий, которые были до революционного периода. В прежнее время можно было работать с полным отсутствием средств. Одна идея, живое слово, активность со стороны работающих позволяли делать очень много... Каждый шаг в данный момент поставлен в такие трудные условия, что развитие частной инициативы в области краеведения и охраны природы невозможно без самого широкого участия государства...". Я бы уточнил — самого широкого контроля со стороны государства. А ведь еще совсем недавно, в первом номере Бюллетеней ХОЛП за 1917 г. он восторженно писал:

“Из страны замаскированного чисто восточного десподизма со всеми чертами глубокой деградации правящей кучки мы сразу встали перед широчайшими перспективами максимальной свободы и полного народовластия. Судьба науки органически неотделима от ее политических условий... Твоя история теперь, русский гражданин, теперь в твоих руках”. Как ему тяжело было все это вспоминать...

Загнивание общественной жизни, невозможность заниматься природоохраной Талиев почувствовал раньше других. Кажется, кто-то из великих сказал: кто в 20 лет не был демократом, тот подлец, кто в 30 лет не стал консерватором — тот дурак. Профессор Талиев не отказался, не стал менять своих прежних взглядов на охрану природы в угоду новым порядкам. Остался консерватором в лучшем понимании этого слова. Замолчал.

К страданиям моральным добавились физические — рак желудка. 21 февраля 1932 г. В.И. Талиева не стало.

Приложение

После издания Киевским эколого-культурным центром и Центром охраны дикой природы СоЭС в 1995 г. двухтомника “Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860-1960) от многих специалистов в данной отрасли мной были получены предложения по новым персоналиям. Шесть из них, а также кардинально переработанные материалы о П.Й. Контном, я публикую в виде приложения к данной книге.

Валериан Иванович Белоусов(1895(?) — ?)

В.И. Белоусов был родом из Пермской губернии. Поступил в Петроградский лесной институт в 1911 г. С малолетства увлекался охотой и в охотоведении видел свое призвание. А.А. Силантьев привлек его для изучения соболя и создания соболиного заповедника на Северном Урале. Летом 1912 г. ученый обследовал заданный район и наметил проект заповедника. Это был первый в истории российского заповедного дела проект заповедника, подготовленный с учетом экономических особенностей. Отчет экспедиции “Опыт обследования соболиного промысла и промысловой охоты вообще в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской области” был опубликован. К сожалению, заповедник не создали. В 1914-1915 гг. В.И. Белоусов принял участие в Саянской соболиной экспедиции.

После успешного окончания Лесного института в 1916 г. В.И. Белоусов стал работать в Делопроизводстве по охоте, а в мае 1916 г. назначен заведующим Казыр-Сукским охотничье-промысловым хозяйством.

Литература

1. Белоусов В.И. 1915 г. Опыт обследования соболиного промысла и промысловой охоты вообще в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской области, Пг.

2. Егоров О.А., 1990 г. Анатолий Алексеевич Силантьев, М, ВО Агропромиздат, 108 стр.

Петр Йосифович Контны (1895-7.08.1947)

Польский ученый доктор естественных наук П.Й. Контны принимал самое активное участие в охране природы Галиции в 30-х годах. Родился в 1895 г. Жил во Львове. Являлся членом

Львовского комитета по охране природы. В 1933 г. — один из инициаторов создания в Тернопольском воеводстве первого (на Украине и в Польше) школьного резервата. Как ботаник немало сделал для охраны кедра. Большое внимание уделял пропаганде природоохраны: писал статьи в газеты, выступал с лекциями, организовывал выставки охраны природы. По его инициативе львовская газета “Туристический курьер” с 1931 г. стала публиковать статьи по охране природы. Привлекал к охране церковь. По его предложению Львовский синод принял два природоохранных указа. При содействии П. Контного митрополит А. Шептицкий подписал решение о заповедании резервата на горе Яйце на землях митрополии. Позже ученый предлагал расширить данный заповедный объект, превратив его в Украинский парк природы. П. Контны был также инициатором создания резервата на Жулицкой горе им. архиепископа Я. Билчевского возле Золочева.

В 30-х годах ученый работал в Земельном банке г. Львова. Пользовался большим доверием в западно-украинских элитных кругах и осуществлял связь между украинской интеллигенцией и польскими государственными природоохранными органами. В мае 1931 г. участвовал в краеведческом съезде в Станиславе, где поднял вопрос об охране кедра в Восточных Карпатах. П. Конты — автор нескольких статей по истории, хозяйству и природе Гуцульщины.

После присоединения в 1939 г. Галиции к УССР принимал активное участие в восстановлении созданных при поляках резерватах. После Великой Отечественной войны остался во Львове, работал во Львовском мединституте. Не выдержав сталинщины, 7 августа 1947 г. покончил с собой, выбросившись из окна.

Литература

1. Архив В.Е. Борейко

2. Борейко В.Е., 1995, Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860-1960), (М-Я), т.2, Киев, КЭКЦ, 224 стр.

3. Мудрак Ю., 1935, Охорона природи на Українських землях, 5, 6, 7, 8 лютого, Діло, Львів.

4. Ankieta w sprawie Karpat Wschodnich, 1932, Варшава, 247 стр.

5. Konty P., 1932, Oaza Szebrnych Kwietow, Lwow.

6. Konty P., 1934, Pierwszy szkolny rezerwat przyrody, Kurjer Poranny, № 3.

7. Konty P., 1935, Problemy ochrony przyrody w spoleczenstwie ukrainskiem, Gazeta Poranna, 4, 5, 6, 7 января, № 10888-10891.

8. Rymarowicz L., 1995, Rezezwat Limbowy na Jajku Perehinskim w Gorganach, Almanach Karpacni, № 10, стр. 81-93.

9. Sprawozdanie Z dzialalnosci Lwowskiego Komitetu P.R.O.P., 1931, Ochrona przyrody, № 11, стр. 165-166.

Герман Михайлович Крепс (12.05.1896 — 25.03.1944)

Г. М. Крепс родился 12 мая 1896 г. в Петербурге в семье потомственных медиков. После окончания Тенишевского училища Крепс поступает в Новоалександрийский

сельхозинститут. Получив высшее образование, в 1920 г. Герман Михайлович отправляется под Мурманск, где с 1923 г. начинает работать в Мурманской биологической станции, стоит у истоков Общества изучения Мурманского края. В 1925 г. он поднимает вопрос с создании Лапландского заповедника, добивается взятия под охрану Мурманской биостанцией Большого Оленьего острова. В конце 20-х годов Г.М. Крепс с предложениями об организации Лапландского заповедника выступает на различных совещаниях, публикует статьи в журналах. 17 января 1930 г. решением Ленинградского облисполкома Лапландский заповедник (самый тогда северный в СССР) был организован. Его первым директором стал Герман Михайлович. В 1937 г. он выпускает об этом заповеднике первую книгу, налаживает выпуск трудов заповедника, строит административные и хозяйственные помещения, налаживает научную работу и охрану территории. Если в 1931 г. в заповеднике обитало 150 голов дикого северного оленя, то к началу 40-х годов уже около тысячи оленей.

В 1936 г. местные власти постепенно начали ущемлять директора. У Крепса отбирают личное оружие, переводят с поста директора научным сотрудником. Друзья советуют ученому срочно уехать, дабы не попасть в Гулаг. В 1937-1938 гг. Г.М. Креп работает в Алтайском заповеднике, затем — в Центральном Лесном. Будучи в эвакуации в Москве, попал под бомбежку и получил серьезное ранение. В начале 1944 г. он назначается на должность директора Центрального Лесного заповедника, однако после тяжелой болезни умер 25 марта 1944 г. Похоронен в Лапландском заповеднике.

Литература

1. Берлин В.Э., 1985, Гражданин Лапландии, М, Мысль. 125 стр.

2. Берлин В.Э., 1996, Герман Михайлович Крепс, Живая Арктика, № 2, стр. 78.

3. Крепс Г.М., 1925, Охота в Лапландии, Вестник Карело-Мурманского края, № 12-14.

4. Крепс Г.М., 1928, Дикий северный олень на Кольском полуострове и проект организации Лапландского заповедника, Карело-Мурманский край, № 10-11.

5. Крепс Г.М., 1930, Организация Лапландского заповедника, Карело-Мурманский край, № 2.

6. Крепс Г.М., 1930, О реаклиматизации речного бобра, Рукопись, Дом-музей Г.М. Крепса.

7. Крепс Г.М., 1931, Государственный Лапландский заповедник. Природа и социалистическое хозяйство, № 9-10.

8. Крепс Г.М., 1934, Бобры на новоселье, Юный натуралист, № 12.

9. Крепс Г.М., 1935. Бобр и ондатра в Лапландии, Карело-Мурманский край, № 3.

10. Крепс Г.М., 1936, Лапландский заповедник, Советское краеведение, № 10.

11. Крепс Г.М., Семенов-Тян-Шанский О.И., 1937, Лапландский заповедник, М.

12. Крепс Г.М., 1941. Очерки о промысловых животных. Геогр. словарь Кольского полуострова, Л.

Георгий Федорович Морозов (7.01.1867 — 9.05.1920)

Г. Ф. Морозов родился 7 января 1867 г. в Петербурге, в семье крупного государственного чиновника, почетного гражданина города. Закончив Павловское военное училище, будущий ученый не стал военным. Он поступает в Петербургский лесной институт, а в 1893 г. отправляется работать помощником лесничего Хреновского лесничества Воронежской губернии и преподавателем лесной школы при нем. С этой поры его дальнейшая жизнь была направлена на служение лесу. Вместе с тем как выдающийся ученый-лесовод, Г.Ф. Морозов не мог пройти мимо природоохраны. В 1913 г. он становится членом Постоянной Природоохранной комиссии при Императорском Русском географическом обществе. Обсуждая в 1910 г. на XII Всероссийском съезде естествоиспытателей и врачей доклад академика И.П. Бородина "О сохранении участков растительности, интересных в ботанико-географическом отношении", Г.Ф. Морозов впервые в России высказал принципиально новую мысль, что "выделение заповедных участков должно происходить по возможности планомерно, с положением в основу ботанико-географического подразделения; заповедные участки должны находиться в каждой ботанико-географической области, представляя своей совокупностью ряд характерных и наиболее ценных в научном отношении типов растительности" (Дневник, 1911).

Как редактор популярного и влиятельного "Лесного журнала" (1904-1918 гг.), ученый нимало сделал для пропаганды природоохраны, отдавая этой теме много места на страницах своего издания.

Г.Ф. Морозов стоял у истоков Крымского заповедника, созданного временным крымским правительством в 1919 г.

— "Научное и прикладное значение Крымского заповедника горячо отстаивал и проф. Г.Ф. Морозов, авторитет которого не мало содействовал созданию этого одного из первых наших русских "памятников природы", — писал в 1924 г. профессор В.Н. Сукачев, предлагая присвоить Крымскому заповеднику имя Г.Ф. Морозова (1924). Много сделал ученый для развития степного лесонасаждения, популяризации лесоводства среди молодежи.

В 1896-1898 гг. ученый побывал в Германии, а с 1907 г. по 1917 г. возглавил кафедру общего лесоводства в Петербургском лесном институте. В 1912 г. Г.Ф. Морозов издал главный труд своей жизни — "Учение о лесе", ставший классикой лесоохранного дела.

28 апреля 1917 г. Г.Ф. Морозов открыл в Петрограде Всероссийский съезд лесоводов и лесных техников, провозгласив главными задачами: признание лесов государственным достоянием; широкое и планомерное удовлетворение лесом местного населения; служения лесу под лозунгом "Берегите лес" (Истомина, 1995).

Свое последнее выступление в печати, в одном из апрельских 1917 г. номеров "Лесопромышленного вестника", Морозов также посвятил охране леса, гениально предвидя, какую беду несет лесам революция.

— "Не дай Бог возникнут аграрные беспорядки, или темные силы начнут нашептывать невежественные лозунги, сеять неприязнь, страх, и в результате — с разных сторон может быть прописан смертный приговор лесу. Нашей первой обязанностью является всеми доступными нам способами повести широкую пропаганду о необходимости сберечь леса, все равно, кому бы они не принадлежали" (Филоненко, 1993). Вскоре профессор тяжело заболел и летом 1917 г. родные увезли его на лечение в Ялту. Ученый негативно отнесся к революции, рассказывают, в Крыму он даже издал брошюру "Как бороться против большевиков". Умер Г.Ф. Морозов в Крыму 9 мая 1920 г. В 30-х годах лесоводческие взгляды классика были подвергнуты несправедливой критике.

“Морозовское учение о типологии леса целиком и полностью направлено против нашего социалистического строительства”, — писали “красные лесоводы” Алексейчик и Чагин (1932). Однако история злопамятнее народа, и она все справедливо расставила на свои места.

Литература

1. Алексейчик Н., Чагин Б., 1932, Против рекционных теорий на лесном фронте. Критика учения проф. Морозова, Орлова и их последователей, М-Л, Гослестехиздат, 166 стр.

2. Бейлин И.Г., Парнес В.А., 1971, Георгий Федорович Морозов, М, Наука, 212 стр.

3. Дневник XII съезда естествоиспытателей и врачей в Москве, 1911, М, № 1-3, стр. 146.

4. Истомина Э.Г., 1995, Лесоохранительная политика России в XVIII — начале XX века, Отечественная история № 4, стр. 34-51.

5. Морозов Г.Ф., 1912, Учение о лесе, Спб, 83 стр.

6. Морозов Г.Ф., 1910, Экскурсии в лес и школьный музей леса, В кн. “Школьные экскурсии, их значение и организация”, т.2, стр. 113-146.

7. Морозов Г.Ф., 1918, Вопросы организации лесного опытного дела вообще и по отношению к Украине в частности, Лесной журнал, № 9-10, стр. 255-264.

8. Сукачев В.Н., 1924, Крымский государственный лесной заповедник, Лесовод, № 2-3, стр. 27-29.

9. Филоненко И., 1993, Воспоминания о русском лесе, М, Комрид, 238 стр.

Михаил Михайлович Пришвин (5.02.1873 — 16.01.1954)

М.М. Пришвин родился под городом Елец Орловской губернии в купеческой семье 5 февраля 1873 г., в год когда умер Тютчев. Может быть этим и была предоопределена вся его жизнь: переняв эстафету у великого поэта, стать таким же непреклонным и страстным певцом природы. Будущему писателю очень повезло на учителей: в Елецкой гимназии одним из его преподавателей был известный русский философ В.В. Розанов. В 1902-1906 гг. М.М. Пришвин стажировался в Петровской академии у профессора Д.Н. Прянишникова — одного из самых смелых и порядочных российских ученых. В 1897-1899 гг. за революционные выступления в Рижском политехникуме, побывал Пришвин в тюрьме. Высшее агрономическое образование получил в Лейпцигском университете.

Пришвин не принял революцию, и рассматривал ее как следствие нарушения равновесия между природой и культурой. По его мнению — “коммунизм — это система полнейшего слияния человека с обезьяной” (Пришвин, 1995). В мае 1917 г. писатель записал в своем дневнике: “В природе нет того, что мы называем “звериное”: зверь в природе не судим, он может быть и хорош и плох, как взглянется. Но убитый в природе, он как будто переселяется в душу человека, и тут только он становится тем “зверем”, который действительно страшен и непокорим. Ты, человек, покоряешь природу и воспитываешь в себе небывалого зверя, имя которому — легион” (Пришвин, 1988).

М.М. Пришвин, наверное, единственный из отечественных писателей первый половины 20 века, целеустремленно и постоянно воспитывавший своих читателей в духе любви к природе. Первая его книга на эту тему — “В краю непуганных птиц” вышла в 1905 г., затем

— “Календарь природы” — (1925), “Родники Берендея (1926), “Охотничьи были” (1926), “Лесная капель” — (1946) и многие другие. В отличие от своих коллег по перу, советских писателей 20-х-30-х годов, Пришвин направлял своих героев не в революцию, а в природу.

М.М. Пришвин — певец красоты природы. Все его произведения проникнуты описанием чарующей природной эстетики. “Бывает ли хоть один день без красы” — пишет он о дождливой поре в Подмосковье (Гринфельд-Зингурс, 1989). Он с восторгом описывает “белую радугу”, “вечный шум” леса, оленей — этих “самым нежных и грациозных существ”, “красивейшую” птицу — тетерева, “прекрасные” ночные глаза птиц, “красоту” сосен... Он доказывает, что прекрасное в природе существует независимо от сознания, оно обусловлено могучей жизнедеятельностью природы. Любую природу он показывает объективной силой естества, ценной самой по себе. Когда другие советские писатели воспевали борьбу с природой, ее покорение, Пришвин призывал современников сохранять для потомков неприкосновенными заповедные места, “все родники Берендея”. Он вводит категорию гармонии в природе: единства красоты и “правды истинной”. Добавляя, что гений в свою очередь — “дитя красоты”.

Возвышенное чувство любви к Родине становится у него связанным с отношением к природе. Чувство природы, это — “не что иное, как чувство Родины” (Гринфельд-Зингурс, 1989). “Одна из особенностей типизации природы в повествовании М.М. Пришвина — ее одухотворение”, пишет современный литературовед Т.Я. Гринфельд-Зингурс (1989). Это, по ее мнению, “не совсем обычное явление в эстетике XX века”. Более того, у Пришвина образ природы обладает метафорической душой, и этот пантеизм писателя не мог ни быть замечен читателем, не мог ни привлечь его. В итоге книги М.М. Пришвина, издаваемые довольно большими тиражами, сделали для природоохранного воспитания населения СССР гораздо больше, нежели сотни активистов общества охраны природы. Однако в 30-е годы писатель практически замолчал. Об этих черных днях в его сокровенном дневнике записано: — “Сколько лучших сил было истрачено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и все полетело: по всей стране идет теперь уничтожение культурных ценностей памятников и живых организованных личностей” (Пришвин, 1990). Против Пришвина ополчилась “пролетарская” критика. Его высмеял критик А.Ефремин, а М. Григорьев назвал позицию писателя “асоциальной” (Ефремин, 1930 Гринфельд-Зингурс, 1989). Не поддерживал Пришвин в его “песнопениях природе” и Горький. Естественно, ни о каких публикациях того, что хотел писатель, не могло быть и речи. Поэтому Михаилу Михаиловичу пришлось пойти на компромисс, участвуя в грустноизвестной поездке советских писателей в 1933 г. на Беломоро-Балтийский канал. Позже, под воздействием обстоятельств, Пришвин принялся писать книгу “Осударева дорога” (о канале, соединяющем моря), писал ее трудно, против сердца, да так и не закончил. Природу М.М. Пришвин охранял не только словом, но и делом. В 1928 г. в “Известиях” он опубликовал статью в защиту уникальных подмосковных озер под Загорском, в 1935 г. в той же газете требовал сохранения вековых сосен на берегу реки Вексы под Переславлем-Залессным и добился своего. В 1948 г. писатель возглавляет Оргбюро по созданию Московского отделения Всероссийского общества охраны природы, пишет статью “Охрана природы”, с природоохранным докладом выступает на всероссийском слете юных туристов в январе 1948 г., в 1950 г. в журнале “Смена” поднимает вопрос об охране лесов.

Однако среди пионеров охраны природы М.М. Пришвин выделялся не только как писатель или практик ее защиты. В последнее время, в связи с началом публикации его дневников, на первое место выходит философский подход писателя к природоохране. Как философ Пришвин практически не известен нам, и только полная публикация его дневников позволит полностью оценить этого титана природоохранной мудрости. Вот, скажем, взгляд писателя на заповедные объекты: “...истребляя последние убежища диких зверей в природе, мы иссушаем источники самых глубоких мыслей человека (нельзя осушать болота, из которых

берут начало великие реки, нельзя истреблять заповедные уголки природы, потому что с ними таинственно связаны самые глубокие потоки человеческой мысли” (Пришвин, 1988). 1 июля 1932 г. Пришвин записывает в своем дневнике: “Тысячу лет и больше пересыхало болото, но почему же именно пересохло при мне?” (там же). Выступая на всероссийском слете юных туристов в январе 1948 г., Михаил Михайлович первым в СССР смело связал природоохрану с патриотизмом и защитой отечества, заявив афористично: “Охранять природу — значит охранять Родину”.

Умер М.М. Пришвин 16 января 1954 г.

Литература

1. Ефремин А., 1930, Михаил Пришвин, Красная новь, № 9-10, стр. 231-232.

2. Гринфельд-Зингурс Т.Я., 1989, Природа в художественном мире М.М. Пришвина, Саратов, Изд-во Саратовского университета, 194 стр.

3. Пришвин М., 1988, Охранять природу — значит охранять Родину, Сов. Россия, 16 марта.

4. Пришвин М.М., 1982-1986 гг., Собрание сочинений, М, Худ. литература, т. 1-8.

5. Пришвин М.М., 1935, Переславские кручи, Известия, 10 мая.

6. Пришвин М.М., 1928, Claudophora Sauteri (к делу охраны природы), Известия, 8 июля.

7. Пришвин М.М., 1983, Охрана природы, В кн. Собр. сочинений, М, Худ. литература, т. 5, стр. 424-430.

8. Пришвин М.М., 1983, К выступлению на слете юных туристов 7-8 янв. 1948 г., в кн. Собр. сочинений, М, Худ. литература, т. 5, стр. 430-439.

9. Пришвин М.М. 1950 г., Лесной хозяин, Смена, № 15.

10. Пришвин М., 1990, Дневник писателя, 1930 год, Октябрь, № 7, стр. 141.

11. Пришвин М.М., 1995, Дневники. 1920-1922, М, Моск. рабочий, 332 стр.

Владимир Александрович Рязанов (27.07.1903 — 1968)

В. А. Рязанов родился 27 июля 1903 г. В 1926 г. закончил медицинский факультет Воронежского университета, долгие годы работал санврачем в Пермской области, заведовал кафедрой коммунальной гигиены Пермского мединститута, в 1945-1952 гг. был заместителем министра здравоохранения и главным государственным санитарным инспектором РСФСР. С 1951 г. возглавил кафедру коммунальной гигиены Центрального института усовершенствования врачей, а с 1962 г. и до последних дней жизни являлся директором Института общей и коммунальной гигиены им. А.Н. Сысина АМН СССР. С 1948 г. — ученый-председатель Комитета по санитарной охране атмосферного воздуха. Многолетние наблюдения за уровнями диффузного загрязнения воздуха вокруг промышленных предприятий помогли В.А. Рязанову установить основные закономерности распространения загрязнений в приземном слое атмосферы. Это было первое исследование, позволившее научно обосновать создание санитарного законодательства по охране атмосферного воздуха населенных мест. По этой теме им была защищена докторская диссертация — “Вопросы планирования городов в связи с проблемой дыма”.

С именем В.А. Рязанова впервые в мире связана разработка нормативов качества воздуха. Уже в 1950 г. ученый доложил на Всесоюзной научно-тематической конференции по коммунальной гигиене о временных нормативах предельно допустимого содержания загрязнений в атмосфере населенных мест для 10 ингредиентов (сернистый газ, хлор, сероводород, сероуглерод, окись углерода, окислы азота, свинец и его соединения, ртуть, металлическая пыль и сажа). В последующие годы были утверждены нормативы еще для 10 веществ. Подобная работа произвела переворот в мировом санитарном деле. Так, эти труды были срочно переведены на английский язык и изданы в США.

Владимир Александрович является инициатором создания и титульным редактором 10 выпусков сборника “Предельно допустимые концентрации атмосферных загрязнений”. Ценность этих исследований состоит в разработке и применении различных электрофизиологических, физиологических и биохимических методов в изучении биологического действия атмосферных загрязнений. В.А. Рязанов был избран академиком АМН СССР, возглавлял Всероссийское общество гигиенистов и санитарных врачей, с 1954 по 1963 гг. был главным редактором журнала “Гигиена и санитария”. Умер в 1968 г.

Литература

1. Биологическое действие и гигиеническое значение атмосферных загрязнений, 1966, (совместно с И.С. Гольдбергом), М.

2. Буштуева К.А., 1984, Рязанов В.А., БМЭ, т. 22, М, Сов. энциклопедия, стр. 436.

3. Буштуева К.А., 1973, Владимир Александрович Рязанов, Гигиена и санитария, № 7, стр. 61-63.

4. Гигиена атмосферного воздуха, 1961, Руководство по коммунальной гигиене, под ред. Ф.Г. Кроткова, М, т.1, стр. 137.

5. Предельно допустимые концентрации атмосферных загрязнений, 1952-1968. в. 1-11.

6. Рязанов В.А., 1965, Атмосфера наших городов, М, Знание, 30 стр.

7. Рязанов В.А., 1961, Санитарная охрана воздуха, М, Медгиз, 26 стр.

8. Рязанов В.А., 1934, Методика изучения пылевого фактора в производстве, Пермь.

9. Рязанов В.А., 1949, Два направления в современной гигиенической науке, Сов. здравоохранение, № 4, стр. 17.

10. Труды научной конференции, посвященной памяти Ф.Ф. Эрисмана, 1947, под редакцией проф. В.А. Рязанова, М, 72 стр.

Илья Романович Хецров (1887 — 1938-?)

И. Р. Хецров родился в 1887 г. в г.Юзовке (ныне Донецк), в 1908 г. окончил Луганскую гимназию, в 1913 г. — медицинский факультет Харьковского университета. С 1913 г. по 1917 г. служил земским санитарным врачом во Владимирском, Херсонском и Ставропольском губернском земстве, затем участвовал как врач в гражданской войне. С 1924 г. — И.Р. Хецров — научный сотрудник Московского санитарного института, директором которого он являлся с 1926 по 1931 гг. С 1933 г. — профессор кафедры коммунальной гигиены 1 ММИ. К середине 30-х годов ученый становится признанным авторитетом в

области коммунальной гигиены. В 1935-1937 гг. И.Р. Хецров участвовал в подготовке проекта постановления "О санитарной охране водопроводов общего пользования", утвержденного ЦИК и СНК СССР 17 мая 1937 г. И.Р. Хецров — автор более 40 работ, где рассматриваются вопросы очистки сточных вод. В начале 1938 г. И.Р. Хецров был арестован органами НКВД, а 25 февраля 1938 г. исключен из Санитарного института как арестованный.

И.Р. Хецров умер в заключении.

Литература

1. Охранные санитарные зоны водопроводов, 1936, М, 133 стр.

2. Поддубный М.В., 1991, И.Р. Хецров и его вклад в дело санитарной охраны водоемов в СССР, Сов. здравохранение, № 6, стр.71-73.

3. Хецров И.Р., 1937, Артезианские грунтовые воды Москвы, М, 11 стр.

Серия: История охраны природы
Киевский эколого-культурный центр
Центр охраны дикой природы СоЭС

Очерки о пионерах охраны природы

Том второй

В.Е. Борейко

Рассказывается об отечественных деятелях природоохраны. Книга предназначена для широких слоев читателей, интересующихся охраной природы.

Размещение книги в режиме чтения на сайте Киевского эколого-культурного центра:
http://www.ecoethics.ru/old/b35/

Благодарности

За помощь в работе над книгой автор особенно признателен В.Н. Грищенко, Дугласу Уинеру (США), О.К. Гусеву, Р.Д. Скалий, В.И. Акуленко, Е.В. Поминовой, П.А. Трибуну, Е.П. Веденькову, В.Н. Грамме, Л.И. Спрыгиной, А.П. Гунали, В.В. Станчинскому-младшему, В.В. Станчинской, А.П. Генову, С.Г. Перовской, А.И. Шевчук, О.А. Егорову, С.А. Таглину, О. Таглиной, Е.А. Симонову, Е.А. Шварцу, О.Г. Листопаду, Д.Н. Кузнецову, А.Ф. Шиллингер, В.А. Зубакину, Ю.П. Самеляку, В. Цицюре, И.В. Скильскому, И.А. Протопоповой, О.И. Семенову-Тян-Шанскому, А.М. Семеновой-Тян-Шанской, Т.Л. Андриенко, Э.А. Фальц-Фейну (Лихтенштейн), И.И. Чорнею, В.И. Мельнику, Ф.Р. Штильмарку, К.В. Мартино, Е.В. Райковой, И.Б. Райкову, К.А. Малиновскому, С.М. Стойко, М. Загульскому, А. Бокотею, Ю.И. Кобиву, С.Н. Голубчикову, Д.Н. Борзаковскому, К.К. Мирошниковой, Габриэлю Бржеку (Польша), Зиву Волфсону (Б. Комарову) (Израиль), К.М. Эфрону, В.В. Налимову, Ю. Лепику (Эстония), Д.А. Александрову, Г.И. Редько, И.М. Горбаню, В.С. Савчуку, В.Э. Берлину, Л. Караванской, Н.Е. Дрогобыч, Е.Н. Курочкину, Л.С. Абрамову, А.И. Рыжикову, Ю.К. Ефремову, М.Д. Звереву, Н. Околитенко, родственникам И.И. Пузанова, В.Г. Аверина, М.П. Розанова, А.П. Корнеева, Б.С. Вальха, а также работникам краеведческих музеев, архивных служб, служб безопасности и внутренних дел Украины, Белоруссии, России и Казахстана

Об одном сожалею: многих моих бескорыстных помощников уже нет, они не дождались этой книги.

От автора

В 1982 г. в газете “Комсомолец Донбасса” я опубликовал свой первый очерк о деятеле охраны природы Донбасса — зоологе, враче и краеведе Борисе Сергеевиче Вальхе. Занимаясь его биографией, я столкнулся с другими природоохранниками, его соратниками В.И. Талиевым, В.Г. Авериным. Круг стал расширяться... Более десяти лет напряженной работы — и мой труд увенчался в 1995 г. изданием двухтомника “Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР” (1860—1960). Туда вошло 120 персоналий. Вместе с тем о некоторых из пионеров охраны природы у меня собралось гораздо больше информации, нежели поместилось в скупые строчки словаря.

Поэтому я решил написать об этих людях более подробно, вольным стилем, вложив душу.

Давайте вспомним о Пачоском

Набрать полные руки фактов не удалось. Молчали старые подшивки биологических журналов, отказывали архивы. Даже в Херсонском краеведческом музее, Пачоским организованным, не так-то много о нем материалов.

След в российской ботанике и зоологии Иосиф Пачоский оставил ярчайший. Натуралистам прошлого приходилось на все руки быть мастерами: белку бить в глаз и грамотно составлять любые коллекции, варить тройную уху и танцевать менуэт, скакать, плавать, выделывать чучела, владеть знахарством и всеми европейскими языками.

Нелегко было вскормить их лапотной России, но практически все возвратили ей долг сторицей. Натуралист Пачоский основал новую отрасль ботаники — фитоценологию, изучил южные русские степи, описал 14 новых трав, многое дал охотничьему хозяйству и защите растений. Но не только этим стал знаменит.

Современники прозвали его человеком двух культур: русской и польской. Поляк по национальности, он родился, выучился и долгое время прожил в России. Здесь написал многие свои классические труды. Однако признание и звание профессора пришло к нему уже в Польше. Именно Пачоскому посчастливилось руководить двумя известнейшими в Европе резерватами — Асканией-Нова и Беловежской Пущей. Там он и окончил свой жизненный марафон.

Об Иосифе Конрадовиче написаны десятки книг. В Польше. Для специалистов, молодежи. У нас — всего одна, тоненькая, разошедшаяся в 2 тысячи экземпляров в 1965 году. Несколько более поздних статей, появившихся в толстых ботанических журналах и книгах, известных лишь специалистам, да и впрочем, во многом перепевают сказанное.

В Польше все хорошо с памятью о знаменитых соотечественниках. Прах ученого бережно перенесен со скромного деревенского кладбища в место почетного захоронения выдающихся деятелей Польши. В Познанском университете бережно хранится архив известного натуралиста. Открыта мемориальная доска. Действует “Академия Пачоского”. В Польше берегут память, зная, что благодаря ей люди остаются людьми, а человечество человечеством.

Родился Иосиф Конрадович 8 декабря 1864 года в местечке Белгороде Заславского уезда Волынской губернии (ныне Дубновский район Ровенской области). Вначале постигал науки в ровенском реальном училище.

Его Высокородию Господину
Директору Ровенского реального училища
Дворянки вдовы
Людвиги Людвиговны Пачоской
Прошение
желая поместить сына моего Иосифа Пачоского во вверенное Вам училище, имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие о допущении его к испытанию из предметов первого класса, и, если, окажется он сего достойным, о зачислении его в число учеников 1-го класса.
Людвига Пачоская
(Из материалов Херсонского областного краеведческого музея)

Затем в Умани. Далее мнения биографов расходятся: одни считают , что Пачоский закончил Киевский университет, другие уверены, что он там только работал. Сходятся в другом: именно Киевское общество естествоиспытателей направило молодого натуралиста в 1888 году впервую научную экспедицию в Херсонскую и Подольскую губернии, поставив цель по нашему времени большую и неопределенную: “изучать флору и фауну”.

Лиха беда начало. Вскоре последовали экспедиции в низовья двух великих славянских рек — Дуная и Дона, затем Кавказ и Крым, Татры, Полесье, Левобережная Украина.

В заморские страны не тянуло. Молодой натуралист оказался равнодушным к славе Миклухо-Маклая, Пржевальского, Беллинсгаузена. Краски Новой Гвинеи, жар Гобийского солнца, льды Антарктиды не волновали сердце.

Пачоский преуспел в другом, за что нам еще более дорог — он первым стал изучать гордость славившейся своим мотовством России, то, чем она всегда кичилась и вдруг что стала безвозвратно терять — степь.

Как домашний очаг отдавался народом под защиту Домового, поля — под покровительство Полевика — “житного деда”, воды — Водяного, леса — Лешего, так во всей привольной степи властвовал Степовой. Но к концу прошлого века все меньше о нем преданий-сказок помнил народ, так как самому степному простору становилось все тесней на свете. Распахивал целину плуг, с каждым годом все быстрее.

Воплощение “степного властелина” видел народ в крутящихся вихрях. Вздымаются, бегут по дорогам, сталкиваются друг с дружкой на перекрестке. И вот из толпы их, в самой середине — воронке поднимается и Степовой: сивый, как вихрь, высокий старик с длинной пыльной бородою и развевающейся во все стороны копной волос... Покажется, погрозит кому-то старческой рукой и скроется. Беда тому путнику, кто не благословясь, выходил из дому, да в полдень попадал на перекресток.

Бывали случаи, что и люди пропадали, — гласило седое слово.

Пачоский не только первый обратил внимание на степь, но и отыскал человека, в чьей власти было сохранить хотя бы кусок. Давно нет с нами Иосифа Конрадовича и Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна, но навсегда остался сбереженный ими последний приют легендарного Степового. Именно по совету ботаника Фальц-Фейн заповедает свою степь, а затем и оказывает ему помощь в исследованиях.

1897 год — важная веха в судьбе ученого. Его приглашают в Херсон, на должность губернского энтомолога. Приличный оклад, масса возможностей. На следующий год Пачоский открывает естественно-научный музей, создает одно из первых в стране энтомологических бюро, публикует интереснейшие работы.

Здесь, в Херсоне, он приходит к необходимости защиты дикой природы. Будущие “киты” российской охраны природы академики Бородин и профессор Г. Кожевников пока мирно обговаривали вопросы фотосинтеза и рассматривали в микроскоп крылышки пчел. Ни сном, ни духом не ведал о будущей своей выставке охраны природы харьковский приват-доцент Талиев.

Пачоского не назовешь ярым борцом за охрану природы. Прежде всего он оставался натуралистом. Но его усилия, как и работы Краснова, Морозова, Докучаева важны прежде всего своей новизной. Они предвосхитили, разбудили новое для России общественное движение. Они открыли глаза будущим пионерам охраны природы, толкнули их на этот тернистый и благородный путь.

Хотя и случился в его судьбе момент, когда ради сохранения памятников природы он рисковал жизнью. Весной 1917 г. Фридрих Фальц-Фейн покинул Асканию, где в любой момент мог произойти бунт местных крестьян и уничтожение заповедника. Таврический губернский комиссар, с согласия Временного правительства принялся искать “специального авторитетного комиссара для охраны Аскании-Нова”. 26 мая 1917 г. выбор Временного правительства пал на энтомолога Херсонского губернского земства Пачоского (ЦГА Крыма, ф-Р-1694, оп. 1, д. 38, л. 6). 6 июня 1917 г. он получил удостоверение Временного правительства № А 2142. “Дано сие Іосифу Конрадовичу Пачоскому в том, что он состоит комиссаром Временного Правительства для охраны парка с вымирающими видами редких животных имения Аскания-Нова. Министр-Председатель князь Львов” (Архив Аскании-Нова, д. 529, л. 7). Пачоский взял себе помощника из самой Аскании (ибо служба в Херсоне

не позволяла ему надолго отлучаться в заповедник) и пробыл в должности комиссара по конец октября 1917 г.

Иосиф Конрадович немало сделал не только для охраны флоры, но и фауны.

Еще в 1890 году Пачоский публикует популярную брошюру “Об охране птиц в Херсонской губернии”. Примерно в это же время, в журнале “Псовая и ружейная охота”, — две нашумевшие заметки: “К вопросу об охране дичи”, и “Еще по поводу охраны дичи”.

Интересно, что только недавно ученые-зоологи пришли к выводу, что главной причиной исчезновения диких животных явилось уничтожение их мест обитания. Пачоский пришел к этому важнейшему заключению на 80 лет раньше. А на втором месте крепко стояло и стоит безудержное всероссийское браконьерство...

Один американский путешественник, вдоволь исколесивший в конце прошлого века просторы северной империи, как-то ехидно заметил, что абсурдная жестокость российских законов наполовину смягчается безобразием их исполнения. Что же касалось сохранения богатств природы, то исполнять попросту в те времена было нечего. Грозные петровские указания потомки отменили, новые утверждать не торопились. С горем пополам русским зоологам удалось подготовить и в 1892 году пропихнуть на утверждение закон об охоте. Но и тот был так “доработан” предводителями многочисленных обществ правильной охоты, что, вступив в силу закона, никакой угрозы для “вольных” стрелков не представлял. Скорее узаконивал чинимые беззакония.

— “Скупщики перьев, истребив красивых птиц в западной Европе, должны были волей или неволей перекочевать на более “добычливые” местности. Россия, обладающая обширными угодьями, изобиловавшими самой разнообразной птицей, явилась для “иностранцев” благодатной страной,” — писал харьковский энтузиаст охраны природы Г. Брызгалин.

Ни пуха не оставалось в России, ни пера. В 1911 году на Каспийском побережье было “заготовлено” 150 тысяч галок, до 20 тысяч гагар, 3,5 тысячи лебедей. Красная цена за шкурку царя орлов — беркута — равнялась одному рублю, за филина платили трояк.

В 1892 году хозяин одной из московских фабрик, набивший руку на модных дамских шляпках, отправил своим заграничным коллегам 30 тысяч шкурок воробьев, 1 тысячу дятлов, 30 тысяч белых куропаток, 3800 цапель и 1200 чаек.

Пачоский требовал срочного совершенствования охотничьего законодательства. “Охота на хищных птиц является предлогом охоты на все”, — и предлагал ввести охранный срок, запрещающий любую стрельбу. Борется против весенней и летней охоты: “большинство выводков болотной и водной дичи даже на юге часто не поднялось еще на крылья”, “масса молодых еще не летающих птиц душится в это время без всякой надобности собаками”.

На Украине весенняя охота была запрещена в 1925 году.

Как ботаник, Иосиф Конрадович частенько наведывался в милую сердцу Асканию, вплоть до 1922 года, где вел длительные наблюдения за заповедной целиной. Это он предложил степь изредка подкашивать, заменив таким образом стада диких травоядных животных: тарпанов, сайгаков, зубров. В Аскании он любил бывать и не ради науки: “только здесь слышно,” — объяснял, — “как растут травы...”

В 1923 г. резко обострились советско-польские отношения. Опасаясь быть репрессированным как поляк, в этом же году ученый переезжает в Польшу. Там несколько

лет работает в Беловежской Пуще, затем возглавляет кафедру в Познаньском университете. В 66 лет отправляется в Болгарию, где забыв про возраст, как сорок лет назад, пешком мерит версты, ночует у костра, мокнет под дождем и в итоге собирает интереснейший гербарий.

Тридцатые годы — боль и трагедия Польши. Совсем рядом, в соседней Германии бряцает железом фашизм. В сентябре 1939 года по варшавским улицам уже маршировали фашисты.

В феврале 1942 года добрались до семьи Пачоского, при обыске зверски избив его внука. Внук выдержал, дедушка нет. Иосиф Конрадович Пачоский скончался 14 февраля 1942 года от паралича сердца.

Вот, пожалуй, и все, что хотелось сказать о Пачоском. Впрочем, еще один штрих, последний. Рассказывают, что он обожал музыку. Биографы объясняли: помогала мыслить. А может не так, без нее он просто не мог существовать?

Херсонский музей, созданный Пачоским, не тронули даже фашисты. А вот первый секретарь Херсонского обкома партии Мозговой взумал в середине 60-х годов выселить музей из здания. Что было равносильно пожару. Музейные работники вздумали искать правду — их наказали по партийной линии. В короткий срок ценные экспонаты были вышвырнуты из дома, а прекрасные ясеневые шкафы, сработанные еще по заказу самого Пачоского, бросили во дворе гнить под дождем. Лишь в конце 80-х музейные экспонаты вернулись в здание, построенное Пачоским. Сейчас там открыта в честь его экспозиция.

Во вьюжный декабрьский вечер, когда никого нет и холодно в доме, давайте сделаем доброе дело. Поставим полонез Огинского и вспомним о Пачоском...

Начни сначала

—“В 1889 году по поручению Имп. Русск. Географич. общества я совершил путешествие в северный Дагестан. Из Темир-хан-Шуры, через Эрпели, я прошел в Гимри, затем вдоль Андийского Койсу до Ботлиха, совершив две боковые экскурсии на южный склон Салатау. Из Ботлиха вдоль Андийского Койсу прошел я до Эчедитля, оттуда повернул через Сильди к Хако и обследовал окрестности Диклосмто, перевалив затем через водораздельный хребет в Чечню”.
(Н.Кузнецов, “Нагорный Дагестан и значение его в истории развития флоры Кавказа”).

Всего в восьми строчках старинного, с “ять” и твердым знаком текста уместилось скромное описание одного из самых трудных и важных походов Кузнецова. Ученого, первым открывшего цивилизованной Европе дикую природу Кавказа, изучившего законы ее жизни. Создавшего там первые заповедники.

Каждое поколение смотрит на один и тот же поступок по-разному. Было время, когда походам Кузнецова восторженно рукоплескали собрания Русского Географического общества и Академии наук России, когда за право первым опубликовать отчеты его экспедиций боролись самые престижные журналы. Затем пришли другие годы. В бешеном темпе жизни и громких лозунгах постепенно забывались имена пионеров, свершивших культурные и научные открытия. Рождался нездоровый стереотип, что история неполноценна в сравнении с сегодняшними достижениями. Старое недопустимо принижалось, перечеркивалось. Кузнецова забыли. И не одного его.

Но новое время заставляет нас по-иному взглянуть на прошлые дела и поступки, осмыслить и дать им оценку. Возрастающий интерес к исторической литературе, паломничество к шедеврам архитектуры, природы и культуры подтверждает сказанное.

Я верю, что “над книгою старинной закружится голова” не только у единиц, и уже не будут пылиться в библиотеках книги Кузнецова и мудрость былых веков начнут жадно впитывать все новые молодые умы.

— У путешественника, как говорил Пржевальский, нет памяти, и Кузнецов, крепко сидя в удобном казацком седле (он специально брал его с собой в каждую экспедицию), старался сразу записывать все увиденное.

— “Нагорный Дагестан — скалистый Дагестан. Это страна диких голых скал, отвесных утесов, глубоких долин и ущелий. Влага Каспийского моря не доходит до Нагорного Дагестана: она вся поглощается передовыми хребтами. Вот почему так бедна, так невзрачна и своеобразна растительность этой дикой страны. На голых, накаленных солнцем утесах ничего не растет, только в ущельях торчат иногда неприхотливые колючие сухие кустарники, по берегам рек ютится серебристый лох или колючее держи-дерево, да на значительных высотах, все на тех же голых скалах торчат уединенные сосны” (там же).

Попасть в экспедицию к Кузнецову считалось безмерным счастьем. Он, такой весь добродушный и мягкий, при выборе спутников делался жестким и даже злым. Не в гости отправлялся: в неизведанную и дикую страну.

На самом перевале облака. Вокруг ничего не видно, даже за пять шагов. Приходится то и дело подавать голос, чтобы не столкнуться с встречными людьми, бесшумно везущими по узкой и скользкой тропе в Шуру фрукты.

Немного ниже — фруктовые сады. Они повсюду. Это целое достояние, огромное богатство. Раздавленные тутовые ягоды замазали каменистые дороги темно-малиновым соком. По ним с трудом переступают ослы, нагруженные тюками с абрикосами. Абрикосы везде. Ими завалены аулы. Они сушатся на крышах саклей, висят в плетеных кошелях, кучами валяются вдоль грязных улиц. Сады фруктовые никто не стережет, никто не мешает прохожим лакомиться по дороге ягодами и плодами, ибо их там гибель, и случайный путник никак не уменьшит количество урожая...

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 3 октября 1895 г. за № 58 Н.И. Кузнецов назначен экстра-ординарным профессором императорского Юрьевского университета по кафедре ботаники, считая с 15 сентября 1895 г.

Ветер с моря принес дождь. Заплакали окна, зачернела булыжная мостовая — зима все не могла собраться с силами и настать. Впрочем, последние дни декабря в Юрьеве, сколько помнился этот город Кузнецовым, всегда были отмечены дождем. И всегда отец, приходя со службы и отряхивая в передней плащ, нарочито громко и недовольно восклицал:

— “Вера! Да прекрати же ты это безобразие! Ну прямо нитки сухой нет... Вот посмотришь, никто не придет!”

— “Придут! Придут!”

В доме хлопали двери, и в переднюю бежали наперегонки, а за ними аромат пирогов и запах хвои, тянулись ленты серебряной бумаги, намазанной клеем, и приставали к рукам и одежде.. Отец сразу переходил в оборону, выбрасывая вперед ладони щитом:

— Дети, потерпите с хороводом! Вы полагаете, я строен, как ель?

Но слова терялись в дружном притопывании высоких ботиночек на кнопках, гимназических башмаков и совсем еще маленьких матерчатых туфелек.

А тридцатого декабря в дом Николая Ивановича и Марии Александровны Кузнецовых съезжались гости — поздравить с днем рождения старшую дочь Веру. Первый танец — мазурку — неизменно начинал отец с виновницей торжества. Полнеющий, чинный, он так галантно и старательно выполнял все бальные па, что гости, особенно те, кто был впервые зван, умиленно думали: вот образчик истинно русского домоседа — хлебосола, невесть как прижившегося среди дождливых балтийских погод...

... Людей науки принято делить на две категории. Те, кому судьба предначертала проводить годы и годы в экспедициях, утомительных переездах, платить за истину здоровьем и нервами, обретают характер одиноких скитальцев. Они совершают открытия за себя и за своих коллег, которых семейные узы не пустили дальше библиотеки и рабочего кабинета. Кузнецова по всем статьям можно отнести к первому, скитальческому типу. Либерал, любимец студентов, известная фигура в городе. Глава большой — семеро детей! — и дружной семьи. К тому же быстро продвигается по службе, удачлив, позволяет себе иметь научные воззрения, отличные от корифеев университета — не иначе в Петербурге, где-нибудь в министерстве, есть покровитель...

Так считают потому, что в противоположное поверить трудно. Изменить место жительства и работы, покинуть северную столицу не ради более высокого оклада и орденской ленты, единственно радея за ботанический сад Юрьевского университета? А когда настанет время срывать в ожившем саду плоды славы, навсегда уехать в Ялту, чтобы там начинать все, по сути, сначала? Обыватель меряет своим аршином маршруты Кузнецова и поражается: родные могли давно взбунтоваться. А тут — сыновья сопровождают отца в экспедициях по горам Кавказа, дочери помогают переписывать научные труды. И живут как-то не засушено — традиционные семейные торжества, крокет, дача в Хазелау, — “резиновый домик” — принимает друзей... И все-то дается ему легко, и не завидует никому, и не устает — до того необычен, даром, что экстраординарный профессор — прямо садись и пиши донос. Хоть о политической неблагонадежности... Ведь было же, никто отрицать не станет: в смутном 1905 году вольнодумные студенты прямо в аудитории бросились к потакавшему им профессору и принялись качать его вместе с креслом.

Просвещенный обыватель силен не только умением квалифицированно строчить доносы. Он составляет ценник на дела науки, к которой довелось прикоснуться. Что назвал дорогим и важным, будет выдавать за дорогое и важное. Что посчитал пустой затеей — осмеет и предаст забвению. Должность директора университетского ботанического сада, которую занял Кузнецов, многие сочли незначащим довеском к основной работе на кафедре.

.. Не поздняя осень опустошила Юрьевский сад — людское безразличие. Пропадали оранжереи, гибли редкие растения, выписанные из-за границы за немалую цену, россыпью в сырых запасниках тлел гербарный фонд. Трудно поверить, что всего несколько лет понадобилось этому директору, чтобы возродить угасшую жизнь сада. Построить новое здание ботанического кабинета, добиться увеличения вдвое бюджета, создать два дополнительных отдела — кавказский и альпийский. Больше того, отсюда он начинает устраивать “ботанические вылазки” на Кавказ, поощряет студентов к путешествиям и исследованиям, словно возрождает былой дух академии Густавиана.

Академия Густавиана, как на заре своей именовался Юрьевский (ныне Тартусский) университет, была основана в 17 веке шведским королем Густавом Адольфом. Второе

рождение университета, уже называемого Дерптским, пришлось на 1802 год. Ветер странствий, раздутый Лазаревым и Беллинсгаузеном, волновал сердца и умы, распахивал двери аудиторий. Русский флот, закалившийся в походах, ждал отважных капитанов. Новые моря и земли звали воспитанников Дерпта. И каждый год, после окончания учебного курса, лучшие студенты и преподаватели отправлялись в кругосветные плавания.

Один из них, отважный барон Эдуард Толль, искал легендарную землю Санникова, а нашел свою смерть в ледяных торосах. Другому — Эмилю Ленцу, повезло более, он создал науку — океанографию и стал ректором Петербургского университета. Росиийский академик, биолог и географ Карл Бэр, дерзкий мечтатель, основатель Аскании-Нова Фридрих Фальц-Фейн — их тоже напутствовала Академия Густавиана.

“Вы — продолжатели великих дел”, — не уставал повторять Кузнецов студентам. “Не бойтесь смело, самостоятельно мыслить”. На лекции Кузнецова сходились с других факультетов, на его естественноисторические экскурсии собиралась молодежь со всего города. Он влек широтой познаний, восхищал обилием и новизной фактов, поражал смелостью суждений.

Однако не только пылкие юноши в студенческих тужурках восхищались научной отвагой профессора. Голос его, громкий, уверенный, вскоре услышали и в Москве, и в Петербурге, и в Харькове. Новый журнал “Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета”, родившийся в 1900 году и редактируемый Кузнецовым, стал отнюдь не бесстрастным вестником академических новостей — превратился в трибуну российской природоохранной мысли, стал ареной борьбы мнений. Именно здесь впервые выступают пионеры охраны природы И. Бородин, В. Сукачев, В. Алехин. Вскоре их отдельные публикации обретают постоянное место на полосе — создается специальный раздел.

Если сосчитать, сколько времени, при самом жестком распорядке дня, требуется на подготовку к лекциям, сколько часов занимают опытные работы в саду, с какими стараниями и нервами сопряжена подготовка к выходу в свет очередного номера журнала, и приплюсовать сюда всевозможные нескончаемые заботы на кафедре, и домашние занятия с детьми, и часы отдыха и сна, наконец, — получается все тот же кузнецовский “резиновый домик” в Хазелау. И мала дача, вроде игрушечной, не ровня соседским дворцам, а не тесно в ней, сколько бы друзей не собралось, живо, весело, но не суматошно. Потому, вероятно, и умел Николай Иванович потеснить, никого не притесняя при этом, самые важные дела, чтобы нашлось место еще для одной страсти — экспедиций.

... Здесь я хочу сделать небольшое отступление и вернуться в сегодняшний день. Просматривая в библиотеке архивную подшивку журнала “Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета”, узнавая, как тесно, можно сказать, была связана научная деятельность Николая Ивановича с этим учебным заведением, я уже представлял, в общем, образ этого человека. Потом, спустя время, узнал о детальных исследованиях Кавказа Кузнецовым. Подумалось — однофамилец. Такие подробные, обстоятельно изученные факты и абсолютной точности выводы, из экспедиций, пусть даже длительных, привезти тяжело. Там надо жить, чтобы врасти в мир проблем, столь отличных от тех, что волновали Прибалтику. Хотя, собственно, почему — “отличных”? Во главу угла ставилось сохранение природы, ее богатств от разрушительного человеческого безразличия. И тут уже трудно было ошибиться, не узнать страстный, призывный голос “того самого” Кузнецова. В третий раз тот голос зазвучал для меня, когда открыл старый, подробный путеводитель по Никитскому ботаническому саду. Вот тогда я почуствовал, что, не взирая на обилие информации, я знаю о Николае Ивановиче мало... И, как его современники, невольно поражаюсь редкому дару — умению начинать все сначала и черпать в этом силы.

В письме Дмитрию Николаевичу, сыну Николая Ивановича Кузнецова, ленинградский адрес которого любезно дала мне большой энтузиаст охраны природы, доктор билогических наук Анастасия Михайловна Семенова-Тян-Шанская, я задавал тот же вопрос — что за человек был экстраординарный профессор Юрьевского университета, сады которого остались в трех странах?

Признаюсь, о подробном ответе не мечтал. Преклонный возраст адресата, его занятость, и в конце концов, возможность обратить интересующегося делами давних дней к печатным работам, пусть немногим, в которых упоминается имя Кузнецова, давали полное право Дмитрию Николаевичу и Екатерине Николаевне Кузнецовым быть предельно лаконичными.

Ответом стал пакет, подписанный с той тщательной аккуратностью, которая встречается только у старых интеллигентов. В пакете — листы убористого почерка: выписки из различных трудов, воспоминаний, и письмо, хранящее еле уловимый запах лекарств. “Прислали все, что могли, что вспомнили”. Да, годы и болезни не властны над теми, кто умеет начинать сначала, питая душу из светлых родников памяти. Такая фамильная черта у Кузнецовых. Спасибо вам, уважаемые Дмитрий Николаевич и Екатерина Николаевна, за вашу помощь “по сбору сведений об охране природы в незапамятные времена”.

Долгий путь подвижника начался вместе с юностью...

Новость эта моментально облетела все аллеи и закоулки Петербургского ботанического сада. Неслыханное дело: впервые за столетия его существования в штат попал русский ботаник. Вотчина обрусевших немцев гудела, как потревоженный улей. Пристально изучали ученые мужи от ботаники каждую веточку генеалогического древа семьи Кузнецовых, отыскивая влиятельных сановников, столбовых дворян, могущих своей властной рукой посадить в онемеченном саду русское семя. Но, увы, все тщетно, — важных персон у Кузнецовых не значилось, разве что отец молодого ботаника, да и то всего лишь редактор “Артиллерийского журнала”. Никто не обратил внимания на другую существенную деталь: Николай Кузнецов, закончив Петербургский университет, имел уже 19 опубликованных научных работ. Об этом вспомнят позже, когда спустя четыре года младший консерватор Петербургского ботанического сада, обогнав своих коллег, блестяще защитит магистерскую диссертацию.

А уж потом будет Юрьев — кстати, самый счастливый период своей жизни он так и называл — “юрьевский”. Будет долгая работа, и признание, и любовь, и зависть, и первые ученики, и первые седины. И отсюда, от балтийских дождей и ветров, он не однажды отправлялся на юг вместе с семьей. Нет, не на воды, не на модный курорт.

... Когда жгучее солнце поднималось над пыльными и узенькими улочками Тифлиса, город впадал в спячку. Запирались ставни, падали скрипучие жалюзи. Не спал только Тифлисский ботанический сад.

Он встречал известного северного садовника.

“В Тифлис я поехал с двумя целями — во-первых: по поручению Императорской Академии Наук я должен был принять участие в заседании Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества, посвященном специально вопросу об охранении памятников природы на Кавказе; во-вторых, лично ознакомиться с состоянием и деятельностью Тифлисского ботанического сада, принимавшего столь деятельное участие в изучении и оборработке флоры Кавказа. Заседание состоялось... Благоларя просвещенному отношению к вопросам этим высшей администрации края, в особенности, сенатора Э.А. Ватаци, дело это прочно стоит на Кавказе. Уже наместником Кавказа сделано распоряжение об охранении единственной в целом мире рощи вымирающей сосны в степях восточного

Закавказья... Надо надеяться, что в недалеком будущем у нас на Кавказе возникнут национальные парки наподобие таковых в Северной Америке или в Швейцарии".

Есть способ путешествовать по Кавказу не менее безопасный, чем с большой и хорошо вооруженной свитой — предаться под покровительство кунаков.

Кавказский ботаник Шелковников оказал бесценную услугу экспедиции Кузнецова, поручив ее сопровождение своему кунаку Абдул-сале. Что только ни делал, как только не старался богатый и властный старшина аула Нухи, чтобы угодить и понравиться друзьям своего русского кунака! Резал лучших барашков, доставал за бесценок переводчиков и носильщиков, в пять минут готовил шашлык. Он спал и дневал в седле. В своем лучшем парадном одеянии: белой черкесске, белой папахе, красном башлыке, он то догонял экспедицию, то вновь пропадал в горах, разведывая надежность предстоящего брода или распоряжался насчет вкусного обеда.

Дорога спускалась в бестравную котловину, окруженную раскаленными скалами. Воздух в ней, как в горячем котле, застаивался, и от голых скал, точно в печи, пышило жаром. И не было спасения под одинокими абрикосами. Мокрые, жадно и часто дышащие люди и лошади не могли выкупаться в реке, грязной и мутной. Абдул-сала сдержал слово. К вечеру третьего дня он довел путников к аулу.

Есть много схожего в этих горных деревнях. Все они без зелени, сакли, как ласточкины гнезда, лепятся друг над другом, прижимаясь к скалам и взбираясь по ним. На крыше жилищ кучами сушится кизяк. Горные аулы — царство мужчин. Здесь трудно увидеть женщину: это своего рода домашний скот. Кузнецов записал в своих дневниках: "Здесь, в горах, можно встретить и такую картину: идет горец с ослом и женой, вещи взвалил он в крутых местах на плечи жены своей, и осел (ишак по-местному) идет порожним, и если вы его спросите, почему он не навьючит вещи на осла, он ответит: "дорога опасная, ишак может легко сорваться и разбиться, а он стоит много денег".

Юрьевский садовник один из первых определил причину бедности Кавказских гор. Неправильное пользование лесами, а главное, выпас скота в лесах уничтожили лесные богатства в Дагестане, да и почти везде на Кавказе на 90%.

"Я указал старикам аула, что ... пастьба эта ведет к образованию селей, грязевых потоков, а так как эта священная роща расположена по склону, как раз над аулом, то это грозит со временем разрушением самого аула. Старики ответили мне, что такие сели временами и теперь бывают и обещали принять мои указания к сердцу".

Сакля Абдул-салы стояла в самом центре аула. С большой верандой и даже покрашенными колоннами она должна была постоянно напоминать жителям аула, что именно здесь живет их предводитель.

— "Мой русский гость," — обратился Абдул-сала через переводчика к Кузнецову, когда он и его товарищи уже было задремали в кунацкой, — "я прошу тебя и твоих друзей отведать моего самого лучшего барашка".

— "Сколько можно есть баранов," — взмолился шепотом член экспедиции ботаник Попов, — "я еще не отшел от самого лучшего плова!"

— "Ничего не поделаешь, придется возвращать долг за помощь в переходе," — Кузнецов уже застегивал френч.

На веранде их ждал весь цвет аула: мулла, старейшины селения. А на шелковой подушке возвышался ... граммофон, дорогая игрушка, гордость владельца. Как непривычно было слышать Шаляпина здесь, в богом забытом ауле, среди диких и нехоженных гор.

— “Хороший конь, отличное оружие и богатая кунацкая — что еще нужно горцу,” — хвастался хозяин, осторожно беря в руки очередную пластинку. Сын старейшины подал кислый суп-чихиртму. На боку у наследника красовался инкрустированный серебром кинжал. Сын Кузнецова, Игорь, не мог оторвать от него глаз. Заметив это, юный горец молча снял кинжал и подал его Игорю.

Кузнецов было принялся отсчитывать купюры, но вовремя опомнился: в горах можно отблагодарить за подарок подарком, но деньгами значит сильно обидеть хозяина. Выручил Попов. Он втащил фотоаппарат на треноге и предложил всем сфотографироваться. Вид неизвестного механизма, а, главное, сам важный процесс фотографирования так растрогал местных богатеев, что они “в отместку” готовы уже были перерезать для дорогих гостей всех барашков Кавказа.

Одной из главных задач экспедиции был поиск редчайшей березы Радде, которая, якобы, уже исчезла в горах. Ее Кузнецов нашел на Гунибском плато, в том самом месте, где принял свой последний бой гордый Шамиль.

“Я бы вновь запретил всякую рубку леса в Верхнем Гунибе, пастьбу скота, сенокосы и сделал бы грандиозный национальный парк, интересный для нас и как памятник природы, и еще больше, пожалуй, как исторический памятник, как финал, апофеоз долголетней кровавой войны за овладение Кавказом. Казна от такого поголовного и безусловного запрещения рубки леса, покосов и пастьбы много не потеряет, ибо 100 десятин леса Гунибской дачи крупица в общем бюджете лесного ведомства. Зато какой чудесный национальный, исторический и естественно-исторический парк имели бы мы на Гунибе! С красивыми скалами, водопадами, березовыми рощами, с развалинами Шамилевского аула. Этот национальный парк поистине мог бы быть не хуже национальных парков Америки”, — писал позже ученый.

Осенью 1911 года на заседании Географического общества Кузнецов сделал обширный доклад о своей поездке. Он предложил к заповеданию около десятка памятников природы “страны тысячи и одной ночи”, в том числе и Лагодехское ущелье. Но за него Николаю Ивановичу и его ученику Д. Сосновскому еще пришлось немало повоевать. Несмотря на все заверения администрации, в уникальном ущелье вдруг оказался расквартированным 6-й Кубанский пластунский батальон. Первым делом солдаты начали рубить редчайшие деревья. И все-таки голос разума победил. Встревоженные письма Академии Наук и Географического общества, организованные Кузнецовым и другими подвижниками охраны природы, спасли Лагодехское ущелье.

Отвоевал также Николай Иванович насаждения редчайшей эльдарской сосны.

Кузнецов — первый из русских ботанико-географов, кто исколесил Кавказ вдоль и поперек: 1888 год — Кубань, 1889 — Северный Кавказ, 1890 год — Мингрелия, Сванетия, 1898 — Дагестан, 1900 — Армения, 1911 — Нагорный Дагестан. Он изучил состав горной флоры, историю ее происхождения и становления, вопросы ботанико-географического районирования, впервые разбил Кавказ на 38 ботанико-географических провинций. С 1901 года, по результатам экспедиций, Кузнецов стал выпускать свои знаменитые 45 томов “Критической флоры Кавказа”, ставшей впоследствии классикой, непревзойденным примером и по сей день. К работе он привлек Н. Буша, А. Фомина, Н. и П. Поповых, что стало первым русским примером планово осуществленного коллективного научного труда.

Его “Флора”, а также пространные записки, опубликованные в “Известиях Русского Географического общества”: “Путешествие по кубанским горам”, “Геоботаническое исследование северного склона Кавказа”, “Нагорный Дагестан и значение его в истории развития флоры Кавказа” — являли собой новый пример подхода к вопросам ботаники, географии и природоохраны: их синтез.

Это были не просто записки по распространенному тогда типу “что вижу — о том пишу”, а детальный анализ давно минувших и ныне происходящих природных явлений. Он один из первых разглядел, по меткому выражению академика Вернадского “новую геологическую силу на земле” — человеческую деятельность. Силу, которую на грани нового века мало кто еще принимал всерьез. Силу, которую и сейчас не все осознают.

— “Безлесье Нагорной Армении,” — писал Кузнецов, — “зависит не только от климатических условий, но и от деятельности человека, вырубившего существующий здесь лес”.

Экспедиции юрьевского ботаника выявили массу уникальных природных обьектов Кавказа — высокогорные ковыльные степи, заросли березы Радде и эльдарской сосны, ставшие уже в советское время заповедными. Он первым предложил охранять самшит, тисс, грецкий орех, ныне занесенные в охраняемые списки.

Он был деятельным ботаником и не переносил тех, кто занимался только чистой наукой. Влезал в путаные вопросы природоохранения, организовал первое в стране Бюро по обмену гербарными растениями, строил фундамент Таврического (Крымского) университета, добивался реальной помощи энтузиастам от науки.

— “Я считаю своим долгом широко оповестить об этом ученые круги, дабы знали они, что и в самых глухих местах Закавказья у нас есть светлые точки, где душа полна научных интересов и любви к природе”.

В марте 1912 года группа патриотически настроенных ученых создала Постоянную природоохранительную комиссию при Русском Географическом обществе — своеобразный и первый прообораз общегосударственного природоохранного органа. В работе комиссии участвовали известные деятели в области охранения памятников природы — академик И. Бородин, путешественник П. Козлов, В. и А. Семеновы-Тян-Шанские, основатель Аскании-Нова Ф. Фальц-Фейн. Вошел в нее и Кузнецов. Комиссия организовала первую в стране перепись обьектов, нуждающихся в заповедании, издавала природоохранные брошюры, старалась всячески пропагандировать сохранение редкой природы. И надо сказать , не без успеха. Буквально перед самой октябрьской революцией В. Семенов-Тян-Шанский, И. Бородин, Н. Кузнецов и другие члены комиссии разработали проект природоохранного закона и перспективную сеть заповедников, что позже сыграло немаловажную роль при подготовке первых советских декретов по охране природы.

... Он возвратился в Юрьев, чтобы его покинуть. Он отстал от жизни — туманные берега и сонные равнины Прибалтики уже назывались театром военных действий. Монархи кроили карту, и стены древнего университета, у которого снова возникла перспектива называться Дерптским, вздрагивали от недальнего марша кайзеровских солдат. Жизнь заставила садовника оставить родной северный сад, он стал директором Никитского ботанического сада и все начал сначала.

Говорить о сохранении уникального растения, когда вокруг гибнут армии? Сожалеть об уходящих в небытие красотах дикого Крыма, когда пулеметные очереди трещат уже у ворот

сада? Не уход ли это деятельного, энергичного, свободомыслящего Кузнецова в чистую науку, отвернувшуюся от неровного дыхания жизни?

Боюсь быть понятым превратно, но ведь недаром говорят “на миру и смерть красна”. Противостоять злу в одиночку бесшабашный смельчак не сможет. Кузнецов воспитал в себе те качества, которые помогли стать единственным воином в осажденной крепости и не сдать ее твердыню.

Наверное, в этом скрыта какая-то мудрая закономерность. Сильные духом люди становятся во главе очагов культуры в пору суровых испытаний. Путешественник Козлов в лихую годину спас от уничтожения Асканию-Нова, ботаник Кузнецов в годы гражданской войны и интервенции защитил Никитский ботанический сад. И не только защитил уникальный парк, но и заложил в нем питомник лекарственных и ароматических трав, создал ботанический кабинет и гербарий, стал выпускать “Вестник русской флоры”.

“Сад — оазис Крыма, который все теснее сжимают плантации предприимчивых частников, виноградарей и табаководов, — с горечью замечал Кузнецов. Он писал: “... Табак, дающий хороший доход хозяевам, сильно истощает богатую крымскую почву, и табаководство в Крыму — это, иначе говоря, не накопление, а разорение... Прежние леса уничтожены, камни и скалы обнажены, а на месте дикой растительности Крыма мы видим лишь табак, виноград да красивые парки”. Никитский же ботанический, считает ученый, может и должен стать не просто зрелищем, ласкающим взор эстета, не местом приятных прогулок, а зеленым университетом природы, школой гармонии человека со всем живущим на земле. В этом духовном, культурном развитии нуждаются не только жители Крыма — вся Россия. В начале 1919 г. Н. Кузнецов вместе с В. Мартино, И. Пузановым и другими крымскими учеными подготавливает Положение о Крымском заповеднике, которое было учреждено Крымским краевым правительством 10 марта 1919 г.

Но пришли большевики и стало многое иначе.

8 апреля 1921 г.
Председателю Крымского ревкома т. Полякову
от профессора Н.И. Кузнецова,
члена-корреспондента Российской Академии Наук

“3 февраля 1921 г. в день сбора излишеств, в квартире моей произведен был обыск, продолжавшийся несколько часов, причем членами тройки, производившими обыск, уведено было большое количество белья постельного, платья, посуды и другого моего имущества, опись на забранные у меня вещи составлена не была, реквизиция произведена была насильно, вопреки представленного мною удостоверения от Крымревкома, что “жилище и имущество советского служащего тов. профессора Кузнецова Н.И. согласно установлениям РСФСР и Революционного комитета Крыма от 30 января 1921 г. № 264 уплотнено и реквизиции не подлежит”. Удостоверение это.. не имело влияния на производившую обыск тройку, .. жена и дети мои остались без белья и летнего платья, я уже без осенного пальто, в котором читаю лекции в холодной аудитории. Ходатайство ректора университета (Вернадского — В.Б.) было уважено высшими членами ревкома, но забранных вещей я и до сих пор не получил обратно...”

(ЦГА Крыма, Ф-Р. 1188, оп. 3, д. 64, лл. 858—859).

А дальше еще хуже. Крымский ревком постановил 20 февраля 1921 г. ликвидировать факультеты Таврического университета — общественных наук, философии и словесности, а также Юридический университет в Севастополе и Босфорский университет в Керчи.

Медицинский факультет Таврического университета сохранялся, но все студенты и преподаватели были “пересмотрены”, а ректор университета академик Вернадский был подвергнут позорному “соответствующему рассмотрению со стороны комиссии высших учебных заведений Крыма”. Физико-математический, где деканом был Николай Иванович и агрохимический ревком решил не закрывать, но “весь состав слушателей и профессуры считать временно распущенным” (Симферополю 200 лет. Сборник документов и материалов. Киев, Наукова думка, 1984, 316 стр., стр. 116—118).

Дальше Кузнецову оставаться в Крыму не было смысла...

Все возвращается на круги своя. Так случилось, что спустя четверть века профессор Кузнецов снова вернулся в Петроградский ботанический сад, и снова на должность младшего консерватора... Тот, для которого в науке прежде всего важна громкая должность, предшествующая фамилии на дверной табличке, с негодованием бы отверг подобное предложение, которое, впрочем, не отличало чью-то руководящую голову большим умом. Но Николаю Ивановичу некогда было заниматься честолюбивыми выяснениями истины. Младший консерватор — так младший консерватор, главное, есть возможность в полную силу трудиться. И возрождает третий сад в своей жизни. Кузнецов, несмотря на возраст, необычайно деятелен. Он создает отдел геоботаники, подготавливает “Геоботаническую карту Европейской части СССР”, расширяет гербарий, задумывает титанический труд “Флора России”, увидевший свет уже после его жизни.

На склоне лет судьба тесно свела его еще с одним близким по духу человеком — географом Вениамином Петровичем Семеновым-Тян-Шанским, сыном выдающегося путешественника. Их совместным трудом стал новый проект сети заповедников страны.

В Центральном географическом музее создается отдел охраны природы тоже при самом деятельном участии Николая Ивановича. Он спешит работать, не теряя при этом ни человеческой обаятельности, ни удивительного жизнелюбия. Давно повзрослели дети, но по-попрежнему дружно и надежно живется в доме, и по-прежнему кумир в нем — отец.

... Смерть нагнала Кузнецова в майский день 1932 года и, в общем, прошла незамеченной “в буднях великих строек, в веселом грохоте, огнях и звонах”.

Говорят, счастье и благополучие также различны, как мрамор и глина. Николай Иванович не искал благополучия. Но прожил со своей женой Марией Александровной счастливую жизнь, оставив после себя талантливых детей, знаменитых учеников, умные книги, заказники дикой природы и цветущие сады.

На колени перед русским черноземом

Святогор был самым сильным из русских богатырей. Илью Муромца, и того в карман запрятал. А вот обычную суму с землей поднять не смог. Сам по колено в нее вошел, а суму так и не приподнял. Такова народная легенда.

<u>Мал золотник, да дорог</u>

Яблоку негде было упасть. Из всех полтавских уездов собрались земские статисты в зале дворянского собрания, чтобы услышать самого Докучаева. Лекция была назначена на три часа дня, и он взошел на кафедру ровно минута в минуту, такой, каким его привыкли видеть на обложках книг: высоколобый, большеглазый, с мужицкой окладистой бородой. Только

борода эта была бела как снег, и были редкие, зачесанные назад волосы. Замолк зал, притих перед ученым, имя которого не одно десятилетие волновалало каждого гражданина России.

— “Я буду беседовать с вами о царе почв, о главном богатстве России, стоящем неизмеримо выше богатств Урала, Кавказа, богатств Сибири, — все это ничто в сравнении с ним; нет тех цифр, какими можно было бы оценить силу и мощь царя почв, нашего русского чернозема. Он был, есть и будет кормильцем России. Есть чернозем и в Венгрии, но там он не тот: “Это солонцеватый чернозем-”окост”, а наш русский чернозем “сладок”. Есть он и в Северо-Американских Соединенных Штатах, но там он или того же типа, что и в Венгрии, или же значительно беднее органическими и другими питательными веществами, чем в России.

Он, чернозем, напоминает нам арабскую чистокровную лошадь, загнанную, забитую. Дайте ей отдохнуть, восстановите ее силы, и она опять будет никем не обогнанным скакуном. То же и с черноземом: восстановите его зернистую структуру, и он опять будет давать несравнимые урожаи”.

Это была его последняя лекция в тихой зеленой Полтаве, куда он приехал больной, усталый, по большой просьбе своего старого друга Измаильского. Старые друзья и научные труды — это, пожалуй, все, что осталось в этой жизни у Докучаева. Отобрано выпестованное им детище — Ново-Александрийский сельскохозяйственный институт, закрыта нашумевшая “Особая экспедиция”, умерла от рака жена. Болезни и старость сделали почти невозможным главное в его жизни — изучение чернозема.

...Впервые они встретились в начале лета 1877 года. Стоял июнь. Полустанок Ясенки замело тополиным пухом. От легкого послеобеденного сна его обитателей разбудил курьерский. Он на секунду притормозил и умчался в сторону Тулы. На перроне осталось двое. Местный лесничий Даниэль и рослый незнакомец в косоворотке, консерватор Петербургского университета Василий Докучаев.

... — “Он должен быть где-то здесь,” — лесничий стал взбираться на холм. — “Начнем копать?”

Вдруг хлынул, моментально промочив до нитки, дождь: теплый, по-настоящему летний, пополам с солнышком. Докучаев снял рубаху, выкрутил. — “Ничего, будет дождь, будут и грибки, а будут грибки, будут и кузовки.”

Предположение лесничего подтвердилось. Не поработав заступом и более десяти минут, Докучаев заметил на краю ямы бархатистый, глянцевый, мощный срез темно-окрашенной почвы. Вот он, царь почв — чернозем России, пред которым западные светила обнажают головы.

“Кубический метр русского чернозема лежит в Париже в Международной палате мер как эталон плодородия почв”.

(Из газет).

Чтобы собрать материал для своей будущей книги “Русский чернозем”, Докучаев одну за другой организовывает научные экспедиции. На Украину, в Нижегородскую, Воронежскую губернии. Средства предоставляли научные общества, бывшие в те времена в России центрами научной мысли — Петербургское естествоиспытателей, Вольное экономическое. Эти общества публиковали его первые труды, организовывали обсуждение докладов, доставали оборудование для экспедиций.

Докучаевские земельные изыскания наделали много шуму как среди забитых крестьян, так и среди помещиков.

— "Вы уж берите землицу с участков, где похуже," — молили крестьяне. — "Ведь с лучшей земли и налогу придется платить больше, да сколько годов. "Когда еще новая-то ревизия земли будет". Богатеи шипели: — "Что, приехали мужиков мутить? Как же, слыхали. Землю заберете в мешочки, да с собой увезете, а потом начальство разберет, где земля лучше, да мужикам и отдаст! Не дадим земли. Убирайтесь прочь!"

Кое-где доходило до рукоприкладства.

Характерная черта докучаевского научного метода — не замыкать полученные знания в себе или своих учениках. Докучаев — пропагандист. Со своими статьями об охране чернозема, облесении рек выступает в губернских газетах, читает лекции, проводит диспуты. Журнал "Отечественные записки", редактируемый Салтыковым-Щедриным и Некрасовым, в сентябрьской книжке 1875 года помещает его обширную статью.

Давнишней мечтой Докучаева была организация почвенного музея. Он мог стать прекрасной трибуной для пропаганды новых идей, прочной опорой для дальнейших научных исследований. С этим ученый выступил на общем собрании Вольного экономического общества.

Докучаев заметил, что ирония обычно сильна там, где слабы знания. И горько убедился еще раз.

— "На что нам этот музей? Ведь за границей таких музеев нет, значит и нам не надо".

Другие вообще договорились до того, что наука никак не может влиять на повышение плодородия почв. Оно, мол, от бога.

Кипело, гудело уязвленное профессорское самолюбие. Как французские врачи не признавали немедика Пастера, так российские агрономы не желали включить в свой тесный клан геолога Докучаева. Мышья беготня за спиной Докучаева переросла в слоновый топот. Было предложено вообще лишить его дотаций от общества. Но известные ученые А. Советов и А. Ходнев отстояли отца будущей русской почвоведческой науки, однако дело с открытием музея застопорилось на многие лета.

Вечера на хуторе близ Диканьки.

Чтобы яснее видеть смысл — нужны человеку покой и воля. Их обрел Докучаев, поселившись с женой и учениками во время своей Полтавской экспедиции 1888 года на тихом хуторе Новые Санжары, неподалеку от прославленной Гоголем Диканьки. День за днем он вместе с Поленовым, Георгиевским, Глинкой, Вернадским обследовали овраги, бурили шурфы, собирали образцы пород.

В полтавских степях Докучаев заметил интересную деталь: вроде бы на одних и тех же с виду черноземных почвах растет удивительной пестроты пшеница. В одном месте чудная, высокая, с тяжелым колосом, и тут же, рядом, в низине прогалины — желтоватые, худосочные растения.

— "Це солонцы," — объяснял ямщик. "На них люба трава вьяне."

— “Откуда им взяться,” — возражал Докучаев, — “почвы здесь должны быть везде одинаковые”.

Решили копать яму. Действительно, чернозем был таким же мощным, как и везде вокруг, только что разве влажным, — сказывалась близость грунтовых вод.

— “Враки все это,” — подумалось еще раз профессору. “Солонцы — это остатки высохшего дна моря. Здесь же моря не было. Солнце палило не на шутку, и минут через 10 на выбранных кусках чернозема выступили кристаллы соли”.

— “С земли тягне,” — пояснил ямщик. — “Где тягне, там и солонцы”.

И тут Докучаева осенило. Безграмотный крестьянин помог опровергнуть общепризнанную всеми университетами Европы гипотезу о морском происхождении засоленных почв. Ларчик просто открывался: где к самой поверхности земли подходят грунтовые воды — происходит их интенсивоное испарение. И круто посоленная земля не родит хлеб.

По вечерам ели галушки и вареники. Их так здорово научилась делать жена Василия Васильевича — Анна Егоровна.

— “Ой, не могу больше,” — хватался за живот почвовед Глинка, — “так и лопнуть можно, полноте, Анна Егоровна, полноте!”

Пели русские и украинские песни, читали новые рассказы Короленко, Толстого. Но самым любимым, конечно, был Гоголь.

В прошлое уходили воспетые великим писателем степи. С ковылями по пояс, кишащие сусликами, байбаками, дрофами. Бескрайние. Ни рек, ни озер, ни селений, ни холмов, ни даже оврагов на десятки верст, до горизонта. Степи распахивались. Без разбору, без системы, без культуры. Уходили в прошлое дремучие полтавские леса. И пней не оставалось от вековых, в три обхвата дубов. Благодаря найденному во время экспедиции почвенному методу, Докучаев доказал, что, скажем, в Полтавском уезде площадь лесов сократилась на двадцать семь процентов, в Лубенском — на двадцать шесть. Сводились леса безжалостно, таяли на глазах. Отсюда — обмеление рек, суховеи и пыльные бури. Падение урожая и бедность народа.

Именно тогда, в конце 80-х годов прошлого столетия, во время Полтавской экспедиции, Докучаев приходит к гениальной идее создания заповедных участков.

— “Чтобы реставрировать степь, по возможности, в ее первобытном виде, чтобы воочию убедиться в том могущественном влиянии, какое может оказывать девственный травяной покров на жизнь и количество грунтовых и поверхностных вод, чтобы не дать возможность окончательно обестравить наши степи (как обезлесили лесостепную Россию); чтобы сохранить этот оригинальный степной мир потомству навсегда; чтобы спасти его для науки (а частью и практики); чтобы не дать безвозвратно погибнуть в борьбе с человеком целому ряду характернейших степных растительных и животных форм, — государству следовало бы заповедать ... на юге России больший или меньший участок девственной степи и предоставить его в исключительное пользование первобытных степных обитателей, каковы вышеупомянутые, ныне вымирающие, организмы. И если на таковом участке будет устроена постоянная научная станция..., то нет сомнения, затраты.., сопряженные с устройством таких заповедной дачи и станции, быстро окупятся, и притом сторицею”.

Полноте ругать царское правительство. В 1894 г. Министер Двора Воронцов-Дашков по согласованию с Министром земледелия дал команду выделить Докучаеву под охранные заповедники участки степи в Хреновском, Старобельском и Мариупольском уездах. А в 1900 г. Херсонский землевладелец Адлер передал ученому еще один заповедный участок.

Спустя двадцать лет идея Докучаева была подхвачена и развита русскими учеными, пионерами охраны природы академиком И. Бородиным и профессором Г. Кожевниковым.

Тихие вечера близ Диканьки стали для Василия Васильевича Болдинской осенью. Он собирает и обдумывает уникальные материалы по истории степей, подготавливает проект реформы сельскохозяйственного образования в стране, задумывается о работе долговременных опытных станций по наблюдению за природой.

В самой Полтаве, где местное начальство боготворило Докучаева, он создает краеведческий музей, и поныне один из лучших в республике. К слову добавить, музей долгое время оставался форпостом охраны природы на Украине.

Здесь работал известный украинский орнитолог, пионер охраны природы Н. Гавриленко, в 1914 году музей провел совместно с земством первый в стране конкурс на лучший очерк по охране природы, в двадцатых годах на средства музея издавались природоохранные плакаты и брошюры, организовывались и содержались заповедники, велись научные исследования.

В Полтаве случай свел Докучаева в Сашей Измаильским, молодым агрономом-самоучкой, управляющим имением князя Кочубея. Жил он тогда со своей кареглазой женой Таисией на хуторе Дьячково, что тоже возле Диканьки, день-деньской колесил по имению, поднимая запущенное хозяйство, а ночью, как шутил, “отдыхал за наукой”.

Большой ученый имеет способность притягивать таланты, как магнит притягивает железо. Измаильский стал верным учеником и последователем Докучаева, надежным другом до последных своих дней.

Дом, который строил Докучаев

Русь, как подметил Мельников-Печерский, исстари уселась по лесам и болотам. Мудры были наши пращуры, знали, где жить и жили с природой в согласии. Там и рыбы-зверья всегда было поболее, и землица славно родила, и от врагов в лесах надежное укрытие.

Но забывали внуки дедовские наказы, предавали “зеленого друга” огню и топору. Отхваченную таким способом землю пахали, но родила она недолго и заезженная, вскоре томилась. Ее бросали и рубили новые леса.

— “С какой поразительной быстротой истребляются леса в свеклосахарном районе,” — писал Докучаев, — “видно, между прочим, из следующего факта: в одном имении после устройства сахарного завода в течение 15 лет было истреблено 8 тысяч десятин лесу!”

Даже иностранцы ужаснулись нашему российскому мотовству. Английский геолог Мурчисон просил царя Александра I — “Та быстрота, с какою губятся леса по всему пространству Вашего государства... я не могу не заявить о том Вашему величеству и умоляю Вас, во имя человечества, принять теперь же самые энергичные меры к прекращению этого безрассудного расхищения, грозящего гибелью Вашему прекрасному отечеству”.

В декабре 1890 года задули обычные северо-восточные ветры. Становились все сильнее. Срывали снег вместе с землей, засыпали дороги, сады, селения. Поезда не могли двигаться

из-за заносов. Специальные спасательные команды откапывали полустанки. В некоторых уездах чернозем был полностью выдут. Черную пыль донесло до Швеции. Солнце не могло пробиться к земле. Пополз слух, что настал конец света.

Летописи свидетельствуют: с 10 по 18 век пришлось сорок засух, по пять на столетие. В 19 веке — засухи стали случаться каждое десятилетие. В век нынешний — раз в три года.

Щедрую скатерть-самобранку кромсали овраги. Растягивали по кусочкам, портили. Отбирали у крестьян землю, пускали по миру. Овраг — одного корня со словом "враг". "Провалье", "рытва", "прорва" — еще и так окрестили это несчастье в народе. В 1891 году такой враг взял приступом Путивль, сокрушая на совсем пути улицы и городские площади. Докучаев наблюдал, как один овраг лишь за день "вырос" на 16 метров в длину.

Черные бури, суховеи, овраги, засухи стали страшным бичом народа. В 1891 году очередной засухой было охвачено двадцать губерний, в основном юга России, более 35 миллионов человек. Страна в тот год недобрала более полумиллиарда пудов хлеба.

— "Если не принять мер," — писал профессор Богданов, — "в ближайшем будущем черноземная равнина сделается пустыней".

Беда, постигшая украинские степи, всколыхнула общественность России. Повсюду стали создаваться комитеты помощи пострадавшим, разыгрывались благотворительные лотереи, давались концерты в фонд борьбы с бедствием. Благородное дело, начатое передовыми людьми, подхватили остальные, "бороться с засухой" стало модным.

В мае 1892 года Лесной департамент, по настоятельной просьбе Докучаева, и напуганный последствиями засухи, организовывает "Особую экспедицию по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России". В нее вошли ближайшие сподвижники Докучаева — Н. Сибирцев, Н. Глинка, Г. Высоцкий, К. Собеневский. Возглавил Особую экспедицию Докучаев. Экспедиция должна была ответить на главный вопрос — как бороться с засухой. Этот вопрос был для страны стратегическим.

Есть такая прибаутка: и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Вот также по перепаханным полям, "усам" оврагов и балок скатываются вешние воды, летние дожди. Раньше оседали в густых степных травах, впитывались губкой вековой дернины, защищались от ветров и солнца окрестными лесами. Теперь же живительная влага "в рот" не попадала. Какими же должны быть нормы соотношения пашни, луга, леса и воды, тогда еще не знали.

Впрочем, как не ясно и до сих пор.

Степной "дом", который природа создавала веками, с зелеными стенами лесов, мягким пологом трав и пуховым утеплением в зиму, разрушил человек. Только восстановив его — можно было совладать с засухой.

"Мы решительно ничего не сделали, чтобы приноровить наши пашни к засухам, чтобы утилизировать, в сельскохозяйственном смысле, наши речные, снеговые, дождевые воды. Мы до сих пор еще всю ответственность за наши урожаи преспокойно возлагаем на природу", — писал В.В. Докучаев.

Докучаев решил восстановить "степной" дом. И чтобы примериться, приглядеться, воплощает свою давнишнюю мечту — создает станцию наблюдения за природой. Первую —

в Хреновском участке Воронежской губернии. Вторую — Старобельскую — в Харьковской губернии. И еще одну — в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии, на водоразделе между Днепром и Северским Донцом, где впервые в сухой степи растил лес Виктор фон Графф. Здесь, на месте будущих станций, в совершенно необжитых местах селились отважные люди, преданные родине и науке. Велись гидрологические, почвенные, климатические исследования. Закреплялись овраги. Сажался лес. Только в Великоанадольском участке за 7 лет было посажено около девяноста гектаров леса. Да, 1892 год был самым счастливым в судьбе Докучаева. В Петербурге выходит его книга — "Наши степи прежде и теперь", сделавшая его всемирноизвестным. — "Издание в пользу пострадавших от неурожая", — значилось на обложке.

С 1 июня приказом министра народного просвещения Докучаев был назначен управляющим Ново-Александрийским сельскохозяйственным институтом. Приказ развязал руки. Ничто теперь не мешало первому почвоведу страны диктовать свои условия. Он приглашает в свой институт молодых и даровитых, будущих профессоров и академиков Е. Вотчала, Н. Криштофовича, Н. Димо, В. Вильямса, реорганизует опытные хозяйства и забирает их у самого попечителя Варшавского учебного округа Апухтина. Три десятилетия институтское хозяйство "Конская воля" безропотно снабжало попечителя мясом, маслом, молоком и тут вдруг такой позор на всю Европу. Апухтин даже слег с нервным расстройством. Докучаев собственноручно разрабатывает новую учебную программу вуза. Выкидывает предмет богословие. Он, сын священнослужителя, хитро все аргументирует: мол, в институте учатся студенты с различным вероисповеданием. Он разрешил без ограничений принимать поляков и впервые в стране допустил в вуз евреев. А преподавателя богословия, оставшегося без работы, заставил читать... русскую литературу.

А когда его студенты, замешанные в революционных выступлениях, спасались от погромов в здании института, Докучаев закрывал их в своем кабинете, а ретивым полицейским ищейкам показывал дверь.

— "А все таки как хорошо жить!" — писал он друзьям.

Только в последнее время становятся известными интереснейшие философские взгляды ученого, замалчивающиеся долгие тысячелетия. В лекциях он говорил о существовании наряду с законом борьбы за выживание закона "мировой любви", важной частью которого является любовь к природе (Энерго, 1996, №8, стр.46—51).

Безумство пахаря

"Культура поля идет всегда рука об руку с культурой человека".
Академик Н.И. Вавилов.

Умножающий знания умножает печаль. Экспедиции, материалы опытных станций убедили Докучаева в том, как скромны познания науки и как невежественны, первобытны способы обработки почв. Добиться прибавки урожая любой ценой, сегодня, сейчас, пусть даже надорвав плодородие почвы, разорив самобытную скатерть-самобранку. А завтра постараться еще больше. Земледелие становилось, по образному выражению Докучаева, "биржевой игрой", азартность и ставки которой росли с каждым годом.

— "Но само собой разумеется," — писал он, — "что так дело продолжаться не может и не должно... Безусловно, должны быть приняты самые энергичные и решительные меры, которые оздоровили бы наш земледельческий организм".

Ему не верили. Не слушали. Не воспринимали всерьез. В тридцатых, пятидесятых годах, в лихом азарте “переделывания природы” рождались один за другим дикие проекты на песке: перелопачивались русла рек, рукотворные моря заливали древние города и черноземные равнины. На погибель земли и личностей, на ней живущих, спускались из областных центров и выше смелые планы: что, где, как и сколько сеять. Одна ложь рождала другую. Ради лишнего клочка неучтенной земли, горсти зерен в сверхплановый мешок сводились лесопосадки и небольшие рощицы — последние бастионы чернозема, спрямлялись реки, осушались болота. Нет, конечно, были дельные предложения, — например, план создания полезащитных насаждений от 1948 года. Но опять, его бросились выполнять-перевыполнять в пять лет, а то и за три года... Некогда было остановиться, оглянуться. Газеты призывали: “Даешь наступление на природу!”, “Расступись, тайга!”. Безумству пахаря пели славу поэты.

Лицей вечнозеленой красоты

“...Только глубокая любовь к своей специальности, идеальное сознание гражданского долга и непоколебимая сила воли могла заставить В.Е. Граффа принести себя и свою семью в жертву степным невзгодам, чтобы этим достигнуть желанной цели”.
В. Т. Собичевский.*

Лес растить в степи трудно. Раньше было невозможно.

Виктор фон Графф счастлив. Счастлив по-настоящему. Ведь это именно ему, двадцатитрехлетнему поручику корпуса лесничих сам министр государственных имуществ Российской империи предложил заняться на юге “лесоразведением в широких масштабах”. Сбылась его давнишняя мечта — вырастить дубраву прямо посреди степи.

Родился Виктор Егорович фон Графф 3 ноября 1819 года в небольшом городишке Овруче, что в Житомирской губернии. Отец, немец, уроженец Курляндии, отставной штабс-капитан, участник отечественной войны 1812 года, скончался от ран, когда мальчику еще не было 10 лет. Не долго прожила и мать, уроженка солнечной Италии.

Четырнадцатилетним юношей в апреле 1834 года Виктор поступает в Петербургский лесной и межевой институт. Учреждение это было военное, со своим жестким уставом и твердым распорядком дня. И обучались здесь не “вольные” студенты, а две роты лесных офицеров и инженеров-топографов. Несмотря на суровую дисциплину и невежество некоторых преподавателей-полковников, лесной институт считался довольно неплохим и престижным учебным заведением.

Летом после 5 курса Графф был направлен на практику в Екатеринославскую губернию. Степь встретила его сухо. Сразу опалила лицо, заставила узнать цену воде и еще ... влюбила в себя. Бродя по бескрайним холмам, каменистым балкам, пытливому юноше захотелось оживить их, придать им свежесть листьев и пенье птиц. “Тогда и сонные степные речушки заговорят, и урожай у местных селян весомей станет,” — рассуждал будущий известный ученый. — “Лес — это и преграда жестоким суховеям, дрова и ягода, отдых в изнуряющий зной”.

— “Попробовать надо”, — решил Графф, — “ведь встречаются же еще по балкам и ярам кое-где леса”. С этой мыслью Виктор фон Графф возвратился в Петербург, дабы окончить институт по первому классу, и уже лесничим, имея специальный наказ министра, возвратиться.

Степь в мае прекрасна. Красным, синим, желтым, серебряным бушует она. Вода в ручье еще холодна, и солнце не печет — мягкое и золотистое. Так здесь всего две недели, но ради этого хоровода счастливых дней сюда спешат за тридевять замель.

В этот тихий майский вечер на околицу малороссийского села Новотроицкое вывалили все, от мала до велика. Да и разве усидишь дома, когда по главной улице на черных иноходцах гарцуют двое красавцев-военных. Мундиры шиты золотом, фуражки — с белыми околышами. Один — солидный, с усами, другой, чернявый, невысокого роста, широкоплечий, еще совсем молодой.

Были это — известный русский лесовод Ф.К. Арнольд и еще никому тогда неизвестный подлесничий Виктор фон Графф.

Искали они место для будущего леса. Осмотрев 23 участка, пал выбор на верховья речушки Кашлагач в 2,5 тысячи десятин, что у Великоанадольской дачи в Александровском уезде.

Молодой лесничий не просто хотел развести в степи лес. Он мечтал повести дело так, "чтобы оно было чисто народным" (ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 643, п. 32). И доказать, что разводить в степях лес возможно. Он планировал основать школу лесников, дабы мальчики, обучившиеся правильно садить лес, могли распространить эти привычки среди местного населения. Графф хотел облагородить нравы народа через древонасаждение.

Он принялся за дело со рвением. Недосыпал, недоедал, забыл о воскресеньях и праздниках. Закупал лошадей, инструмент, выписывал лесников. Сам боронил, сеял. Не раз ветры-суховеи, тучи саранчи или града губили подчистую нежную поросль. Он с упрямством принимался заново. В 1843 г. создает лесничество, в 1850 — школу лесников. Школа маленькая, средств, учебников не хватает, выпуск всего 5 человек, но это уже свои кадры.

"Приемам посадки деревьев и ухода за ними," — отмечал русский лесовод А.Ф. Рудзкой, — "великоанадольские мальчики выучивались, конечно, в совершенстве".

Трудно Граффу, очень трудно. Министр забывает о своих обещаниях, не хватает средств, нет врачей.

"Приступив к разведению леса", — пишет Графф, — "не позаботились о том, чтобы тотчас же скорее построить здание для помещения школы и всех служащих. Без малого 12 лет мы кочевали, как цыгане. Я жил за 15 верст от места занятий (в с. Новотроицкое) в дурной сырой квартире и при самых нечеловеческих лишениях. Мальчики (т.е. воспитанники школы лесников) сперва помещались по квартирам в казенных селениях и каждый день ходили на работу, подвергаясь всяким непогодам, а потом были стиснуты на месте культур в жалкой землянке без всякого надзора. Все имущества и рабочий скот пропадали на открытом воздухе. Трудно описать все испытанные нами в тот промежуток времени неудобства и страдания. Все это выше всякого описания".

Но лес, желанный лес наконец-то стал расти. Мужали дубки, тянулись к звездам юные сосны, а где-то в самой чаще леса вдруг робко зазвенел колокольчиком первый ландыш. Все это казалось сказкой, небылью, шуткой не только противникам степного лесоразведения, но и самому Виктору Егоровичу и его помощникам. Окрыленный успехом, Графф продолжал опыты. Что лучше сажать в степи — сосну, дуб или ясень?

Он закладывает питомник, комбинирует посадки из 30 древесных и 40 кустарниковых пород, собирает гербарий, открывает несколько еще неизвестных растений и коллекционирует

каменных баб. Это его хобби. Он мечтает свезти их со всей степи, спасти молчаливых свидетелей прошлого от уничтожения в своем музее под открытым небом.

Слава Граффа растет. Его избирают членом многих российских научных обществ. Вольного экономического, акклиматизации, сельскохозяйственного, испытателей природы. Награждают орденами Анны и Станислава, присваивают звание полковника корпуса лесничих. Хотя сам живет в страшной нищете, у него не было даже серебряной ложки.

Но за все нужно платить. Горькой ценой заплатил за лес в степи Графф. От невзгод и лишений умерла жена, сам он заболел неизлечимой болезнью.

В 1864 году Министерство государственных имуществ вдруг решило закрыть Велико-Анадольское лесничество и распустить лесную школу. Графф обращается за помощью к лесоведческим журналам, обществам.

—"На степное древонасаждение Правительство должно обратить особое внимание", — писал он руководителю Общества сельского хозяйства Южного края России. — "Да, всякий человек, сколько нибудь здравомыслящий, всяк, кто желает добра своей стране, своему народу, не может не согласиться с истиной слов Ваших (о степном лесонасаждении — В.Б.). Этой истины, к несчастью, не признает только тот, к кому относятся Ваши слова: ее не признает только Правительство" (ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 643, л. 33-об.).

Дело Граффа удалось отстоять.

7 января 1866 года его избирают ординарным профессором Разумовско-Петровского сельскохозяйственного института (ныне Московской сельхозакадемии имени Тимирязева), приглашают в Москву.

Графф соглашается. Лес, посаженный им, пустил корни. В Великоаналоде теперь много его последователей, а ему нет сил смотреть на могилы своих близких.

В Москве Графф прожил недолго. Всего год. Умер в серый осенний день, 25 ноября 1867 года. Перед смертью просил посадить на свою могилу дубки из южнорусских степей.

Похоронили его в селе Владыкино близ института. За свои 48 лет Виктор Егорович фон Графф посадил лес всего на 157 гектарах. Но посадил в степи, наверное, один из первых в мире. Он многое не успел, но сделал самое главное — доказал возможность облесения возвышенной открытой степи, определил пригожие породы деревьев, выработал дешевые способы посадки леса, приучил к этому местное население. Большее было выше сил этого сильного и мужественного человека.

Легко забываются таланты. Но Граффа помнили. Петербургское лесное общество собрало на добровольных пожертвованиях за 33 года 1965 рублей, заказало в Финляндии высокий обелиск из черного мрамора. 30 сентября 1910 года его установили в Великом Анадоле. Известный лесовод Э.Э. Керн сказал кратко: "В то время, когда авторитеты запада отрицали возможность разведения леса в степи, русский лесничий Графф доказал, что и в степи можно развести лес, там, где его нет, и, может быть, никогда не было".

С легкой руки Граффа степное лесоразведение сделалось нашей национальной работой, работой русских лесничих".

В Великом Анадоле продолжали работать ученики Граффа: Л.Г. Барк, Х.С. Полянский, Г.Н. Высоцкий. Сажали лес, двигали науку, обучали ребят в лесной школе (она стала именоваться школой лесных кондукторов).

До 1917 года за 67 лет своего существования был подготовлен 371 специалист.

Первые ласточки

... А вот это прикипело. Въелось в память, долго мучило. Фотография не давала покоя. Попалась мне подшивка "Охотника и пушника Сибири". Дотемна просидел я тогда в библиотеке, разглядывая бесхитростные карикатуры на кулаков и браконьеров, зачитываясь лирическими этюдами неизвестных мне авторов, наблюдениями за животными. Все скомкалось, забылось. А вот фотография улыбающегося парня в кепке, на миг выхваченная взглядом, отпечаталась. Она жгла, бередила душу и вновь возвращала к журналам.

"Очевидно, при продвижении всякого нового общественно важного дела неизбежны жертвы.

Недавно скончался Николай Иванович Дергунов, один из создателей и руководящих сотрудников Центральной биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева в Москве, оригинальный исследователь-орнитолог. Он отдал последние годы своей 30-ти летней жизни звероводству, отдал, по своему обычаю, целиком, при полном упразднении личной жизни, при безвозвратном вложении в дело своих скудных заработков.

Трудно представить, сколько злобных выпадов и самой беспардонной "критики" пришлось ему вынести в последние месяцы жизни от тех самоуверенных, беспринципных людей, которые неизбежно присасываются ко всякому общественному делу, и для которых так всегда страшна и нетерпима чужая яркая мысль, хотя они не прочь под шумок не только использовать ее, но при случае и спекульнуть, как своей собственной".

Скупые строки стукнули током. Кто же этот Дергунов? Почему так до обидного мало я знаю? И я стал жадно искать, собирать о нем материалы.

У каждого должна быть своя голубая мечта. Иван Русаков мечтал организовать для ребят биологическую станцию. Как профессиональный врач, он прекрасно понимал, что общение с природой, кроме всех прочих благ, принесет еще для болезненных городских мальчишек и девчонок здоровье.

Мечта укрепилась, вызрела в щемящую необходимость в сибирской ссылке, куда большевик Русаков попал после разгрома на Красной Пресне. Октябрьскую революцию Иван Васильевич встретил в Москве, командиром вооруженного отряда рабочих, а вскоре был избран председателем Сокольнического исполкома. Несмотря на сотни важнейших и насущных вопросов, он твердо настоял на своем и добился открытия в Сокольниках первой в стране станции юннатов.

А 21 марта Ивана Русакова, делегата X партсъезда, подняли с кронштадского льда и привезли в Москву с шестью пулями в груди... Когда хоронили у Кремлевской стены, ревела вся станция, хотя знали юннаты, как не любил Иван Русаков эти слезы.

Чайки караулили солнце. Оставалось каких-то полчаса до рассвета, самое темное время. Чайки ждали восхода, чтобы взметнуться вверх, привычно оглянуться на бескрайние камыши, и опять, как вчера и как завтра, устремиться вдоль бегущих волн. Дергунов привел

ребят еще затемно. Пока переоделись, рассовали по карманам “оборудование”, рассвело. Сотни крачек, чаек, куликов, завидев людей, затеяли невообразимый скандал. Рассыпавшись цепью, юннаты стали искать в траве гнезда, хватали разбегающихся пуховичков и надевали им на лапки металлические кольца.

Дергунов один из первых в СССР начал кольцевать птиц. На каждой пластинке была выбита дата, место кольцевания и просьба вернуть кольцо. Но напрасно юннаты ждали посылок из-за рубежа. Вестей не было несколько лет. Николай уже стал разочаровываться в методике. И только через три года на станцию заглянул дипкурьер, недавно возвратившийся из Италии. Он-то и поведал, что в Риме чайки наделали много шума. Кольца с московским адресом, снятые охотниками с убитых птиц, были расценены властями как “новая форма красной пропаганды”. Полиция сбилась с ног, рыская по базарам и охотничьим рядам в поисках “коммунистической птицы”, как прозвали там русских чаек.

— “Николай Иванович, мы гнездо черного коршуна нашли. В самом конец шестой просеки, на высокой сосне, знаете?”

Черного коршуна Дергунов искал давно и упорно. Стараясь найти доказательства полезности хищных птиц, он излазил много деревьев и обрывов, обследовал не одно гнездо филина, скопы, ястреба. А вот черного коршуна найти не удавалось.

— “Молодцы! Айда за лестницей!”

Красная пожарная лестница была уже на месте. Но оказалась бесполезной. Прямой, без сучка, без задоринки, будто вылитый из меди ствол был для нее недосягаем.

Витя Тимофеев, гордость станции, самый ловкий из всех, смущенно потирал ссаженые колени — не смог залезть.

— “Попробуем иначе”. Дергунов огляделся и начал карабкаться на соседнюю сучковатую березу.

— “Николай Иванович, вы куда, гнездо ведь не там,” — не поняли с земли. Взобравшись примерно на равную с гнездом высоту, он раскачался на верхушке и перепрыгнул на сосну. Покоренное дерево спружинило, больно хлестнув лапами. Птенцы черного коршуна оказались уже совсем оперившимися. Они совсем не испугались человека, уставившись на него зелеными глазищами.

Дергунова потом долго разбирали, грозили выговором, стыдили за опрометчивость поступка.

... Маяковский поддержал идею Дергунова. И даже вдобавок сочинил шуточное: “Мы ждем вас, товарищ птица, отчего вам не летится!” А затем еще попросил принести определители по-цветастей и нарисовал кисточкой несколько великолепных плакатов для “Дня птиц”

На Воробьевы горы шли веселые, с песнями. Впереди бежали самые маленькие юннаты, в масках любимых птиц. Те, что постарше, шествовали с дуплянками, скворечниками, плакатами. Сокольнический парк и радиостанция им. Попова предложили лестницы, мальчишки было отказались, но потом, после сотых развешенных скворечен, таки признались, что были неправы.

Не по-мартовски грело солнце, воздух был свеж и напоен теплом, в высокой синеве бесновались грачи, вспугнутые ребятами.

Дали раздвинулись, и Москва, как на ладони, вся еще в талом снеге, была видна. Так в этот весенний день 1926 года в СССР родилась еще одна славная традиция. Широко зашагал “День птиц”. В 1927 году его уже провели во всех районах столицы, где было развешено 1098 скворечен. Из Уральска сообщали: “В 10 часов утра от образцовой ФЗД № 1 комсомол и школы прошли со сделанными гнездовушками и лозунгом “Птицы — верные друзья трудового крестьянства”, с оркестром по всему городу, а затем в указанный сад. Во время развешивания домиков были произведены фотоснимки, которыми иллюстрировали школьные стенгазеты”. В Брянске ко “Дню птиц” была выпущена специальная листовка и устроен карнавал. В Туле, на демонстрации во время “Дня птиц” с приветствиями перед юннатами выступили представители райкомов ВКП(б), ВЛКСМ и райбюро ЮП.

В 1928 году в “Дне птиц” по всей стране уже участвовало 65 тысяч ребят. Они развесили 15182 скворечни.

Правда, на первых порах очень досаждали уличные мальчишки. В Москве, к примеру, они сшибали почти половину птичьих домиков.

— “Только потому, что не зная,” — писал в одной из своих статей Дергунов, — “как проявить свою активность, они занимаются разорением гнезд. Из главных врагов пернатых ребята должны стать их лучшими друзьями. Через привлечение ко “Дню птиц”.

Он, так и не закончивший университет, объяснял это и некоторым академическим профессорам, всерьез предлагавшим поставить возле каждого скворечника по милиционеру.

Еще одно любимое детище было у Николая — кружок юных звероводов. Ради него он отправлялся за песцами на Новую Землю, учился методике содержания зверей в Аскании-Нова у “правой руки” самого Фальц-Фейна — Клима Сиянко. Опытная звероферма при Центральной биостанции юных натуралистов (так теперь именовалась бывшая станция любителей природы) была отстроена за 2 года. Все, кто осматривал просторные, добротно сделанные клетки, вольеры, пушистых, откормленных песцов и лисичек, не верил этому. Даже Клара Цеткин, по совету Крупской посетившая станцию.

... По ночам Николая настигал сухой кашель. Сушил грудь. Рвал горло. Туберкулез все серьезней и серьезней заявлял о себе. Пережить ночь становилось проблемой. Нуждаясь в хорошем питании, Дергунов был аскетом, отдавая все свои средства на любимое дело.

— “Ты рискуешь угробить себя на работе,” — предупреждали друзья.

— “Что делать,” — твердо возражал он, покашливая, — “в организации любого дела есть моменты, требующие ударности”.

В ночь с 2 на 3 июля 1928 года его не стало. Несколько небольших ведомственных журналов скупо сообщили об этом своим читателям.

“Первые ласточки чаще всего погибают”, — прочитал я в одном из них. Отчего же так несправедливо устроен мир?

На грани века

...Все жду, когда мы в День охраны окружающей среды начнем чествовать пионеров охраны природы Отечества: Бородина, Кожевникова, Талиева, Бузука...

Небрежение к истории природоохранного движения, от кого бы оно ни исходило, есть небрежение к великой истории нашей страны, к ее традициям. Нужно быть вовсе слепым и глухим, иметь никудышнюю память и совесть, чтобы с завидным постоянством забывать о них.

Кстати сказать, среди биологов всегда были, есть и будут люди чести и долга, занимающиеся охраной природы, не избегающие этого нервного и невыгодного занятия, а, наоборот, рвущиеся к нему. Они не ограничиваются "чистой" наукой или в лучшем случае "выдачей" рекомендаций. Главным для них есть природоохранная практика. Традиции природоохранников нашего времени заложили они — горстка пионеров охраны природы, появившихся на грани двадцатого века.

...Издалека видится его величавая фигура, патриарха всея русской ботаники, первого из первых, вступившихся за природу Отечества. Такими рисовали мудрецов и пророков в древних русских храмах — с высоким и чистым челом, длинными вьющимися волосами, тронутой сединой бородой. За умение ясно говорить коллеги прозвали его "Иваном-Златоустом". У него были талантливые ученики. Лучшим из них стал Сукачев.

Родился Иван Бородин у стен Господина Великого Новгорода, и как многие русские, познал в детстве и нужду, и голод. Отец — военный, умер рано, оставив вдове двух малолетних сыновей. Екатерина Александровна, женщина умная и энергичная, передала детям его наказ: расти в труде. Еще будучи гимназистом, Иван начал давать уроки математики и словесности. Проявился талант к музыке, и он овладел ею, да так, что в будущем его путали с известным композитором-однофамильцем. В Петербургском университете он наткнулся на книги Бекетова и "заболел" ботаникой.

В жизни каждого бывает случай. Один и счастливый. Выпускника университета Бородина вечером через открытое окно аудитории услышали в споре ученые Лесного института. И прямо со студенческой скамьи пригласили на свою кафедру. Счастливый день, в который студент Бородин перешагнул порог института, стал первым листком календарей последующих 35 лет, отданных Лесному.

Здесь он защитил магистерскую диссертацию, стал профессором, создал Ботанический кабинет, впервые в системе высшей школы России ввел практические занятия и экскурсии.

На озере Бологом, что под Новгородом, на свои средства и при помощи друзей организовал летнюю биологическую станцию. Ее прозвали Бородинской и тогда он передал свою обширную библиотеку: "Уж раз станция Бородинская, то где же быть и книгам Бородина, как не здесь!". Он был душой студентов. Приехавшим из провинции оказывал дружеские приемы на дому, на своей квартире устраивал шумные научные собрания. А студенческий кружок "Маленьких ботаников" избрал его своим почетным членом.

Рассказывают забавный случай. Решили как-то студенты о каждом своем преподавателе сочинить стишки, подковырнув какую-нибудь не лучшую черту характера. Дошла очередь до Бородина. Тужились, тужились острословы, но ничего, кроме "А профессор Бородин — распрекрасный господин" не придумали.

Крутой поворот в деятельности настоящего ученого зреет долго, десятилетиями. 1895 год стал переломным в биографии Бородина. Он принимал у себя в Лесном институте немецкого профессора Конвенца. Неистового Гуго Конвенца, первого комиссара государственной комиссии по охране памятников природы Германии, организатора пропагандистских поездов и природоохранных праздников, музеев и журналов, автора множества статей, создателя заповедников. Прирожденного пропагандиста и организатора.

Позже, на международной конференции в Берне, Бородин заявит: “Тот, кто своим примером увлек двух здесь присутствующих представителей России, был профессор Конвенц”.

У Маркса есть психологически точное наблюдение: идеи, которые овладевают нами “... это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца...”. Идеи Конвенца овладели сердцем Бородина.

И он начал смело и жадно. Без ученичества и пристрелки. 1909 год — программный доклад по охране природы на съезде русских естествоиспытателей и врачей. 1910 год — обзорная статья “Охрана памятников природы” в “Трудах ботанического сада Юрьевского универститета”. 1911 год — еще одна. 1912 — создание первой в России координирующей природоохранной организации. 1914 — разработка проекта закона по охране памятников природы, подготовка всероссийской природоохранной выставки. 1915 — создание заповедных территорий. 1917 год — всего за пять дней до октябрьской революции проведено согласование проекта будущих российских заповедников и закона по охране памятников природы.

Столыпинская реформа доконала русские степи. Степи, воспетые автором “Слова о полку Игореве”, Гоголем и Чеховым. Степи, в которых ковыль стоял, как деревья, а роса была по траве как вода. Расползлись по последним степным клочкам вольные хуторяне, начали было пахать целину, да плуг нейдет. Тогда разрезали ножами тугой как войлок дерн и рапахали степь. И поднятая целина начала мстить. Покатились по России одна за другой страшные засухи, задули черные ураганы, высохли реки. Пал скот, неуродился хлеб, начался неслыханный голод. Россия, кормившая дешевым хлебом всю Европу, сама оказалась просителем.

Друг и соратник Бородина, почвовед Докучаев распознал беду и указал, как с ней бороться: обсаживать зеленью ручьи и речки, менять севообороты, создавать заповедники. Его во всем поддержал Бородин.

— “Наиболее неотложным представляется мне образование степных заповедных участков. Степные вопросы — это наши, чисто русские вопросы, между тем, именно степь, девственную степь мы рискуем потерять скорее всего... Раскинувшись на огромном пространстве в двух частях света, мы являемся обладателями в своем роде единственных сокровищ природы. Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля, — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности”.

... Заседание затягивалось. Большой зал, взятый в аренду у Дворянского собрания, рассчитанный на двести мест, переполнен — яблоку негде упасть. Всероссийские съезды естествоиспытателей и врачей всегда были популярны у русских ученых, но этот, двенадцатый, собрал делегатов как никогда. Секция ботаники выдалась “горячей”. Обсуждали доклад академика Бородина, — “О сохранении участков растительности, интересных в ботанико-географическом отношении”. Вернее, не доклад, размеренный, академический, а страстный, выстраданный призыв.

И прорвало.

Первым, даже не попросив слова, сдетонировал взрывной харьковский ботаник Талиев. Высокий, худощавый, резкий в движениях и высказываниях. Прямо с места:

— “Одними заповедниками, коллеги, мы природу не защитим. Надо, чтобы народ понял, осознал, зачем мы это делаем. А он пока слеп и глух. Взгляните, как учат естественные науки в университетах. Смех и грех. Сухие гербарии и сухая латынь. Студент-естественник живой

природы не видит. А как же, не видя ее, можно знать и любить? Пора встряхнуть от пыли наши почтенные общества естествоиспытателей, ботанические сады. Довольно плодить им науку без практики. Хватит изучать природу ради степеней и званий, а не для ее защиты. Нужен нам и всероссийский журнал, а еще, может быть, и газета, специально по охране природы".

Кряжистый, бородатый профессор Морозов, обычно молчащий в присутственных местах, попросил слова.

— "Иван Парфеньевич прав. Прав трижды. Я бы хотел немного его дополнить. Заповедные участки нужно создавать планомерно, по особому проекту, в каждой ботанико-географической области России. По ним, как по особым приборам, мы должны сверить величину хозяйственного размаха. Необходим и авторитетный, координирующий заповедники орган. При Академии наук, а может, при Географическом обществе".

— "А ведь это мысль," — осенило Бородина. — "Забуду, лучше записать. Именно при Географическом обществе: широко разветвленной, авторитетной и наиболее лояльной к этому организации. Надо срочно переговорить с географом Вениамином Тян-Шанским".

Прения не стихали. Выступал лесовод Высоцкий, за ним — ботаник Голенкин. На Москву давно спустилась глухая морозная ночь и задубевшие городовые уже не могли сдержать своего раздражения:

— "И пошто эти профессора так расходились? Околевай тут из-за них — эка, серьезные вещи решают!"

Ученого Ростовцева сменил тифлисский ботаник Виноградов-Никитин.

— "Эльдарской сосны, уникума наших гор, осталось, лично считал, всего 498 деревьев. Пастухи нещадно рубят ее на дрова. Принцип "лучше поздно, чем никогда" для Кавказа не подходит. Сосну нужно спасать сегодня..."

Бородина не могли не услышать в России.

Учитель Петр Бузук создал в селе Верхняя Хортица, что в Екатеринославской губернии, первое в стране "общество охранителей природы", отстоявшее от владельцев каменоломень столицу Запорожской сечи. Ботаник Талиев организовывает в Харькове общество любителей природы и проводит чуть ли не первую в мире выставку охраны природы. Служащие Тифлисского сада Сосновский и Виноградов-Никитин устраивают на Кавказе комиссию по охране памятников природы, инспектор народных училищ Хребтов рассылает по прибалтийским школам природоохранительные циркуляры, госпожа Полотебнова привлекает петербургских мальчишек и девчонок в "Майский союз по защите и охране птичек", меценаты — графиня Панина и дерзкий мечтатель, влюбленный в биологию, Фридрих Фальц-Фейн организовывают частные заповедники, Полтавское земство учреждает премию за лучший очерк по охране природы.

Это были первые и замечательные ростки того явления, что спустя полвека осознает себя движением за охрану природы.

В 1912 году Бородин организовывает Постоянную Природоохранительную комиссию при Русском Географическом обществе. "Цель комиссии — возбуждать интерес в широких слоях населения и у правительства к вопросам об охранении памятников природы России и осуществлять на деле сохранение в неприкосновенности отдельных участков или целых

местностей, важных в ботанико и зоо-географическом отношении, охранении отдельных видов растений, животных и пр.”

Бородин привлек к работе в комиссии практически всех пионеров охраны природы. Запомните их имена: Г. Кожевников, Н. Кузнецов, А. и В. Семеновы-Тян-Шанские, В. Сукачев, Г. Высоцкий, Г. Морозов, Ф. Фальц-Фейн. Позже были приняты В. Талиев, Л. Берг и П. Козлов.

Комиссия печатает воззвания и брошюры, добивается охранения Лагодехского ущелья на Кавказе и южной оконечности Ильменских гор, организовывает экспедиции в Хреновскую степь, в Семипалатинскую область, подготавливает проекты природоохранных законов, командирует И. Бородина и Г. Кожевникова осенью 1913 года в Берн, представлять Россию на первой “конференции по международной охране природы”.

Каждое утро дворник приносил пачки писем. Со всех концов России. На конвертах — адрес: С-Петербург, Демидов переулок, комиссия Бородина. Павел Максимович Мордвинов, из Самарской губернии спрашивал: “Чем я могу быть полезен для охранения природы в нетронутом виде, что мне бы очень хотелось?”.

Доктор Хомяков слал послание: “Дело в том, что группа врачей из г. Казани задалась целью учредить общество защиты природы. Такое общество тем более необходимо, что за последнее время варварски вырубаются леса, сады, засыпаются озера и красивая зеленая Казань быстро превращается в пыльный и грязный город.

Относительно общества защиты природы никто не мог указать мне хотя бы самых поверхностных указаний. Я запросил профессора Кайгородова, предполагая, что ему, как вдумчивому наблюдателю природы, известны меры борьбы с истребителями. Профессор ответил, что он перегружен работой и относительно общества защиты природы ничего сообщить не может, да и не знает, есть ли таковые”.

Воодушевленные народной поддержкой, Бородин с соратниками задумались уже об организации Центрального природоохранительного комитета с отделениями на местах, “нового общества, возможно широко разветвленного по стране, с минимальным членским взносом”, а также “дешевого популярного журнальчика, посвященного природоохранительному делу”. Решено было провести в Петербурге и всероссийскую выставку по охране природы.

1 июля 1914 года Бородин обращается от имени комиссии в Петербургскую городскую думу с просьбой о выделении субсидии в 15 тысяч рублей на организацию выставки. Эта просьба была отклонена.

...Статью тогда подписало 342 ученых, 16 академиков. Одним из первых поставил свою подпись Бородин. Статья называлась “Записка 342 ученых”. Хлесткая, бьющая самодержавный строй “записка” была опубликована петербургской либеральной газетой “Русь” спустя две недели после Кровавого воскресенья. И вызвала гнев президента Российской Академии Наук, великого князя Константина Константиновича. Тот немедленно продиктовал ехидное послание каждому из шестнадцати академиков, что, мол, сначала, господа хорошие, откажитесь от казенного жалования, а уж потом занимайтесь политикой. Князь рассчитал холодно и верно. Академики потупили свои взоры. И было выиграл князь дело, да вдруг получил от академика Бородина дерзкое прошение об отставке. Вспылил президент, все вспомнил гордому просителю: и либеральные речи на ученых собраниях, и женитьбу на внучке декабриста. Хотел подписать отставку, да надоумил его сметливый секретарь Академии Ольденбург не делать этого, не то, мол, теперь время. Заминать скандал

надо. И пришлось великому князю срочно созывать заседание Академии и публично извиняться перед учеными.

Киевские ботаники Навашин, Вотчал и Фомин рассчитали правильно. В России только один Бородин мог поддержать и осуществить их идею: объединить всех российских ботаников.

Когда Иван Парфеньевич начинал, ботаников в стране насчитывалось не более двух-трех десятков. Сейчас же их были тысячи. Ботаника, как наука, не могла уже дальше двигаться по принципу “кто в лес, кто по дрова”. Возросшее количество предполагало новое качество. Получив 78 “сочувственных заявлений” видных ботаников, Бородин начинает хлопотать в Академии наук, в министерствах. Пишет ходатайства, прошения, доказывает, требует и добивается своего. В декабре 1915 года открывается учредительный съезд ботаников России. Его избирают президентом созданного им Русского ботанического общества и редактором нового ботанического журнала.

Киевские ботаники знали, кого просить быть капитаном. Человека не только энергичного и популярного, но, главное, доброго, незлобливого, деликатного. Только такой капитан мог удачно править неокрепшим судном новоиспеченой организации в бурном море научной и общественной жизни, не дать разбиться ему на подводных камнях и рифах склок и групповщины. Капитан имел выверенный компас:

— “Здесь храм науки, и нам, входя в него, следует оставлять за порогом всякие личные счеты и личные наши интересы, и с чистым сердцем служить нашей святыне”.

Киевские ботаники не ошиблись. Многие почтенные и влиятельные общества распались: Лесное, Вольное экономическое, не выдержав проверки временем, Ботаническое выстояло. В трудные двадцатые годы он, уже в возрасте, проводит Всесоюзные съезды, добивается лимита бумаги и разрешения на выпуск Ботанического журнала.

В годы революции и гражданской войны Ивана Парфеньевича Бородина избирают вице-президентом новой Академии наук. Это были тяжелые времена для русской науки. В холодных помещениях и библиотеках, в лабораториях, лишенных газа и электричества, трудились ученые. Без научной литературы, без связи с коллегами и возможности печататься. И не выдерживали некоторые.

Бородин продолжал бороться. Один глаз ослеп, на другом зрела катаракта, снять которую было нельзя до полного созревания. Мир для него погрузился в темноту. Целый год слепым преподавал академик в Красноармейском институте.

Он вынес несколько сложнейших операций подряд и частично вернул зрение. Связь с наукой восстановилась. Он вновь готовил к переизданию свои учебники, правил корректуру Ботанического журнала, готовился к лекциям. В 1927 году советская Академия наук праздновала 80-летие своего старейшего академика. Будущий академик геолог Ферсман писал по этому поводу:

— “И выпуклее вставала величавая, крупная фигура этого старца, жизнь которого должна еще долго служить примером для тех, кто желает идти по пути научной работы, и упреком для тех, кто в тяжелые минуты русской жизни опускает руки и теряет волю”.

Летом 1929 года его разбил паралич. Сначала отказала правая рука. Стала бессвязной речь. Его могучая натура не сдавалась. Восемь месяцев он боролся со смертью, до 5 марта 1930 года.

На грани стремительного века не все, кто был достоин всенародной памяти и любви получили признание. Дело потомков — восстановить звенья, связывающие сегодня с началом. Иначе и наши дни станут ненужным грузом для внуков, равнодушных к памяти.

Твое то, что отдал

Будущей весной совхоз “Чапли” Асканию решил распахать. Как бельмо на глазу был у ретивых хозяйственников этот бесполезный кусок целины.

— “Помещик Фальц-Фейн берег его на свою утеху, мы же здесь жито посеем”, — решили местные крестьяне.

Такие тревожные вести привез из Херсонщины в только что созданный Комитет по охране памятников природы при Народном комиссариате просвещения УССР студент-ботаник. Не откладывая дела в долгий ящик, комитет организовывает совместное совещание ученых и ответственных работников комиссариатов. Первым поднялся представитель Наркомзема, грузный, лысоватый мужчина. Долго наливал из графина воду, пил.

— “Торопиться не надо. Давайте подумаем, что мы там теперь будем делать. Если как и хотели — заповедник, то дадим сначало ему звучное название, подработаем, обсудим годок — другой о нем Положение, соберем в штат специалистов... А там можно будет и организовывать”...

Второй выступающий также предлагал не спешить.

— “Надо поехать в Россию. Там уже есть заповедники. Обобщим их опыт”.

Затем слова попросил высокий плечистый бородач в косоворотке, председатель правления Института Естествознания и заведующий Центрохотой УССР тридцатишестилетний Виктор Аверин.

— “Охрана природы не терпит промедления. Завтра помагать Аскании уже будет поздно. Задача момента — сохранить ее, и это нам надо сделать сейчас. Вопрос дальнейшего — дело будущего”. Через неделю, 20 января 1921 года Коллегия Народного комиссариата земледелия утвердила временное Положение о первом Украинском государственном заповеднике “Чапли”. Так тогда назвали Асканию.

Виктор Григорьевич Аверин родился 18 октября 1885 года в селе Чепель Савинского (теперь Балаклейского) района Харьковской губернии. Мать — обедневшая дворянка, отец — землемер. Детство прошло на Донце, одном из красивейших мест Украины. Здесь Витя, как впрочем и его брат Всеволод, будущий художник — анималист, заразился тягой к природе. Кстати, позднее, уже будучи активным деятелем охраны природы, ему удается добиться заповедания одного из живописных участков бывшего родового имения — урочища Чернетчина.

В 1912 году с дипломом I степени закончил естественное отделение физико-математичекого факультета Харьковского университета, самого популярного в то время во всей Малороссии. Да и как было не учиться там, где читают лекции знаменитые знатоки животного мира, так интересующего Аверина, — профессора П.П. Сушкин и А.М. Никольский, где преподает первый на Украине популяризатор оригинальных суждений по охране природы — приват-доцент ботаники В.И. Талиев? Его Аверин полюбил сразу, только попав на заседание

Харьковского общества любителей природы. А в 1916 году Виктора Аверина избирают уже товарищем председателя, то-есть заместителем самого Талиева по зоологической части.

“Изучать и охранять, охранять и изучать”, — таков был девиз молодого зоолога. Вместе со своим братом Всеволодом, в будущем известным художником-анималистом, Аверин в конце 1917 года организовывает в Харькове “Демократическое общество охотников и рыболовов”. Организацию передовых людей, любителей охоты и рыбалки, готовых не только стрелять и закидывать блесны, но и заботиться о природе. Для сохранения памятников природы Харьковщины срочно понадобились деньги, — и охотники жертвуют 500 рублей. Но возникла опасность анархии, бесконтрольного избиения всего, что плавает, бегает и летает.

В марте 1917, на заседании Исполнительного Бюро Харьковского городского общественного комитета, Аверин поднимает вопрос о беспощадном кругом истреблении дичи. Предлагает отпечатать 3 тысячи воззваний для расклейки по сельским и волостным комитетам, просить губернского комиссара издать специальные распоряжения послать милицию для надзора за охотой, ходатайствовать перед Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов сделать воззвание об охране природы — национального достояния.

Нужен был строгий контроль, учет, плановое хозяйство, построенное на мудрых советах науки. Нужны специалисты, нужна организация. Создать общественный союз, основанный на демократии и равноправии, строгом соблюдении всех охотничьих законов и традиций — эта идея Аверина обретала все новых и новых сторонников в Киеве, Полтаве, Одессе.

10 июля 1921 года, в столице советской Украины — Харькове, заведующий Центроохотой Наркомзема УССР Виктор Аверин торжественно открыл I учредительный съезд Всеукраинского Союза охотников и рыболовов (сокращенно ВУСОР).

Делегатов было немного. 45 человек, представляющих 45 тысяч охотников республики, порешили создать свой охотничий союз. Аверин был избран председателем. Вскоре первый председатель стал еще и первым редактором первых охотничьих журналов — “Охота и рыболовство” и “Природа и охота на Украине”. Тогда-то к его девизу и добавился третий глагол — “писать”. Писать — доступно, интересно, живо. Природоохранные идеи только тогда станут материальной силой, когда овладеют массами. А без широкой поддержки горстке ученых и специалистов не сохранить ни заповедники, ни защитить редких животных, ни положить конец браконьерству. Аверин доказывал:

“Особо важное значение имеет культпросветительская работа среди молодежи. Здесь кое-какие шаги уже сделаны, имеется уже известный опыт, но как всего этого мало перед в сущности необьятностью задач и поля действия! В Западной Европе и Северной Америке одним этим заняты целые общества с огромным числом активных членов и с громадными капиталами; целые ворохи соответствующе составленной и блестяще изданной, и в то же время, чрезвычайно дешевой (или даже бесплатной) литературы выбрасывается в публику, и, надо сказать, достигается эффект”

(“Украинский охотник и рыболов”, № 11, 1927 г)

К работе над охотничьей печатью Аверин привлекает не только извест-ных ученых-природоведов Украины и России — Н. Шарлеманя, Е. Лавренко, А. Никольского, Б. Житкова, Г. Кожевникова, но и писателей — Ф. Чумало, А. Дикого. Юмореской в охотничьих журналах “Люблю я...” начал свою литературную жизнь Остап Вишня. Будучи редактором трех охотничьих журналов, и позже, в составе редколлегии республиканской газеты “Советский охотник и рыболов”, журнала “Украинский охотник и рыболов”, Аверин

старался сделать публикуемые материалы не только научно-достоверными, но и интересными, запоминающимися. Сам придумывал призывы.

И всегда под изящной шуткой скрывался глубокий смысл:

— “Заповедники даешь?
— Нет! Так пожалеешь. Помни! Что посеешь, то и пожнешь!”

Лозунги всегда иллюстрировались оригинальными, точно в цель бьющими рисунками. Здесь уже старался брат Виктора Аверина — Всеволод. Особенно удачен был плакат: “С волками и браконьерами боритесь всевозможными мерами!”

Почему так получается, что новые идеи в начале чаще находят больше противников, нежели друзей? Так было и с предложениями по улучшению охотничьего хозяйства, запрещению весенней охоты, созданию единого Всесоюзного охотничьего центра, организации новых заповедников — эти и многие другие требования и ходатайства ученых — охотоведов, зоологов моментально встречались в штыки любителями бесконтрольной, “вольной” охоты, ревнителями личных интересов. С такими и вступил в борьбу боевой коллектив украинской охотничьей прессы в составе Александра Фуфрянского, Виктора и Всеволода Авериных, Федора Чумало. В защиту лебедей и дроф, которых тогда били массой, как уток, в помощь еще не окрепшим заповедникам — Обиточной косы, Кончи-Заспы, Хомутовской степи.

Нуждались в человеческой защите и великаны-зубры. От браконьеров, от бюрократов и еще от слишком осторожных “любителей природы”. И пусть Кавказ — не территория Украины, и об этом напоминают “разумные” советчики, Аверин вместе с московским зоологом Г.А. Кожевниковым организовывает серию резких выступлений в защиту кавказских зубров:

"... Итак мы получили печальные вести о гибели почти всего стада и самое большее, что осталось — это 30 — 50 голов. Итак, мы присутствуем при уходе с арены жизни еще одного животного, еще одного могучего властелина наших лесов — зубра, само имя которого скоро станет мифическим. Несомненно вина в этом самих охотников, не принявших мер охраны. А все эти губохоты, обохоты и крайохоты можно было бы смело отдать за пару зубров. Прозевать, проморгать такое дело мирового значения, не суметь продлить жизнь какой-то сотне зубров в течении первых самых опасных двух-трех лет — это значит не оправдать самых скромных требований”...

(“Украинский охотничий вестник” № 1 — 6, 1924 г)

И стали приходить письма. Десятками, сотнями. Письма в поддержку: взволнованные, требующие. Они ускорили создание новых заповедников — Провальской степи, Каменных могил, Приморских заповедников. Запрещен отстрел белых цапель и лебедей, прекращена весенняя охота. Добилась редколлегия охотничьих журналов празднования 6 мая Дня охотника, организовала сбор средств на строительство военного самолета “Украинский охотник” в подарок Красной Армии.

Окреп, вышел на стотысячный рубеж Союз охотников и рыболовов Украины. Возрос и авторитет охотничьей печати республики. Пример тому — поздравительная телеграмма в честь годовщины газеты “Советский охотник и рыболов”, опубликованная в ней 3 октября 1928 года — “Новому и большого значения фактору общественного объединения и культурного подъема охотничьих и рыбацких масс Украины — в день годичного юбилея привет и лучшие пожелания успеха в плодотворной работе”.

Вр. командующий войсками Украинского военного округа Блюхер.

Двадцатые годы были самыми насыщенными и самыми плодотворными в жизни В.Г. Аверина. Предедатель ВУСОРа и заместитель председателя Украинского комитета по охране природы, комиссии охраны природы сельхозкомитета НКЗ УССР, заведующий Харьковским отделом защиты растений и редактор нескольких охотничьих журналов, член Президиума Украинского Осовоахима (в то время лучшие стрелки награждались даже специальным призом Аверина), ученый и журналист, общественный деятель и природоохранник, педагог, он должен был успевать везде и успевал всегда. Дважды, в 1928 — 1929гг. и 1938г, он отстаивает от распашки заповедник Хомутовскую степь.

Охотничье хозяйство нуждалось в теоритической базе — и он создает первую в республике Украинскую научно-исследовательскую станцию охотничьего хозяйства, издает первые научные сборники по проблемам охотхозяйства. Необходимы охотоведы — и Аверин организовывает при Центральном Совете ВУСОРа курсы по охотничьему делу.

Работая в Республиканском архиве, листая пожелтевшие страницы биографии ВУСОРа, я не переставал удивляться, до чего это была активная в природоохранном плане организация!

— “Возбудить ходатайство перед НКЗ об изъятии Обиточной косы, начиная от Пересипей и о передачи таковой территории ЦС ВУСОР. Повторить ранее возбужденные ходатайства о необходимости воспрещения на Обиточной косе пастьбы скота, сбора камки и остановок как на косе, так и на прилегающих к ней островах”.

(Из протокола заседания ЦС ВУСОР в августе 1926 г)

В этом же году Аверин добивается, что Белосарайская, Обиточная, Бердянская косы, острова Чурюк, Джарылгач, Ягорлыкский полуостров, всего 9 обьектов, НКЗ УССР объявил временными охотничьими заказниками.

В 1928 году украинские охотники выделили 300 рублей азербайджанским природоохранникам для организации охраны зимующих птиц в Кузин-Ашеском заказнике, в 1929 году — 1000 рублей в фонд усиления охраны Приморских заповедников.

А работа с подростками! В архивах ВУСОРа сохранились любопытные школьные тетрадки, изданные по заказу Всеукраинского союза охотников и рыболовов. На обложке каждой — рисунки и призывы охранять птиц и зверей. В перспективном плане издательского подотдела ЦС ВУСОР было записано: устанавливать тесную связь со школами, помагать им в устройстве кружков и детских выступлений по охране и защите птиц.

За свою жизнь Виктор Григорьевич опубликовал около 350 научных работ. Из них половину — в двадцатые годы.

В сентябре 1929 года он представляет Украину на I Всероссийском съезде по охране природы. Делает большой, обстоятельный доклад. Не утаивает промахов, не бахвалится достигнутым. Зачем пустые и громкие фразы, — дело касается защиты живого на Земле.

Уже тогда, на съезде, отметил Аверин нездоровую тенденцию использования природы только в узковедомственных, мелкохозяйственных целях. И со своими московскими друзьями учеными-природоведами Г. Кожевниковым и Ф. Шиллингером старался дать жесткий отпор.

— “Тот вредный уклон, который при ближайшем рассмотрении жизни заповедника можно заметить, (имеется в виду Аскания-Нова), — превалирование утилитарных интересов над интересами охраны и восстановления степной природы — должно, как можно скорее, свести

на нет. Тракторы, мериносы, зоопарки — вещи сами по себе очень хорошие, но почему для этого всего приносится в жертву единственный степной заповедник — это мало кому понятно”

(“Украинский охотник и рыболов”, № 11, 1928)

Однако ни эти слова, ни его предложение о создании Украинского общества охраны природы, к сожалению, не нашли тогда должной поддержки...

Все чаще в публикациях Виктора Григорьевича проскальзывают нотки горечи от невозможности что-либо кардинально изменить в охране природы. Летом 1928 года, вместе с сыном Юрием (будущим известным советским орнитологом), зоологами А. Мигулиным, А. Шуммером, С. Медведевым и писателем Остапом Вишней совершил инспекционную поездку на заповедный остров Чурюк и в Асканию-Нова. Позже Аверин писал: “уже ночью мы приехали в Чапли. С утра поехали смотреть на отары мериносов и “высококвалифицированных” баранов (один стоит больше 2 тысяч рублей), что прибыли из Англии: посмотрели и на них, и на то, как они едят нашу заповедную траву. Что и говорить — хорошая вещь эта — мериносы, но... Но что и говорить, ведь я знаю, что меня сейчас все равно не послушают... Жалко становится аж до боли в сердце, что большую чистую идею степного заповедника так испорчено, похоронено под бесконечностью “научных заданий и всеобщего практического использования” (Аверін В.Г. “Екскурсія на о. Чурюк”. “Матеріали охорони природи на Україні”, стр. 83 — 88, 1928, т.1, Х.).

В 1930г. Аверина пригласили заведывать кафедрой зоологии и энтомологии Харьковского сельскохозяйственного института. Ее он возглавлял четверть века. До самой смерти.

Тридцатые годы круто изменили ситуацию в стране. Приходится быть сдержанным, отказываться от прошлого. Аверин постепенно отходит от активной природоохранной деятельности, на I Всесоюзной фаунистической конференции в 1932, как и многие зоологи, критикует профессора Римского — Корсакова за его аполитичные взгляды. Характерно письмо Аверина академику Н.М. Кулагину, как руководителю комитета по присвоению научных степеней: “среди немногочисленных статей... и представленных в комитет, случайно попалась и брошюрка “Экспедиция на о. Чурюк” (на украинском языке), в которой я не очень вежливо отзываюсь о порядке в Аскании-Нова, да и вообще тон в ней не выдержанный, излишне бравурный и неверный. Хотя она напечатана 10 лет тому назад, тем не менее я скорее сожалею о ней, чем признаю ее.

О ней, еще в 1930 г, при чистке в НКЗ, я говорил как о нехарактерной для моей работы и деятельности, во всяком случае(...) Очень прошу Вас, дорогой Николай Михайлович, изъять ее из моих статей и при отзыве не принимать во внимание” (Архив РАН, ф. 445, оп. 3, д. 2 лл. 8 — 8 об).

Хотя статья эта, по правде, была одна из самых сильных у Аверина, показывающая неспособность или нежелание новой власти защитить Асканию-Нова... Впрочем, век оправдывает человека.

В архиве 1 отдела Харьковского сельхозинститута, за 1932 год, под рубрикой “секретно” мне удалось найти характеристику на Виктора Григорьевича: “Людина, що безперечно цікавиться своїм фахом і має наукові здібності, педагог не задовільнений. Політично не певна особа, в його виступах багато “робленого”. (Госархив Харьк. обл., ф р-1148, оп 7, д. 53, л. 3)

Знакомясь в СБ Украины с “делом” А.А. Янаты, профессором ботаники и активным деятелем охраны природы, попавшим в руки ГПУ в мае 1933 года, я обнаружил, что подследственный неоднократно называл среди “вредителей” наравне с именами Вавилова и Тулайкова профессора Аверина. Через шесть лет первых двух арестовали, Аверину повезло. Хотя, по словам его дочери, он готовился что его арестуют, как и брата Всеволода.

В 1939 году, за выдающиеся успехи в научной деятельности Высшая Аттестационная Комиссия присвоила Аверину, без защиты диссертации, степень доктора биологических наук.

Как только Красная Армия освободила Украину, Виктор Григорьевич сразу же вернулся в родной Харьков. Страна очень нуждалась в специалистах. И немолодой уже профессор Аверин с утроенной юношеской энергией берется за возрождение высшей школы в крупном промышленном центре. Как депутат, принимает участие в работе горсовета, возглавляет харьковский Дом ученых.

В 1946 году на Украине создается Украинское общество охраны природы. Сбылась давнишняя мечта. Эх, если б это произошло лет 20 назад. Но и сейчас Виктор Григорьевич полон энергии. Он создает и избирается первым председателем Харьковской областной организации общества охраны природы, участвует в восстановлении заказников в Харьковской области.

В июне 1955 г. становится членом Комиссии по охране природы АН УССР.

Прямо в конференцзал Дома ученых, где торжественно отмечали его семидесятилетие, пришла из Киева телеграмма. “Держи хвост бубликом”, — советывал Виктору Григорьевичу его старый друг Остап Вишня.

Когда любят, придумывают шутливые прозвища. Студенты прозвали любимого профессора Паганелем. За доброту, за необъятные знания, за мальчишескую походку. А на его лекции — “сказки дедушки Аверина” приходили даже с других факультетов.

Напряженным, очень загруженным был каждый день у харьковского Паганеля. Подъем — 5.00. Работа над рукописью новой книги. С 9.00 утра и до обеда — лекции в университете и институте. Затем заседания в горсовете, совещания в Доме ученых, потом выступления перед юннатами. Вечером должен зайти домой инженер Козачек — большой любитель природы. У него интересная идея. Вместо дощатых домиков для птиц развешивать плоды китайской тыквы. Пробил леток, вынул семя — птичий дом готов. Вечером — ответы на письма. Поздно ночью не забыть просмотреть папиросные бумажки. На них Аверин обычно составлял план на следующий день...

— “Твое то, что отдал”, — любил повторять вслед за поэтом Аверин, — “спеши сказать доброе слово первому встречному. Может ты его больше никогда не увидишь”.

Виктор Григорьевич никогда не болел, не брал больничного. Всегда был крепок и здоров. А умер быстро и неожиданно, дома, в своем любимом кресле.

Полное глубокой тоски и отчаяния письмо получила вскоре его дочь Ирина Викторовна от осиротевшего Остапа Вишни: “Помрем — за нас придут другие, но это все же не такие...” — писал обезумевший от горя друг.

Сделаны первые шаги по увековечиванию памяти Виктора Григорьевича. В его родном селе, в Музее истории села братьям Авериным посвящена экспозиция, рядом с музеем — переулок

братьев Авериных. В Харьковском сельхозинституте, на кафедре, которой он заведывал — создана мемориальная аудитория. Одно время конкурс имени Аверина на лучшую публикацию по охране природы проводил журнал "Прапор". Лиха беда начало...

Дорога упрямого

Он был неудобным человеком. Неуправляемым. Упрямым. Не все его любили. Он говорил правду в глаза — это часто не нравилось. Академик Е. Лавренко скажет после его смерти: "Его исключительная честность, прямота и принципиальность часто вредили ему и вызывали недовольство у некоторых администраторов". За свою жизнь ему пришлось поменять много мест работы — он везде трудился с увлечением. Семья не выдержала скитаний и жила отдельно — он всецело отдался любимой ботанике и охране природы.

Его отец слыл известным на весь Киев зубным врачем. Сыну была приготовлена блестящая карьера. Он не пошел по стопам отца. "Выставка охраны природы", перенесенная в марте 1914 года из Харькова киевскими учеными-естественниками, запала в душу Миши Шалыта. Там он достал брошюру В. Талиева — "Охраняйте природу", ставшею его настольной книгой. Позже он поступил в Киевский университет, на биологический подотдел отделения точных наук. Академик А. Фомин сделал из него отличного ботаника. Шалыта оставляют при университете — он упрямо рвется в Асканию.

В 1924 году он уже работал в этом известном степном заповеднике. Здесь у видных зоологов, экологов, ботаников В. Станчинского, А. Браунера, Б. Фортунатова познал грамматику охраны природы и язык заповедного дела.

В сентябре 1929 года в Москве открывается первый Всероссийский съезд по охране природы. На него съехались представители со всех республик, с разных концов страны.

Из Аскании на съезд был направлен Шалыт. Он участвовал в работе комиссии по заповедникам. Здесь разгорелся жаркий спор. Некоторые делегаты считали, что в заповедниках можно и нужно создавать небольшие хозяйства. Чтоб подправить скромный бюджет. Немножко заготавливать лес, немножко косить и продавать сено, немножко пускать туристов...

Шалыт выступил резко против этих "поправок на бедность": "Ведение хозяйственной работы в заповеднике недопустимо. Хозяйство требует средств для вложения капитала. Где взять такие средства при общем их недостатке в заповеднике? Если перед заповедником ставить хозяйственные задачи, его надо рассматривать как промышленное предприятие и его основной задачей явится безубыточное ведение хозяйства. Основное внимание будет уделяться финансовым операциям в ущерб научно-исследовательской работе и охране заповедника. Опыт Аскании привел к необходимости отказа от всякого хозяйства и этот опыт необходимо учитывать".

Комиссия учла мнение настойчивого ботаника и внесла в резолюцию пункт о недопустимости хозяйственной работы в заповедниках.

В июне 1930 годы Шалыт перебирается в Харьков, где возглавляют Харьковскую краевую инспектуру по охране памятников природы, взамен уехавшего в Ленинград Лавренко. Инспектура была центральная, и двадцатишестилетнему руководителю пришлось туго на первых порах. Здесь, как никогда, пригодилось его упорство. Он выпускает книгу "Заповедники и памятники природы Украины". За весь предвоенный советский период это одно из лучших природоохранных изданий на Украине. Шалыт дал в ней не только полный

перечень заповедных объектов, но и рассказал об истории природоохранного движения, привел декреты УССР по охране природы.

Работая над очерком о Шалыте, мне пришлось изрядно покапаться в архивах Укрнауки Наркомпроса УССР.

— “Вот работнички были эти природоохранники”, — ворчал аспирант-историк, рядом со мной разбиравший пыльные папки и книги. — “Как мало после себя документов оставили”.

Да, бумаг быть может после них не осталось, но дело, которое они сделали, останется навсегда. Каменные могилы, Хомутовская и Провальская степь, Белосарайская коса, Грабовая балка, — навеки сохраненны потомкам. Веселый весенний праздник День птиц, предложенный в конце двадцатых годов Харьковской инспектурой. Дел у краевого инспектора по охране памятников природы и его секретаря-помощника всегда было несчесть. Из Полтавы забрасывает телеграммами зав. отделом природы краеведческого музея Николая Гавриленко: “Товарищи, помогите отстоять Грабовый лес, совсем лесорубы одолели!”. Борис Вальх из Артемовска, врач по образованию и орнитолог по призванию просит подсобить с организацией первого на Украине выхухолевого хозяйства. Его расчет подтвержден специалистами, разведение этого ценного пушного зверька должно окупиться уже на второй год. Юннаты из Змиева требует начать поход против мальчишек-рогаточников. И нельзя отписаться, закрыть глаза, спрятаться от всех этих писем. Ведь за каждым — бьющееся человеческое сердце, сердце, требующее вступиться за природу.

А рядом тонула в таком же океане дел еще одна краевая инспектура — по охране памятников материальной культуры. Старинные монастыри, церкви, древние курганы и каменные бабы также необходимо скорей отыскать и взять под охрану. Часто инспектуры выступали разом, добиваясь, к примеру, реставрации мелового Славянского монастыря или требуя сохранения окрест его сосны меловой, нынче занесенной в Красную книгу.

Еще слабыми, такими неопытными были эти первые природоохранные органы советской Украины. Инспектура по охране памятников природы постепенно обрастала добровольными помошниками. Официально они наименовались так — корреспондент Украинского комитета охраны природы при Укрнауке. Им выдавались удостоверения (одно из них, за номером 380 на врача — орнитолога Бориса Вальха я таки нашел в архиве Наркомпроса УССР), и поручалось: “проводить изучение памятников природы, следить за их охраной и информировать Укрнауку о состоянии охраны памятников”.

... Михаил Пришвин как-то с печалью заметил: “А я тоже учился ботанике долго. Но ничему не научился, разве только честности”. И наверное, горевать по этому поводу известному писателю особенно не стоило. Не каждый может похвастаться таким редким приобретением. А вот Шалыт мог. Честности молодых ботаников тогда на Украине учили две ботанические школы. Киевская, академик А. Фомина и харьковская, приват-доцента В. Талиева. Шалыту повезло вдвойне. Свое образование он начал в Киеве, а закончил в Харькове, в городе, где в тридцатых годах собрались лучшие биологические силы республики. Шалыт увлекся ризологией. Молодая отрасль ботаники, наука о корнях, дала крепкую и многообещающую поросль. Часто выступая с лекциями в сельхозинституте, свой в кругу университетских педагогов, Шалыт не мог понять боязливости некоторых педагогов связывать чистую науку с практической. Изучаются, скажем, редкие растения Харьковщины, так почему-то забывают профессора сказать о необходимости их охраны, не предлагают студентам на летней практике заняться памятниками природы. А задаешь вопросы — кивают на циркуляторы Наркомпроса. В них, мол, и намека нет на введение в курсы лекций природоохранных истин. Сам же наркомат ответил Шалыту предельно кратко: “чтение курса “охрана природы” считаем пока невозможным”. И здесь Шалыт опять в очередной раз проявил свое упрямство.

25 января 1933 года прямо с московского вокзала Михаил Шалыт спешит на открытие I Всесоюзного съезда по охране природы. Многим тогда запомнились резкие высказывания украинского ботаника:

“Средняя и высшая школа с вопросами охраны природы не знакомит. Я обращаюсь к Съезду с предложением, чтобы прохождение таких дисциплин, как охрана природы не было бы любезностью со стороны профессора вуза или хотя и желательной, но “отсебятиной” педагога, а в школе было бы обязательной частицей в программе курсов, преподаваемых как в высших, особенно сельскохозяйственных, так и во всех других учебных заведениях Союза, чтобы вопросы охраны природы были включены в программу и нашли бы себе определенное место в учебниках, в географических атласах, в клубных пособиях, в подсобной школьной литературе и т.д. В Америке каждый школьник наперечет знает национальные парки своей страны, а у нас не всякий профессор перечислит главнейшие заповедники, имеющие не только всесоюзное, а даже мировое значение”.

Эти слова, увы, порой приходится вспоминать и сейчас...

Позже, будучи кандидатом биологических наук, Михаил Шалыт возглавляет кафедру ботаники Глуховского сельхозинститута, Крымского пединститута, в годы войны трудится в Туркменском филиале АН СССР.

В 1945 г. руководит реконструкцией Центрального ботанического сада АН УССР, затем переходит в Институт лесоводства АН УССР, где читает природоохранные курсы, но, что называется, “по своему усмотрению”.

... Не так давно, лет сто назад, людей интересовали только шахты, вернее, только добыча угля. Шахты строили, терриконы, как бурьян росли сами по себе. Внимание на них обратили не от хорошей жизни. Воздух над шахтерскими поселками висел угарно-сладкий, а в период суховея терриконы “устраивали” заправские пыльные бури. Многие отвалы горели, некоторые, когда в глубине скапливался газ, ухали взрывами.

В 1948 году исполком города Сталино (ныне Донецк) поставил вопрос об озеленении терриконов. Конечно, разводить сады на них тогда никто не мечтал, но вот одеть в зеленые шапки, чтоб хоть не пылили...

Нужен был смелый человек, кто бы взялся за это казавшееся многим ботаникам и лесоводам безнадежное дело. Искали упрямца, кто раз согласившись, довел бы дело до конца.

Такой человек нашелся в Институте лесоводства АН УССР. Группа Шалыта взялася за первоисточники. Перевернули похожую литературу. Ничего похожего найти не удалось. Опросили всех известных специалистов — мнение было единодушным и отрицательным. Оставалось последнее — опыт. Опыт с нуля.

Счастье решили попытать на терриконах шахты “Ливенка”. Ее отвалы старые, уже давно не горели. Не надо будет тушить. Штурм шахтных гор начался весной 1950 г. За спиной у альпинистов Шалыта — мешки с саженцами лоха, бирючины и белой акации — самых неприхотливых древесных растений, в руках саперные лопатки. Садили только с северного склона, чтоб не так пекло солнце. Лунки промывали известью — горючая порода не будет жечь корни. Затем на двадцатиметровую высоту втаскивали мешки с черноземом — на первых порах деревцам требовалась почва. Но уже в августе они все погибли. Суховеи высушили слабые корни.

Вместе с В. Костомаровым и А. Зражевским Шалыт разрабатывает новую технологию посадки. Весной все повторяется снова. Лесоводы-альпинисты лезут на терриконы, упрямо долбят лунки, нейтрализуют породу известью, втаскивают чернозем, садят деревца. И в августе деревца погибают. Горячий ветер смеялся над учеными и сушил корни саженцев. Так повторилось и на следующий год.

Чтобы не зависеть от случая, Шалыт расширяет фронт посадок. Теперь посевная захватывает и терриконы шахт “Наклонная-7”, “Центральная-Заводская”. Чтобы не зависеть от погоды, он решается на искусственный полив. Это тяжело, трудоемко, но и надежно .На этот раз тонкие прутики выстояли, сохранив листья до октября. Путь к озеленению 1100 терриконов республики, 20 тысяч терриконов Европы был открыт.

... Без памяти человек не может оставаться человеком. Она его совесть, опыт и долг.

В Симферополе, куда в 1956 году переехал Шалыт, находилась могила Морозова. Ветер шатал хлипкую ограду, забрасывал холмик осенними листьями и незаслуженным забвением. Шалыт, в то время заведующий кафедрой ботаники Крымского пединститута, решает добиться увековечивания памяти отца русской лесоводческой науки Георгия Федоровича Морозова.

— “Что получается”, — упорно доказывал он на ученом совете пединститута, в горисполкоме, обществе охраны природы, — “морозовское учение о лесе” цитируют во всем мире, фамилия Морозова упоминается наравне с именами Менделеева, Тимирязева, Павлова, — а мы за 35 лет не можем на его могиле поставить памятник”.

Осторожные осторожно возражали — “Симферополь посетило много известных ученых, и не только ученых. Дойдет очередь и до Вашего Морозова. А пока не время. Да и вообще, вот если б Морозов научился выращивать сосну в одну пятилетку...”

Как растопить холодный лед невнимания? Чем пробить глухие торосы демагогии, равнодушия к такому простому человеческому желанию — отдать должное великому ученому.

Упорством, настойчивостью и еще чистотой. С папками, пухлыми от библиографических материалов, Шалыт спешит в обллесхоззаг, Никитский ботанический сад, горком партии, обьясняет, доказывает, требует.

В это время Михаил Соломонович усиленно работал над докторской диссертацией, штурмовал последнюю главу. Времени не хватало.

— Не спеши, не лезь на рожон, — советовали осторожные. — Защитись сначала.

В 1957 году в Ленинграде открывается II съезд Всесоюзного ботанического общества, Шалыт выступает на нем с предложением построить памятник Морозову. Его поддерживают. Тут же, на съезде, были собраны средства. К юбилею русского лесовода памятник был открыт. 19 января 1967 г. в Крыму проходит юбилейная конференция, посвященная известному ученому. На здании вновь созданного Крымского университета открывается мемориальная доска. Решением Симферопольского горисполкома улица Дальняя, где жил Георгий Федорович, переименовывается в улицу профессора Г.Ф. Морозова, Студенты крымских вузов высаживают Морозовскую мемориальную рощу.

Именно после этих событий Шалыт стал явно чувствовать перебои в сердце.

В 1968 году в Ленинграде Михаил Соломонович с блеском защитил докторскую. В октябре получил диплом доктора. А 28 ноября умер.

Умер от инсульта. Слишком велики были перегрузки последних лет.

— “Большой ботаник был”, — сказал мне о Шалыте его бывший сослуживец. Да упрямый человек. Как он, помню, за эти заповедники бился. Зачем?

Хортица помнит

“...Степи зеленіють,
Діди лежать, а над ними
Могили синіють.
Та що з того, що високі?
Ніхто їх не знає...
Т. Шевченко

Есть вечные камни, перед которыми хочеться снимать шапку. Немного их осталось. С каждым годом все меньше. Как Иваны, не помнящие родства, мы не храним и забываем о них.

Гранитный остров Хортица, узловой пункт “из варяг в греки” известен был издавна. Еще византийский император Константин Багрянородный писал, что на острове том русичи приносят жертвы своим языческим богам. Одного из них звали Хорс, наверное, отсюда и название острова.

Помнит Хортица князей — Олега, Игоря и Ольгу, видела, как захлебывались своей кровью половцы, рискнувшие захватить было гордого Святослава в полон, и как прынял он здесь, в 972 г. на Черной скале, последний свой бой. И позже, в 1103 и 1224 годах, собирались на острове боевые дружины перед страшной сечью с врагами земли русской.

“Казак” в переводе с тюрского — “вольный человек”. Со всех концов Московского государства, с придушенной польскими панами Украины сбегались сюда беглые людишки, дабы обрести на гранитной Хортице волю.

И вновь пылали на острове костры, ржали кони, звенело оружие, то лихие Петро Сагайдачный, Иван Сирко, Богдан Хмельницкий вели казаков своих на Речь Посполитую.

Стелился над Днепром сизый дым — легендарный Байда закуривал свою люльку. Кстати, уже тогда издавали запорожские казаки универсалы, призывающие охранять природу Хортицы.

На Хортицу приезжал Репин и писал своих запорожцев. Хортица превратилась в Меку несломленного духа. Здесь побывали Шевченко, Бунин, Горький. Восхищенные историческим прошлым острова, они не могли не заметить и царившего там опустошения. Ветром, солнцем, людьми разрушались земляные укрепления запорожцев, местные крестьяне растащили былинных каменных баб, какая-то пьяная компания из Александровска забралась на Хортицу и пыталась взорвать легендарную “люльку” и “кресло” Сагайдачного. Нависла угроза и над 700-летним дубом, под которым, говорят, писали письмо турецкому султану казаки, отдыхал перед битвой на Желтых Водах Богдан Хмельницкий.

Посетивший в 1904 году Хортицу путешественник Я. Новицкий писал: “Зная, как беспощадно у нас истребляются памятники старины, недурно бы, если бы охрану этого редкого, по чудовищным размерам и красоте дуба, взяло на себя лесное общество или лесоохранительный комитет”.

Небольшой поселок Верхняя Хортица был основан Потемкиным в 1790 году. И через век спустя он так и не превратился в крупное местечко, но зато имел свой Хортицкий кружок любителей музыки и пения, общества взаимного кредита, библиотечное, и помощи бедным евреям. Немногим позже в Верхней Хортице было создано еще одно общество, по праву ставшее пионерским в России.

“Пока мы в Петербурге и Москве разговаривали на тему “о сохранении памятников природы”, скромный учитель немецкого училища в с. Хортице Екатеринославской губернии (меннонитская колония) на Днепре, ничего не зная об этих столичных разговорах, сумел организовать там симпатичнейшее общество. Честь и слава Петру Филипповичу Бузуку”

(академик И.П. Бородин, 1912 г.).

Сейчас о Хортицком обществе охранителей природы знают во всем мире. Просвещенные туристы, осмотрев величественный Днепрогес и столицу запорожских казаков, просят показать им среднюю школу № 81.

...Он появился в Верхней Хортице незаметно, в 1908 году. С женою и дочкой-подростком Ниной.

“Днепр, как известно, от г. Екатеринослава до г. Александровска на 70 верст порожист и очень красив. И вот эти красивые виды, красивые скалы ежедневно разрушаются местными и пришлыми подрядчиками. Так как подрядчики-евреи думают не о прелестях, а о своем кармане, то ломка камня производится там, где его легче всего свалить. Таким образом они везде портят те скалы, которые веками украшали великий Днепр”.

(Из письма П. Бузука академику И. Бородину).

То, что не удалось времени и царям, могли всего за десятилетие сотворить люди из обширного и деятельного сословия мещан. И как же должны мы быть благодарны тому, кто в трудный для Хортицы час оказался с ней рядом и спас реликвию народа.

“Я заметил, что у нас в России население удивительно неразумно пользуется природой, даже варварски. Этот взгляд я изложил в большой статье в местной (екатеринославской) газете на немецком языке. Сам я русский, и немецким языком владею плохо, но мой коллега перевел статью. Статью я закончил призывом к населению основать общество охранителей природы. Немцы, как народ культурный, поняли мою идею, и вот основалось общество, хотя не сразу, потому, что года два тянулась канцелярская переписка”. (Из письма П. Бузука академику И. Бородину).

Кстати, немцы меннониты, поселившиеся здесь, пробовали охранять природу Хортицы и раньше. “Лесной журнал”, со ссылкой на местную екатеринославскую газету “Листок” сообщал в 1884 году: “...наконец с 1878 года начинается открытое опустошение лесной части Хортицы жителями г. Александровска и его предместий. С 1881—1882 гг. это опустошение приняло ужасные размеры. На острове всю зиму, день и ночь, толкутся не только александровские мещане, толкутся здесь и крестьяне более или менее отдаленных сел... По улицам г. Александровска днем и ночью тянутся сани, возы, брички, навьюченые хворостом, обрубками деревьев в обхват человека — (...) что же делают обладатели леса, меннониты? В

1880 г., на месте преступления они изловили несколько воров, предъявили иск, результатом чего в руках их очутились исполнительные листы. Искать убытков с малосостоятельных, наконец озлоблять соседей, — они не решились, а последствием безнаказанности явилась большая смелость... В следующем 1881 году охранявших лес меннонитов избили и грозили напасть на колонию" (“Лесной журнал”, 1884, № 2, стр. 112).

— “Наше дело таково”, — учил Бузук, — “что с холодным сердцем делать его нельзя”.

Бабье лето запорошило паутинками остров. Добрый знак — “много паутины в сентябре — осень ядреная”. Листва дубрав почти вся опала, и Хортица приоткрылась. Голубой дорогой понад Черной скалой стелется дымок. Воздух чист и прозрачен, далеко вверх и вниз виден Днепр. Тихо, и только в низине квохтают дрозды. И вдруг сухой палкой ударил выстрел.

— “Это в плавнях, быстро вниз!” — пятеро мужчин в сюртуках и широкополых шляпах поспешили по тропе. — “Вчера там двоих мещан из Александровска видели, наверное они”.

Впереди — старший. На вид ему еще нет сорока пяти. Среднего роста. Черная бородка и усы подчеркивают худобу лица. Живые карие глаза.

— “Петре Пылыповычу”, — обращается к нему один из соратников, — “айда навпростец, через греблю, у меня там човен припрятан!” На груди у каждого — значок из серебристого металла, с копейку величиной, изображающий птицу, выкармливающую птенцов. Это эмблема Хортицкого общества охранителей природы.

Хортицкие энтузиасты, а их в 1912 году уже насчитывалось более 200 человек, взяли под строгий контроль всю охоту и рыбную ловлю в Екатеринославском уезде, насадили на песках сад в 800 кустов роз, 930 кустов жимолости, полторы тысячи кленов и елей, организовали публичную библиотеку по естествоведению, развешивали домики для птиц.

— “Тот, кто разоряет гнездо, опустошает небо”, — говорил на уроках учитель Бузук. Петр Филиппович начал организовывать на Хортице детский майский союз по охране птичек, — создавались тогда такие во многих крупных городах России. Постепенно новая природоохранная традиция по привлечению птиц стала приживаться на берегах Днепра. А в конце 1913 года полсотни птичьих домиков, сделанных детьми, демонстрировались на первой в России выставке охраны природы в Харькове.

Даже сейчас, спустя столько лет, если забраться на днепровские кручи, можно заметить выбитую на граните надпись “Охраняется ХООП”. Это свидетельство самого значительного дела хортицких охранителей.

“Чтобы сохранить все скалы, мы обратились в Департамент Земледелия за помощью, нам ответили, что в России нет закона, защищающего красивые виды в природе, а есть закон, защищающий исторические виды: если скала в историческом отношении замечательна, тогда мы ее, как историческую, может оставить. И за то спасибо, ибо на Днепре много исторических скал. Вот если бы можно было внести в Государственную думу законопроект об охране замечательных участков вообще и скал на Днепре в частности”.

(Из письма П. Бузука академику И. Бородину).

Недолго пришлось Петру Бузуку возглавлять ХООП. Осенью 1911 года, обуреваемый жаждой знания, учитель превратился в ученика. Ему удалось добиться разрешения учиться в Московском сельскохозяйственном институте, на кафедре частной зоотехники профессора М. Иванова.

— “Для созданного им общества это, без сомнения, огромная потеря, но дело охраны природы в нашем отечестве, пожалуй, от этого выиграет: свою недюжинную энергию П.Ф. может применить на более широком поле, в более крупном центре”, — писал академик И. Бородин. С головой окунается Бузук в научную и общественную жизнь: руководит отделом орнитологии на Всероссийской сельскохозяйственной выставке, отправляется в экспедицию по Семиреченской области, сотрудничает с Русским Орнитологическим комитетом, закончив Московский сельхозинститут весной 1917 года, спешит в северные губернии страны изучать природу, затем преподает в Тимирязевке. Умер он в Москве в 1923 году.

Преемниками Петра Филипповича стали земский начальник участка Екатеринославского уезда Теодор Иоганович Готман, секретарем ХООП — учитель Хортицкого центрального училища Петр Яковлевич Дик. Им спасти первое в стране природоохранительное общество не удалось. Не раз и не два ходатайствовали они перед Департаментом Земледелия, просили защитить общество. Однако в виду “немецкого состава” и в связи с первой мировой войной, секретным указом от 29 мая 1915 года № 38 Департамент Земледелия уведомил екатеринославского губернатора о роспуске ХООП.

А в 1916 году хортицким немцам-меннонитам вообще пришлось покинуть гостеприимную вторую родину, продав остров за бесценок местным властям и убраться в глубь Российской империи, ибо вышел указ о борьбе с “немецким засильем”.

Но пожар природоохранительного движения уже разгорался по России. В Петербурге действовала Постоянная природоохранительная комиссия при Русском Географическом обществе, в Москве, Одессе, Екатеринбурге, Крыму, на Кавказе создавались общества и отделы любителей природы, выставки охраны природы с большим успехом демонстрировались в Харькове, Киеве, Рязани...

Прошло пол-века. И память о Хортицком обществе стала стираться. Утеряны значки и документы, заросли мохом буквы на скалах, нет рядом последних соратников Бузука. И так и забыли люди имя человека, спасшего легендарную Хортицу, если бы не Софья Глебовна Перовская (племянница известной революционерки), научный сотрудник отдела природы Запорожского краеведческого музея. В библиотеке имени Ленина, Центральном Государственном историческом архиве СССР, Государственном архиве Московской области, запорожских хранилищах отыскала она бесценные материалы о деятельности Петра Филипповича и Хортицкого общества, нашла устав ХООП, фотографию его активистов, письма, значок, удостоверение одного из его членов. Она добилась, что на 65-летие общества на здании средней школы № 81, где преподавал Бузук, была открыта мемориальная доска.

“Здесь в мае 1910 г. учителем школы П.Ф. Бузуком было создано первое в России Хортицкое общество охранителей природы”.

Профессия — любовь к Крыму

Точно снег, всюду тают леса —
первобытного мира наследство
Гибнет джунглей безбрежных краса —
в них прошло человечества детство
Сожжены, предаются на сруб и тайги вековечные стены
Лес фабричных закопченных труб
вырастает им вскоре на смену
Перепахана дикая ширь: воля-вольная степи целинной,

Где на борзом коне богатырь за сайгаком носился былинным.
Там, где ветер трепал лишь ковыль —
монотонная пашня, толока
Конь бензиновый — автомобиль,
по равнине грохочет широкой.
Невозвратные дни сочтены — тварей, полных отваги и силы
С лесом, степью уходят слоны, зубры, лоси, жирафы, гориллы..
И. Пузанов, из поэмы "Красота, что уходит из мира", 1935 г.

Люди заповедника

Так повелось, что когда разговор заходит о заповедниках, то обычно перечисляют зверье, живущее там, редкие травы, восторгаются красотой пейзажа. А вот людей, стоящих на страже всего этого — забывают.

В редких случаях в темных коридорах конторы заповедника висят пришпиленные кнопками фотографии бывших директоров. И все. Считается достаточным, чтобы отдать долг памяти.

Заповедники, хотя формально и именуются научными учреждениями, на деле отличаются от последних многим. Прежде всего — духом особой преданности общему делу. Из поколения в поколение передаются рассказы, ставшие уже легендами, о стойких лесниках, грозах браконьеров, "научниках", вышедших отсюда в "академики". Старинные, уцелевшие еще с "до революции" здания, заботливо оберегаемый какой-нибудь древней заповедненской старушкой музей или библиотека, с чучелами водившихся когда-то здесь орлов и потрепанными книгами, в одно время, вместе с орлами, приговоренными к уничтожению, — все это создает неповторимую заповедную атмосферу старой, правдивой довоенной жизни первых советских заповедников. Все прошло. Правда, сохраненная этими памятниками, осталась.

В средние века, гласит предание, забрались подальше от людских глаз, в непроходимые крымские леса два отшельника: Кузьма да Демьян. В середине 19 века здесь обосновался названый их именем монастырь, снискавший славу целебным источником. Со всех концов Крыма спешили сюда грешники, дабы омыть тело свое в святой воде. Затем это место приглянулось русским царям, и рядом со стенами святой обители прилепился комфортабельный "охотничий домик".

Перед охотой все тропки в лесу тщательно выметались, царь вставал на номер и на него выгоняли оленя. Августейшему охотнику оставалось только стрелять в упор. Затем на этом месте воздвигался камень с надписью, что здесь его императорское величество изволило убить оленя, такого-то числа, месяца и года.

В 1917 году "царскую охоту" крымские власти решили реорганизовать в заповедник. Директором был назначен Владимир Мартино, зоолог по профессии и призванию. Он сразу начал добиваться расширения границ заповедника. Крымское краевое правительство учредило специальную комиссию по заповеднику. В нее вошли те, кто был "за" и "против" — ученые и лесники. Свои дебаты комиссия решила проводить не в кабинетах, а на вершине горы Чучель, с которой открывалась вся панорама заповедника и соседских лесничеств.

Несмотря на то, что в составе комиссии участвовали многие авторитетные ученые Таврического университета, на вершину Чучели вместе с Мартино и лесниками поднялись лишь ботаник Е. Вульф, академик от геологии Н. Андрусов и зоолог Розанов. Последний вообще был необыкновенно крепок, занимался французской борьбой, выступал на цирковых

коврах, и даже, говорят, боролся с самим Иваном Поддубным. Развернули карту, сверили по компасу и торг начался:

Первым бросился в атаку горячий Вульф.

— “Послушайте, господа! Мы же с вами сейчас все вместе восхищаемся раскинувшейся красотой. Почему же вы так твердо стоите за рубки? Вспомните, ведь сам профессор Высоцкий учил, что эти леса никогда не знали топора, и в этом их первобытная ценность. А он же ведь ваш брат — лесник!”

Вульф говорил скороговоркой, волнуясь. Фразы наталкивались, налезали друг на друга, мешались, терялся общий смысл. Главный оппонент, лесничий Толубиев, держался уверенно и даже немного нагловато.

— “Если вас послушать, так весь Крым нужно объявить заповедником! Что-то вы здесь, дорогие мои, перемудрили”.

— “Взгляните”, — обратился геолог Андрусов, — “разве вот этот почтенный дуб не достоин нашего преклонения и защиты? Когда Моисей писал свои законы — в его ветвях вили гнезда птицы. Когда славяне еще были диким народом — в его кроне уже шумел ветер”.

— “Но зато сколько из него выйдет дров”, — хохотнули лесники.

— “Но ведь крымский лес”, — возразил Пузанов, — “не склад дров. А прежде всего дорогостоящее гидрологическое сооружение. Более важное, чем все водохранилища Крыма. И настоящие, и будущие”.

— “А как мы людей снабжать дровами будем?” — возражали лесоводы.

Пузанов достал блокнот:

— “Только за последние тридцать лет площадь крымских лесов сократилась на 25 процентов. Если так дело и дальше пойдет, то ваш вопрос действительно станет актуальным”.

— “Все равно не дадим лес”, — упрямство лесников оказалось непробиваемым. И здесь, на вершине горы Чучель, и в охотничьем домике, где произошло заключительное заседание комиссии. Единственная уступка, на какую пошли лесоводы — отдать скалистое и малодоступное ущелье Яман-дере. “На тебе, убоже, что нам не гоже”, — так как вывозка леса оттуда была практически невозможна. И все таки кое-что сделать удалось. 10 марта 1919 г. Крымским краевым правительством был подписан декрет о создании Крымского заповедника в местах бывшей царской охоты, утверждено положение о нем, которое разработали И. Пузанов с коллегами.

Но как Мартино со своими помощниками не охраняли заповедник, но все таки егерь Колесниченко по наущению лесничего Толубиева завалил последнего зубра. Мол не будет зубра — не будет заповедника.

При Врангеле, в мае 1920, крымской природоохранительной комиссии удалось добиться до начальника гражданского Управления утверждения временного Положения о заповеднике, а также его финансирования.

В самый трагический период, не известно откуда в заповеднике появился молодой лесовод Франц. Никто так и не узнал, Франц — имя или фамилия этого высокого, худого парня? Он отыскал и сплотил запрятавшихся в лесах егерей и совершил несколько смелых набегов на браконьеров. Правой рукой его был егерь Даниил Фомич Седун, порядочный, и не по годам крепкий шестидесятилетний старик, выходец из Беловежской пущи. Вскоре он был в упор расстрелян браконьерами.

“В 1923 году в одном лишь Симферопольском районе чинами лесной стражи было составлено 1500 протоколов за незаконные порубки... По Ялтинскому району число отобранных... топоров равно 1000”.

(И. Пузанов, Из доклада на I Всероссийском съезде по охране природы).

Но не только от браконьеров страдали крымские леса. Немало вреда приносили и различные официальные заготовки, ведущиеся по принципу “Кто в лес, кто по дрова”. Каждое ведомство рубило и тащило из лесу столько — сколько могло. И уже в начале двадцатых годов оказалось, что лесные массивы полуострова вырублены где на 35, а где и на все 80 лет вперед. Вместе с лесами исчезала и уникальная фауна Крыма.

В октябре 1922 г. Первый съезд крымских музейных работников, по предложению Пузанова, обратился к советским органам Крыма с просьбой.

“1. Немедленно прекратить в заповеднике заготовку сена и сухостойного леса, всяческие заготовки топлива, а также какие-либо рубки и побочные пользования.

Обратить внимание крымской милиции на грубые нарушения населением декрета “Об охране животных в лесах Крыма”.

3. Откомандировать в заповедник особый конный отряд для борьбы с браконьерами.

4. Усилить тяжесть мер наказания за браконьерство и другие нарушения режима заповедности.

5. Представить страже и администрации заповедника права милиции”.

Ученым удается отвоевать у лесного ведомства большой участок выше Грушовой поляны. 30 июля 1923 года Совнарком РСФСР принял Декрет об учреждении Крымского госзаповедника и передачи его из лап лесников в Наркомпрос РСФСР. В марте 1935 года Пузанов становится членом Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, и используя свое влияние, не раз поднимает вопрос о защите своего родного Заповедника (о котором он всегда писал с большой буквы).

Будучи не только незгибаемым бойцом, но и гибким дипломатом, Пузанов находил контакт практически со всеми лидерами крымских правительств. С высококультурным Соломоном Соломоновичем Крымом — поэтом, членом III Государственной Думы, председателем Крымского краевого правительства 1917—1919 годов. Это было очень легко, ибо тот первым заговорил о заповедании бывшей царской охоты. С главой Крымской советской республики Вили Ибраимовым, бывшим бандитом, вовремя вступившим в партию большевиков и сделавшем карьеру на борьбе с бандитизмом — было сложнее. Как с каждым малограмотным невеждой.

— “Умер великий член нашей партии, — это для нас большой горе, но мы не должны падать на дух — молодой поколено растет”, — заявил как-то этот герой на траурном собрании на

смерть Ленина. Однако установленный с таким трудом выход на Вили не пригодился. Вскоре он убил человека, и главу краевого правительства расстреляли. В 1928 г. заповедник, как и другие научно-правительственные учреждения из Наркомпроса РСФСР передали в Наркомпрос Крыма. В Крыму начался форменный погром. Однако Пузанову, как главе Крымской межведомственной комиссии по охране природы, не только удастся отбить атаки на заповедник (самого его оттуда осенью 1928 г. сократили), но победить извечных противников — лесоводов. Пузанов вспоминал: — “самый главный наш враг, лесовод Белопухов, наконец-то сложил оружие, почувствовав, что охрана природы, в частности — крымских лесов — дело серьезное, государственное. Мне передавали, что он на одном ведомственном совещании прямо объявил лесоводам: товарищи, натиск на заповедник нам придется прекратить. Его границы — как абсолютного района, так и охранной зоны точно фиксированы и утверждены центральным правительством, и мы должны с ними примириться” (И.И. Пузанов, Воспоминания. т. XXX). Однако в конце 30-х положение резко ухудшилось.

В 1940 Пузанов шлет письмо Василию Никитовичу Макарову, начальнику российского главка по заповедникам: “...я человек принципиальный, легко возбуждающийся и делаю то, что мне подсказывает чувство долга. Для меня трагедия Крымского государственного заповедника одновременно является и личной трагедией. Неужели я в течении ряда лет моей крымской работы для того вел жестокую борьбу с силами, враждебными заповеднику, чтобы он, получив, наконец, прочное признание и войдя в сеть государственных заповедников, стал в конце-концов саморазлагаться, превращаясь в лесной склад, бойню Союззаготкожи и доморощенную лабораторию...” (Архив РАН, ф. 1674, оп. 1, д. 240, л. 18).

В июле 1944, по заданию Управления заповедников и зоопарков при СНК РСФСР, вместе с профессором Горьковского университета С.Станковым, Иван Иванович добирается в только что освобожденный Крым. Цель — ревизия состояния Крымского заповедника.

26 июня они прибыли самолетом в Симферополь, и на следующий день были приняты секретарем Крымского обкома ВКП(б) П. Тюляевым и зампредом А. Гриценко.

Крым находился на военном положении, в лесах бродили банды татарских “добровольцев”, ехать было опасно, но все же ученым выделили новенький “Виллис”, четырех автоматчиков и “охранную” бумагу на три дня.

...Как ученые узнали, немцы вошли в заповедник 6 ноября 1941 г. по Романовской дороге, быстро и внезапно. Сотрудник заповедника Буковский решил вывезти солдат из окружения. Удалось. Но возвращаясь обратно, — наткнулся на врагов. В неравном бою он отстреливался, а затем подорвал себя гранатой. А вот другой работник заповедника Башкиров, будучи в партизанском отряде, сдался румынам, продавал своих, выдал и румынского офицера, сотрудничавшего с партизанами.

Немцы зверствовали. 28 ноября они уничтожили все заповедненские постройки и музей. Заподозрив в помощи партизанам, сожгли заживо дочь и вдову героя-лесника Седуна, убитого ранее браконьерами.

Выкуривая партизан, фашисты предали огню 1600 гектаров первоклассного бука, вырубили и увезли в Германию 70 тысяч кубов знаменитой крымской сосны.

Как с братьями, встретился Пузанов со старыми егерями, с которыми еще в двадцатых годах воевал за заповедник. В избе душно: вышли во двор, старший егерь Егор Исаев развел костер.

— “Ну а как дичь, сохранилась?” — разговор не мог минуть наболевшей темы.

— “Ох, Иван Иванович, — наш партизанский командир Мокроусов, как бывший директор заповедника, вначале строжайшим образом запретил партизанам стрелять оленей и зубробизонов. Мы их не трогали, а враги били, когда леса прочесывали. Косуль, тех трехтонками вывозили. Очень много машин загрузили. Потом принялись за более осторожную дичь. По зубробизонам “специализировались” татарские “добровольцы”. Мы же терпели. Но когда нам стало особенно тяжело, Мокроусов разрешил охотиться”, — добавил другой недавний партизан — лесник Кропивный.

Особенно тяжко пришлось в крымских негустых лесах маленьким групкам партизан. Голодая, некоторые бойцы срывали ягоды белладонны, а потом буйствовали. Их привязывали к деревьям. Бывали случаи, когда внезапно появлялись немцы, и отравившиеся ядовитой ягодой партизаны сразу попадали в плен. Те резали им животы — чем же питаются русские?..

Маленькая деталь: отряд по разминированию, обследовав все мосты крымских дорог, нашел, что один из мостков на шоссе в заповедник, по которому ученые не раз проезжали, был заминирован и не взорвался по простой случайности...

Впрочем, сразу после войны Крымскому заповеднику пришлось несладко. Как при немцах. В нем вовсю валили лес, а местный лекартрест смог на 60 процентов своего плана делать на заповедной территории.

Под добычу камня был пущен уникальный “Пещерный город”, поселения первобытной эпохи Кизил-Кобинской культуры, пещера “Чокурча”, находившаяся в трех километрах от Симферополя.

Член Крымской комиссии ВООП Иван Пузанов вместе с Михаилом Розановым, Сергеем Туршу, Александром Протопоповым пытались что-то сделать, привлечь внимание общественности, но уши у многих тогда на “охрану природы” были “занавешены”. Но все же, кое-чего добились...

Распоряжение Совета Народных Комиссаров СССР № 19338-Р
от 1 октября 1944 г. Москва, Кремль
Обязать Главное Управление по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при Совнаркоме РСФСР (т. Шведчиков) восстановить Крымский государственный заповедник, обеспечив проведение лесокультурных работ, охраны леса и научно-исследовательской работы.
Заместитель председателя СНК СССР А. Косыгин

В августе 1950 г. ученый вновь спешит в Крым, на конференцию по охране природы Крыма.

Интерес к заповедному делу не ограничивался у Пузанова одним Крымским. Как член Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК, ученый ревизовал Лапландский, Кавказский, пробовал организовать Керженский. В конце 30-х на пароходе “Академик Климентий Аркадьевич Тимирязев” отправился проверить Астраханский.

— “Пароходам следовало бы знать, что Тимирязев никогда академиком не был”, — едко заметил он в своих воспоминаниях.

Есть фигура — видно знамя. Знамя заповедного дела он в своих руках держал крепко, всю жизнь, за чужие спины не прятался, шагал, как считал нужным, и путь свой по компасу начальства не выверял. В начале 60-х годов по стране прокатилось второе сокращение

заповедников, и все повторяли за Хрущевым, что заповедников развелось слишком много, а он издал книгу "По нехоженому Крыму", призвав создавать новые охраняемые территории.

В 1957 г. воссозданный им Крымский заповедник, по велению Хрущева, был превращен в место для "закрытых" охот. С одной только разницей, что лесные тропы перед приездом знатных гостей метлами уже не выметались. Как похоронку, встретил это известие Пузанов, переживал, заболел даже. А потом начал выстукивать на машинке длинные петиции в республиканские и центральные органы, до хрипоты спорил в больших, помпезно обставленных кабинетах, убеждал, что превращать Крымский заповедник в заповедно-охотничье хозяйство также необходимо и разумно, как скрещивать зайца со страусом. Доказывал, спорил. Даже с теми, с кем спорить было нельзя. Так как считал долгом делать что следует, а не то, что дозволено.

В 1967 г. он пишет докладную записку о необходимости возвратить статус заповедника Крымскому спецохотхозяйству, и направляет по различным киевским и московским адресам, в том числе президенту АН УССР академику Б.Е. Патону: "Мне кажется, было бы весьма желательно, чтобы Вы, как Президент АН УССР, совместно с председателем Госкомитета Охраны Природы Совета Министров УССР т. Вольтовским Б.И., председателем комиссии Охраны Природы АН УССР т. Пидопличко И.Г., а также председателем Украинского О-ва Охраны Природы т. Воинственским М.А. заблаговременно подняли этот вопрос (о Крымском заповеднике — В.Б.) в правительстве и ЦК КП УССР". Однако ничего сделано не было.

Главк заповедников Минсельхоза СССР обратился к Пузанову с предложением написать очерк о Крымском заповедно-охотничьем хозяйстве. Профессор ответил: "...до восстановления Заповедника под флагом "национальный парк им. В.И. Ленина" никаких очерков я писать не буду, а если напишу — то бумага министерская не выдержит!" (РГАЭ, ф. 473, оп. 1, д. 25, л. 26).

Долго еще продолжалась битва за Крымский заповедник. И лишь в июне 1991 года историческую справедливость восстановили: Кабинет Совета Министров Украины возвратил бывшей "царской охоте" статус заповедника.

Науку нужно защищать

Эту главу писать было трудно. Не потому, что автор не владел материалом, его удалось собрать немало. Пузанова не обошли вниманием биографы и историки, хорошо помнят Ивана Ивановича ученые старшего поколения. Но здесь, на стыке народной молвы и слова печатного возникло несовпадение. В книгах жизнь Пузанова выписана спокойной, как равнинная река и гладкой, как стол.

Из воспоминаний же видится характер упрямый.

— "Послушные и дисциплинированные хорошими учеными не становятся", — признался как-то профессор Пузанов.

Разгромив на печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ своих врагов-генетиков, академик Лысенко добился полного подчинения себе биологических журналов. Смелые, новаторские статьи по биологии были уничтожены и в лучшем случае, запрятаны в дальние углы редакционных портфелей. В истории биологической науки настала эра инквизиции. Застопорились, на десятилетия отставали от зарубежных физиологическое, генетическое, природоохранное направления. Термин "охрана природы" был заменен надуманным — "обогащение природных богатств". "Экологию" как что-то чужое, нерусское, вообще было

приказано забыть. А на усадьбах заповедников появились лозунги современного момента — “Превратим наш заповедник в цветущий сад”.

Не все, конечно, с генеральной линией соглашались. Были и такие, что возмущались. Но, в основном, дома, в подушку. Другие сразу не выдерживали. Падали ряской, ракушками до лучших времен на дно. И лишь бойцы продолжали бороться: в студенческих аудиториях, в прениях на конференциях, публикуясь в “Бюллетене Московского общества испытателей природы”. Этот невзрачный, но смелый журнальчик был последним бастионом правды советской биологии 40—50 годов. Как гордый “Варяг”, со всех сторон зажатый врагами, после разгрома “Ботанического журнала”, он продолжал отстаивать настоящую науку, бился, защищал ее. Направляя в мае 1950 г. одну из своих “антилысенковских” статей редактору “Бюллетеня МОИП” академику В.Н. Сукачеву, Иван Иванович писал: “Каков бы ни был исход моей попытки, я исполнил свой долг советского ученого, сорвав со своих уст “печать молчания”. Конечно, я готов претерпеть любые нападки и неприятности, которые мне когда-нибудь зачтутся”.

Академик Сукачев в феврале 1959 пишет Пузанову:

“Из Вашего письма вижу, насколько тяжела атмосфера у Вас. Если в провинции вся история приобрела трагический характер, то особенно сильно это выразилось в Одессе, которая в последние годы явилась центром обскурантизма и всяких безобразий”. (Архив РАН, ф. 1674, оп. 1, д. 364, л. 1).

А дело вот в чем. За борьбу с лысенковщиной Пузанову устроили жесткий прессинг в Одесском университете. Отменили загранкомандировки, третировали его студентов, снимали доклады из выходящих сборников, а готовящиеся к изданию природоохранные книги — “рубили” — за “преклонение перед иностранцами”. Пробовал Иван Иванович воссоздать Одесское общество естествоиспытателей, Одесское отделение Географического общества — не позволили. Из списков на награждение орденом Ленина — вычеркнули.

— “К сожалению приходится отметить, что и в нашем славном городе имеются единомышленники авторов пасквильных статей, опубликованых в названных журналах (“Ботанический журнал”, “Бюллетень МОИП” — В.Б.) под видом “дискуссии”. Это профессора Одесского государственного университета И.И. Пузанов и Н.А. Савчук. В “Бюллетене Московского общества испытателей природы” за один только 1954 год находим три антимичуринских выступления профессора И.И. Пузанова... Партийная организация и ректорат Одесского государственного университета, очевидно, дожны подумать, как оградить студентов от вредного влияния антиматериалистической пропаганды со стороны названных профессоров”, — писал в газете “Знамя коммунизма” ректор ОГУ П. Иванченко (28 дек. 1958 г.).

Пузанову необыкновенно тяжело было в те дни и чтобы защититься, он был вынужден подать в суд на Иванченко.

“Науки нашей участь нелегка:
Вновь возродились средние века...
Алхимики, раздувши горна пламень
Искали долго “философский камень”,
Чтоб в золото им превратить свинец.
Известен всем исканий их конец!
Два академика, Трофим с Презентом
Нас удивить хотят экспериментом,
Что с бреднями алхимиков так схож;

Мечтают превратить пшеницу в рожь.
Но их успех едва-ль нам пригодится:
На много ведь дороже ржи пшеница!
Трофим! Натужься, и без лишних слов
В коней, упрямых преврати ослов!
И. Пузанов, 1950 г.

Догматизму и келейщине в науке Иван Иванович посвятил целую поэму, назвав ее "Астронавт", написал сборник стихов — "Трофиминиада". И еще — "Сокрушение кумиров". Стихи издавались "самиздатом": их переписывали в дымных курилках, на лекциях, обменивались на научных симпозиумах. Кстати, в архиве академика Лысенко имеются пузановские стихи. На титульном листе "Трофиминианы" рукой "народного академика" начертано: "Написано все это в 1954. Автор мне неизвестен, я прочитал 27.11.1966".

Это очень удивительно, что Пузанов прожил такую длинную жизнь. С таким неукротимым характером. Его чуть не расстреляли красные в 1918 г. в Крыму, приняв за белого офицера. В те самые страшные часы "Варфоломеевской ночи", когда пьяные матросы свозили подозрительных интеллигентов на пароход "Алмаз", где их убивали и сваливали в море. В 1929 г. к Пузанову, как руководителю отдела природы Центрального музея Тавриды прицепился чекист Бирсчака. Узрев в экспонатах "аполитичность". Спас директора музея Невский. Летом 1937, когда ученый уехал на Кавказ, пошел слух, что он умер. Московское общество испытателей природы прислало даже соболезнование семье. Но Пузанов вернулся домой живой и невредимый. В Горьковском университете его чуть не подставил ректор университета Маньковский, написав в ВАК донос, что Пузанов — человек "антиобщественный". Но благодаря академику Кулагину Пузанов не только успешно отбился от клеветы, но и стал доктором биологических наук. Гулагом запахло и в 1939, когда некий партийный доцент ГГУ Илларионов обвинил Ивана Ивановича в "несогласии со взглядами Энгельса в антропологии". Пузанов принял вызов. Схватка была жестокая. Позже Илларионов, встречаясь с Пузановым, снимал шляпу и кланялся в пояс. А смелые выступления против Лысенко в 1954 году, схватки с ректором ОГУ Иванченко?

Заботливый ангел-хранитель оказался у Ивана Ивановича Пузанова.

Ивану Ивановичу повезло еще и потому, что у него в молодости оказались прекрасные учителя, ему было на кого равняться — последних зубров русской науки. Например — старый гидробиолог Н.М. Книпович. Пузанов вспоминал о фаунистической конференции в Ленинграде в январе 1931 года. На пленарном заседании обсуждался вопрос о создании огромного Волжского водохранилища в районе Жигулей. Встал гидробиолог Н.М. Книпович и начал доказывать, что это приведет Каспий к обмелению, и превысит выгоду от электричества и орошения. Тогда вскочил И. Презент и давай ругать "старого ретрограда" от науки Книповича и его "крымского подхалима — Пузанова".

Подобные схватки закалили молодого ученого, сделав его бойцом. Что особенно пригодилось в природоохране.

В апреле 1959 г. Иван Иванович пишет письмо киевскому профессору Н.В. Шарлеманю: "У нас никак не может родиться филиал Общества охраны природы — все в первую очередь потому, что сейчас, как и 4 года тому назад, начали дело по административному руслу, и оно потонув 3 года тому назад в архиве "отдела вероисповедания" облисполкома, сейчас маринуется в отделе сельского хозяйства облисполкома". Я отказался по двум причинам. Во-первых, я считаю дробление на секции Общества — порочным. Если я иду в лес, я охраняю не только белку, но и дерево, на котором она сидит! А такие секции, как секция голубеводов — просто смехотворны! Во-вторых, общественная работа по охране природы невозможна

без выступлений в местной печати — я же ни за какие блага в мире не дам ни одной строчки в местные газеты, публиковавшие против меня клеветнические статьи наших “мичуринцев” и игнорировавшие мои фактические опровержения. Но за природу бороться я готов всегда!” (ОР ЦНБ НАН Украины, ф. 49, д. 880, л. 1).

Открыватель земли Таврической

“С охраной природы дело у нас в Крыму обстоит сейчас очень плохо, лучше сказать никак не обстоит, ибо охраны природы в данный момент фактически нет”.

И. Пузанов. Из книги “Крымский полуостров, его роль и значение в СССР”, М., 1935 г.

Надо сказать, семья Пузановых была особая, непохожая на другие из этого же купеческого сословия. Ее глава, Иван Васильевич, давно махнул рукой на коммерцию. Страстью отца стал театр. Он — организатор Курского общества любителей драматических искусств, меценат многих актеров, сам нередко выступал на сцене. Любовь к театру, живописи, литературе передалась и сыну. Природой же будущий биолог заболел намного позже, летом 1900 года, когда всей семьей Пузановы отдыхали в Крыму.

Знакомые Пузановых — московский учитель Николай Павлович Лебедев и профессор химии Александр Васильевич Кижнер отправились в небольшое путешествие. Жителям Москвы, уставшим от городской сутолоки, захотелось побродить по нехоженому Крыму. С ними пошел гимназист Ваня Пузанов.

Осман, проводник-татарин, будил неизменным “Пора дорогам ходил”, вместе грели чаек и грелись у огня сами, затем, перекусив кислыми лепешками, отправлялись в путь. Видели Кузьмо-Демьяновский монастырь, спускались в только что открытые пещеры Чатыр-Дага. Открытые и оскверняемые.

“— Высокие своды пропадали в темноте, колонны узорчатые, витые, будто сплетенные из кораллов целыми букетами, поднимались кверху по стенам и углам: их расписала какими-то чудесными иероглифами неведомая рука... Со сводов падали десятками каменные и хрустальные паникадила, стояли посреди подземного храма великолепные массивные свещники странной работы, тоже сверкающие, как хрусталь. Стояли огромные престолы и органы из тяжелого хрусталя, безобразные каменные идолы, то коротенькие и толстые, то высокие, как столбы колонны...

Туристы-хищники не замедлили явиться с молотами в руках и здесь, никем не стесняемые, совершали свое темное дело. Стройные, тонкие уносились на руках, тяжелые увозились на телегах. Татары-пастухи могут рассказать много таких случаев из этой грустной истории, как приезжали “господа” и увозили с собой чудные колонны. Так расхитили дивный храм, создаваемый природой веками, а может быть, и тысячелетиями”.

(П. Петров. “Новые пещеры “ЧаТыр-Дага”, 1910).

После Крыма у Пузанова были Китай, Япония, Цейлон. И еще Италия, Франция, Германия, Кавказ. Но любовь, что пришла в детстве, самая первая, оказалась сильнее. Позже об этом скажет:

“Блаженно было бесконечно
То лето первое в Крыму,
Когда носился я беспечно
В хаосе, в парке. Одному

Хотелось быть, чтоб пить запоем
Дыханье моря, солнца блеск,
В полуденном чтоб слушать зное
Цикад осатанелых треск”.

В 1917 году в Симферополе организовывается Народный университет, Пузанова назначают деканом естественно-исторического университета. Через год, вместе со своей женой, Евгенией Николаевной, Иван Иванович перебирается в Симферополь, где преподает в Таврическом университете.

Правда, молодому доценту, сразу после занятий, а то и всю ночь приходилось подрабатывать на лесопилке или ночным сторожем: университетское жалование было до обидного низким. Писатель К. Тренев, живший в то время тоже в Симферополе, кстати, вывел такого ученого-сторожа в своей пьесе “Любовь Яровая”.

В Крыму создается Межведомственная комиссия по охране природы. Ее возглавляет Пузанов. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы организует в ноябре 1924 секцию защиты природы. Ее председатель — Пузанов. В активе ученые — Е. Вульф, Н. Клепинин, С. Дзевановский, С. Туршу. Расширяет свою экспозицию Центральный музей Тавриды. Отдел естествознания и охраны природы ведет Пузанов.

Ялта, 20.1.1925.

— “Довожу до сведения Комиссии по Охране природы Крыма, что в районе Верхней Орианды (б. владение княгини Долгоруковой), в настоящее время находящемся в пользовании поселян деревни Гаскарка, ведется населением безжалостное уничтожение можжевельников. Все крупные экземпляры рубятся. Говорят, что древесина их идет на дрова, так как при горении они наполняют татарскую хату приятным смолистым запахом...”

Учитель Гродорченко (Архив РАН, ф. 1674, оп. 1, д. 241, л. 22).

Много, очень много замыслов у крымских пионеров охраны природы, не все удается осуществить. Причин масса, но: уже запрещена весенняя охота, создан заказник между Джалманом и Севастополем, составлен список редких животных и растений Крыма. В него вошли тис, пицундская сосна, земляничное дерево, степной орел, белая цапля, черный аист... Поставлен вопрос об охране пещер Чатыр-Дага, мыса Мартьян, островов Сиваша. Расширен Крымский заповедник, спасены от вырубки Массандровский и Артековский парки.

— Постановка дела охраны природы — лучший показатель уровня культурности страны, — свой тезис Пузанов не устает повторять на многочисленных лекциях, с трибуны съездов и конференций, на заседаниях местных органов власти, в студенческой аудитории, в листовках на татарском и русском языках. Об этом он говорит и на I Всероссийском съезде по охране природы в Москве.

Однако не долго суждено было работать Крымскому обществу естествоиспытателей и любителей природы. В своих воспоминаниях Иван Иванович писал, как в январе 1931 года из Москвы в Симферополь приехал работник Главнауки Михаил Петрович Потемкин “с правительственным поручением закрыть Крымское общество естествоиспытателей”.

— “...в “центре” обратили внимание на то, что большинство краеведческих обществ, под флагом “краеведения”, занимаются коллекционированием редких икон, переходящих в их культ. Поэтому решено закрыть вообще все провинциальные общества, за которыми ведь не уследишь, оставив лишь центральное, как Московское общество испытателей природы. При

таких условиях с нашей стороны, разумеется, не могло быть и речи ни о протесте, ни об оправдании... Как человек интеллигентный, он (Потомкин — В.Б.), конечно, был смущен ролью “палача” общественно-научной организации... Конечно, бессмысленный акт поголовного закрытия научных обществ был проявлением сталинского погрома русской культуры" (И.И. Пузанов, Воспоминания. т. XXV).

Назвав семь чудес света, греки явно ошиблись, забыв о Большом каньоне Крыма. Тысячи лет пилила вода каменную гору, пока не выпилила зияющую расщелину. Спустились вниз — и вы в плену у каменных ладоней. Где-то над головой — полоска далекого неба. Под ногами гремит ручей. Вода то бубнит, падая, то сычит, переливаясь через каменный уступ. Имя этому водопаду дали — Медуза. Еще дальше — Ванна молодости. Редкий смельчак искупается в ней. Даже в самое жаркое лето здесь ледяная вода...

Пузанов вместе с астрономом В. Альбицким открыли Большой каньон Крыма летом 1923 года. А охраняться он стал лишь полвека спустя.

Было нестерпимо душно и жарко.

— “Давай возьмем вон на тот мыс”, — предложил Пузанов, — “Не больше двадцати минут хода. А часа через полтора будем на Ай-Петри”.

Дорогу преградила гигантская расщелина. Казалось, еще вчера раскалывалась на две части земля. А сегодня над бездной спокойно снуют стрижи, где-то глубоко на дне мирно журчит речка и стрекочут в ногах кузнечики.

Местным жителям каньон был известен, и называли они его Аузун-Узень. Но в сторону его редко кто хаживал. Молва пугала, что из расщелины Аузун-Узеня по ночам доносятся дикие вопли, визги, — то шайтаны справляют свои свадьбы.

Пузанов, вместе со своими друзьями-ботаниками Е. Вульфом и С. Дзевановским, несколько раз спускались на дно каньона, но “молодых” и их “гостей” так ни разу не обнаружили. Позже, о Большом каньоне Крыма Пузанов написал книгу.

Весной 1925 года, прослышав о восьмом чуде света, явился из Москвы в гости к Ивану Ивановичу высокий, тучный, рыжеусый человек. То был большой любитель приключений, страстный мечтатель и охотник, ярый поборник заповедного дела, сотрудник отдела охраны природы Наркомпроса РСФСР Франц Шиллингер. Он решил во чтобы то ни стало отснять крымский каньон и добыл крайне дефицитную кинокамеру. Фильм вышел на редкость удачным и обошел, наверное, все кинотеатры страны.

Другим чудом была гора Опук.

— “Ее плоскогорья изъедены узкими щелями, напоминающими трещины ледников. В них пахнет зверем. Морские заливы кишат змеями. Каждый шаг отдается глухо и гулко, как в пещере. Гроты, выветренные сквозняками по углам обрывов, подражают своей внутренней отделкой сталактитами. Широкие каменные лестницы посреди скалистых ущелий, с двух сторон ограниченные пропастями, кажется попираются невидимыми ступнями Эвридики”.

(Максимилиан Волошин, 1912)

В этой горе, поэт верно подметил, живым духом пахло не зря. В нишах горы, по подсчетам Пузанова, ютились (единственное место на Украине) полторы тысячи розовых скворцов, шестьсот галок, столько же малых соколов. Особенно впечатляли розовые скворцы. Когда

они устремлялись за добычей на равнину и делали повороты тела как по военной команде, — тысячная стая одновременно окрашивалась то в розовый, то в темный цвет. Пузанов предложил взять гору Опук под охрану закона в середине 20-х годов. Шестьдесят лет тянулось "пробивание" его предложения. Гора стала заповедной в 1980 году. Но это лучше, чем никогда.

Не всегда экспедиции Пузанова заканчивались благополучно, случались и курьезы. Курьезы на грани трагедии. Как-то Иван Иванович вместе с Вульфом осматривали знаменитые грязевые "пучины". Пузанов достал фотоаппарат, Вульф подошел ближе к краю.

— "Я уже был готов нажать спуск аппарата, но внезапно вместо фигуры своего спутника я увидел лишь его голову и руку, беспомощно протянутую в моем направлении из грязи. Напрягши все свои силы, быстрым рывком я выдернул Вульфа из грязи. И вот спасенный из пучины Е.В. Вульф стоит предо мной, от шеи до ног покрытый жидкой серой грязью, беспомощно расставив руки.

— Вы спасли мне жизнь... спасибо!

(Из воспоминаний И. Пузанова).

Пузанов писал — "С 1930 г. в Крымском педагогическом институте стал проявляться совершенно для меня непереносимый педагогический загиб в преподавании: научные дисциплины все более и более оттеснялись разными видами педагогик, педологий и методик. Квалифицированные научные работники, с 1925 г. все время старавшиеся поддерживать преподавание на высоком научном уровне, были обвинены в "университетомании" и оттиснуты на задний план ловкими халтурщиками, заполнившими вуз".

— "С 1930 по 1933 были времена самых диких, фантастических экспериментов в вузах", — вспоминал Иван Иванович. Вводился "бригадный метод" сдачи экзаменов, "поход на лекцию", когда лекцию обязан был читать не преподаватель, а его студенты. В начале 1931 Пузанов, как преподаватель, был снят с "довольствия". И всю зиму его семья перебивалась сухарями, что высылал из Москвы его родственник — профессор ботаники В. Алехин. Вскоре Крымским пединститутом стал заведовать молодой самоуверенный неуч, закончивший аспирантуру по философии у профессора И. Презента. Это было последней каплей, переполнившей чашу. Немного поработав в Батуме, семья Пузановых переезжает в Горький. Хотя о Крыме тосковал бесконечно. Даже писал:

— Тому покоя в мире нет,
Чьи крымским ядом полны вены,
Он жжет в оплату за измену.

В Горьком Пузанов возглавил биологический факультет местного университета, областное общество охраны природы и отдел природы областного краеведческого музея. В начале войны перепуганное правительство Сталина предполагало переехать в Горький. А поселиться в доме Рябушинского, где имел несчастье разместиться краеведческий музей. Сталин так и не появился, но при "очистке" помещения погибли многие уникальные экспонаты.

Вскоре в Горьком начался голод. Жители пытались сдавать кровь в обмен на продукты. Пошел в донорский пункт и Пузанов. Но у него оказалось всего 68 процентов гемоглобина вместо положенных 70. Спас знакомый врач — он поставил в справке нужную цифру.

Ели Пузановы и молюсков — здесь пригодились обширные зоологические знания Ивана Ивановича. Благодаря этому, да наверное, еще и земельному участку и выжили.

Прекрасный знаток поэзии, друг Максимилиана Волошина и Георгия Шенгели, Пузанов не только сам писал изящные стихи, но и переводил В. Гюго (в 13 томе собраний есть его работы), Байрона, Гейне, Леконта де Лилла. Любимым его жанром была пинако поэзия — стихотворное сопровождение живописных картин.

Из воспоминаний сына Бориса: “Папа здорово рисовал, карикатура на одного нашего симферопольского соседа привела к бурной и длительной ссоре. Отец рано подметил мою страсть к технике и поэтому не пытался увлечь гуманитарными науками. За различными моторчиками, схемами я порой проводил целые дни, часто забывая и об уроках. Мама по этому поводу незло замечала: у меня в доме два мужчины — один очень умный, а другой... — велосипед”.

В 1965 году, в связи с 80-летием “Нестора советских зоологов” Президиум Верховного Совета УССР присвоил И.И. Пузанову звание “Заслуженный деятель науки УССР”.

Пузанов-педагог-новатор. Он один из первых в стране, с 1953 года, начинает читать студентам университета курс по охране природы (лекции едкие, со смелой критикой советского правительства), организовывает первую в Украине студенческую природоохранную дружину. С 1955 г. — член Комиссии по охране природы АН УССР.

До старости сохраняя железное здоровье, медвежью силу (его кумир с детства — Иван Поддубный) и крепость духа, он и в 80 своих почтенных лет нырял с ластами и маской, качался штангой, охотился. Столярничал, клал печки, собирал ножи. Похож на старого могучего зверя, большого медведя-гризли, что ли. И известен был всей Одессе не меньше, нежели Дюк Ришелье. Он всегда и по многу ходил пешком. Пешком и в больницу, откуда не вернулся. Выявили болезнь его семьи — рак. Смерть пришла 22 января 1971 года.

Вот так и я, мой Крым. Пройдя немало стран
Обильных через край, прекрасных и могучих,
Я так теперь хочу разбить последний стан
У берегов твоих, на голых кручах
И ты мне мил до слез, хоть вижу я вокруг
Пожарища лесов, дворцов и сел руины, —
Не так ли на челе избранной из подруг
Не замечаем мы его морщины...

И. Пузанов, 1937 г.

На следующие дни после революции

Николай Подъяпольский место среди пионеров охраны природы занимает особое, ни с кем не сравнимое. По вопросам создания Астраханского заповедника он встречался с самим Лениным и эта встреча дала всему природоохранному делу в советской России первый и мощный толчок.

Будучи крупным работником Наркомпроса, он частенько прикрывал собой ростки первых заповедников, рьяно отстаивал принципы заповедного дела, за что не раз оказывался под гибельным обстрелом взбесившейся ведомственности.

С таких как он, все и пошло, горстки пионеров, положивших ради природы жизнь.

Николай Николаевич был счастлив и несчастлив одновременно: многое успел и так многого не доделал. И сейчас чувствую трагизм последних дней — болезнью прикованный к постели, он еще больше страдал от сознания невозможности как-либо воспрепятствовать начинающемуся в тридцатых завалу.

Этот завал в природоохранном деле позже, в пятидесятых — шестидесятых отразился и на экономике страны, науке, сельском хозяйстве, здоровье народа. Способствовал эрозии святого-святых — культуры и морали.

Сколько воды утекло, а ума не много прибавилось. Как ослепленные, тыкаемся во все стороны, повторяя ошибки прошлого в отношениях с природой. И одна из причин видится мне в пренебрежении историей, накопленным, но усердно запрятанным в архивах опытом, прошлым, которое "помогли" забыть.

Пока не грянет гром
Где как волосы девичьи
Плещут реки...
Велимир Хлебников

Слух был, что собираются облаву делать и охотников понаехало немало. Готовилась бойня варварская, нещадная. Легкие, стремительные сайгаки могут свободно перемахнуть через колючий кустарник, прорваться сквозь заросли осоки, но на голом пространстве становятся беспомощными и уязвимыми. Поэтому и копали здесь большие ловчие ямы, в дно которых втыкались заостренные камышины.

Ямы были незаметны сайге, прямо на нее летящей. Вот первая самка проткнулась и завертелась как на вертеле, за ней другая, третья и так лег весь табун. Когда новые стада уже пошли по трупам наткнувшихся, как по мостику, выскочили залегшие в кустах люди. Устав резать, позвали обозников. Те принялись за резню. За раз было уложено 12 тысяч голов.

Так охотились на сайгу в астраханских степях в начале нынешнего века. Приезжие китайцы сполна отваливали за сайгачьи рога, из которых изготавливались чудодейственные лекарства, а ее, рыжей, в степях было полным-полно, только не ленились копать ямы...

Оглядываясь назад и вспоминая свои прегрешения перед природой, мы почему-то обязательно тычем пальцем в первых переселенцев дикого запада, сдуру угрохавших почти всех бизонов, но стыдливо замалчиваем проделки своих соотечественников. Но правды ради, ведь и у наших прадедов рыльце бывало в пушку. Особенно на окраинах России, что покорялись порой с присущей колонистам жестокостью.

Еще была рыба. Много рыбы. Иван Аксаков, случайно очутившийся в Астрахани, вспоминал:

Вот там-то, брат. там золотое дно:
Белугами полнехонько-полно!
Осетр, тюлень, севрюга... словно в сборе!
Уж прибыльно! В весенний ранний лов

Кишма кишат они у берегов,
Сплошной стеной стоят под учугами...

Рыбу астраханскую люди русские вкусили в памятном 1557 году, огнем и мечом завладев Астраханским ханством. Поделили рыбные места промеж собой, и стали ловить осетров и лещей, кто, как и сколько мог, благо, людей тогда было мало, а рыбы полно. В 1619 году царь Михаил Федорович пожаловал часть волжских вод за усердную службу патриарху Филарету. С тех пор и перестали пускать подлую чернь в добычливые места "ловень патриарших". Позже, в восемнадцатом, а особенно в девятнадцатом веках перебрались в Астрахань купцы и промышленники, помаленьку подбирая под себя рыбный промысел. По всей России катились слухи об астраханских рыбных кладбищах, то купцы Беззубиков и Сапожников, богатейшие в империи, скупали и закапывали тысячи тонн красной рыбы в землю, дабы поднять цену. Закопанное гнило и заражало все кругом. Появлялась зараза, от нее дохла и здоровая рыба.

"В Каспийском море небывалый мор рыбы. Так, по словам "Астр. В.", в районе Середок, Жемчужный и Кулагинская Бороздинка поражает количество плавающей мертвой рыбы — осетров и севрюги.На поверхности моря плавают сотни тысяч красной рыбы, "прямо плотами". По заявлению рыбаков из с. Бахтемир (Семирублевое) им пришлось попасть в такой "плот" ночью. Пять часов они шли довольно быстро под парусом, и море было покрыто мертвым судаком и воблою".

(Бюллетени Харьковского общества любителей природы, 1915 г. № 4)

Однако не так-то просто было подорвать рыбный промысел без плотин и мелиорации. В 1914 году, невзирая на все ухищрения человека, он по-прежнему оставался обильным, в 294 тысячи тонн, дав доход в 12 миллионов рублей, в том числе икры красной на 800 тысяч рублей.

Начало двадцатого века навело еще одну беду — моду на птичьи перья. Все дамы Америки и Европы, словно белены обьевшись, жаждали эргеток. В 1903 — 1904 годах в дельте Волги были выбиты все гуси. лебеди, белые цапли, колпицы и фазаны. Начали драть чаек и крачек. Только одна французская фирма вывезла отсюда в 1903 году сто тысяч шкурок несчастных пернатых.

Баржами грузились птичьи яйца, кем-то прозванные "персидскими", — ими снабжались мыловаренные и кондитерские заводы Европы. Канонада в камышах стояла всю зиму, весну, лето и осень. Свежей битой птицей откармливали катающуюся по Волге публику.

По ночам город охватывался сполохами далеких пожарищ: — пылали зажженые местными озорниками тростинки. В огненной забаве зазря гибла птица, дикое зверье.

— Что это, — с тревогой вопрошали приезжие, — не пожар ли? Почему никто не смотрит на зарево!

Привыкшие к постоянным палам астраханцы лишь зевали в ответ.

Ниже Астрахани Волга распадалась на восемьсот больших и малых ериков, стариц, ильменей, култуков и бороздин, скрытых тростниковыми джунглями. Там, в самых глухих и труднодоступных урочищах чудом уцелели шедевры природы — лотос и чилим. Лотос, или каспийскую розу, по легенде, завезли сюда из Индии еще в средние века буддисты-калмыки, орех-чилим, ровесник мамонта, сохранился с ледникового периода. Шедевры, как картошку, гребли лопатами и мешками тащили на базары. Дармовое благополучие закончилось в

несколько лет, перед самой революцией. Побывавшие здесь в девятьсот четырнадцатом московские зоологи Б. Житков и С. Огнев лишь констатировали былое великолепие. Дабы как-то сохранить остатки, рекомендовали срочно создать заповедник. 11 мая 1915 года Петровское общество исследователей Астраханского края поставило этот вопрос перед местной властью, но первая мировая война внесла свои коррективы...

Русская пословица говорит: “Гром не грянет — мужик не перекрестится”. Этим народная мудрость выражает то невыгодное свойство русского человека, что он мало заботится о будущем, что эта забота у него является только тогда, когда на горло наступит нужда, когда и заботиться-то почти бывает уже не о чем. Так и с охраной природы”. (Н. Подъяпольськый, “Что дает природа трудовому народу” Москва, 1925 г.)

Разговор с товарищем Лениным

В Астрахань Николай Подъяпольськый приехал зеленым юнцом, за плечами лишь Киевский политехнический институт да пара месяцев работы помощником лесничего. Мать не одобряла выбор, слала из Вольска слезные письма: — зачем же ты, Николаша, подался столь далеко, на самый край России, к басурманам?

По приезду молодого агронома поразили две астраханские красоты — древний белый кремль с гранеными башнями, да записанное на базаре татарское поверье, что во время грозы речные раковины раскрываются и дождевые капли, попадая в них, превращаются в жемчуг.

Знакомство с краеведом Владимиром Алексеевичем Хлебниковым (отцом поэта Велимира Хлебникова) привело его в Петровское общество исследователей Астраханского края. Он узнает о диковинных уголках волжской дельты, а позже на моторном судне “Почин” добирается туда и сам. Кстати, во время одной из экспедиций натуралистам удается обнаружить даже тушу мамонта, случайно вымытую паводком.

Октябрь не оказался для Николая чем-то неожиданным. Еще не утихли в Астрахани бои, а новоиспеченный зам. народного комиссара края по просвещению уже организовывает университет. Осенью восемнадцатого года новый вуз открывает двери.

Жизнь отрезанной белой армией почти от всего света Астрахани во многом зависела от богатства рыбных промыслов. Новая власть сразу принялась устанавливать на них жесткий порядок, что было так непросто.

Еще после февральской революции вольные ловцы, позабыв всякое благоразумие, набросились на запретные “ямы” — глубинные места, где перед нерестом обычно рыба набиралась силенок. При высоких ценах на рыбу заработки достигали баснословных сумм. Предприимчивые торговцы стянули в порт все имеющиеся баржи со спиртом и тут же меняли его на рыбу у счастливых и не вяжущих лыка рыбаков. За дармовым заработком снимались целые деревни, приваливали шайки солдат-дезертиров. А если и появлялись на “ямах” охранные катера, то браконьеры обстреливали их из пулеметов, таранили, гнали прочь.

Одним из важнейших пунктов программы спасения волжской поймы Астраханский Крайотнаробраз считал создание заповедника. Чтобы ускорить его организацию, было решено послать в Москву Николая Подъяпольского, человека знающего, активного и думающего.

Провожающие сошли на берег, капитан дал отвальный свисток, узкую дощечку сходней втянули на палубу и задрыпанный, обшарпанный параходишко, которому Подъяпольский

доверил важные бумаги и свою жизнь, отвалил. Поначалу он нерешительно и долго пробирался сквозь строй белоснежных красавцев пароходов, сейчас молчаливых, с забитыми окошками, среди чумазых нефтеналивных барж, оставшихся из-за интервентов-англичан безработными. Наконец, с трудом выбравшись на фарватер, пароходишко бодренько присвистнул, громко и часто застучало стальное сердечко, весело забурлила под кормой вода. Поплыла белая Паробичебугорная больница, попятились мрачные кожевенные заводы, вприпрыжку разбежались по холмам кремлевские стены. Еще долго на фоне серо-синего неба маячила колокольня собора, но вот скрылась и она. Астрахань исчезла.

13 августа 1918 года нарком просвещения Луначарский выслушал доклады Подъяпольского и командирует в Астрахань своего эмиссара Р.А. Ивнева. Вместе с Хлебниковым и Подъяпольским они еще раз уточнили все в натуре. В декабре 1918 года Николай Николаевич вновь отправляется в Москву.

Позже он вспомнал:

"— 16-е января — юбилейна дата для советской охраны природы. В этот день в 1919 году Владимир Ильич посвятил некоторое время вопросу охраны природы и дал толчок природоохранительной работе в РСФСР. Вот как это было:

Утром 16-го января я, делегат Астраханского губисполкома, был принят Анатолием Васильевичем Луначарским на его квартире в Потешном дворце Кремля. Я обратился к народному комиссару по просвещению с целым рядом вопросов, касавшихся культурной работы в Астраханском крае, только что вошедшем в состав РСФСР. Среди этих вопросов был, между прочим, проект Астраханского университета, о создании в крае двух крупных заповедников, дельтового в устье Волги и солонцово-степного в районе великих соленых озер. Выслушав меня, Анатолий Васильевич продиктовал тов. Петровой, работающей тогда в качестве его стенографистки, машинистки и личного секретаря, следующую, поразившую меня, записку:

"Дорогой Владимир Ильич! Прошу Вас принять и выслушать тов. Подъяпольского, крупного советского работника из Астрахани. Думаю, что разговор с ним будет полезен. А. Луначарский. 16 января 1919 года!"

...Бонч-Бруевич берет у меня записку Луначарского, на минуту уходит с ней и, возвратившись, просит подождать, так как Владимир Ильич занят разговором с Петроградом. Кто-то идет в кабинет передо мной; потом вызывают меня. Прохожу через пустую комнату заседаний, у самой двери "его" кабинета встречаю Марию Ильиничну с ворохом бумаг. Волнуюсь, как перед экзаменом в средней школе. Неловко отворяю дверь, путаюсь в ковре и вдруг вижу поднимающуюся мне навстречу фигуру Ленина.

Спокойный, но пронизывающий взгляд. Беглая улыбка... Короткое рукопожатие, — и я сажусь в указанное мне кресло как-то совсем успокоенный(...)

Задавши мне несколько вопросов о военном и политическом положении в Астраханском крае, Владимир Ильич, высказал одобрение всем нашим начинаниям и, в частности, относительно проекта устройства заопведников. Сказал, что дело охраны природы имеет значение не только для Астраханского края, но и для всей республики и что он придает ему срочное значение.

Вслед за тем он предложил мне составить к "завтрему" проект декрета об охране природы(...)

А.В. Луначарский в это время уже выехал из Москвы, поэтому в дальнейшем нам пришлось действовать через его заместителя М.Н. Покровского. Аудиенцию у него мы получили только первого февраля, а 4-го февраля по этому вопросу, а также по вопросу об учреждении Астраханских заповедников мы имели доклад в научном отделе Наркомпроса у его заведующего профессора Дементьева. По слепому случаю дело продвижения декрета (и устройства первых заповедников), так энергично двинутое Владимиром Ильичем, в "аппарате Государственного правления" попало в руки заместителя заведующего научным отделом, астронома, и сразу застопорилось. Подробно о "мытарствах" этого дела можно будет вспомнить как-нибудь в другой раз. Здесь же уместно будет привести лишь копию резолюции наркома по просвещению на жалобу Астраханского университета по поводу волокиты в научном отделе. Жалоба эта была подана 4-го июня 1919 года, и вот что написал на ее полях Анатолий Васильевич:

"Копия.

В Научный Отдел. Прошу вернуть мне этот проект с отзывом Научного Отдела. Прошу сделать это срочно.

Нарком Луначарский".

Довольно недвусмысленная резолюция наркома на "аппарт", однако, не возымела желанного действия. Проект декрета так и не был извлечен из научного отдела, и только в следующем году дело охраны природы встало, наконец, на юридическую почву. Практически же оно начало осуществляться в Астрахани уже с весны 1919 г., так как Астраханский губисполком, осведомленный мной об отношении к его начинанию Владимира Ильича и Анатолия Васильевича, отпустил средства на первые работы по устройству Астраханского заповедника из местного скудного бюджета..."

("Охрана природы", 1929 г., № 2).

Заметим, бюрократизм уже тогда сводил на нет все благие потуги... В гуще природоохраны

Иные современные писания изображают наше природоохранное прошлое чистеньким и красивым, как отремонтированная квартира. Забеливались старательно неудачи, заштукатуривались подробности, выбрасывались прочь ранее допущенные ошибки. Такая, с позволения сказать, "история" не только не поучительна и не интересна, но и вредна даже, ибо создает у потомков иллюзии легких побед и безбедного существования.

Во многих книгах по охране природы лакируется история Астраханского заповедника. Нет, он не был создан сразу после встречи Подъяпольского с Лениным, как и не был утвержден 11 апреля 1919 года.

В первые дни после революции в стране не имелось юридических документов, регламентирующих создание заповедников. Не было и органов, охраной природы занимающихся. Наоборот, организация заповедника в дельте Волги послужила толчком к созданию таких органов и законов. Появление Астраханского заповедника зависело не от законов (которые еще надо было разработать и утвердить), а от выделения финансов. Астраханский университет нашел один миллион 60 тысяч 800 рублей и просил Наркомпрос утвердить смету. Но не тут-то было. Во всей красе проявился бюрократизм — уродливое явление советских учреждений. Больше десяти раз собиралась Коллегия научного отдела Наркомпроса, с января по июнь 1919, судила и рядила, как быть. Отправлялись в далекую Астрахань наркомпросовские эмиссары, плавали по дельте, жевали воблу, но дело не двигалось.

Тем временем волжское население с удивительным изобретательством искореняло дикую фауну и флору.

“Птицу уничтожают, главным образом, собирая в громадном количестве яйца, ловя сетями линную птицу. Ловят нередко по 100 — 600 и даже по 1000 шт. в один улов. Птицу завязывают в сетчатый мешок-курец, и делают несколько выстрелов, чтобы придать вид битой, а часто продают просто давленную. При этом варварском способе масса дичи портится. Нередко бывает, что более мелкую утку выбрасывают у лодки, если можно наловить более крупных” (Из записок орнитолога М.А. Сергеева).

И вот на стол к Луначарскому легло письмо совершенно отчаявшихся астраханцев:

Наркомиссару просвещения.

“В январе 1919 г., делегатами Астраханского университета было доложено Вам об организации при университете заповедников девственной природы.

Вследствие одобрения Вашего и распоряжения доложить о начатых работах председателю Совета Народных Комиссаров, одним из представителей университета 16 января 1919 г., был сделан доклад Владимиру Ильичу Ленину, который и указал разработать проект декрета о государственном заповедании и провести его через Наркомпрос в Малый Совет Народных Комиссаров. Проект этот был разработан и представлен Вам в конце февраля и по Вашему распоряжению был передан в Научный отдел на заключение и дальнейшее продвижение. Научный отдел никаких конкретных шагов к продвижению дела с декретом не предпринимал до мая, когда присланные из Астрахани делегаты университета узнали об этом.

... Работа по фактическому заповеданию в Астраханском университете уже ведется, что указанно в докладе ученого агронома Подъяпольского научному отделу обстоятельство о необходимости спешить с наложением запрета на известные участки суши и вод в Астраханском крае вполне реальны,... Московский филиал совета Астраханского государственного университета обращается к Вам с просьбой положить конец оттягиванию разрешения этого вопроса...

Председатель филиала

Секретарь (подписи неразборчивы).

Представители студенчества, присоединяясь к настоящему представлению филиала, со своей стороны позволяют себе отметить, что все сознательное и работающее астраханское студенчество смотрит на заповедники как на основной источник учебных пособий по природе и краеведению и арену для работы ученых, которые выйдут со временем из его среды.

Воздерживаясь от характеристики действий лиц, коим ведение дела о заповедниках поручено, представители студенчества позволяют себе думать, что задержка в проведении декрета о государственном заповедании, являющемся одним из культурнейших начинаний, осуществляемых в данное время Советским Правительством, после одобрения его Председателем Совнаркома и Вами, не являются следствием непонимания Научным отделом сути дела.

21 мая 1919 г.

Уполномоченный представитель коммунсовстара Астраханского университета (подпись неразборчива)

На письме чернилами — “ускорить дело”.

3 июня 1919 г. коллегия научного отдела Нарокомпроса РСФСР утвердила смету. Правда, только по июнь, да и вместо просимого миллиона всего 166 тысяч 672 рубля. Но и это, как говорится, был хлеб.

Точной даты создания заповедника нет, она размыта во времени. Трехизбенский участок действовал с весны девятнадцатого, его директор К. Павлинов с двумя наблюдателями приступили к работе 7 апреля. Дамчинский участок был передан заповеднику 14 июня 1924 года, последний, Обжоровский — спустя три года. 24 ноября 1927 года Совнаркомом РСФСР было утверждено долгожданное положение об Астраханском заповеднике. А вот солонцово-степной так и не был создан.

Франц Францевич Шиллингер слыл человеком неуемной энергии и неукротимой инициативы. Служил, как и Подъяпольский, в отделе охраны природы Наркомпроса РСФСР, комитете по охране природы. И хотя работа ему нравилась и лучше вряд ли мог найти, здесь, в кабинетах, он чувствовал себя неважно, почти как птица в клетке. Завлял — “я реализую себя на службе только на 5 процентов”.

А поэтому в свободное время, денно и нощно строчил статьи, тратился на разработку самых фантастических проектов как помочь делу защиты природы. Во время отпусков, на личные средства, организовывал частные экспедиции по проектированию государственных заповедников.

Среди сослуживцев и товарищей своих Подъяпольский пользовался немалым уважением как человек доброжелательный, деликатный и рассудительный. Прежде чем высказать замечание, пять раз снимет и протрет очки, десять раз извинится. Вроде и не согласится, вроде и возразит, но сделает это так мягко, деликатно, но убедительно, что все припасенные аргументы рассыпаются сами собой, становится ясно — прав опять Подъяпольский.

Подъяпольские и Шиллингеры дружили семьями. Обычно, нагрянув в гости всей семьей к Подъяпольским, нетерпеливый Шиллингер сразу же затаскивал хозяина квартира на кухню и “опробовал” на нем очередной проект.

— “Знаешь, Николай”, — сегодня громадный, рыжеволосый Франц был особенно возбужден, — “появилась у меня одна преинтереснейшая идейка. Вот скажи, что требуется для успеха нашего безнадежного дела?

Подъяпольский на минуту задумался — “деньги, кадры, информация”.

— “Совершенно верно! Теперь дальше. Государственные органы пока сами еле сводят концы с концами. Спасибо Луначарскому, светлой голове, что мы хоть зацепились с нашей мало кому понятной охраной природы в Наркомпросе. Ты знаешь, я тут намедни перечитывал академика Бородина, так меня осенило. А не создать ли нам общество охраны природы? Как в Польше, Германии, Швеции?”

Сухонький, в очках, чеховского склада Подъяпольский, обычно всегда спокойный и рассудительный, вскочил с табурета и нервно зашагал по кухне.

— “Интересно, интересно. Ты знаешь, в этом что-то есть. Можно издавать свои журнал, книги, организовывать экспедиции.

— А главное, быть независимым от чиновников. Полная демократия. Что сами решим, то сами и будем исполнять. Без всяких там согласований и утрясаний. По подобию центра создадим боевые отделения на периферии. А еще лет через десять превратим все наше социалистическое общество в общество охраны природы".

... Первое организационное собрание Всероссийского общества охраны природы состоялось 3 декабря 1924 года. Председателем временного совета был избран профессор Григорий Кожевников, секретарем — Николай Подъяпольский.

8 августа 1924 года “Правда” поместила небольшое сообщение об очередном заседании СНК РСФСР под председательством А. Рыкова, в котором сообщалось: “Учитывая тесную связь заповедников с общим лесным хозяйством Наркомзема, Совнарком постановил передать ведение заповедниками из Наркомпроса в Наркомзем”.

Такому решению предшествовала длительная атака нескольких хозяйственных ведомств, особенно буйствовал Наркомзем, с требованием пересмотра заповедного дела в республике. Наркопросовские чиновники замешкались, а может, и не особенно держались за эти всегда неспокойные заповедники. Так или иначе, решение было подготовлено, согласовано и принято. Наркомзем праздновал победу. В заповедные леса срочно сколачивались артели лесорубов и промысловиков валить лес, бить дичь, растаскивать по кустам, кто во что горазд.

Однако шел двадцать четвертый год. Люди, умеющие отстаивать свое мнение, еще не были растерзаны в тюремных застенках, не сгинули в лагерях, еще жили.

В Совнарком РСФСР, в Наркомпрос стали поступать письма от деятелей охраны природы, выписки с общего собрания о несогласии с решением правительства прислали директор Ильменского заповедника, Миасское минералогическое общество... Прислушиваясь к общественному мнению, четыре месяца спустя Совнарком принял новое решение, оставив заповедники у прежнего хозяина. Не желая упускать лакомый кусок, Наркомзем выразил протест. 5 декабря 1924 года Совнарком еще раз рассмотрел вопрос о передаче заповедников и отклонил протест хозяйственников.

Это была огромная победа еще слабого природоохранного движения над ведомственностью, разума над бюрократизмом.

Впрочем, эта история была не единственной. Франц Шиллингер вспоминал: “Дело охраны природы и заповедников подвергалось за первые 15 лет своего существования неоднократным нападкам со стороны несознательных элементов. Так было зимой 1921 г., благодаря индифферентному отношению Троцкой (Н. Троцкая — заведующая Главмузеем Наркомпроса РСФСР — В.Б.) к этому своему подотделу. Дошло до того, что я видел себя вынужденным обжаловать эти действия в Рабоче-крестьянской инспекции, в результате чего была назначена ревизия во главе с Н.Н. Подъяпольским и дело немного улучшилось” (Архив РАН, ф 445, оп. 4, д. 190)

По эту сторону баррикад

Туберкулез добивал. Кровохарканье, частый жар не выпускали с постели. Подъяпольский давно не бывал на собраниях общества и комитета охраны природы. Все новости узнавал через друзей. Чаще других, как и прежде, наведывался Шиллингер. Сейчас он исхудал

сильно и как-то потух. Ничего не осталось от прежнего пышущего здоровьем балагура и фантазера. Шиллингера изводили доносами. На честного и непреклонного Франца писали все, кого он раньше лишил кормушки, разоблачил во взятках, использовании служебного положения, вывел на “чистую воду”. Бывшие и выгнанные из партии директора заповедников, охотничьих хозяйств, чиновники республиканских природохранных главков. Теперь они с успехом использовали удобный момент.

Подъяпольский, несмотря на длительный недуг, пользовался уважением в наркомпросовских верхах, многие старые работники еще помнили его встречу с Лениным и не решались отказать в ходатайстве. На первый раз Франца удалось отстоять, хотя постоянной работы он лишился...

Болезнь играла в кошки-мышки, то хватала за горло, то отпускала. Возле кровати всегда ждал столик с заботливо приготовленной кипой бумаги и отточенными карандашами. Писать — единственное, что еще благосклонно позволяла болезнь, последнее, чем он мог послужить делу защиты природы. Жена переписывала все начисто и разносила в редакции журналов “Охрана природы” (в 30-х переименованный в “Природу и социалистическое хозяйство”), “Искру”, книжные издательства.

Тридцать третий — предпоследний год его жизни, обрадовал выходом сразу трех книг — “Участие детей и подростков в работе по охране природы”, “Барсук, его жизнь и хозяйственное значение”, и “Ящерица и лягушка”.

Николай Николаевич разрабатывает теорию пропаганды охраны природы, первым обращает внимание на сильнейшее средство — кино. В своей статье “Оборона страны и охраны природы” сетует на безразличие Красной Армии и Осоавиахима к защите лесов, ибо: “Наши лесные богатства в грядущую войну, вероятно, сослужат нам огромную службу, защищая нас от взоров вражеской разведки и бомбовозов, а может быть, и от волн отравляющих газов...” (“Охрана природы”, № 4, 1928).

Вообще Подъяпольского можно смело назвать одним из сильнейших пропагандистов двадцатых-тридцатых годов. За десять лет жизни в Москве он напечатал более двадцати книг и статей только по теме охраны природы. А ведь еще писал о сельском хозяйстве, обучении школьников... Один из первых в СССР начал заниматься теорией природоохранной пропаганды. Выходило по три-четыре книги в год. При всеобщей разлухе и слабости полиграфической базы.

Однако, несмотря на отчаянные усилия Подъяпольского и его соратников, переломить общественное сознание не удалось. Охранять природу становилось непопулярным. Все громче призывали ее побеждать. Победителей не судили. Судили тех, кто природу защищал.

“Не лишены особой “красочности” и контрреволюционные вылазки на страницах креведческого журнала “Охрана природы”, прячущие свое вредительское нутро под прикрытием борьбы с... вредителями в сельском хозяйстве (т.е. грызунами, вредными насекомыми и т.п.). В № 3 этого журнала Н. Подъяпольский заявляет, что “сплошная распашка больших пространств, имеющая место в наших совхозах-гигантах и больших колхозах, может гибельно отозваться на этих же хозяйствах”, потому что “исчезнут гнездящиеся по дуплам старых, негодных деревьев, иногда одиноко стоящих в полях, совы (питающиеся мышами) (!). В № 7 — 8 передовая посвящена той же пропаганде. О чем мечтают журнал и группирующиеся вокруг него краеведы, видно из статьи “Последние дни Ямской степи”, где выставляют требование объявить степь заповедной... Вот именно “охрана природы” становится охраной от социализма” (Э. Кольман, “Вредительство в науке”, “Большевик”, № 2, 1931).

Наверное, не надо объяснять, какие последствия вызывали подобные “обзоры” в 30-х годах, да еще опубликованные в журнале “Большевик”.

Труднейший период переживало детище Подъяпольского — Астраханский заповедник. В тридцать третьем он чуть было не лишился бюджета. Ни согласования на различных районных, межрайонных и партийных уровнях, ни взывания о помощи в Наркомпрос и НКРКИ не помогали.

— “Если мы дадим деньги, то никогда не сумеем сбыть вас с шеи Астраханского межрайона," — популярно объяснил директору заповедника А. Ермолаеву один из местных финансовых “тузов”. Как отстаивал Николай Николаевич заповедник, как бился один против многих — история умалчивает. Скольких трудов стоило — можем только догадываться. Доподлинно известно — что отстоял. Это главное.

Голубой апрель заглядывал в окна, пускал зайчики. Слепило глаза солнце, ошалело кричали и барахтались в лужах воробьи. В Москву пришла весна и вновь хотелось верить, что все еще образуется. И не только в природе.

Подъяпольский умирал. Почему-то вдруг вспомнилось давнее детское впечатление. Он, годовалый малыш, заметил за окном голубя. Птица ворковала, волчком кружилась на подоконнике. Коля захотел показать ее родителям, тыкал рученькой, лепетал. Но ни отец, ни мама не понимали его звуков, а лишь смеялись в ответ, гладили по головке...

Николая Николаевича не стало 3 апреля 1934 года. Комитет по заповедникам взял похороны Подъяпольского на свой счет, а урна с прахом по ходатайству общества охраны природы была перевезена в Астраханский заповедник. Там, на Дамчинском участке, рядом с Владимиром Хлебниковым он и был похоронен.

Столько времени ушло, а не забылось. Все плывут в памяте зеленые стены осоки да неисчислимые путанные ереки. Хлеснет хвостом щука. И птицы. Тысячи, тысячи, птиц. Заповедник. Один из первых в России. На века.

Идущий вторым

Люди этого склада не стали знаменитыми учеными. Хотя могли ими стать. Они не сделали замечательных открытий. А могли сделать. Во все времена великие догадки человеческого гения должны попасть на благодатную почву. Руки идущих вторыми обязаны сделать их реальными, земными. Иначе даже творения самых гениальных умов долгое время могут считаться недосягаемыми прожектами.

Идея защиты отечественных памятников природы, рожденная в России в начале 20 века петербургским академиком И.П. Бородиным и московским профессором Г.А. Кожевниковым, наверное, сколько еще витала бы в облаках, не будь у ней таких молодых и горячих поборников, как Михаил Розанов.

Михаил Розанов вместе с Владимиром Мартыно были направлены в 1917 году в качестве руководителей Крымского заповедника, возникшего после ликвидации царской охоты в Козьмо-Домианской горной котловине.

Молодые ученые активно занялись строительством усадьбы заповедника (почти все прежние постройки были сожжены или разрушены) и борьбой с разгулявшимся было браконьерством.

23.7.1917. Большая Поляна.

— “Проснулись чуть свет и стали ждать, не будет ли выстрела. Но рассвело совсем, взошло солнце и мы уже стали жалеть о неудаче, как вдруг по балкам выше нас прокатился выстрел (...). Мы засели в 50 шагах от тропы за буками и валежником. Минут через 10 показалось на тропе 5 человек с ружьями на руке, крадучись спускавшихся с яйлы. Один уже прошел нас, но второй заметил меня и прямо поднял к плечу ружье, готовый выстрелить. Я решил, что больше делать нечего, вскочил и крикнул: “Руки вверх! Клади ружье на землю!” Браконьеры растерялись; трое положили ружья, один бросился бежать, а один прыгнул за сосну и выстрелил в нас. А у меня заскочил патрон... но скоро я перевел затвор и начал стрелять, сначала вверх, а потом по ним без прицела. Браконьеры бросились бежать и только один продолжал отстреливаться, но и тот побежал, но вдруг после моего выстрела, упал. Но потом поднялся и скрылся за деревьями. Настроение приподнятое...”

Из дневника М. Розанова (РГАЭ, ф. 473, оп. 1, д. 1, л. 32).

Он был невероятно силен, этот долговязый блондин. “Полтора панича” — так уважительно прозвали Розанова местные браконьеры-татары. Однажды, во время очередного обезоруживания пойманных браконьеров один молодой татарин, не в состоянии дотянуться до физиономии своего двухметрового врага, полез на Розанова, как на фонарный столб, пока не был сбит мощным ударом тяжелого кулачища. Другой раз ранили самого Розанова, и девять человек охраны с семьями вырезали.

Старая фотография донесла нам миг тех далеких дней. Невесть откуда взявшийся фотограф запечатлел стареньким аппаратом молодых, загорелых парней, старшему — не более тридцати. Кто в чем: в куртках, шинелях, русских косоворотках. Среди ребят — черноволосая девушка с короткой стрижкой. Мода проникла и сюда, в богом забытый уголок Крымского полуострова. Здесь, в заповеднике, принципиально новом учреждении в двадцатых годах строилась новая жизнь. Основанная на взаимном доверии природы и человека.

Браконьеры смириться не могли. Распоясанные войной и разрухой, они привыкли стрелять в высокогорных крымских лесах все и когда угодно.

Благо, было оружие. Его после войны оставалось в достатке: русские винтовки, английские карабины, французские и немецкие маузеры.

Браконьеры представляли большую опасность. Чувствовали силу. Не раз и не два подкидывали в заповедник письма: “Убирайтесь из леса”, “Пули и штыка хватит на всех”, стреляли по ночам в сторону центральной усадьбы. Особенно злобствовали жители соседнего села Саблы.

...Первая пуля, противно визжа, расплющилась о капот. Вторая — разбила лобовое стекло.

— “Сабловцы! Скорей, за гряду”, — крикнул Розанов, выхватывая наган. Двое красноармейцев (их подобрали по пути), уже стреляли по прыгающим на горе фигуркам. Нападавшие явно не ожидали, что в автомобиле окажется четверо вооруженных людей, и пальнув еще несколько раз для остраски, убрались восвояси. Все обошлось благополучно, не считая Розанова, которому сильно посекло щеку битым стеклом.

Свидетель тех дней, профессор И.И. Пузанов вспоминал, как егерь Стельмах хотел убить Розанова, но в последний момент одумался, швырнул винтовку и признался в своем намерении.

Дело с организацией заповедника шло из рук вон плохо. Крымское лесное ведомство настаивало на сохранении “царской охоты”. Лесничий Толубиев прямо говорил егерям и татарам: — “Перебейте зубров, заповедника не будет, снова будет разрешена охота, а лесники опять получат право содержать в лесах неограниченное количество свиней и другого скота (так же, д. 4, л. 220). Вот на зубров и стали усиленно браконьерить, всех 9 порешили, а последнего в 1919 году. Да что там зубры, в лесной сторожке “Чучель” татары убили лесника Краснова, а семью его вырезали.

Удостоверение № 73

Настоящим Главнаука Наркомпроса удостоверяет, что Михаил Павлович Розанов являлся организатором Крымского госзаповедника, состоял на службе Главнауки уполномоченным по делам охраны природы Крыма и Заведующим, а затем Директором Крымского государственного заповедника и его лесной биостанции с 1-го июня 1922 года по 1-е февраля 1925 года.

Во время вышеназванной службы проявил себя энергичным, хорошо подготовленным работником по вопросам охраны природы и организации заповедников.

Начальник Главнауки Ф.Н. Петров

Вернувшись в 1923 году в Крымский заповедник, и став его директором, Розанов первым же делом закрыл Лесопильный завод, что розбойничал на заповедной территории. Чем невероятно возмутил Наркомзем Крымской АССР, который стал жаловаться в Совнарком РСФСР, обвиняя Розанова в закрытии завода и... открытии заповедника.

У Михаила Розанова были интересные родители. Мать, Лариса Ивановна, родилась в семье полтавского помещика. Увлекшись идеями народничества, она тайком от отца сбежала в Москву. Хотела выучиться на фельшера, чтобы приносить пользу народу. Для поступления в медицинское училище ей был необходим отдельный паспорт, и для этого она вступила в фиктивный брак со студентом-медиком Павлом Розановым. Два года спустя, закончив училище при Марьинской больнице и получив звание “повивальной бабки”, Лариса уже не настаивала на расторжении брака. К Розановым пришла любовь. Вскоре супругов Розановых арестовывают за участие в “Народной Воле” и заключают в Бутырскую тюрьму. Старшая сестра Миши Розанова родилась там, в Бутырке.

Сам Михаил родился в Ялте, 31 декабря 1891 года. Его отец к этому времени был известным врачом в городе, основоположником городской общественной медицины. По словам крымского врача и писателя Сергея Яковлевича Елпатьевского Ялта, благодаря П.П. Розанову, в санитарном отношении, несмотря на недостаток воды, стала одним из самых благоустроенных русских городов.

— “Без Павла Петровича нельзя”, — убежденно говорил Чехов, — “когда надо было участвовать в организации какого-нибудь общественно-полезного дела”.

В 1897 году, во время первого приезда в Ялту Максима Горького, больного туберкулезом легких, П.П. Розанов помог ему организовать лечение. С тех пор между ними установились прочные дружеские связи. В доме Розановых бывали Куприн, Вересаев, Волошин, Скиталец. На семейных вечерах пел Федор Шаляпин.

Обычно мягкий и добрый, Розанов порой становился строгим, резким, или как иногда говорили “грубым доктором Розановым”. Этого требовала от него тяжелая врачебная практика, натянувшиеся отношения с властями. После последнего ареста и заключения в

тюрму “Кресты” в Петербурге, у него открылся туберкулезный процесс. После освобождения в Ялту ему возвратиться не разрешили. Розановы переехали в Симферополь. Там Павел Петрович и умер от легочного кровотечения на своем посту, во время заседания городской санитарной комиссии.

В Симферополе семья Розановых сошлась с опальной семьей Гунали, близкими родственниками самой Софьи Перовской. Особенно подружились мальчики. Высокий Михаил Розанов и светловолосый крепыш Саша Гунали. Дружба прошла через всю их жизнь.

Предложение создать заповедник на землях бывшей великокняжеской “Кубанской охоты” было высказано русскими учеными еще в 1910 году.

Стремясь сохранить уникальный уголок дикой природы, а, главное, последних зубров, Кубано-Черноморский ревком принимает 3 декабря 1920 года постановление о создании Кубанского высокогорного заповедника. Принимает, несмотря на громыхавшую кругом гражданскую войну. Но уже окончательно Кавказский заповедник был утвержден 21 мая 1924 года, специальным постановлением Совнаркома РСФСР.

Вскоре туда приехал Гунали, а за ним и Розанов. Главнаукой РСФСР им было поручено выяснить, остались ли еще на Кавказе зубры.

Экспедиция двинулась по самым труднодоступным местам: хребтам Мастакан, Бзыке, долине Местыка, вдоль речки Холодной.

Осень красива везде и на Кавказе особенно. В буковых лесах листопад. Днем и ночью падали листья. От громкого шороха, казалось, глохли уши.

Пятым в экспедиции шел Седун. Высокий, благообразный, с аккуратно стриженной седовласой бородой, Даниил Фомич был потомственным егерем. Родился он в белорусском селении Белая Вежа. В 1913 году его, как опытного охотоведа, пригласили в Крым. Став директором Крымского заповедника, Розанов сразу же назначил его старшим егерем. В заповеднике Седун быстро стал самой популярной личностью. Особенно среди мальчишек и браконьеров. Первые его боготворили. Мастер на все руки, он лепил им из глины, вырезал из дерева массу различных гудочков, свистков, пищалок и “чижиков”. Ребята ни дня не могли прожить без дяди Дани. На браконьеров у него был особый нюх. Редко кто из них уходил от погони, когда рейд возглавлял Седун. Между прочим, в молодости, еще в Беловежской пуще, он сам слыл дерзким, неуловимым браконьером. Затем “покаялся”. О его честности и неподкупности ходили легенды. Рассказывают, в голодном восемнадцатом, он и вся его семья сидели на одной барсучатине.

— “Вот, глупый старик”, — удивлялись соседи, — “нет чтоб оленя застрелить...”

Седун был единственным членом экспедиции, кто хорошо знал зубра. Видел его живьем в Белой Веже, помнил следы. Поэтому Розанов и Гунали срочно вызвали его на время из Крымского заповедника. Была и вторая причина — крепко они привязались к нему еще там, на солнечной крымской яйле.

Самого зубра, учил Седун, видеть не обязательно. Очень осторожен. Достаточно найти характерные погрызы лыка на деревьях или свежие следы на солонцах. Но увы. Экспедиция возвратилась с пустыми руками. Кавказский зубр, как подвид легендарного животного в 1927 году уже не существовал на Земле. Был выбит человеком полностью.

Экспедиция за зубрами была последней экспедицией Седуна. Возвратившись в Крым, он вскоре был убит браконьерами. Под рождество устроил засаду и взял на "горячем" троих. Не впервой приходилось. Но вскинуть ружье не успел. Картечь подло стукнула сзади, в спину.

Похоронили его заповедненские с почестью, под старой раскидистой елью.

Не на много пережила мужа жена Седуна и его дочка Настя. В 1942 году фашисты заподозрили их в связи с партизанами и живьем сожгли в избе.

Бывая в Москве, Розанов с головой окунается в создание структуры органов охраны природы. Он горячо поддерживает идею московского охотоведа Франца Шиллингера об организации общества охраны природы и вместе с пятью другими учеными и общественными деятелями 3 декабря 1924 года становится одним из членов — учредителей Всероссийского общества охраны природы. С 1926 года — членом Президиума комитета по охране природы при Наркомпросе РСФСР, участвует в работе Бюро Съезда по изучению производительных сил при Госплане СССР (ученый секретарь секции охраны природы). В январе 1933 года член Президиума ВЦИК Петр Гермогенович Смидович открывает в Москве I Всесоюзный съезд по охране природы. В нем участвует и Розанов. Некоторое время работает в Аскании-Нова.

У каждой человеческой жизни есть характерные отметки. Розанов вехами своей жизни считал созданые им заповедники. Обоснований на их организацию хватало всегда. Нужны были люди, кто бы эти заповедники "пробивал". Выбор местности, подготовка документации, ее согласование и утверждение требовали высочайшего напряжения человеческой мысли, души и сердца. Не каждый мог выдержать эту чудовищную нагрузку. К сорока годам в "активе" Михаила Павловича уже была болезнь сердца и созданные Крымский и Кавказский заповедники. Позже он принимает участие в организации Черноморского, Дарвинского, Кроноцкого, исследует перспективные территории на Памире, в Каракумах, на Чукотке, Камчатке, Таймыре.

"Примерно через 40 минут пришли в нашу бухточку и начали разгружать велобот и ставить палатку. Все мокрое. Ветер, метров до 20-ти, с дождем, рвет палатку из рук. Камней поблизости нет. Крепим палатку нашими грузами: солью, ящиками со спиртом, бочками с бензином. На берегу я нашел три обрубка плавника. С трудом поставили палатку, наладили печку и разожгли керосином сырые щепки. Ветер и дождь усилились. Края палатки подрывают сильные порывы шторма. Печка горит плохо. Мокрая одежда не сохнет. Пьем чай и мокрые укладываемся спать".

(Из дневника М.П. Розанова).

Север и спас Розанова от ареста в 1933 г. по "асканийскому делу", когда в застенки НКВД попало два десятка экологов.

Бадхызский и Дарвинский заповедники были последними у Розанова. Организованы буквально перед войной. В 1943 г. Розанова приглашают в Институт эволюционной морфологии АН СССР.

Иногда, когда выпадала свободная минутка, Михаил Павлович писал научные статьи. Многие из них потом были признаны фундаментальными. Как, например, "Материалы по млекопитающим Крыма". На нее до сих пор ссылаются авторитеты. В 1946 году ВАК присваивает Розанову степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. Работа в МГУ, Тимирязевке. В 1947 году Михаилу Павловичу удается вырваться в Крым. Его всегда тянуло сюда. И вот наконец вновь посчастливилось. Розанов исследует

уникальные природные объекты полуострова. Подготавливает решение Крымского облисполкома по охране природы. С 1947 года 33 интереснейших памятника природы: водопад Кизыл-Коба, пещера Чатыр-Дага, ледяная пещера “Бузлу-Коба”, пещера “Киик-Коба” с остатками вымершей фауны стали охраняться законом.

Однако в Симферополе появляется некто Черныш, спелеолог. При поддержке “Курортной газеты” он превращает многие пещеры в развлекательные клубы, устраивает там костры, обмены минералами. Не без помощи влиятельных московских профессоров В.А. Варсанофьевой и Д.Л. Арманда Михаилу Павловичу удается выйти на “Комсомолку”. Пара разгромных статей, поддержка республиканской “Рабочей газеты” и Чернышу навсегда отказано от “Курортной газеты” и от пещер. А через год в 1965 г. Крымский облисполком принимает решение по охране пещер полуострова. Еще удается добиться отмены строительства 17-этажного кремлевского санатория на мысе Мартьян (сейчас там заповедник), пресечь вырубку кипарисов в... Никитском ботсаду.

Когда человек начинает стареть, в каком возрасте к нему подкрадывается старость? В тридцать лет, пятьдесят, восемьдесят? Каковы ее приметы — седина на висках, инсульт, первый инфаркт? А может физиологическое старение не предполагает старения духовного? Или наоборот, желание обойти острый угол, лишний раз перестраховаться, спрятаться от назревших проблем за отписками и циркулярами и есть характерные черты старика?

Старость как болезнь. Слабых духом она поражает и в тридцать, сильных не может побороть никогда.

Шел 1952 год. Постоянные боли в сердце вынудили Розанова выйти на пенсию, но не смогли заставить бросить любимое дело. В его знаниях, колосальном опыте, бойцовском характере еще как нуждалась поредевшая за войну дружина защитников природы.

В 1957 году его постигает тяжелый удар. Детище Розанова -- Крымский заповедник реорганизовывается в заповедно-охотничье хозяйство. Переживания дают о себе знать, Михаил Павлович попадает в больницу с инфарктом.

Начало шестидесятых годов ознаменовывается большим прогрессом в деле охраны природы. Во всех союзных республиках принимаются законы по охране природы, создается природоохранные комиссии при Академиях Наук и общества охраны природы, организовываются новые заповедники.

Взоры Розанова обращены к Крыму. Не раз и не два, за свой счет, приезжает Михаил Павлович в Симферополь, подготавливает материалы об охране новых уникальных объектов природы, поднимает вопрос о возвращении Крымскому заповедно-охотничьему хозяйству статуса заповедника.

— “Решение ошибочное”, — убеждает во всех инстанциях Розанов. Заповедник не может и не должен быть одновременно охотничьим хозяйством. Даже в самом названии уже скрыто противоречие. Более того, за 10 лет, 1957 по 1967 гг. в Крымской “царской” охоте было срублено больше леса, чем во всем Крыме!

Неутомимый природоохранник находит поддержку в Крымском облисполкоме, его доклад с сочувствием встречен на научной конференции по охране природы, проходивший в 1962 году в Никитском ботаническом саду. В “Курортной газете” в день открытия конференции выходит статья Розанова “Это заставляет бить тревогу”, посвященная той же проблеме.

— “Итак, сплошная рубка леса, лесопильный завод, охота с прожектором... Что же осталось от заповедности? По существу, ничего”, — писал в газете Розанов.

— “Ведь охотничье хозяйство переведено на хозрасчет, а это означает — чем больше будет вырублено, тем лучше...

Так происходит, но так дальше ни в коем случае не может продолжаться...

Ясно одно: мы должны не только сохранить все богатства чудесной крымской природы, но и приумножить их. А раз так, надо вести беспощадный бой с теми, кто посягает на эти богатства неразумно или злонамеренно”.

В 1965 г. он пишет друзьям: “Весной произошло у меня нарушение мозгового кровообращения, а в начале сентября инфаркт миокарда с тромбами в правой ноге. Вот меня и уложили в постель! Недавно только разрешили сидеть, спустив ноги на пол, в кровати. Завтра начну учиться ходить. Одно слово: я вышел из строя и перешел в “полуфабрикатное” состояние!” (РГАЭ, ф. 473, оп. 1, д. 21, л. 53). Но бороться за крымскую природы Розанов продолжал. Письмами, докладами. Имея к тому же прекрасных информаторов.

Казалось, осталось совсем немного: проект решения о вторичном создании Крымского заповедника подготовлен, находится на согласовании, Московское общество испытателей выступило с ходатайством в Академию наук Украины о научной поддержке заповеднику. Дабы начать работы по восстановлению и заповеданию природно-исторических объектов, Розанов предложил любопытный проект. Учитывая огромное количество экскурсантов, ежегодно посещающих Крым, прибавка к стоимости однодневной путевки целевого сбора в 20 копеек за день могла дать в год сумму, которая обеспечит эти работы. Бесчисленное множество организаций — Крымский облисполком, АН СССР, Министерство финансов СССР, Украинский совет по туризму одобрили проект. В Совете Министров Украины он застрял навсегда.

Любое непонимание, бюрократическую отписку, любую преграду на пути к созданию заповедника Михаил Павлович воспринимал как личную неудачу, как личное горе. И сердце не выдержало вновь. 4 ноября 1966 года ему стало плохо. Вызвали карету скорой помощи. Врач сказал больного одеть: это была ошибка. Пока несли вниз и везли в больницу — он умер.

Человек, которому веришь

Когда-нибудь о них будут писать. И рассказывать взахлеб. О людях, решившихся первыми вступиться за природу. О первооткрывателях заповедников, обществ охранителей природы, авторах мало кому понятных тогда “записок” и “бюллетеней”. Плоды их труда — величайшая победа человечества не только в науке, но и в моральном, нравственном плане, в ломке потребительского отношения к природе.

Что мы сейчас знаем о них? Известны ли нам их имена? О пионерах охраны природы непременно заговорят. И начнется суетливая погоня за архивными документами, фактами, цифрами, историей охраны природы, уже успевшей окаменеть, растерять четкость граней в мареве времени.

* * *

Он был прост в общении. Честен и принципиален. Педантичен. Но “сухим педантом” его назвать нельзя. Это педант с обостренным чувством нового. Редкий случай, когда соединяются воедино два вроде бы таких полярных качества.

Сродни врачам, люди этой категории (категория “защитник природы” требует высокой пробы душевной чистоты), должны жить и живут ради других. Они обязаны быть непогрешимыми. Любой, пусть даже минимальный шаг в сторону, малейший, но компромисс с совестью в деле охраны природы сегодня может обернуться трагедией для человечества завтра и при отборе людей на эти должности, наверное, нужно руководствоваться не сколько их знаниями и опытом (все это наживное), а качествами характера.

Есть люди, которым веришь. Скажет: "приду" — и сделает, обязательно придет вовремя, этот седой, худощавый, невысокого роста человек.

Тот последний декабрьский день 1973 года навсегда запомнился первым бойцам студенческой дружины. Серый, холодный, в белую крапинку.

Браконьеров задержали в заказнике. Сначала троих. Потом подоспели остальные. Как оказалось, люди солидные, со званиями и должностями. Силы явно не в пользу студентов. Олег Головач, командир группы, принял единственно верное решение, сунув самому длинноногому пленку от фотоаппарата, и подтолкнул — беги! Оставшиеся четверо встали стеной. Схватка была молчаливой. Когда в сугроб был свален последний, с кулаками молотобойца, дружинник Ваня Легейда, тот, с фотопленкой, уже ехал в электричке. И прямо с вокзала, как был в разорванной фуфайке, ввалился на Пушкинскую, к Корнееву. Говорят, энтузиазму помогать не надо. Сам пробъет дорогу. Это не так. Сам по себе энтузиазм зачахнет. Как молодое деревцо, без воды и солнца. Очень он нуждался в помощи. Особенно на первых порах. Профессор Корнеев оставил все срочные дела, одел свой лучший костюм с орденскими планками и отправился, как принято выражаться, в “вышестоящие инстанции”. Не в первый раз ему приходилось защищать этих парней, делавших такое большое и важное дело. И такое неудобное, для кое-кого...

Искру студенческих природоохранительных дружин Корнеев привез из Москвы. Там, в конце 60-х годов уже гремела ДОП биофака Московского университета. Смелые ночные рейды, горячие споры о Кедрограде и Байкале, “выходящая в дело” наука.

— “Надо б такую создать и у нас на факультете”, — решил декан Корнеев. И создал. Хотя для многих уважаемых профессоров-биологов такая дружина была затеей не то что непривычной — дикой.

— “Использовать студентов в борьбе с браконьерством? Хе-хе! Все равно, что забивать гвозди микроскопом”. Но студенты дружину поддержали. Студенты в дружину пошли. Молодежь всегда поддерживает все новое и непривычное, и еще, все справедливое.

Охрана природы — это прежде всего категория нравственная. Нельзя отвлеченно бороться с заводом, загрязняющим реку, браконьерами, губящих редких сайгаков. Злом этим занимаются конкретные люди. Люди, уверенные в своей безнаказанности. Люди, привыкшие только брать, ничего не давая, брать в ущерб другим, природе, всей планете.

Пичканье же всех подряд экологией — не панацея от бед. Только порядочные люди могут осмыслить, а главное, применять ее строгие законы на практике.

Дружины охраны природы таких людей готовили, развивая в них лучшие личностные качества.

Это сразу подметил профессор Корнеев. И создал одну из первых на Украине студенческих дружин. И стал первым председателем первого в СССР Координационно-методического совета студенческих дружин по охране природы при Президиуме УООП.

— “1942 год. Добровольно вступил в ряды Красной Армии. Все годы войны воевал на III Белорусском фронте, — политотдел I воздушной армии”, — так сказано в его биографии. Но на самом деле в бой он пошел гораздо раньше, еще летом 1941 . В Киеве паника, немцы рядом. Ночи — хоть глаза выколи. Даже курить боялись — вдруг вражеские самолеты? У Днепра груды ящиков, узлов, мат. Конторы спасают свое добро. Несколько суток подряд ждал своей очереди и Корнеев, эвакуировавший уникальную зоологическую коллекцию Киевского университета. Но начальник порта и слышать ничего не желал о каких-то там сухих бабочках и тушках птиц.

Вдруг взвизгнули тормоза автомобиля. Прибыл Хрущев. Первым, обгоняя начальника порта, подбежал к нему со своей бедой Корнеев. Хрущов как-то испугано взглянул на него, выругался и неожиданно сам стал бешено тащить корнеевские ящики на баржу. Александр Порфирьевич, вместе с университетским грузчиком, еле успевали помогать...

...Птицы не долетали до середины Днепра. Здесь властвовали стаи длинноносых самолетов с черными крестами на фюзеляжах.

Практически недосягаемые для винтовок и станковых пулеметов красноармейцев, они пикировали и забрасывали Днепр горстями бомб. Бомб разного калибра. Нигде не было спасения. Ни в воде, ни на земле, ни в воздухе. Старик Славутич еще больше состарился, поседел от людского горя и сизого дыма.

Ветхий буксир старался изо всех силенок — неповоротливые баржи тащились, одна за другой, медленно, как назло. Но ведь они должны были тогда плыть быстрей, спасая два бесценных груза. Первая везла сокровища Киево-Печерской Лавры, знаменитые полотна киевских художественных музеев, ценное оборудование столичного университета. Вторую окрестили “детским садом”. На ней плыли дети. Когда отошли от Киева, и казалось пронесло, “мессеры” возвратились. Рядом уже не было никакого прикрытия и началось. Внимание фашистских ассов привлекла не та, с деревянными ящиками, а вторая баржа, где в страхе прикрыв руками головки, дети распластались по палубе. Они целились в нее. Взметнулись в небо доски и куски железа. Вода сомкнулась над “детским садом”.

Оставшиеся плыли всю неделю молча. Пришвартовались в Днепропетровске. Там Корнеев погрузил ящики в железнодорожный состав и повез через всю Россию в далекую Уфу.

Герой Бондарева горько признался: — “война выбивает лучших”. Во все времена эти лучшие и непокорные, как магнит, притягивали к себе пули и осколки. Что делать, не пускать таких на войну — но разве будет тогда торжествовать справедливость?

Чудом уцелевшие, контуженные и полуживые, были в долгу перед оставшимися в полях. Долг требовал возвращения.

В 1946 г. главного корпуса Киевского университета, знаменитого своим алым цветом и академической строгостью линий, не существовало. Существовали его развалины. Центральный вуз республики ютился по городским школам, уцелевшим от бомб и снарядов. Киев отстраивался усиленно. Вместе с городом в 1946 создавалась и совершенно новая в

республике организация — Украинское общество охраны природы. Корнеев стал одним из ее архитекторов. И одновременно — прорабом. Вместе с ним трудились академики П.С. Погребняк, Б.И. Чернышев, член-корреспондент Е.В. Зверозомб-Зубовский, профессор М.И. Котов, А.Б. Кистяковский, энтузиаст Л.А. Мартынюк. Сейчас трудно сказать, кому первому пришла в голову идея создать общество охраны природы. Известно, что до войны ее усиленно пропагандировал харьковский профессор В.Г. Аверин. А вот после...

Еще во время войны, в феврале 1945 года, в Киеве была создана инициативная группа по организации общества охраны природы. Возглавил ее энергичный геолог академик Чернышев. Интеллигентный, умный, упрямый в своих планах человек. Только внезапная смерть — она одна смогла помешать ему. Оргбюро подготовило проект устава общества, план работы. Требовалась пропаганда идеи, и Корнеев не раз отправлялся в издательство сельскохозяйственной литературы, "Радянську школу", выбивая очередную популярную книгу, плакат. Выступал в газетах, по радио. В 1946 году Совет Министров УССР вынес долгожданное решение о создании Украинского общества охраны природы, Главное управление по заповедникам утвердило Устав УООП. В начале общество было не столь многочисленным, объединяло в основном ученых, работников заповедников, учителей. Но зато каждый в нем не просто платил взносы — действовал. 15 июля 1953 года в Киеве открылся первый съезд общества охраны природы. Профессор Корнеев был избран в состав Президиума. И на следующих избирался тоже.

"Съезд выносит благодарность членам Президиума общества: П.С. Погребняку, И.Г. Пидопличко, Е.В. Зверозомб-Зубовскому, А.П. Корнееву, А.А. Грошевому, Д.Л. Сергиенко, А.Л. Липе за активную работу по охране природы". (Из резолюции II съезда Украинского общества охраны природы, 25-28 декабря 1961 г.).

В 1948 году Министерству лесного хозяйства СССР удалось протащить союзное постановление, по которому леса заповедников Гористое и Средне-Днепровского (Каневского) попадали в ведение лесников. Вместе с ректором Киевского университета В. Бондарчуком, профессорами-биологами Зеровым, Артоболевским и Маркевичем Александру Порфирьевичу удалось организоваться несколько писем, найти поддержку в Совмине республики (ЦГАВО Украины ф.2, оп. 7, д. 6661, л. 140). И добиться спасения заповедников. Правда, не надолго. С 1955 г. А.П. Корнеев — член комиссии по охране природы АН УССР.

В 1970 г. Корнеев отметил небольшой юбилей. К этому времени им было прочитано 1000 лекций, проведено 60 выступлений на радио. Тираж его природоохранных буклетов и плакатов перевалил за сто тысяч. Организованный им двухмесячник тишины в лесах и охотугодьях наконец-то стал ежегодно проводится во всей республике.

Хотя не всегда его деяния достигали цели.

— "Должен Вам сообщить, что мою статью постигла судьба Вашей книги. Не печатают и не обещают опубликовать ее. Слишком душераздирающие факты, о которых говорить вслух у нас не положено. А к нам в секцию идут все новые и новые факты жутких жестокостей, проявленных киевской молодежью. Сейчас секция (охраны животных — В.Б.) занимается изучением причин, порождавших жестокость людей. (из письма А.П. Корнеева детскому писателю А. Плевако от 25.2.1975. ОР ЦНБ НАН Украины, ф. 166, д. 918).

...Весна на Украину приходит с Крыма. С Крыма спешит в крупные города и "голубой" товар. В багажниках, чемоданах, посылках. Машинами, поездами, самолетами. Штаб дружины решил — обратиться с открытым письмом в защиту первоцветов к крымской общественности. Подписал письма и Корнеев. Газета "Крымская правда" опубликовала его 6 марта 1971 года. Статья получилась крепкой и хлесткой, называлась "Саранча весенняя".

Корнеев давно верил в могущество прессы. И на этот раз “орудие главного калибра” не подвело. Материал задел за живое. Всех, кто был по нашу сторону баррикады.

“Глубокоуважаемый Александр Порфирьевич!

Ваша статья обсуждалась коммунистами нашей партийной организации и членами президиума областного отделения общества охраны природы.

На защиту редкостных растений мобилизован актив членов Общества Ялты, Феодосии, Судака, Бахчисарая, Симферополя...Нами подготовлены выступления по телевидению и радио в защиту зеленого Крыма.

Зам. Председателя Президиума
26 марта 1971 г. Л. Дадаров”.

И всех, кто был по другую:

Уважаемый профессор!

Прочтя вашу заметку, приходится возмущаться такой неоправданной критике. Много лет люди уже собирают крымские подснежники и их от этого не убавляется.

Для того, чтобы собрать 1000 букетов подснежников, необходимо затратить 12—15 дней. Бывают часто и неудачи, снег, дождь. Трудная это работа. И ради чего — 30 копеек за букет. В лучшем случае, если покупатель не станет торговаться, то на рубль.

Я знаю, вас это зависть берет, что человек не сеял, не пахал, а заработал за так 3-4 рубля в день.

Д. Остапенко 25 марта 1971 г. г. Старый Крым”.

Это заговорило мещанство. Ему нужно давать отпор. Его нужно бить. Везде и всегда. В любом его виде, в любом его проявлении:

“Уважаемый тов. Остапенко Д.

Кого же Вы берете под защиту? Людей без совести и чести, считающих, что богатства природы ничьи, от бога, и что из природы можно брать сколько угодно и кому угодно? Людей, живущих по принципу “после нас хоть потоп”.

Вы глубоко ошибаетесь, утверждая, что массовая заготовка весенних цветов не несет зла. Пример тому киевские леса, где уже в радиусе 25 километров не встретишь подснежников. Теперь, уничтожив цветы здесь, дадим возможность хапугам ввозить крокусы из Крыма и Закарпатья? И Вы их берете под защиту, отстаиваете их право пользоваться дарами природы, которые принадлежат не Вам, не им, а всему нашему народу, государству.

Не позволим! Браконьерам и спекулянтам так дадим по рукам, что неповадно будет.

Выращивайте цветы собственными силами, а браконьерство, несмотря ни на какую его защиту, вытравим с корнем и не допустим в наше прекрасное коммунистическое будущее.

По поручению дружины, А. Корнеев”. 22 апреля 1971 г.

Позже, в июне, Корнеев получил еще одно письмо из Крымского общества охраны природы. Сообщалось, что после публикации “Саранчи весенней” Ялтинский горисполком вынес специальное решение о запрете сбора и продажи весенних дикорастущих цветов. Это был первый в республике декрет в защиту первоцветов.

...Есть люди, которым веришь. Они не подведут. Скажет, — "приду в пять," — придет в пять. И мы не смеем опаздывать к ним на встречу.

Гостеприимство травы великой

Рассказывают, как в глубокой старости, когда Жан-Жаку Руссо стало невмоготу, и никакие лекарства не помогали, он попросил отнести его на луг. Лишь там ему вновь полегчало, простая трава вернула силы великому философу.

Да не оскудеет рука дающего

Мне близка мысль академика Д.С. Лихачева, что нравственность в большей мере формируется искусством и науками гуманитарными, нежели точными.

В 1914 году в России действовало 70 (!) местных естественно-научных обществ, да еще примерно столько же филологических. Они имели свой устав, счет в банке, устраивали музеи и чтения, издавали журналы. Через 70 лет строительства социализма такие общества можно было пересчитать по пальцам. Не в этом ли одна из причин падения нравственности?

Не думали-не гадали русские мастеровые, что небольшая крепость, поставленная ими в 1663 году у впадения реки Пензы в Суру даст начало губернскому городу. Во второй половине 19 века здесь сложился городской центр — Соборная площадь, рядом возвышались главы Кафедрального собора, каменный дом губернатора, резиденция архирея, блистали кресты Николаевской церкви.

Жизнь в провинции — что широкая река на равнине. Течет покойно и лениво. От праздника к празднику. Но и в эти с нетерпением ожидаемые дни все бывает известно наперед: с утра народ, приодевшись чин-чином, шел в церковь. Девки и бабы в разноцветных юбках с оттопырившимися от семечек карманами. Ребята с мужчинами в мазаных по случаю дегтем сапогах. Молились неистово, предвкушая сладкий грех. В нем участвовали почти поголовно все горожане: от запаха самогонки, заливавшего Пензу, пьянели даже мухи. Старая бабка мочила в сладкой бражке край тряпки и совала в рот грудному ребенку — для “очищения желудка”.

1903 году небольшая кучка городской интеллигенции — Александр Николаевич Магницкий, Елизавета Карповна и Антон Антонович Штукенберги, Иван Иванович Спрыгин, Николай Георгиевич Заикин задумали, на манер Петербургского, создать свое общество естествоиспытателей. Разработали устав, но обратиться к властям с ходатайством об утверждении не решались: несколько организаторов пребывали под знаком “неблагонадежности”. Выручил некто Федорович — влиятельный городской чиновник, прогрессивно настроенный и весьма отзывчивый человек. Зря нынче частенько обвиняют дореволюционные власти в бюрократизме, смешивая порой грешное с праведным. Конкретный пример — Пенза. Новое общество там было создано всего за год.

Нелегкие задачи ставили перед собой инициаторы: “1) Исследование естественно-исторических условий, преимущественно Пензенской губернии. 2) Сближение между собой

лиц, интересующихся изучением природы. 3) Распространение естественно-исторических знаний среди народа".

28 апреля 1905 года состоялось приятнейшее событие — в большом зале Пензенского художественного училища святой отец Алявдин напутствовал новый "светильник знания", о чем не преминула сообщить своим читателям газета "Пензенские губернские ведомости". Кстати, автором заметки оказался Константин Михайлович Салтыков, сын известного сатирика М.Е. Салтыкова-Щедрина.

ПОЛЕ, как любовно нарекли Пензенское общество любителей естествознания, явилось чуть ли не единственной отдушиной для городской интеллигенции. Стремились в общество многие, кто хотел или умел мыслить самостоятельно. Они с жадностью окунались в ту особую творческую атмосферу ПОЛЕ, вне которой трудно было оставаться интеллигентом. Здесь спасся от пристрастия к "горькой" бухгалтер Диалектов, маленький, неказистый человечишко, являвшийся в галстуке только на заседание ПОЛЕ. Ему поручили ведать финансами и он проявил редкостное усердие.

Первым делом любителей естествознания стало устройство городского музея природоведения. Спрыгин выхлопотал под него три комнатушки в здании бывшего полицейского управления, затем еще три.

"Пензенские губернские ведомости" писали: "Как трудолюбивые пчелы, собирали члены Общества любителей свои богатства, каплю за каплей, предмет за предметом, и, наконец, получили музей — гордость г. Пензы".

Активист ПОЛЕ М. Кульмасов привез из Бухары варанов и черепах, Евгений и Сергей Коровины (сыновья известного художника Петра Ивановича Коровина) доставили два чучела горных баранов из Копет-Дага, Спрыгин пожертвовал 10 тысяч гербарных листов. Музей быстро вошел в моду, половина города побывала в нем. Местные богатеи считали признаком хорошего тона попечительствовать музею. Уже в советское время музей посетил А. Луначарский и назвал его "одним из лучших в России".

Не оттого ли туго нынче с музейным делом, что забылись некогда расхожие слова: "попечительство", "миротворчество"? Даже в словарях стали их обозначать как "устаревшие". Слова устарели не случайно. Помогать, заботиться, ничего не требуя взамен, уже долгое время считается в диковинку.

Правду говорят: "присутствия хозяина увеличивает хозяйство". Сразу после избрания председателем ПОЛЕ, Иван Иванович Спрыгин стал хлопотать перед городской управой о приобретении земли под общественный ботанический сад. Понадобилось, правда, разрешение Петербурга, но все вскоре уладилось и с апреля 1917 года в саду закипела работа.

Никто не сгонял горожан на субботники. Узнав из газет об очередной инициативе Общества, люди с граблями и лопатами сами вышли на работу. За два месяца выкопали пруд, разбили аллеи, высадили тысячи саженцев, устроили вольеры, аквариумы и террариумы, установили учебные ульи.

— "Пензу можно поздравить с приобретением чудесного уголка. Наш привет бескорыстным труженикам," — отозвалась местная газета на воплощение в жизнь еще одной идеи "провинциального" ботаника И.И. Спрыгина.

Вскоре ботанический сад превратился в авторитетное научно-просветительское учреждение. В 1924 году Главнаука Наркомпроса РСФСР признала его “неприкосновенным памятником садово-парковой культуры музейно-академического значения”.

В 1910 году, в Москве, на Всероссийском съезде естествоиспытателей и врачей, при небывалом количестве участников (более пяти тысяч), патриарх русской ботаники Иван Порфентьевич Бородин сделал доклад об охране памятников природы.

— “Это такие же уники, как картины, например, Рафаэля, — уничтожить их легко, но воссоздать нет возможности”.

В Пензе слова академика услышали. В Устав ПОЛЕ вносится специальный пункт об охране природы, в начале 1913 года Общество учреждает специальный денежный фонд по охране памятников природы, в своих “Трудах” несколько раз печатает обращение Постоянной природоохранительной комиссии при Русском Географическом обществе. Ученые составили список из 74 природных объектов, подлежащих охране. Кое-что из него ПОЛЕ попыталось выкупить у землевладельцев, да не хватило средств.

Но главная заслуга пензенских пионеров охраны природы не в этом. Усилиями Пензенского общества любителей естествознания, других общественных объединений в России был создан тот необычайно плодородный слой, на котором и выросло в двадцатые годы советской власти сильное природоохранное движение.

Попереченская степь, открытая Спрыгиным в 1904 году, стала одним из трех первых заповедников советской власти. Позже ученый добился заповедания “Соснового бора на Суле”, Мохового болота близ него, Арбековского лесостепного участка. Все эти места Иван Иванович тщательно изучил, описал для науки.

Академик Б.А. Келлер скажет позже: “Казалось бы, в глухой старой провинциальной обстановке вдали от научной атмосферы, от научных лабораторий быстро могли заглохнуть стремления к исследованию, и легко впасть в состояние обывательского существования. Однако Спрыгин И.И. выработался здесь в крупного ученого и сам создал в своем глухом крае большие центры научно-исследовательской деятельности...”.

Из ПОЛЕ “выросли” — краеведческий музей, управление заповедником, ботанический сад, виварий, педагогический музей. После революции все учреждения Общества национализировали.

Я лично ставлю под сомнение правомочность подобного действа: законно ли национализировать собственность общественной организации, созданную на добровольные пожертвования?

Первое время управление Пензенским заповедником возглавлял Иван Иванович Спрынгин. После него этот пост специалисты уже не занимали, что, практически, и способствовало сведению на нет всех начинаний пензенских энтузиастов. Несколько раз заповедник переименовывали, а в печально известное лето 1951 года, он, как и многие другие, был закрыт по указке Сталина.

Попереченская степь, уникальнейший природный участок, 280 гектаров оставшейся в Европе северной луговой степи, оказался в руках совхоза “Пролетарий” Пензенского птицетреста. 1954 год ретивые хозяйственники решили “отметить” поднятием Попереченской целины.

Защищать землю приходится не только от посягательств иноземных завоевателей. Еще труднее бороться с “родными” захватчиками — всесильными ведомствами.

В неравный бой с ними вступили два воспитанника Ивана Ивановича — доцент кафедры ботаники Пензенского пединститута, председатель местного отделения общества охраны природы Б.П. Сацердотов и директор областного музея А.А. Магдеев. Их поддержали Почвенный институт АН СССР, Ботанический интститут АН СССР, Центральный совет Всероссийского общества охраны природы, академики В.Н. Сукачев и И.В. Тюрин.

Жалобу на союзное Министерство сельского хозяйства они направили председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову. Надеялись поможет. Наивные люди! Маленков ее даже не читал. Механизм бюрократизма за тридцать с лишним лет советской власти был отлажен замечательно. Ответ поступил от... критикуемого Минсельхоза СССР: “При ликвидации заповедника было признано, что участок “Попереченская степь” большой научной ценности не представляет и его установлено передать в земельный фонд для освоения. ... Министерство сельского хозяйства СССР считает целесообразным оставить “Попереченскую степь” у совхоза “Пролетарий” Министерства совхозов РСФСР, которому он передан для использования. Заместитель министра А. Бовин”.

Ученые не успокоились, еще раз направили письмо. И вновь пришла отписка, на этот раз от клерка пониже — начальника Главного управления по заповедникам МСХ СССР Малиновского: “В вашем письме... по вопросу сохранения “Попереченской степи” нет никаких новых доводов к ее сохранению”.

Пять лет шла война за кусочек степи. Пять лет ученые Пензы, Москвы, Ленинграда снаряжали ходоков в отдел науки ЦК КПСС, Совет Министров РСФСР, Пензенский облисполком, скрипели перья, работала почта, пересылая бесчисленные бумаги, оббивались пороги редакций газет.

И все таки победу добыли. 25 марта 1959 года Пензенский облисполком изъял “Попереченскую степь” у совхоза “Пролетарий”. Летом это решение поддержал Совет Министров РСФСР. Но лишь спустя шесть лет Попереченская степь наконец-то была объявлена памятником природы. Пусть не заповедником, но все же...

Чудом уцелевшая, как она хороша в мае! В цветах сон-травы, горицвета, вишни и терна. А в сырой траве, помните Северянина, журчат ландыши.

Притяжение Жигулей

Спрыгин привык работать неистово. Все в семье было подчинено этому. Даже гости, если заходили к Ивану Ивановичу, то строго по делу. Наука оказалась делом всей жизни и хобби одновременно, вытеснив постепенно увлечение театром и коллекционирование марок и почтовых конвертов. Однажды ученый признался: “... Никакие практические дела (школа, музей, сад и пр.) не доставляли мне такого наслаждения жизнью, как научная работа, только проработав, положим, недели 1,5—2 над чем-либо и достигнув известных результатов, я испытывал такую полноту жизни и удовлетворение, каких не получал ни от каких других дел”.

Этот невысокого роста, сутуловатый, сухощавый человек, с немного раскосыми глазами и симпатичной седой бородой, облаченный в неизменную кожаную тужурку, быстро завоевал симпатии отдела охраны природы Наркомпроса РСФСР. Недаром его руководитель Тер-Оганезов часто поручал ему серьезные экспедиции. После одной из них, в Кустанайскую область, был создан Наурзумский заповедник, после другой — заповеданы славные Жигули.

"Вряд ли во всей средней России найдется более интересная для натуралиста местность, чем Жигули. С ними в этом отношении могут конкурировать разве только такие горные окраинные местности, как Крым и Кавказ. И если живописность Жегулевских гор хорошо известна широкой публике, если она воспета и народом, и поэтами, то о высоком научном интересе этой местности знают только специалисты", — восторженно писал в 1913 году будущий академик В.Н. Сукачев.

Но Жигули були уникальны не только как природный объект. Они интересны и как давний дом человека. Он жил здесь во все исторические эпохи — и в каменном, и в бронзовом, и в железном веках. Раннепалеолитическая стоянка у деревни Малая Рязань, памятники срубной культуры у Моечного озера. Поселение болгар смешались со следами угорских и славянских племен.

Ермак, Степан Разин созывали сюда со всей России беглых людишек. Репин и Айвазовский писали с этих круч картины.

Здесь русский дух, здесь Русью пахнет — вспоминается в Жигулях.

В начале 1926 года Иван Иванович подал в отдел охраны природы Наркомпроса РСФСР докладную записку с предложением обследовать северную часть Самарской луки для заповедания. Предложение поддержали, были выделены средства для экспедиции.

Разлив летом 1926 года на Волге был особенно широким. Даже старики давненько не помнили такого. Вода расплескалась на многие десятки километров, затопила несколько деревень, дороги.

Чтобы добраться до села Усолье, откуда Спрыгин планировал начать работу, пришлось снаряжать две большие лодки с опытными гребцами-волгарями. Плыли весь день, осторожно, то и дело обходя топняк, минуя густые заросли ивняка.

Народ в экспедицию подобрался молодой, увлеченный, горячий на споры. Вместе со Спрыгиным и его дочерью Людмилой в путь отправились Е. Штукенберг и Г. Дмитриев — сотрудники Пензенского краеведческого музея, ботаник Е. Смирнов и еще один выходец из Пензы аспирант МГУ Алексей Уранов.

Происхождение его более чем странной фамилии объяснялось просто: дед Алексея, священнослужитель, еще семинаристом получил ее в "награду" от самого архирея. У того была мода первым ученикам присваивать фамилии по цветам — Розанов, Фиалков, или по планетам — Сатурнов, Уранов. И по сей день ходят по Пензе Фиалковы и Сатурновы.

Обильный разлив вызвал к жизни несметные полчища мошки. В иных, непродуваемых местах, все приходилось делать бегом, что со стороны выглядело довольно забавно. Именно в таком душном и тихом овраге, заполненном мошкой до краев, ботаник Смирнов сделал потрясающее открытие — нашел сибирский папоротник.

Кстати, одних только сосудистых растений ученые определили в Жигулях более 800, из них около 20 — редких.

Долгими вечерами все спасались у дымного костра, то и дело подкидывая березовые ветки. Иван Иванович слыл блестящим рассказчиком и поэтому его нещадно эксплуатировали.

А вспомнить ему было что: участие в студенческих волнениях, выступления на различных природоохранных и ботанических съездах и конференциях, встречи с известными

биологами, разработку первой в стране карты исчезнувшей растительности и ажиотаж вокруг нее на выставках.

Утром, когда экспедиционное оборудование было собрано, и группа двинулась дальше, Иван Иванович задержался. Согнувшись, он расправил примятую своими помощниками траву. Всю жизнь он твердо придерживался правила — никогда не злоупотреблять ее гостеприимством.

Выбранное между Бахиловой Поляной и Старой Отважкой местечко оказалось наиболее ценным и вошло в состав будущего Жигулевского заповедника, утвержденного в феврале 1927 года. Спустя несколько масяцев он был объединен с Пензенским и стал именоваться Средне-Волжским.

Недавно попал мне в руки очерк писателя Федора Панферова, опубликованный еще в октябре 1957 года "Литературной газетой". "Выдь на Волгу..." назывался. Любопытный очерк. В плане осмысления прошлого.

Путешествует автор по Жигулям, плывет Куйбышевским "морем" и не устает восхищаться: "Подумать только, что вот текла Волга, а советский человек заковал ее в цемент — бетонную броню и заставил служить себе".

И все вроде бы хорошо, и на душе радостно, и весело смешалось в безумном порыве перелопачивания природы, да вдруг попадается Панферову на глаза молодой писатель с "пробивающейся на висках сединой" и с иными думами. Его волнует этакая безделица — стерлядь на Волге нефтью отдает, о чем он и надумал писать.

Панферов негодует: "Повесть о стерляди, пахнувшей нефтью? Надо ли даровитому писателю тратить силы на такое? Той ли тропой он направился от цели? Не заражен ли он той же болезнью, какой поражены были некоторые политические неразумные писатели Москвы? Болезнь эта имеет свое название: упорное ковыряние в дрянце. Народ это дрянцо тоже видит, но не копается в нем, а отбрасывает его пинком ноги, как отбросит и вашу повесть", — вещует Панферов.

Вот так же, "пинком ноги", закрыли в 1951 детище Спрыгина — Средне-Волжский (Куйбышевский) заповедник, а спустя десять лет — второй раз, только что восстановленный.

Кстати, начали "осваивать" заповедные богатства в Жигулях еще во время Великой Отечественной войны, вначале (в виде исключения) добывая нефть, да присосались так крепко, что через пять лет уже в законодательном порядке отхватили под буровые одну четвертую уникальной территории. Сквозь кости пращуров своих лихие потомки вколачивали столбы линий электропередач, заливали асфальтом срубную и другую древнюю культуру, поганили дивные края всяким мусором да расплескавшейся нефтью.

Советскими декретами заповедники открывались на века. Но в стране, где законы долгое время писали для того, чтобы их нарушать, судьба не смилостивилась над заповедниками. Сразу после падения заповедного режима в Жигули хлынули ватаги лесорубов, да так размахались ретиво топорами, что в один год повалили полтысячи гектаров леса. Да еще ради жареной печенки перестреляли всех расплодившихся ранее оленей.

А из разграбленной конторы заповедника утащили на растопку бесценные рукописи, в том числе Спрыгина, подготовленные было к печати.

Вместо послесловия

До начала 30-х годов краеведение было серьезной подмогой природоохранному движению. Краеведы сохранили многие памятники природы, активно пропагандировали идею природоохранения в своих журналах и сборниках, на конференциях и съездах.

Главный орган советских краеведов — “Известия Центрального бюро краеведения”, — вел специальную рубрику по охране природы. В защите памятников природы участвовали сотни краеведческих музеев естественно-научных обществ, тысячи краеведческих кружков.

Однако с 1931 года народную инициативу стали постепенно сворачивать, разрешая краеведам лишь изучать “”естественные богатства страны на службу социалистическому строительству”. Впрочем, вскоре им недоверили даже и это, разогнав все краеведческие общества, а наиболее активных и велиречивых сослав куда подальше.

В конце 20-х годов Иван Ивановича сместили с поста председателя ПОЛЕ, поставив на эту должность недоучившегося молодца с партийным билетом. Он то и успешно развалил Пензенское общество любителей естествознания. Впрочем, Пенза не была исключением. Подобные деятели приходили к власти везде. Наступала пора “диктатуры неучей”.

Умер доктор биологических наук Иван Иванович Спрыгин в родной Пензе, 2 октября 1942 года. И исчезло бы незаметно с ботанического обихода его имя, как незаметно уходят из наших лесов подснежники, если бы не подвижничество младшей Спрыгиной — Людмилы Ивановны. Долго и упорно пришлось ей отстаивать имя отца.

Гонения на Спрыгина начались уже в 40-х годах. В Пензенском краеведческом музее, например, под большой фотографией основателей ПОЛЕ Федьковича, Спрыгина и Магницкого "благодарные" потомки поместили надпись “Старая антисоветски настроенная интеллигенция”. Людмила Ивановна заявила протест. Надпись испуганно сняли.

После смерти матери ей достался богатейший архив отца. Забросив свою научную работу, она разобрала ценнейшие рукописи, подготовила их к публикации. Вышли книги: “И.И. Спрыгин. Научное наследство. Материалы к познанию растительности Среднего Поволжья” и “Иван Иванович Спрыгин”.

Не без участия Людмилы Ивановны и активной помощи пензенских ботаников в июле 1973 года Пензенский облисполком присвоил имя И.И. Спрыгина Пензенскому ботаническому саду и гербарию Пензенского пединститута. Спустя четыре года имя ботаника стал носить открытый в третий раз Жигулевский заповедник.

Мне посчастливилось познакомиться с Людмилой Ивановной Спрыгиной. Она долго и с увлечением рассказывала мне об отце. Московская квартира ее дышала отцом — на стенах его фотографии, картины, на полках книги, дневники. Часть из них она уже опубликовала, часть систематизировала и передала Пензенскому областному архиву. Не каждый может похвастаться такой дочерью.

Спасибо Вам великое, Людмила Ивановна!

В рамки не вмещался

Консерватизм — свойство скорее натуры, чем возраста. Способность жить по инструкции, действовать по разрешению, думать по приказу и говорить, когда дают слово, — удел

трусливых и серых душой. Чтобы стать личностью, нужно ломать душные рамки стереотипа, а если понадобится, то и вступать в конфликт с обществом.

Он не вмещался в рамки. За что и страдал. Говоря — говорил и поэтому не раз испытывал удары судьбы. Но был счастлив, так как ничего его в жизни не интересовало сильнее своей работы, потому что ее любил.

Человек пережил реку. Реки больше не существовало. Старый рыбак сидел на бывшем берегу, печально ковырял ивовым прутом в бывшем русле и вспоминал. Вспоминать ему не хотелось, но он не мог устоять перед молодым барином, бог весть откуда взявшимся на его голову.

— “Как хуторяне свели всю целину под пашню, так воды в реке и поубавилось. А теперь и вовсе нема...”

Заведующий отделом Херсонской губернской земской управы занимался явно не своим делом. Заметь его сейчас кто-нибудь из сослуживцев и донеси начальству — не сдобровать. Изучение “вопроса об иссякании речек, балок, родников, колодцев и прудов в Херсонской губернии” в перечень его служебных обязанностей не входило. Но дворянин Александр Браунер на эту помеху внимания не обращал и даже выпустил и распространил по земским управам специальную анкету. А когда обобщил результаты, то подтвердил слова старого рыбака, подхваченные век спустя: “Да, реки мелеют, и не столько от сведения прибрежных лесов, а сколько от распашки целины, губкой держащей воду. И если не принять срочные меры, то можно положить на полку и зубы”.

Цыганка нагадала ему блестящее будущее. Дворянин, сын героя Севастопольской кампании, Александр Браунер с отличием закончил престижную во всей Одессе гимназию Стародубцева и поступил в университет. Здесь он блистать продолжал, и даже сам профессор физиологии Спирро, гроза студентов, говаривал ему: “Студент Браунер, не приходите ко мне на экзамен, я ставлю Вам пять”.

Все тогда в университете боготворили Мечникова и Ковалевского. Но несмотря на уважение к великим зоологам, Александр оставался холоден к их кабинетным изысканиям. Рамки тогдашней академической ботаники и зоологии не предполагали исследований в поле. Кто хотя бы заикался об этом, получал обидную кличку “сенокосца”. Даже не задумываясь, Браунер смело перешагнул роковую черту, став верным учеником и помощником полевого зоолога Владимира Ивановича Шманкевича. Стеснительного, честного и глубоко несчастного человека. В 1880 году, в реальном училище, где Шманкевич преподавал естествознание, пропал выписанный из Германии дорогой микроскоп. Директор училища Генк обвинил в пропаже ученого. Не вынеся оскорбления, тот лишил себя жизни. Однако через несколько дней выяснилось, что микроскоп украл родственник директора, живший у него.

—”Окончил я университет каким-то полуюристом, да к тому же под тайным надзором полиции”, — иронизировал над собой Браунер. Зоологические потуги его оценены не были, будущий маститый зоолог ушел в губернские статисты.

... Управляющий Херсонским земским банком слыл признанным красавцем. Высокий, статный, темный блондин с карими глазами, он покорил сердце не одной уездной барышни. И женой его стала первая красавица Одессы. Но ... маскарады и приемы тяготили молодого зоолога. Делать нечего: и он развелся.

Да, Александр Браунер был человеком особенным: служил в земельном банке и занимался зоологией и палеонтологией, вместо того, чтоб ездить на заграничные курорты, организовывать большие приемы, заводить обстановку, он весь свой заработок тратил на книги, собирание черепов, скелетов и шкур. Не имея никакого формального отношения к университету, не знал отбоя от студентов, не будучи профессиональным ученым, вел переписку со светочами научного мира Европы, и имел библиотеку, одну из лучших в России.

“Милостивый Государь, Александр Александрович.

Согласно просьбы губернской Управы вы изволили выразить согласие сделать проверку определения некоторых птиц, помещенных в музее Бессарабского Земства.

Нынче работа эта исполнена и Губернская Управа считает приятным для себя долгом выразить Вам глубокую свою признательность и принести Вам искреннюю свою благодарность за Ваши компетентные указания и потраченные Вами труд и время.

И.д. Председателя Управы...”

Конец девятнадцатого — начало двадцатого столетий стали для всех одесских натуралистов “браунеровскими годами”.

Знакомство обычно начиналось с посвящения: кто-либо из старших товарищей говорил: “Тебе надо пойти к Браунеру”. Новичка в сопровождении двух-трех товарищей вводили к Браунеру, который встречал смущенного юнца улыбкой и крепким рукопожатием. Несколько неловко входил студент в своих сапогах, в косоворотке, часто с не совсем чистыми ногтями в сияющую чистотой столовую, где за чайным столом восседала сестра Александра Александровича — Софья Александровна, любезно угощавшая гостей. И тут обычно студенту приходилось решать очень сложную задачу: намазать ли еще калач вареньем и взять ломтик сыру, или пора приумерить разгулявшийся аппетит.

— “Браунера”, — вспоминал профессор А.Н. Криштофович, — “совершенно невозможно было представить в виде полубожка, сидящего в своем кабинете и фильтрующего посетителей через секретарей, что так часто проделывают люди микроскопического калибра. На дому или даже в банке студента-натуралиста к нему пускали без доклада. Остался с нами Александр Александрович и в годы революции и мрачные дни погрома в Одессе в 1905 году, всегда наши сердца бились в унисон”.

Уже в начале 90-х годов 19 века Браунер приходил к мысли, казавшейся тогда вздорной, лишенной всякого смысла. Когда всего так еще много, трудно было осознать, что природные богатства не бесконечны, и требуют охраны. Еще задолго до начала природохранного движения в России, в 1898 году Браунер выпускает свои первые природоохранные работы “Об охране птиц, полезных в сельском хозяйстве”, “Об охране млекопитающих и птиц, полезных в сельском хозяйстве”.

“Как бывают велики результаты односторонней деятельности, может дать отчет одного из охотничьих обществ за 1898 г., которым выдано вознаграждение в размере 151 руб. 48 коп. за истребление 2164 хищных птиц. Многие из хищников небезусловно полезны, но вред, причиненный ими, гораздо меньше той пользы, которую они приносят человеку. Мы в крайнем случае должны защищаться, но не нападать, или тем более систематически и настойчиво их истреблять”.

Ах, если бы потомки твердо усвоили эти истины, имели бы мы сейчас такие толстые Красные книги?

Браунер занимается проблемой рыбоводства в Днестре и его лиманах, приходит к выводу, что охранять нужно прежде всего рыбу маломерную, не достигшую зрелости: рекомендует земству целый ряд мер. “Замечания по поводу проекта правил Рыболовства в северо-западной части Черноморского бассейна”, — так назывался труд Браунера, изданный в Кишиневе в 1910 году.

Браунера влечет все. С неменьшим рвением, и причем первый на юге России, он изучает животноводство и археологию, палеонтологию и гражданское право. Член многих научных обществ: Новороссийского и Крымского, Бессарабского, Орловского естествоиспытателей, Русского энтомологического и палеонтологического.

“Милостивый государь Александр Александрович!

Правление Крымско-Кавказского горного Клуба имеет честь выразить Вам свою глубокую признательность за внимание, оказанное клубу и выразившееся в пожертвовании целого ряда весьма ценных книг в библиотеку клуба.

Одновременно с сим Правление имеет честь уведомить Вас, что в заседании своем от 30-го января с.г. оно утвердило Вас в звании заведующего Отделом зоологии Музея Клуба, по представлению экскурсионно-музейной секции Клуба.

С совершенным почтением и преданностью...”

Когда поздний вечер выгонял из банка самых старательных служащих, и старый фонарщик, кашляя, разжигал на улице газовые светильники, наступал желанный “духовный пир”. Браунер складывал в угол опостылевшие за день счета и амбарные книги, завешивал окна и доставал свои зоологические коллекции.

Он любил думать. Размышления приносили ему величайшее наслаждение. На покупку книг он тратил все свои сбереження. Кастовая наука не признавала в Браунере зоолога, и более 40 лет он работал сам, почти без пособий. Ему негде было печатать свои работы. Нашумевшая статья о лошади Курганных погребений, готовая к печати еще в 1897 году, была опубликована через 20 лет. Но все это не останавливало и не могло остановить зоолога.

“30 минут — изучение французского языка,
30 мин. — на немецкий язык,
20 мин. — на латынь,
30 мин. — на чтение гражданского права,
30 мин. — на чтение экономии Таврической губернии,
40 мин. — на естественную историю Крыма”
(Из дневника Браунера).

Кто-то из великих заметил: “Если у двух человек имеется по одному яблоку, то обменявшись ими, они ничего не приобретут. Если у каждого имеется по идее, то обменявшись ими, они будут иметь по две”.

Богатый землевладелец Херсонской губернии Фридрих Фальц-Фейн слыл умным и образованным человеком своего времени. Создав великолепный зоопарк и первый в стране заповедник, не ради развлечений, а для науки, он вызвал громкий смех у представителей своего сословия.

Браунер первым поспешил к Фальц-Фейну. Они крепко подружились, и с тех пор частенько обменивались яблочками-идеями.

В двадцатых, когда Асканию пытались превратить в зерносовхоз, Браунер смело встал на защиту дела своего друга.

— “Положение Аскании отчаянное: денег нет, прежняя дирекция оставила сто тысяч руб. долга и разрушенные постройки, НКЗ обратил госзаповедник в совхоз и желает сбыть его СССР (чему мы рады), а новый директор говорит, что все, что не приносит пользы совхозу, должно быть ликвидировано, декрета Совнаркома не признают. Я подал докладные записки в Академию Наук, Украинскую и Российскую, в комитеты охраны памятников природы и в общество акклиматизации и наркомпрос Украины. Очень прошу Вас поддержать Асканию” (Архив РАН, ф 445, оп 1, д. 197, л 24 — 24 об)

Николай Михайлович Кулагин, известный активист охраны природы России, которому было направлено письмо, добился защиты Аскании. Но Наркомзем Украины отомстил за вынесенный “мусор из избы”: в 1925 году Браунеру пришлось покинуть Асканию.

В 1917г. Александр Александрович организовывает и возглавляет в Одессе Комитет сельскохозяйственных курсов, публикует обширную докладную записку о нуждах сельского хозяйства Новороссии. Логика аргументов, умноженная на авторитет известного научного деятеля были услышаны и в феврале 1918 г. курсы преобразовывают в Одесский сельскохозяйственный институт. Профессор Браунер стал членом правления.

В 1917 г. Браунер проводит в Одессе совещание Новороссийского и Бессарабского обществ естествоиспытателей, Крымско-Кавказского горного клуба по вопросам охраны памятников природы юга России. Проект будущих заповедников, подготовленный учеными, он дорабатывает и публикует в 1927 году. Это был первый в республике научно обоснованный план заповедных территорий.

Удостоверение “Выдано профессору Александру Александровичу Браунеру в том, что он действительно является Одесским Краевым инспектором по охране памятников природы”.

Браунер первый поднимает вопрос о создании заповедников в Молдавии, обоснованно доказывает нелепость массового отстрела лисиц, первый в стране издает вузовский учебник — “Сельскохозяйственная зоология” с главой по охране природы.

Выписка из журнала заседания № 8 Комитета по охране памятников природы при Наркомпросе РСФСР

Слушали: доклад Г.А. Кожевникова о книге А.А. Браунера “Сельскохозяйственная зоология”.

Постановили: просить проф. Браунера поддерживать связь с Комитетом, а также сообщить Комитету, какие из перечисленных им мест южной России он считает своевременным обратить в заповедники или заказники. Направить проф. Браунеру все имеющиеся в распоряжении информационные материалы и просить проф. Браунера прислать для библиотеки один экземпляр этой книги”.

Летом 1929 Браунера выдвигают в действительный члены Всеукраинской Академии наук. Однако академиком он так и не стал. В бывшем архиве ЦК Компартиии Украины я нашел объяснение случившемуся. В подготовленной зав. агитпропом ЦК КП(б)У Хвылей записке о порядке выдвижения новых членов ВУАН Браунер попал в список кандидатур, которые

необходимо было отвести по “линии политической, или идеологической, или общественной, а также со стороны отношения кандидата к украинскому культурному процессу (ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 20, д. 2923, л. 3). Кстати, в этот “черный” список попал еще один одессит — мало кому известный тогда агроном Лысенко.

13 июня произошли выборы. Академик Кащенко дал научную характеристику Александру Александровичу. Но профессор Елин и секретарь комиссии по выборам некто Минкевич выступили резко против, мол Браунер “оторвался от общественной жизни и украинского культурного строительства” (Вісті ВУАН, 1929, п 5 — 6, стр 83). В результате за ученого проголосовало двое, шесть — против и четыре воздержалось.

В этом же году Народный комиссариат земледелия и Укрнаука начали научное обследование заповедников, расположенных по побережью Черного и Азовского морей. Возглавил экспедицию семидесятидвухлетний одесский инспектор по охране природы А.А. Браунер. Это ему пока доверяли.

... Во второй половине июля группа Браунера двинулась от Голой Пристани на Тендру с островами. До объездчика заповедного Орлова острова добирались на волах. Это лучший способ передвижения по пескам. Каждый остров знаменит по-своему. На одном нет пресной воды, другой в любой момент могут захлестнуть соленые морские волны, а на этот, казалось, со всего побережья слетелись комары. В душные ночи приходилось кутаться в одеяло, чтобы хоть немного заснуть. Комары ночью, комары днем, комары — чуть войдешь в траву, комары в камышах. Разнообразие вносили слепни, кусавшие только днем.

В последний день группа Браунера столкнулась еще с одной “научной” экспедицией, занимающейся “заготовкой” диких птиц.

— “Интересно знать”, — гневно писал Браунер в одном из номеров “Украинского охотника и рыболова”, — сколько сотен выстрелов пущено за это время? Вся деятельность “экспедиции” “поучительна” еще и с другой стороны, с точки зрения полной дискредитации идей охраны природы в глазах местного населения. По закону никто не имеет право даже приставать к берегу заповедного острова, а “экспедиции” значит можно беспокоить птиц, ловить их, стрелять? Должен сказать, местное население стояло выше “экспедиции”. Черноголовый хохотун, гуртовик по-местному — крупная, шумная чайка, питается в степи саранчой. Когда на полях и баштанах у поселка Красная Знаменка появились вредители, сотни чаек прилетели склевывать насекомых. И крестьяне даже выносили на поля сосуды с водой, дабы подольше задержать гуртовика. А “экспедиция” открыла по пернатым друзьям огонь. И пришлось ее членам после переживать неприятные минуты при встрече с селянами...”

... И пусть это было правдой. Но эта правда не вязалась с настоящим моментом. Разве допустимо рассказывать студентам о знаменитых орловских рысаках, выведенных графом Орловым — Давыдовым? Ни крестьянином, ни пролетарием Орловым-Давыдовым, а “эксплуататором” — графом. И при этом добавлять, что они самые быстрые в мире. Самыми быстрыми, считала администрация сельхозинститута, они быть никак не могут. Браунер с этим не соглашался и в 1930 году ему пришлось покинуть Одесский сельхозяйственный институт, им же организованный.

Добрый старый знакомый, профессор Третьяков, с большим трудом помог устроиться опальному старику-ученому в Одесский институт народного образования. Но и здесь на все была своя официальная точка зрения.

— “Есть мнение”, — сказали ему в институте, — “что слишком часто вы останавливаетесь на заслугах Фальц-Фейна. Это студентам знать не обязательно”.

— “Правда должна быть обязательна для всех”, — возразил Браунер. “Я лично знал Фальц-Фейна. Это был честный и порядочный человек, патриот. Его заслуги в науке несомненны”.

— “Ну, смотрите, мы все предупредили. К тому же будьте осторожны, ваши родственники эмигрировали за границу. Это вам могут припомнить”.

И Браунер не проработал здесь и года. Последней каплей, переполнившей чашу терпения администрации, стало особое мнение профессора Браунера:

“Положение оканчивающего ИНО (Институт народного образования) или университет трагическое: идя преподавать, он буквально не знает местной фауны, но зато обладает сведениями по эмбриологии и морфологии (!), чего он в школе не преподает. В результате незнакомства учителя с природой и выходит, что естественная история является скучным предметом”. И далее он предлагал в университетах, институтах народного образования и высших сельскохозяйственных учебных заведениях ввести курсы по изучению фауны, местной в особенности, зоогеорафии и охраны природы.

Однако провести в жизнь свои рекомендации он не смог:

— “за свідоме знищування науково-теоретичного рівня студентства при викладанні скотарства на біологічному факультеті, за вульгарно-ідеалістичну методологію і нарешті намагання замазати і заплямувати ту величезну роботу Партії щодо подолання труднощів в скотарстві, шляхом заяви студентам “Що офіційні відомості не відповідають дійсності, та що радянські робітники не спроможні розв’язати проблему скотарства,”, що звичайно скотився до контреволюційній роботи та шкідництва в галузі підготовки нових кадрів проф. Браунера О.О. 31.12.30 з посади професора скотарства з інституту звільняю".

(Витяг з наказу №19 по Одеському інституту професійній освіти від 24.12.1830) ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 12, д. 816, л. 30)

Слава Богу, что после подобного “подарка судьбы” дворянином Браунером еще не заинтересовалось НКВД!

Пробыв на старости лет три года безработным, в 1933 году ему удается вернуться в Асканию-Нова, где работал на разных должностях.

Это была последняя встреча с заповедником. В двадцатых годах он уже трудился здесь несколько лет. Счастливое время! Пусть не хватало средств, научная база разрушена войной, но зато как легко работалось, какой был энтузиазм, какие надежды. Какие таланты были рядом — Станчинский, Сукачев, Медведев, Гунали, Нечаева. Готовились провести в Аскании Второй всесоюзный съезд по охране природы.

Все погубил “животноводческий” бум. Непомерно разросшиеся стада овец и свиней, гибридизация и выведение новых пород полностью перечеркнули уникальные исследования по экологии, биоценологии, охране природы, отбросили природоохранную науку на целых полвека назад. Овцы съели заповедник.

Не с радостью встретили в Аскании-Нова старого ученого. Он не входил в желаемые рамки. Строптив, упрям. Имеет свое мнение и не прислушивается к мнению свыше. Считает разведение зебр, страусов и антилоп пройденным этапом и ратует за разведение и

акклиматизацию исчезнувших в степной части Украины дроф, стрепетов, байбаков, тетерева. Носится з зубрами и лошадьми Пржевальского. Но они ведь не дают молока! А зачем вешать в ботаническом парке синичники да дуплянки? Не лучше ли призвать на помощь кудесницу-химию? Борьба с непониманием, дилетантизмом в науке отбирала у Александра Александровича последние силы.

Ученица Браунера, Е. Решетник, вместе с маленьким сыном покидала Асканию. Александр Александрович проводил до поезда, помог занести в вагон багаж, пожал на прощание руку.

— “Почему у дяди такая слабая рука?” — спросил у матери мальчуган.

В 1938 году Александр Александрович, усталый и больной, возвращается в Одессу. Его вместе с учеником Заблоцким сократили. Браунер пишет своему другу профессору Житкову: “Вы, конечно, помните, что в древне-русской истории понималось под словом “Изгой”. Вот и я теперь асканийский изгой по случаю сокращения штатов, и вот послезавтра выезжаю из Аскании-Нова. ... 81 год и 57 лет научной работы и “пожалуйста вон”, без предупреждения. Мне стало обидно. А, ведь, я знаю Асканию с марта 1894 г., а в марте 1938 — изгой, итого — 44 года”. (ГАРФ, ф. 600, оп. 1, д. 42, лл. 40 — 41). Друзья ученого начали хлопотать о пенсии, да не тут то было.

— “Не тот ли Браунер?” — спрашивали служащие советских административных учреждений, что когда-то попал в историю? Они уже не помнили, что это была за история, и кто в ней оказался прав, а кто виноват, но слова “история” вполне было достаточно, чтобы напустить туман неопределенности, загадочности и недоверия и в конце-концов затормозить дело.

“О! История у нас вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нет, могли избежать или не могли, но ваше имя замешано в историю... все равно, вы теряете все: расположение общества, карьеру, уважение друзей...

Частная известность уже есть острый нож для общества, вы заставили об себе говорить два дня. Страдайте ж двадцать лет за это. ... У нас ... объявленный взяточник принимается в суде очень хорошо: его оправдывают фразою: И! Кто этого не делает! ... Трус обласкан везде, потому что он смирный малый, а замешанный в историю! — о! ему нет пощады”.

Это сказал Лермонтов полтора века назад. А слов “попал в историю” боятся по-прежнему.

Пришлось вмешаться лично известному партийному деятелю М. Бонч-Бруевичу.

“Дорогой Александр Александрович, сегодня я справлялся в Наркомсобез РСФСР относительно Вашей пенсии. Вам назначена пожизненная пенсия в 300 руб. в месяц, начиная с 1-го мая с.г. В ближайшие дни Вам будет выслана в Одессу пенсионная книжка вместе с извещением о назначенной пенсии. Эта пенсия называется “пенсия республиканского значения по РСФСР”. Вот и конец Вашему делу, тянувшемуся 8 месяцев”.

— “Положение Браунера окончательно упрочилось”, — писал профессор И. Пузанов, — “когда в 1939 г. ректор Одесского университета Н.А. Савчук, убедив одесские руководящие организации в том, что удаление из ИНО в 1931 г. столь крупного ученого и патриота было ошибкой, вновь пригласил его в университет”. В 1935г А.А. Браунер становится членом Комитета по заповедникам при ВЦИК РСФСР.

Александр Александрович приводит в порядок зоологический музей университета, ставшего впоследствии одним из известнейших в стране, руководит студенческим кружком,

составляет проект Одесского зоопарка, пытается возродить Одесское общество естествоиспытателей.

В 1939 г. Браунеру присуждена степень доктора биологических наук без защиты диссертации.

— “Домашний кабинет А.А. Браунера представлял собой целое книгохранилище. Все стены были заставлены полками, наполненными книгами до самого потолка. Свободными от книжных полок оставались только дверные и оконные проемы. Книги громоздились и на большом письменном столе. В комнате находилась еще узкая постель, покрытая солдатским серым одеялом — место отдыха А.А.”

(Из воспоминаний зоолога Н.С. Шульгиной).

Многих удивлял и даже коробил его непритязательный быт. Браунер с улыбкой отвечал — “поднеси только к глазу медный грош, и он закроет солнце”.

На 5 мая 1941 года было назначено чествование 60-летней научной деятельности известного советского зоолога. Отовсюду шли поздравительные телеграммы.

“Дорогой Александр Александрович! Общество охраны природы приносит Вам, — одному из активных поборников идеи охраны природы — свои поздравления и наилучшие пожелания к шестидесятилетию вашей плодотворной научной и общественной деятельности”.

Председатель общества академик Комаров, Ответственный секретарь Сусанна Фридман

4 мая проректор университета Г. Потапенко, встретив на улице Александра Александровича, справился о его здоровье.

— “Чувствую себя неплохо, как-будто совершил все, что можно по своим силам, могу теперь умереть спокойно. Только вот еще восьмой раз хочу “Большой вальс” посмотреть, туда и спешу”. Очень он любил “Большой вальс” Штрауса.

Однако, вернувшись домой, решил видно, что не все успел сделать, и попросил домашних, чтобы приготовили на утро побольше писчей бумаги.

Проснувшись 5 мая, он распорядился, чтобы покормили черепаху, через несколько минут, в десятом часу утра, из его комнаты послышался глухой стук. Бросившийся туда приемный сын его нашел Александра Александровича лежащим ничком на полу. По-видимому, нагнувшись надевать ботинки, он умер от удара.

Похороны состоялись 7 мая.

Пушкин говорил, что могилы — тоже национальное достояние. Я был на 2-м кладбище в Одессе, где похоронен Браунер. Могила в запустении.

В конце 60-х годов, пользуясь очередным юбилеем Александра Александровича, одной из его учениц, сотруднике Института зоологии АН УССР Е.Г. Решетник с большим трудом удалось добиться установления на его могиле небольшого постамента. Юбилей прошел и о Браунере забыли вновь.

Память на время. Память на юбилеи. Память на час... Давайте же помнить наших предков не только в праздники, носящие их имя.

Приложение

К изданному в 1995 г. Киевским эколого-культурным центром и Центром охраны дикой природы СоЭС двухтомнику
“ Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины,
царской России и СССР” (1860—1960)

Николай Павлович Леонтович (19.01.1866—28.01.1940)

Николай Павлович Леонтович родился 19 января 1866 г. в Кировограде в дворянской семье. Отец — мировой судья, мать — учитель музыки. Имел высшее юридическое образование, закончив в Петербурге училище правоведения. Некоторое время работал в Одессе, с 1901 г. — в Николаеве, где с 1911 по 1917 гг. занимал пост председателя Николаевской городской думы.

Организатор одного из первых в Российской империи частных аквариумов-зоосадов, где обитало большое количество рыб, земноводных, пресмыкающихся. Одних только крокодилов насчитывалось 12 штук. Для посещения аквариум-зоосад был открыт в 1901 г., размещался он тогда в личном доме Н.П. Леонтовича, в самом центре города на пересечении улиц Адмиралтейской и Московской (где сейчас находится областная администрация).

В конце мая 1917 г., по распоряжению Николаевского совета рабочих и солдатских депутатов Н.П. Леонтович был арестован первый раз якобы “за преступление по должности”. Однако городская дума его отстояла.

В 1918 г. аквариум-зоосад был национализирован, Н.П. Леонтович стал его директором. Детище энтузиаста сыграло большую роль в привлечении детей и молодежи к изучению природы, воспитывало любовь к ней. Об аквариуме-зоосаде часто писала местная пресса, постоянно проводились экскурсии. В 1930 г. Леонтович был переведен в научные сотрудники, а в 1935 г. уволен с места работы (в 1934 г. был репрессирован его сын Александр).

Некоторое время Николай Павлович работал главным кассиром строительства ТЭЦ в Николаеве. Был арестован 26 июля 1937 г. и осужден по ст. 54-10 УК УССР за то, что якобы “распространял провокационные слухи и клеветал на советский строй” на 10 лет. Однако на допросе держался твердо, себя и других не оклеветал (Архив СБУ...). Срок отбывал в тюрьмах городов Николаева, Харькова, Херсона, Каргополя Архангельской области. По некоторым данным умер 28 января 1940 г. в тамбовской тюрьме. Реабилитирован посмертно 18 мая 1957 г.

Литература

1. Архив СБ Украины, дело № 1643-С.

2. Пискурев С., 1993, Н.П. Леонтович: жизнь и судьба; Вечерний Николаев, 5 января.

Вадим Дмитриевич Владыков (18.03.1898—14.01.1986)

Вадим Дмитриевич Владыков родился 18 марта 1898 г. под Харьковом в семье православного священника. Закончив лицей в г. Ахтырка, в 1917 г., поступил на естественное отделение Харьковского университета, где учился до 1918 г. Его научным куратором был профессор П.П. Сушкин, а природоохранным — скорее всего В.И. Талиев, возглавлявший тогда хорошо известное Харьковское общество любителей природы.

Во время гражданской войны будущий ученый участвовал в белом движении, воюя в армиях Деникина и Врангеля, а затем из Крыма эмигрировал в Турцию, затем в Чехословакию.

Поступил в Карловский университет, который закончил в 1925 г. Затем несколько лет жил в Ужгороде, где активно занимался изучением и охраной рыб Закарпатья. Он работает инспектором рыбоохраны, возглавляет Закарпатское общество аквариумистов, публикует в местных газетах и журналах ("Подкарпатска Русь", "Рыбарский вестник") много статей по охране и изучению рыб, приучает к этой работе детей, организует для них различные экскурсии. В 1926 г. в Ужгороде он издает книгу "Рыбы Подкарпатской Руси и способы их ловли". В 1931 г. он переиздал ее на французском языке и эта работа была удостоена в Париже золотой медали.

Автор приводит различные хищнические способы ловли рыбы и объясняет их вред, призывая бороться с браконьерами.

"В борьбе этой, помимо административных органов, может принести очень большую пользу школа и учитель. (...) Только общие усилия администрации и самой общественности, хотя бы в лице учителя и разумной молодежи, могут оздоровить в этом отношении край", — пишет автор (Владыков, 1926). В книге приводится местное рыбоохранное законодательство и даются предложения по его усовершенствованию. Несомненно, такая деятельность ученого значительно способствовала охране рыб Закарпатья, вообще охране природы и воспитанию молодежи.

В 1928 г. ученый переехал во Францию, в 1930 г. — в Канаду, где стал профессором университета в Оттаве, всемирно известным ихтиологом, автором 290 научных работ на английском, немецком, французском, русском и чешском языках. Умер ученый 14 января 1986 г. в Канаде.

Литература

1. Владыков В., 1926, Рыбы Подкарпатской Руси и способы их ловли, Ужгород, 150 стр.

2. Владыков В., 1926, Природопис (Єстествознаня) в школе, Подкарпатска Русь, № 9, стр. 193—196.

3. Луговой А.Е., 1996, Юбилейные даты, В кн. Календарь общества А.В. Духновича, Ужгород, стр. 91—93.

4. McAllister E., 1988, Vadim Dimitrievitch Vladykov: Life of an ichthyologist, Environmental biology of fishes, T. 23, № 1—2, pp. 9—20.

5. Oliva O., 1968, Vyznamna zivotni jubilea, Rybarshz, № 5 (Чехословакия), стр. 187.